Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала

Альберт Кессельринг

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: В книге представлены мемуары высокопоставленного германского военачальника периода Второй мировой войны. Блестящий командир, штабной офицер и талантливый военный администратор, он создал военно-воздушные силы своей страны (люфтваффе), командовал воздушными флотами в четырех наиболее крупных военных кампаниях, а впоследствии был назначен командующим фронтом, получив в свое распоряжение все силы и средства армии, ВВС и флота Германии и ее союзников.

Об авторе: Кессельринг, Альберт (Kesselring), (1885-1960), генерал-фельдмаршал Люфтваффе. Родился 20 ноября 1885 в Марктштефте, Бавария. В 1904 вступил в армию, служил в артиллерии. В течение двух лет воевал на Западном фронте во время 1-й мировой войны, после чего был приглашен в Генштаб. В 1936, после гибели в авиационной катастрофе генерала Вефера, Кессельринг был назначен начальником Генштаба Люфтваффе. С февраля 1938 командовал 1-м воздушным флотом, в 1939 участвовал в войне против Польши. В 1940 командовал 2-м воздушным флотом на Западном театре военных действий, принимавшим участие во Французской кампании и налетах на Англию. 19 июля 1940 ему было присвоено звание генерал-фельдмаршала. Со 2 декабря 1941 по 10 марта 1945 Кессельринг командовал германскими войсками Юго-запада (Средиземноморье – Италия). С 25 марта по 6 мая 1945 – главнокомандующий германскими войсками Запада. Сдался в плен американцам. 6 мая 1947 Кессельринг предстал перед британским военным трибуналом по обвинению в уничтожении 335 итальянских граждан в ответ на нападение итальянских партизан на немецкое подразделение. Был приговорен к смертной казни, однако в октябре 1947 она была заменена на пожизненное заключение. 23 октября 1952 Кессельринг был амнистирован. Он умер 16 июля 1960 в Бад-Наугейме.

Hoaxer: в «Центрполиграфе» ошибочно назвали Кессельринга Альбрехтом, на самом деле его звали Альберт.

- Альберт Кессельринг
- Введение
- Часть первая.
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.

- Глава 4.
- Глава 5.
- Глава 6.
- Глава 7.
- Глава 8.
- Глава 9.
- Глава 10.
- Глава 11.
- Глава 12.

- Часть вторая.
  - Глава 13.
  - Глава 14.
  - Глава 15.
  - Глава 16.
  - Глава 17.
  - Глава 18.
  - Глава 19.
  - Глава 20.
  - Глава 21.
- Часть третья.
  - Глава 22.
  - Глава 23.
  - Глава 24.
- Примечания

Альберт Кессельринг
Люфтваффе: триумф и поражение
Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. 1933-1947

Kesselring, A. Soldat bis zum letzten Tag.
Berlin: Athenaum-Verlag, 1953. – 474 S.
Kesselring A.The memoirs of field-marshal Kesselring (trans Lynton Hudson).
London: William Kimber, 1953. – 319 p.

{1} Так обозначены ссылки на примечания автора. Примечания в конце текста книги.

Все тексты, находящиеся на сайте, предназначены для бесплатного прочтения всеми, кто того пожелает. Используйте в учебе и в работе, цитируйте, заучивайте… в общем, наслаждайтесь. Захотите, размещайте эти тексты на своих страницах, только выполните в этом случае одну просьбу: сопроводите текст служебной информацией – откуда взят, кто обрабатывал. Не преумножайте хаоса в многострадальном интернете. Информацию по архивам см. в разделе Militera: архивы и другия полезныя диски (http://militera.lib.ru/cd).

Введение

Время, проведенное в тюрьме, было дорогой, по которой мне необходимо было пройти, чтобы я мог начать разгадывать загадки жизни. По крайней мере, так мне кажется сейчас, поскольку именно годы заключения дали мне время для размышлений. В тюрьме я вольно или невольно возвращался мыслями в прошлое. Мне хотелось ясно осмыслить минувшие события, чтобы разобраться в настоящем и приобрести уверенность в будущем.

После первого года заключения (я провел его в американском лагере для военнопленных в Мондорфе, неподалеку от Люксембурга, и в следственном изоляторе Нюрнберга, где вся наша связь с внешним миром ограничивалась периодическим нелегальным чтением американской армейской газеты «Звезды и полосы»), с середины 1946 года я получил возможность изучать труды, посвященные военной науке. Кроме того, я мог знакомиться с изданными в разных странах газетами, журналами и книгами, которые помогли мне дать более глубокую оценку происходящим в мире событиям и тенденциям, которые в этих событиях можно было проследить. Благодаря зарубежным публикациям я узнал о тех идеях, которые были тогда популярны в Соединенных Штатах, Британии, Франции, Швейцарии, Италии и – правда, это удалось мне в меньшей степени – в Советском Союзе. В находившейся под жестким контролем германской прессе мало что можно было почерпнуть, и по этой причине я был очень рад обилию зарубежной периодики, благодаря которой, даже будучи отрезанным от внешнего мира, я все же имел доступ к изучению тех вопросов, которые меня интересовали, и имел на этот счет достаточно полную информацию. Тем не менее, многие из этих изданий не представляли большого интереса. Изложение тех или иных событий и посвященные им редакционные комментарии могут быть полезны лишь в том случае, если основной их целью является служение истине. Однако большое число материалов, относившихся к категории «основанных на фактах», имело мало общего с действительностью.

В то время как в других государствах многие из ведущих участников военной драмы нарисовали, основываясь на своих воспоминаниях, максимально подробную картину происшедших событий (разумеется, исходя из собственных оценок), подобные воспоминания наиболее выдающихся представителей тех, кто участвовал во Второй мировой войне на стороне Германии, отсутствуют. Следовательно, с исторической точки зрения

картина не является полной. Между тем многие люди будут рады узнать, почему в той или иной ситуации было принято то или иное решение и какие мотивы двигали теми, кто эти решения принимал.

Я пришел к выводу, что мне необходимо взять в руку ручку и внести свой вклад в дело воссоздания прошлого во всей его полноте. Я постараюсь рассказывать только о тех событиях, в которых я непосредственно участвовал и в состоянии воссоздать более или менее целостную картину происходившего.

По мере своих сил я постараюсь описать людей и обстоятельства такими, какими они казались мне в то время, когда я сам был непосредственным участником событий. Естественно, я понимаю, что при всех моих стараниях быть объективным в некоторых вопросах я, возможно, останусь на субъективных позициях – или, по крайней мере, такое впечатление может создаться у читателей. Но они не смогут обвинить меня в претензиях на абсолютную истину. Заблуждаться свойственно всем, и я готов признать свои ошибки. Человек, проживший жизнь, не должен избегать анализа своих действий и честной и самокритичной их оценки. Написание воспоминаний, помимо всего прочего, требует личной честности и искренности, готовности без утайки рассказать о собственных действиях и их подлинных мотивах. То, что до сих пор эта обязанность очень часто игнорировалась, не стало бы для меня оправданием, если бы я, считая, что это неправильно, тем не менее действовал так же.

Если читатель хочет понять, почему я поступал так, а не иначе, ему придется проявить терпение, изучая мой личный опыт и жизненный багаж. Даже краткое их изложение может достаточно ясно продемонстрировать, что карьера военного – это не просто «игра в солдатики», что она требует больших физических и психологических усилий и налагает на человека большую ответственность.

Часть первая.
Годы войны и мира: 1901-1941

Глава 1.
Служба в Королевской баварской армии и рейхсвере, 1904-1933

Молодые годы в Мюнхене.

– В баварской пехотной артиллерии.

– Переговоры о перемирии 1917 года на русском фронте.

– Офицер главного штаба 2-го и 3-го баварских армейских корпусов.

– Работа по демобилизации в 1918 году: формирование войск безопасности и добровольческие корпуса.

– 1.10.1922 года. Перевод в Берлин, в министерство рейхсвера

Я происхожу не из военного рода. Мои предки, в свое время воевавшие против аваров, а позже против венгров, основали на территории, которая сейчас относится к Нижней Австрии, крепость Чесельринх. Риттер Оускмус Чесельринх (1180) был первым, кто решил взять себе это имя. Его потомки, носившие фамилию Кессельринг, снискали себе уважение в южных районах Германии, а также за пределами германских границ, в Эльзасе и Швейцарии, как рыцари, представители аристократии и священнослужители. Однако мои прямые предки, в XVI веке поселившиеся в Нижней Франконии, были крестьянами, пивоварами и виноделами. Представители некоторых ветвей нашего рода отдали предпочтение профессии преподавателя. Это, в частности, относится к моему отцу, городскому советнику комитета по образованию в Бейрете.

Ранние годы моей жизни прошли в нашей большой семье в Вунсидде (Фихтельгебирге) и в Бейрете, где я в 1904 году окончил классическую среднюю школу. Трудностей с выбором профессии у меня не было. Я хотел быть военным, твердо осознавал это и теперь, оглядываясь назад, могу сказать, что всегда сердцем и душой был солдатом. Не будучи сыном офицера, я вступил в армейские ряды не как кадет, а как вольноопределяющийся, или кандидат в офицеры. В вольноопределяющиеся меня произвел командир 2-го баварского полка пехотной артиллерии, в котором я начал свою военную карьеру и в котором служил, за исключением периодов учебы в военной академии (1905-1906) и артиллерийском училище (1909-1910) в Мюнхене, до 1915 года.

Мец, в котором дислоцировался полк, был городом-крепостью со своим гарнизоном и представлял собой наилучшее место для обучения молодого и полного амбиций солдата. Там

испытывалось все без исключения новое оружие, а муштра была весьма суровой. Близость к границе подразумевала, что на первом месте должна стоять компетентность. Кроме того, национальные узы, связывавшие немцев и население Эльзаса и Лотарингии, благоприятствовали идеям пангерманизма. Посещая места сражений времен франко-прусской войны, мы нередко бывми в Коломб-Нуийи, Мар-ла-Тур, Гра-велотте, Сен-Прива, а также за границей – в Седане. В нашем восхищении теми жертвами, которые принесли в свое время наши отцы, не было дешевого милитаризма.

Но Мец и его окрестности нравились наиболее впечатлительным из нас и по многим другим причинам. Мало кто мог оставаться равнодушным при виде цветущих склонов холмов Мозеля. Невозможно забыть наши прогулки по заросшим лесом долинам, Бронвокталю и Монвокталка. Нам не жаль было потратить несколько франков, чтобы насладиться красотами Нанси или Понт-а-Муссон. Когда мы вручали свои документы французскому офицеру-таможеннику в Паньи-сюр-Мозель и пересекали границу, напутствуемые его веселым покровительственным возгласом «Повеселитесь как следует!», а потом, при возвращении, на том же посту нас встречали дружелюбным вопросом «Ну как, повеселились?», мы ощущали себя гражданами Европы.

Все поразительно быстро изменилось в 1911 году. Стоило кому-то предпринять самую невинную вылазку через границу, как об этом инциденте сообщали в Берлин и Париж, а чиновники в министерствах иностранных дел двух стран принимались озабоченно чесать головы; исход подобной истории обычно бывал весьма неприятным для правонарушителя, в намерениях которого, как правило, не было ничего плохого. Начиная с этого времени в крепости стали чаще объявляться тревоги, из-за которых нашей батарее всякий раз приходилось бегом перетаскивать орудия, чтобы занять позиции в форте Кронпринц у Арс-сюр-Мозель. Учитывая тот факт, что форты на западных окраинах Меца (Лотринген, Кайзерин, Кронпринц и Хазелер) находились в непосредственной близости от границы, действовать в таких случаях, несомненно, следовало быстро. Мы, кандидаты в офицеры, нередко поговаривали о том, что в случае внезапного начала войны нельзя было с уверенностью сказать, удастся ли нашим войскам, дислоцирующимся в Меце, занять эти форты прежде, чем это сделают французы.

На момент моего поступления на военную службу в 1904 году 2-й баварский полк представлял собой полк крепостной артиллерии. Нас обучали обращению с самыми разными

орудиями – от револьверной пушки калибра 3,7 сантиметра до 28-сантиметровой мортиры – но главным образом с крупнокалиберными, что соответствовало нашей главной функции в случае мобилизации. Мы учились стрелять точно даже с большой дистанции и использовать новейшие приспособления, применяемые разведывательными частями, наблюдателями и подразделениями, занимающимися обеспечением взаимодействия на поле боя. На занятиях мы даже тренировались в ведении наблюдения с воздушного шара, что мне особенно нравилось. Больше всего я любил вести наблюдение со свободно летящего шара. Это занятие компенсировало ужасные часы тошнотворной болтанки, неизбежной при работе на шаре, закрепленном на привязи, при сильном порывистом ветре. Мне очень скоро пришлось на личном опыте убедиться, что для подобных «подвигов» необходим крепкий желудок.

Тем, что ее преобразовали в мобильную «тяжелую армейскую полевую артиллерию», крепостная артиллерия обязана императору Вильгельму II и генеральному инспектору крепостной артиллерии фон Дулицу. Мне впервые довелось стать непосредственным участником столь важной реформы. Хотя инициатива безусловно принадлежала моим руководителям, в частности весьма оригинально мыслившему командиру баварской бригады крепостной артиллерии генералу Риттеру фон Хену, тем не менее, создать в 1914 году новую тяжелую артиллерию, играющую важнейшую роль в бою, было бы невозможно без активного содействия самих войск этому процессу. При этом я хочу подчеркнуть, что война, если уж она была неизбежна, все же началась слишком рано. Она прервала нормальное развитие вышеупомянутого процесса как с организационной, так и с психологической точки зрения, резко сократив время, отводившееся для его завершения.

Если бы война началась позже, некоторые представители командования не смотрели бы на тяжелую артиллерию как на обузу. Я помню, как главнокомандующий 6-й армии, когда в 1914 году ее перебросили из Лотарингии в Бельгию, заявил: «Теперь, когда нам предстоит война, в которой многое будет решать мобильность, тяжелая артиллерия нам больше не нужна».

С тех пор мне не раз приходилось сталкиваться с инстинктивным неприятием всего нового, того, что еще не успело сломать сложившиеся предубеждения. Поразительно, насколько сильно подвержены инерции мышления даже представители наиболее развитых в интеллектуальном отношении кругов.

Баварское военное министерство требовало от вольноопределяющихся сдачи всех экзаменов и настаивало на

том, что перед производством они должны пройти гораздо более продолжительный, по сравнению с другими кандидатами в офицеры, курс практического обучения в своем полку или в военном училище. Прусская система подготовки применялась только в нашей военной академии и в Генеральном штабе, хотя в Баварии перед Первой мировой войной курс академии также считался обязательным для зачисления в Генеральный штаб. Такой подход имел свои преимущества и недостатки, и во время войны в него приходилось вносить изменения по причине нехватки офицерского состава. Более длительный период практической подготовки перед тем, как молодого человека производили в офицеры, однако, шел ему на пользу, и во времена рейхсвера этот период был вполне резонно существенно увеличен.

Трагические события в Австрии в июле 1914 года придали последним дням пребывания моего полка на артиллерийском полигоне в Графенвюре особую окраску. Все выглядело так, словно военные действия уже начались. Объявление о том, что «угроза войны нарастает», и последовавший за ним приказ о всеобщей мобилизации застали наши батареи в западных фортах Меца. В те дни и в период первого этапа мобилизационных мероприятий оснащение и передислокация боевых частей и подразделений, расквартированных в Меце, происходили без малейших задержек. Это могло служить доказательством того, что подготовительная штабная работа была проделана безукоризненно.

Я вместе со своим полком оставался в Лотарингии до конца 1914 года. Буквально перед самым Новым годом меня перевели на должность адъютанта командира 1-го баварского полка пехотной артиллерии, входившего в состав 6-й армии. В 1916 году я получил назначение на должность адъютанта командира 3-го баварского артполка, к штабу которого был прикомандирован до конца 1917 года.

После этого я был направлен в Генеральный штаб и служил на Восточном фронте в качестве офицера Генштаба в составе 1-й баварской дивизии сухопутных войск. В качестве ее представителя я проводил переговоры о временном прекращении огня на Дунае. Моим партнером по переговорам был русский офицер Генштаба, которого сопровождал в качестве переводчика генерал медицинской службы. Меня поразили две вещи: во-первых, невероятный интерес противоположной стороны к вопросам тактики позиционной войны и, во-вторых, поведение представителей так называемых солдатских советов, выделенных для охраны участников переговоров. Эти представители

показались мне неотесанными, необразованными мужланами, но при этом вмешивались в наш разговор и держались так спесиво, словно это они командовали офицерами, а не наоборот. Помнится, тогда я подумал, что подобное никогда не могло бы произойти в германской армии. Однако через какой-нибудь год я понял, что ошибался. Действия отдельных подразделений в Кельне в 1918 году очень напоминали поведение русских революционеров. Но оставим эти неприятные воспоминания! Остается лишь порадоваться, что подобные сцены не разыгрывались в наших войсках в 1945 году.

В 1918 году, когда я с командованием 6-й армии находился в Лилле в качестве офицера Генштаба при 2-м и 3-м баварских армейских корпусах, мне часто доводилось лично контактировать с главнокомандующим, кронпринцем Баварии Руппрехтом. Нас, штабных офицеров, по очереди приглашали за его стол, где кронпринц неизменно был главным действующим лицом любой беседы. О чем бы ни шла речь – о политике, искусстве, географии, истории или государственном устройстве, – он неизменно демонстрировал прекрасное знакомство с предметом разговора. Трудно было сказать, был ли он столь же глубоко информирован в военных вопросах, поскольку все тщательно избегали любой возможности обсуждения данной темы. Во время Второй мировой войны среди «знающих людей» нередко высказывалось мнение, что мы вступили в нее с «лучшими мозгами», нежели в Первую. Хотя в подобных высказываниях присутствует немалая доля преувеличения, можно сказать, что в годы Второй мировой войны все серьезные, значимые должности занимали хорошо подготовленные, компетентные военные специалисты, прошедшие прекрасную подготовку в виде службы в качестве офицеров Генерального штаба в период с 1914-го по 1918 год. Они поддерживали более тесный контакт с войсками и были моложе, чем командиры времен Первой мировой войны. Надо отметить и то, что среди последних было немало людей королевской крови, а они, при всем моем уважении к их способностям и человеческим качествам, были далеко не гениями. Сложнее провести сравнение между офицерами Генштаба. В численном отношении императорский корпус офицеров Генерального штаба имел преимущество; кроме того, подготовка входящих в него военных была более унифицированной. Однако офицеры Генерального штаба образца 1939 года были ближе к тем, кто непосредственно находился на боевых позициях с оружием в руках, а это настолько серьезное преимущество, что его невозможно переоценить; они полностью подчинялись боевому командиру, что исключало возможность путаницы и дублирования приказов, которые имели

место в годы Первой мировой войны. Вся полнота ответственности, таким образом, ложилась на командира. Он отвечал за свои действия перед своей совестью и – как показало время – перед Гитлером и Нюрнбергским трибуналом. Это, однако, не мешало теснейшему сотрудничеству между командиром и его начальником штаба, а также высокой степени независимости начальника Генерального штаба.

В 1918 году я хотел уволиться из армии, но мой командир, умевший мыслить по-государственному, убедил меня остаться, чтобы провести демобилизацию 3-го баварского армейского корпуса в районе Нюрнберга. Эта демобилизация проводилась под руководством политического комиссара, молодого адвоката, являвшегося членом социал-демократической партии. Для меня это было очень трудное время – мне приходилось тяжелее, чем в полевых условиях. Кроме проведения мобилизации, нужно было сформировать новые войска безопасности и так называемые добровольческие корпуса, а также распределить между ними зоны ответственности вокруг Нюрнберга, в Мюнхене и в центральной части Германии. Это была интересная работа. Она дала мне уникальную возможность своими глазами увидеть революционные события того периода. В то же время было крайне неприятно быть свидетелем бесчинств толпы фанатиков после штурма ставки нашего верховного командования в начале 1919 года.

Чаша моего терпения переполнилась, когда в качестве благодарности за мою усердную и добросовестную работу был выписан ордер на мой арест за участие в якобы имевшем место путче против командования моего 3-го баварского армейского корпуса, в котором значительным влиянием обладали социалисты. Даже с учетом того, что после 1945 года меня посадили в тюрьму, я без малейшего колебания утверждаю, что тот эпизод 1919 года был самым большим унижением в моей жизни.

***

Будучи в течение трех с половиной лет, с 1919-го по 1922 год, командиром батареи в Амберге, Эрлангене и Нюрнберге, я весьма тесно общался с личным составом своего подразделения и другими военнослужащими. В то время в армии проводились многочисленные реформы и сокращения; вооруженные силы численностью в 300000 человек нужно было урезать до 200000, а затем до 100000; предстояло найти способ превратить нашу

огромную, созданную с учетом определенных приоритетов военного времени военную машину в весьма скромные по численности войска, способные решать лишь сугубо оборонительные задачи, – фюрер-труппе (буквально – войска фюрера). Однако эта работа, в процессе которой можно было многому научиться, давала мне радостное ощущение того, что я вношу свою лепту в дело возрождения Германии.

1 октября 1922 года я был откомандирован для дальнейшего прохождения службы в Берлин, в министерство рейхсвера. Там мне оказали большое доверие, назначив на ключевую должность заместителя начальника штаба управления сухопутных сил. Моя деятельность на этом посту, которая продолжалась с 1922-го по 1929 год, охватывала все этапы боевой подготовки войск и организационно-технические мероприятия, находившиеся в ведении всех отделов рейхсвера. Я был глубоко погружен в решение экономических и административно-управленческих вопросов, изучение внутреннего и международного права. Кроме того, мне приходилось заниматься проблемами межсоюзнической комиссии военного контроля. Я работал в тесном взаимодействии с Войсковым отделом, предшественником Центрального бюро. Поскольку я был хорошо знаком с функционированием министерского механизма и реальными условиями службы в армейских частях, я ко всему прочему был назначен на должность уполномоченного по делам сокращения сухопутных сил. Этой реорганизационной работе мне приходилось посвящать значительную часть своего времени, когда в 1929 году я возглавил 7-е региональное командование в Мюнхене.

В дальнейшем, проработав еще некоторое время в министерстве в Берлине, я, будучи уже в звании полковника, провел два года в Дрездене в качестве командира одного из дивизионов 4-го артиллерийского полка. На том и закончилась моя служба в армии. 1 октября 1933 года я был официально уволен в запас и в звании коммодора возглавил административное управление люфтваффе (военно-воздушные силы).

Глава 2.
Эпизоды периода работы в рейхсвере

Берлин. Работа в министерстве рейхсвера.

– Уроки фон Зекта.

– Возрождение германской армии.

– Уполномоченный рейхсвера по сокращению

Я очень многим обязан моей службе в Берлине. Хотя я с неохотой ехал в прусскую столицу, должен признать, что, проведя там несколько лет, я полюбил ее. Она стала моим любимым городом. Нет необходимости объяснять, насколько тяжело, находясь за решеткой, я переживал годы трагедии Берлина. Я действительно любил его и его жителей – жизнерадостных, щеголевато одетых, честных и трудолюбивых. Частенько ранним утром я выкраивм час, чтобы провести его на углу Потсдамерплац. Это было на редкость удачное место для наблюдения за тем, как просыпается город, как трамваи и железнодорожные станции исторгают из себя множество людей, спешащих на работу. Разумеется, все для меня выглядело иначе, когда в тревожные дни 1923 года мне приходилось ходить пешком от Ланквиц до Бендлер-штрассе или когда я, честный, а потому почти нищий капитан (после Первой мировой войны я потерял свое состояние, а оклады у военных были чрезвычайно низкими), одетый в штатское платье, вместе с женой вынужден был предпринимать полуторачасовые пешие переходы, чтобы неподалеку от Клостер-театра в очередной раз изучить объявления об имеющихся вакансиях. И все же мы с радостью терпели все это ради воскресных экскурсий в Марк. Я, уроженец Южной Германии, научился любить его озера, его леса и его жителей. Утренние и вечерние поездки в битком набитых поездах были частью развлечения. Подобное беззаботное времяпрепровождение позволяло мне как следует проветриться и на время отвлечься от служебных проблем.

В профессиональном отношении годы работы в Берлине были для меня прекрасной школой. Что могло заменить часто проводившиеся в моем кабинете дискуссии в присутствии генерал-лейтенанта фон Зекта, который так хорошо умел слушать, а затем подводить удивительно краткий и точный итог услышанному? Он был образцом офицера Генерального штаба и настоящим лидером, способным вести людей за собой! А блестящие лекции генерала фон Шлейхера, благодаря которым я получил столь глубокое понимание тогдашней политической

ситуации? Жаль, что во время политического кризиса 1932 года он не имел возможности оказывать закулисное влияние на обстановку, а оказался на переднем крае событий. И разумеется, нигде больше я не смог бы в мельчайших деталях изучить проблемы всех видов вооруженных сил и родов войск, научиться понимать их взаимосвязь, сильные и слабые стороны и благодаря этому помочь строительству рейхсвера. Специалисты из военно-морских сил и авиации расширили мой кругозор и привели меня к пониманию и поддержке идеи о слиянии сухопутных сил и флота в рамках единого вермахта.

В 1924-1925 годах в сотрудничестве с майором Преу из управления по организации сухопутных сил я написал первый меморандум по вопросу о формировании Генерального штаба вермахта. При этом мне очень пригодились мои предыдущие контакты с Центральным бюро, которые стали поворотным пунктом во всей моей военной карьере. Работая там, человек привыкал думать и действовать как на переднем крае.

Деятельность рейхсвера была весьма интенсивной и плодотворной, пронизанной корпоративным духом, который заставлял всех желать как можно более быстрого достижения искомых результатов. Мы стали неким неполитическим образованием, далеким от каких бы то ни было партий. Фон Зект нарочно проводил обучение таким образом, чтобы военнослужащие не заразились вирусом приверженности правым или левым взглядам. Рейхсвер был организацией, присутствие и действия которой обеспечивали бескровное разрешение любого внутреннего конфликта в период между двумя мировыми войнами.

В конце концов вооруженные силы, стоящие вне политики, незаметно превратились в точку опоры для правительств, избранных народом. Вопрос о том, следует ли солдату или командиру заниматься политикой, я прокомментирую позже. Сейчас же мне лишь кажется уместным и необходимым добавить, что исключения из этого правила «никакой политики», имевшие место в двадцатых годах во время событии в Ульме и Мюнхене, были подвергнуты решительному осуждению и что в первые годы существования национал-социалистической партии мы, военные, не проявляли по отношению к ней никакого сочувствия. То, что мне довелось видеть в Дрездене в 1933 году, добропорядочный гражданин мог стерпеть, только постоянно напоминая себе, что в случае кровавой революции все было бы гораздо хуже.

До 1933 года я избегал каких-либо контактов с партией. Поведение национал-социалистов на улицах и во время их парадов вызывало у меня отвращение. Я помню совещание

офицеров, проводившееся в том же 1933 году в Дрездене, на котором военный министр генерал фон Бломберг в своем весьма неубедительном выступлении умолял военных проявить лояльность по отношению к национал-социалистическому правительству. Лишь в конце октября 1933 года, когда я как чиновник министерства воздушного флота получил возможность оценить методы режима, у меня стало складываться о нем более благоприятное впечатление. На этом я подробнее остановлюсь ниже.

Ограничения численного состава рейхсвера накладывали особые обязательства на высшее командование. Будучи щитом для государства и гарантом стабильности государственной власти, оно традиционно сохраняло некую отрешенность от событий, происходящих в мире. Это давало ему дополнительное время и возможности для того, чтобы, не привлекая внимания, без помех заниматься решением второй главной задачи – превращения рейхсвера в некое подобие экспериментальной кузницы военной элиты. Будучи простым офицером и когда в 1922 году меня перевели в министерство рейхсвера и я стал иметь непосредственное отношение к решению вопросов, касавшихся деятельности комиссии по разоружению, на множестве примеров я убедился в том, что Межсоюзническая комиссия военного контроля (МКВК) пыталась выполнить букву связанных с разоружением Германии поручений, которые были на нее возложены, и игнорировала тот не слишком приятный факт, что время неизбежно предъявит ей свой счет и все расставит по своим местам. МКВК распалась из-за того, что ее миссия изначально была утопией. Каждый немец, как и любой гражданин других держав, знал, что на практике ни одна страна не сможет удерживать свои вооруженные силы в рамках численности в 100000 военнослужащих до тех пор, пока остальные государства не разоружатся в соответствии с Версальским договором. То, что мы, германские военные, были недовольны односторонней реализацией договора, не должно расцениваться как свидетельство якобы свойственного нам «милитаризма». Это недовольство проистекало из жизненных потребностей нашей страны и ее геополитического положения. Я хотел бы также добавить, что социал-демократическое правительство, находившееся в то время у власти, а впоследствии и коалиционное правительство, в состав которого также входили социал-демократы, признавали справедливость требований об ограниченном увеличении военной мощи Германии и поддерживали усилия, предпринимавшиеся рейхсвером в этом направлении.

Какие же цели ставил перед собой сам рейхсвер? Поскольку в то время я был военным чиновником, я могу ответить на этот вопрос. Интеллектуальные ресурсы министерства рейхсвера были сконцентрированы на анализе опыта войны, включая ее уроки в том, что касалось технических и организационных мероприятий и программ подготовки кадров, а также на разработке новых направлений оперативного, административного и технического развития. Разумеется, что оценкам тех, кто занимался этой работой, придавалось очень большое значение. Главной целью было не отстать от других государств, заметно продвинувшихся после заключения мира в техническом отношении, и, когда придет время, возродить германскую армию, оснастив ее современным вооружением. В сфере подготовки военнослужащих перед нами стояли две основные задачи: во-первых, создать некий прототип общевойсковых частей; во-вторых, подготовить рядовой состав частей и подразделений таким образом, чтобы в перспективе они могли составить костяк унтер-офицерского и офицерского состава. Политическая ситуация требовала, чтобы наши действия ограничивались «защитой рейха» – то есть в первую очередь возведением укреплений на восточной границе и в Восточной Пруссии и обеспечением их безопасности с помощью частей по охране границы, которые предполагалось быстро сформировать в случае экстренной ситуации. Кроме того, предпринимались усилия с тем, чтобы заткнуть зияющие бреши в кадровом составе рейхсвера путем переподготовки бывших офицеров и унтер-офицерского состава, а также обучения ограниченного числа волонтеров, призывавшихся на короткий срок. В целом этого краткого описания деятельности рейхсвера должно хватить для того, чтобы читатель понял: работа в войсках была отюдь не синекурой.

Значительную часть моего времени занимала реорганизация артиллерийско-технического департамента. В этой области слияние двух видов деятельности – создания нового оружия и снабжения им действующей армии – разрешило конфликт, ранее существовавший между ними. Соображения Генерального штаба по поводу методов ведения будущей войны создали основу для ясно сформулированных требований относительно вооружения, которые были переданы инспекцией артиллерийско-технической службы руководителям испытательных полигонов и департаменту снабжения артиллерийско-технической службы для размещения заказов. Эти технические структуры были напрямую замкнуты на промышленность. Образцы, поставляемые заводами, тщательно испытывались на полигонах департамента артиллерийско-технической службы. В случае, если испытания проходили

успешно, отдельно взятые подразделения вновь подвергали продукцию заводов самым сложным и суровым проверкам уже в реальных войсковых условиях, и все выявленные недостатки впоследствии устранялись фирмами-поставщиками. Даже человеку, не являющемуся военным специалистом, очевидна абсурдность существовавшей в то время ситуации, когда временной промежуток между размещением заказа и поступлением нового оружия в войска исчислялся годами. Когда речь шла о тяжелом вооружении, таком, например, как орудия большого калибра, он составлял от шести до семи лет. Получалось, что подчас новая пушка к моменту ее принятия на вооружение в войсках уже успевала устареть. По техническим и финансовым причинам такой порядок вполне годился для мирного времени. Однако для военного времени он не подходил, хотя отказ от уже сложившейся системы имел немало неприятных последствий и зачастую вызывал недовольство в войсках.

В новой системе выявились два недостатка, которые наиболее ярко, проявлялись в мирное время:

1. Государственные структуры либо требовали слишком больших объемов производства, либо держали индустрию на слишком коротком поводке вместо того, чтобы всячески поощрять творческую инициативу промышленников.

2. Казалось почти невозможным привлечь выдающихся технических специалистов на государственную службу: казна отнюдь не горела желанием обеспечить им достаточно высокий уровень заработной платы, поскольку финансисты опасались, что у таких специалистов оклад будет больше, чем у министра! Для работы в таких структурах, как экспериментальный отдел армейской артиллерийско-технической службы, нужны были эксперты, которые по уровню квалификации были бы на голову выше заводских инженеров и могли руководить деятельностью последних в соответствии с запросами, предъявляемыми войсками к новым вооружениям.

Далее следовало скоординировать деятельность всех научно-исследовательских учреждений с работой организаций, занимавшихся разработкой и производством вооружений.

Находясь на ключевом посту в министерстве, я обнаружил, что канцелярско-бюрократическая машина разрослась до такой степени, что стала представлять собой угрозу для развития рейхсвера. Понимая, что с этим надо что-то делать, я потребовал как следует изучить этот вопрос. Мое требование было удовлетворено, и меня, хотя я не слишком был рад этому, назначили уполномоченным рейхсвера по сокращению расходов и упрощению. Я поставил себе следующие цели:

1. Освободить солдат от канцелярской работы и тем самым дать им возможность больше заниматься своим прямым делом.

2. Уменьшить внутренний и внешний документооборот путем предоставления командованию частей большей свободы в принятии решений.

3. Постепенно воспитать достаточно большое число военных, способных действовать по своей собственной инициативе.

Весьма своевременно в помощь мне были назначены генерал-лейтенанты Фромм и Стумпф, генерал Хоссбах и министерский советник Ленц. Я действовал в теснейшем контакте с уполномоченным по сокращению вооруженных сил, а также генерал-майорами Фрайхерром фон дем Буше и Иоахимом Стулпнаглем (оба они возглавляли отделы в министерстве рейхсвера, которое поддерживало меня своими полномочиями и авторитетом).

Результаты моей работы были оценены по достоинству. Хотя были ликвидированы тысячи ненужных должностей, что дало многим военнослужащим возможность полностью посвятить себя выполнению своих непосредственных обязанностей, я был более всего озабочен не столько тем, чтобы представить на суд проверяющих внушительную картину сокращения штабного аппарата, сколько тем, чтобы вдохнуть новый дух в командование и управление. Я не мог сдержать улыбку, когда мне снова и снова рассказывали историю о том, как, несмотря на упомянутые сокращения, некое высокое должностное лицо взяло в свой штат дополнительного сотрудника и таким образом утерло мне нос.

Мои армейские друзья частенько с ухмылкой говорили мне, что я, по всей вероятности, был очень странным уполномоченным по сокращению расходов, потому что, когда пришло время создавать люфтваффе, я тратил деньги так щедро, что со стороны могло показаться, что я только что не швыряю их из окна. На это я мог ответить только то, что, занимаясь строительством люфтваффе, я не сумел бы расходовать средства с должной рациональностью и продуктивностью, если бы прежде не изучил азы экономики. Когда рейхсминистр Шахт однажды сказал мне, что создание люфтваффе обходится слишком дорого, я признал, что он прав; пожалуй, ответил я ему, можно было построить люфтваффе дешевле, но не более экономно – это становилось ясно при детальном сравнении расходов на создание ВВС и на поддержание их в эксплуатационном состоянии.

Глава 3.
Перевод в Люфтваффе

1932 год. На посту командира дивизиона 4-го артиллерийского полка, Дрезден.

– 1.10.1933 года. Перевод в министерство воздушного флота.

– Политическая экспансия Германии в 1935-1937 годах.

– Дела Рема и Фриша.

– Вторжение в Испанию

После окончания моей службы в Дрездене (1931-1933 годы) меня захотели вернуть в Берлин. Я был счастлив в моем полку; мы с семьей очень полюбили гарнизонный город, и я отнюдь не горел желанием вернуться в министерство рейхсвера. Но, дослужившись к этому времени до звания полковника, я предвидел перемены в своей судьбе, хотя и не мог предположить, что меня переведут в военно-воздушные силы, которые в то время еще только зарождались.

Когда в сентябре 1933 года полковник Стумпф не без труда разыскал меня на проходивших в дневное и ночное время маневрах и попытался заинтересовать меня предложением занять пост административного директора будущих ВВС, я отнесся к этому без энтузиазма. Мне хотелось остаться в сухопутных войсках, и я высказал мнение, что было бы лучше, если бы административной деятельностью по созданию воздушного флота, а впоследствии и люфтваффе занялись именно сухопутные войска. Вопрос был окончательно решен в тот же вечер за ужином, на который были приглашены в качестве гостей иностранные военные атташе и глава дирекции сухопутных войск. Когда я представился генерал-лейтенанту Фрайхерру фон Хаммерштайну, между нами произошел следующий разговор.

– Стумпф сообщил вам о вашем будущем назначении? – спросил генерал.

– Да.

– Вы удовлетворены?

Когда я ответил отрицательно и принялся излагать свои соображения на этот счет, фон Хаммерштайн прервал меня:

– Вы солдат и должны повиноваться приказам.

Протестовать против общепринятых правил военной дисциплины было бесполезно. 1 октября 1933 года я был уволен из сухопутных войск и, надев штатский костюм, занял пост главы департамента в комиссариате воздушного флота, который являлся предшественником министерства воздушного флота.

Работая в этой должности, я был свидетелем восстановления военного паритета Германии с ее потенциальными противниками 16 марта 1935 года и занятия ее войсками демилитаризованной зоны 7 марта 1936 года. Первого из этих событий мы, германские военные, желали всей душой и дожидались с огромным нетерпением. С нашей точки зрения, оно исправило несправедливость, состоявшую в одностороннем применении положений Версальского договора. Хотя я занимал пост главы департамента министерства воздушного флота, о вступлении наших войск в нейтральную зону я узнал утром того дня, когда это произошло, от Вевера, начальника главного штаба люфтваффе. С чисто военной точки зрения то, о чем мне сообщили, можно было квалифицировать не иначе как нечто совершенно невозможное. Появление в нейтральной зоне нескольких батальонов и несколько одиночных полетов над ней разведывательных самолетов и истребителей – практически все это было не более чем своеобразным жестом, демонстрацией. Можно было лишь догадываться о том, что политики были уверены в успехе операции, и надеяться, что наши противники, которые никак не отреагировали на наши действия, воспримут происшедшее как свершившийся факт (fait accompli).

11 марта 1938 года я был искренне удивлен, когда части германской армии и ВВС вступили в Австрию. По своей тогдашней работе я никак не был связан с Австрией (в то время я руководил командованием 3-го воздушного района, штаб которого располагался в Дрездене) и потому не знал заранее об этой операции. Вполне естественно, что и я, и мои товарищи, будучи немцами, приветствовали возвращение Австрии в германский рейх. Фон Бок, в то время командующий группой армий со штабом в Дрездене, принимал участие в операции по присоединению Австрии в качестве главнокомандующего. Он рассказал нам, что германские войска были тепло встречены австрийцами. Позднее, когда я находился в служебной командировке в Австрии и инспектировал расположенные там военные базы, а также в 1947 году, во время моего пребывания в лагере для интернированных в Каринтии, я пришел к заключению, что радость мирного населения во время нашего вступления в Австрию не была ни притворной, ни кратковременной. Остается лишь пожалеть о грубых ошибках, допущенных во время оккупации политиками и полицией, – тем более, что со временем стало ясно, что их можно было избежать.

Как я уже отмечал, обучение офицерского корпуса рейхсвера было специально построено таким образом, чтобы на него не влияла какая-либо идеология. Эта цель была полностью

достигнута, поскольку, если не брать высокие сферы, ремесло военного и политика редко пересекаются друг с другом, и единичные исключения лишь подтверждают это правило. Веймарская республика, при том что ее механизм не всегда функционировал хорошо, еще больше облегчила это разделение. Мы, старшие офицеры, во времена зарождения национал-социализма также старались держаться подальше от политики, и это можно было рассматривать только как позитивный момент. Для нас существовала лишь одна святыня – военная присяга, а она не предполагала оказания какого-либо предпочтения левым или правым. Критикам трудно было бы найти хотя бы один пример отступления от этого принципа как во времена правления кайзера, так и в годы Веймарской республики. Любая попытка покинуть пространство, свободное от политических симпатий или антипатий, подвергалась резкому осуждению.

Так нас готовили, независимо от возраста, молодых и пожилых, до того, как мы были переведены в люфтваффе, о котором вскоре стали говорить как о национал-социалистической части вермахта.

Личный состав люфтваффе, как и все остальные военнослужащие вермахта, приносили присягу на верность фюреру. Они относились к ней более чем серьезно – а иначе какой смысл в присяге? – и свято хранили ей верность. Герман Геринг, главнокомандующий люфтваффе и впоследствии рейхсмаршал, в прошлом был офицером -летчиком. Он был членом национал-социалистической партии, человеком с грандиозными идеями. Хотя его считали весьма требовательным руководителем, он тем не менее предоставил генералам министерства воздушного флота максимально возможную свободу действий и прикрывал нас от вмешательства политиков. За всю мою долгую военную карьеру я никогда не чувствовал себя столь свободным от постороннего влияния, как в то время, когда я занимал руководящий административный пост в министерстве воздушного флота, пост начальника главного штаба ВВС и командующего этим видом вооруженных сил в период его становления, начавшийся в 1933 году.

Нас как участников этого процесса, находившихся под покровительством нашего главнокомандующего, который был выдающейся личностью, тепло принимали во всех социальных кругах, включая национал-социалистическую партию.

Как и все выдающиеся представители вермахта, государства и партии, мы в качестве гостей фюрера принимали участие в Нюрнбергском партийном фестивале и в празднике урожая в

Госларе, устраивавшемся в честь крестьянства. Мы также появлялись на церемониях, проводившихся в память о погибших в войне, на парадах по поводу дней рождения Гитлера, на банкетах в честь приезда видных зарубежных деятелей и на всех важных мероприятиях, которые организовывались вооруженными силами. Должен признаться, что многое из того, что я тогда увидел, произвело на меня сильное впечатление. Я был восхищен роскошью и великолепной организацией этих мероприятий.

Что касается менее приятных вещей, то на них можно было не обращать внимания. У меня не было возможности выступать с какой-либо критикой, поскольку в том кругу, в котором мне приходилось вращаться, нельзя было столкнуться со свидетельствами каких-то серьезных излишеств. Эту точку зрения можно было бы оспорить, упомянув о невероятной роскоши, характерной для образа жизни Геринга, – ее мы действительно не могли не заметить. Но даже при том, что многим она была не по вкусу, мы не могли призвать Геринга к ответу, поскольку на наши вопросы нам отвечали, что деньги на все эти роскошества брались из добровольных взносов и пожертвований коммерсантов и из личных средств Гитлера. Лишь годы спустя я узнал, например, что предподносившиеся Герингу великолепные дорогостоящие подарки ко дням рождения добывались его окружением путем сложных комбинаций. Так или иначе, я смотрел на все это как человек со стороны, поскольку в то время уделял очень мало внимания пирушкам, устраивавшимся в Берлине. Кроме того, все мои опасения рассеялись, когда Геринг лично сказал мне, что его коллекции предметов искусства в будущем будут подарены рейху для создания музея наподобие галереи Шака в Мюнхене. Будучи франконцем, я был знаком с баварской историей, знал о любви баварских королей к искусству и потому поверил, что Геринг выступает в роли мецената.

Ни один из ведущих политиков ни разу не предпринял попытки привлечь нас в национал-социалистическую партию. Мы были нужны им как солдаты, и не более того.

Принеся присягу, мы пользовались полным доверием. Геринг понимал, что мы могли справиться с работой, которую на нас возложили, только в том случае, если будем свободны от всего, что связано с политикой. Все, что нужно было делать в этой сфере, он делал сам. Все вопросы, касающиеся нас как представителей люфтваффе или самих военно-воздушных сил, он обычно решал после подробного их обсуждения с государственным секретарем Мильхом, который тщательно прорабатывал их на самом верху. Это предотвращало немало неверных решений и таким образом укрепляло наше доверие к

Герингу и Гитлеру. Возможно, это покажется удивительным, но факт остается фактом: нас, генералов из министерства воздушного флота, не информировали о политических событиях (переговоры с американцами в 1945 году, к которым я сам имел отношение, не в счет). Разумеется, в войсках в этом плане знали еще меньше. Точно так же, как и до остальных немцев, до нас доходили определенные слухи. Однако обвинять нас в том, что мы не обращали внимания на слухи в весьма сложный в политическом отношении период, может лишь тот, кто никогда не жил в атмосфере тревоги и страха, когда люди особенно склонны к преувеличениям. Вспоминая то время, я удивляюсь тому, что лишь очень немногие из слухов достигали моих ушей. Возможно, всем было слишком хорошо известно о моем нежелании прислушиваться к сплетням, а может, со мной, представителем «национал-социалистических» ВВС, близко знакомым с Герингом, сознательно не заговаривали на определенные темы.

Были ли я и мои коллеги чересчур наивны, когда принимали за чистую монету все, что нам говорили по официальной линии? Да. Но мы были солдатами, обученными соблюдать максимальную точность в официальных докладах, и потому были склонны верить таким докладам, исходившим от тех, кто нами руководил. У меня не было возможности изменить свою точку зрения – тем более, что Геринг признавал свои ошибки с такой готовностью и так открыто, что, казалось, если он о чем-то и умалчивал, то делал это без всякого умысла.

Приведу несколько примеров, чтобы объяснить такую позицию.

Дело Рема 30 июня 1934 года, в котором ВВС были замешаны лишь косвенно.

Распри между армией и штурмовиками были такой же излюбленной темой для сплетен и слухов, как и неумеренные амбиции руководителя организации штурмовиков Рема, которого я знал по Генеральному штабу. Его дружба с Гитлером постепенно переродилась в открытую враждебность, и даже для меня было очевидно, что это грозит путчем против армии и фюрера. В дни путча я находился в Южной Германии и был вынужден черпать информацию из газет и сообщений радио. Естественные сомнения, возникшие у меня в связи со слухами по поводу происшедших событий, были рассеяны очень подробным докладом Гитлера, сделанным в помещении государственного оперного театра перед собравшимися там высшими представителями партии, правительства и вермахта. Поскольку я к тому времени уже очень хорошо знал Геринга, я не мог

поверить в слух о том, что он воспользовался ситуацией и мерами, предпринятыми против путчистов, чтобы ликвидировать своего врага и конкурента. Характеру Геринга были присущи две противоположные черты – с одной стороны, он мог быть внимательным к другим людям, чутким и деликатным, с другой – жестоким и безжалостным. Вспышки жестокости случались с главнокомандующим люфтваффе в моменты нервного возбуждения и быстро угасали. После этого он вдруг становился на редкость великодушным, причем доброта и щедрость нередко заставляли его с лихвой компенсировать обиженному нанесенный ущерб.

Дело Фриша в 1938 году.

После потока разоблачений, связанных с этим вопросом, трудно сформулировать точку зрения, которой мы придерживались по этому поводу в то время. Хотя с той поры, когда я работал в тесном сотрудничестве с Фришем, прошли годы, для меня, как и для любого выходца из сухопутных сил, ставшего офицером люфтваффе, он оставался образцом того, каким должен быть человек и офицер. По этой причине мне особенно не хотелось верить в слухи о его проступках. В глубине души я надеялся, что эти слухи вот-вот будут опровергнуты как злобная клевета и Фриша реабилитируют. Затем среди нас, офицеров люфтваффе, тоже поползли слухи – зачастую противоречивые. Мне казалось невозможным, чтобы Гитлер или Геринг могли намеренно подвергнуть такого всеми уважаемого офицера, как Фриш, столь недопустимому унижению. Когда впоследствии Геринг рассказывал мне о том, как он разоблачил доносчика и как был рад тому, что сделал это – в глазах его при этом читалось удовлетворение, – у меня не возникло ни малейшего сомнения в том, что руки Геринга чисты. То же самое я думал и о Гитлере, когда он заставил генерала от артиллерии Хайца, председателя военного трибунала, зачитать перед командным составом сухопутных войск и люфтваффе приговор суда чести, когда за этим последовала целая цепочка удивительных совпадений и, помимо всего прочего, полное оправдание главнокомандующего сухопутных войск. Мне, как и большинству из нас, хотелось бы, чтобы фон Фриша реабилитировали публично, восстановив его в прежней должности. Я не мог представить себе причин, по которым Гитлер не сделал этого, но в конце концов пришел к выводу, что это, возможно, объясняется тем, что фюрер так и не смог растопить

лед изначальной вражды. Эта холодность сделала весьма затруднительным даже официальное сотрудничество между фон Фришем, типичным прусским офицером, воспитанным в духе старых традиций императорской армии, и Гитлером, который не мог ни скрыть свое австрийское происхождение, ни забыть о кастовых различиях, разделявших его и Фриша.

Я был с Гитлером перед польской кампанией в 1939 году, когда до него дошло известие о смерти Фриша. Меня поразила усталость, с которой непосредственно после этого фюрер, сохраняя на лице выражение мрачной торжественности, волоча ноги и останавливаясь через каждые несколько ступенек, поднимался по длинной лестнице на свой наблюдательный пункт.

Интересно, о чем он думал в тот момент?

Правы мы были или ошибались, равнодушно относясь к политическим событиям, в любом случае у нас не было нужды, да и возможности, забивать себе этим голову.

Геринг зарезервировал за собой исключительное право оказывать влияние в этой сфере и представлять наши интересы. Для нашей деятельности это было благом. Даже будучи обязанным признать, что наше равнодушие к политическим вопросам было ошибкой и что на мне как на главе административного управления люфтваффе лежит вина за этот просчет, замечу, что, даже если бы мы занимали иную позицию, на практике это бы мало что изменило. В 1936-1937 годах, когда я был начальником главного штаба и в мои обязанности входило и участие в решении политических вопросов, особых сложностей в политической области не было, если не считать мер, предпринятых для поддержки Франко в Испании.

Когда в воскресный день июля 1936 года мы получили доклад немца – члена ЗО (зарубежной организации национал-социалистической партии), проживающего за рубежом, который информировал нас о том, в чем нуждается Франко, а также о директивах Гитлера из Бейрейта, я серьезно забеспокоился. Военно-воздушные силы тогда только-только создали свои руководящие органы и первые части и подразделения. Обучение личного состава слаженным совместным действиям еще только началось. Те немногочисленные части истребительной авиации, которые уже были сформированы, имели на вооружении первый боевой самолет нашего собственного производства «Арадо», а бомбардировочные эскадрильи, состоявшие из «Ю-52», могли лишь ускорить боевую подготовку экипажей, но воевать были еще не готовы. Разведывательная авиация по уровню своей готовности к участию в боевых действиях занимала промежуточное положение между истребительной и бомбардировочной – в ее

частях проходили испытания новые типы машин. Правда, у нас были великолепные зенитные орудия калибра 8,8 сантиметра. Что касается уровня индивидуальной подготовки личного состава, то в этом плане вторжение не являлось для нас головной болью. Мы располагали замечательным человеческим материалом, готовность которого сражаться заслуживала восхищения. Но энтузиазм не мог заменить умения. Кроме того, для оказания поддержки нашим союзникам в Испании привлекались лучшие кадры, что наносило ущерб нашей работе по обучению личного состава.

С другой стороны, нам был очень кстати определенный тактический и технический опыт, который представлял для нас огромную ценность. Особенно это касалось, например, отработки дальних перелетов при перегоне самолетов из Берлина в Испанию через Рим. Прекрасные летные качества «Ме-109», который начал поступать в наши части ВВС, надолго обеспечили нашим летчикам истребительной авиации чувство превосходства, в то время как испытания пикирующего бомбардировщика «Ю-87» показали важность этой машины. В итоге она стала нашим основным оружием и оставалась им до 1942 года. Наконец, опыт, полученный в результате применения батарей зенитных орудий калибра 8,8 сантиметра против воздушных и наземных целей, подтолкнул нас как к их тактическому использованию, так и к созданию зенитно-артиллерийских частей на их основе.

В Германии в связи с возросшей потребностью в людских ресурсах, военной технике и оборудовании нам, само собой, пришлось столкнуться с целым рядом трудностей в сфере подготовки и обучения личного состава. И все же мы достигли поставленной цели, в чем была заслуга и штаба, и самих войск, и промышленности, и гражданского воздушного транспорта. Фельдмаршал Шперле и его последователи – фон Рихтгофен и Фолькманн – могли смело сказать, что их летчики и контингент германской армии сделали возможной победу Франко.

Глава 4.
В министерстве Гражданского флота

Административная работа в министерстве.
– Новые заводы и здания.
– Создание системы управления.
– Отношения с Герингом и Мильхом

Мне, как это нередко случалось и раньше, снова повезло в том, что судьба свела меня с людьми, работать с которыми было приятно. Я уже кое-что сказал о Германе Геринге. Позднее я расскажу о нем подробнее, а сейчас сделаю несколько замечаний, относящихся к данному периоду. С первого же дня Герман Геринг ясно представлял себе цель, которой необходимо было достичь: создать самые сильные в Европе ВВС. Разделив процесс ее достижения на этапы, он последовательно ставил перед нами почти непосильные промежуточные задачи. По прошествии многих месяцев, выслушав доклады о наших успехах в их решении, он бывал весьма щедр на похвалы, но тут же ставил на предстоящий период новые задачи, вдвое более сложные. Хотя они казались невыполнимыми, мы, тем не менее, решали и их. Мы понимали его замысел, в особенности его стремление создать команду единомышленников. Вся его деятельность была направлена на то, чтобы вооружить страну на случай обострения обстановки в результате действий нашего правительства в политической области.

Наша работа, помимо прочего, осложнялась еще и острой нехваткой и в министерстве, и в войсках летчиков, которые имели боевой опыт Первой мировой войны. Главы наиболее важных управлений министерства – Вевер (штабное), Стумпф (личного состава) и я сам (административное) – не были летчиками. Однако нас весьма толково и грамотно знакомил с тайнами авиации государственный секретарь Мильх. Тем не менее, вскоре мы поняли, что человек, который не является летчиком, не может создать военно-воздушные силы, точно так же, как невозможно сформировать и возглавить кавалерийскую дивизию, не будучи кавалеристом и не зная лошадей. Так что всем нам – в том числе и мне в возрасте сорока восьми лет – пришлось научиться пилотировать самолет. Это дало нам возможность более смело высказывать собственное мнение, хотя с ним далеко не всегда считались и старые асы, обладавшие большим опытом, чем мы, великовозрастные ученики, и молодые «воздушные волки», хотя они и сами были еще по сути новичками. Но это нас не смущало –

мы лишь еще более усердно работали и старались постичь то, с чем мы еще не были знакомы.

В течение своей жизни я занимался многими видами спорта. В зависимости от того, что увлекало меня больше всего в тот или иной период, мне казалось, что ничто не доставляет такого удовольствия, как верховая езда, езда на автомобиле или полеты на воздушном шаре. Сегодня я должен признать, что моя жизнь, пожалуй, была бы намного скучнее, если бы я не узнал, что значит держать в руке ручку управления самолета и иметь возможность взмывать вверх или бросать машину в пике. Честно говоря, порой я порядком скучал по этому ощущению. За исключением прыжков с парашютом, я на собственном опыте познал все аспекты летной практики. Пилотирование самолета одновременно делает человека высокомерным и прививает ему скромность. Только почувствовав все это на себе, мы могли понять психологию летчика, его особенное, подчас странное отношение к жизни и создать вид вооруженных сил, проникнутый истинным духом воздушного братства. Нас связывало друг с другом редкое ощущение того, что мы делаем общее дело. Именно благодаря этому нам удалось выполнить свою весьма сложную миссию в столь короткий срок.

Когда в октябре 1933 года я приступил к исполнению своих обязанностей на новом месте, административное управление еще лишь начинало свою деятельность. Располагая опытом работы на должности уполномоченного рейхсвера по сокращению расходов, я принялся за дело. При этом мне помогали люди, которые были прекрасными товарищами и талантливыми специалистами. Первой задачей было заложить основы для нашего бюджета. За несколько месяцев мы завершили практические расчеты и определили, сколько средств потребуется министерству и нашему виду вооруженных сил. Люфтваффе обвинили в чрезмерных аппетитах, однако вряд ли кто-нибудь выступил бы с подобными упреками после тщательного изучения всех до единой бюджетных статей. Я настаивал на щедром финансировании лишь самых неотложных потребностей. Я постоянно знакомил с нашими планами представителей вышестоящих инстанций, без конца перелетая на самолете с одного места на другое, и таким образом пробуждал в них сочувствие к нуждам и проблемам военно-воздушных сил. Эти перелеты, занимавшие три-четыре дня, помогали забыть о разочарованиях кабинетной работы и внутренних распрях и сплачивали нас лучше всяких совещаний и заседаний. Я сделал этот метод основным принципом нашей деятельности.

Мы обсуждали новые шаги, которые следовало предпринять в

области самолетостроения. Мы привлекли к сотрудничеству большинство молодых архитекторов и художников и делали все возможное, чтобы программа создания люфтваффе была как можно более прогрессивной в социальном и эстетическом плане. Кирпичная, цементная промышленность и каменоломни получили крупные заказы, что оживило торговлю и сократило безработицу.

Мы порвали со старой традицией, предусматривавшей единообразие во внешнем виде зданий, имеющих отношение к военному ведомству. Я настаивал на том, что архитектурный стиль должен соответствовать окружающему ландшафту, что все планы должны соответствовать современным требованиям защиты от воздушных налетов, что при разработке грандиозных проектов нужно помнить об экономии и что в возведении жилья ведущая роль должна принадлежать не государству, а частным строительным фирмам. Что касается деятельности управления строительства нашего министерства, то она практически не давала поводов для серьезной критики. Ни Гитлер, ни Геринг никак не влияли на архитектурный стиль новых зданий. Геринг напрямую участвовал лишь в оформлении интерьера и меблировке германского аэроклуба, размещавшегося в старом здании прусского парламента. Позднее войска альянса (обычно автор называет альянсом антигитлеровскую коалицию, причем в подавляющем большинстве случаев имеет в виду входившие в нее западные государства. – Примеч. пер.) выбрали для своего размещения лучшие строения. Генерал Клей, несомненно, не случайно реквизировал для себя и своего штаба здание штаба второго воздушного района, а русское командование и администрация восточной оккупационной зоны – бывшее министерство воздушного флота и комплекс Адлерсхоф. Можно было бы привести и другие примеры такого рода.

Наши планы переоснащения промышленности выполнялись при весьма экономном расходовании средств, по крайней мере пока я работал в министерстве. Самолетостроительная и моторостроительная отрасли в основном состояли из мелких фирм. Эти фирмы сопротивлялись расширению производства в масштабах, которые считало необходимыми министерство, поскольку их владельцы не верили, что промышленный бум будет продолжительным. Гарантии, предоставлявшиеся правительством, всерьез не воспринимались.

Правительство собрало средства, необходимые для строительства новых заводов. Мой принцип, который полностью одобрял государственный секретарь Мильх, состоял в том, чтобы дать промышленности возможность зарабатывать деньги. Тогда

предприятия могли бы рассчитываться по долгам с правительством из своих постепенно растущих резервов. Это позволяло достигнуть главной цели свободной конкуренции в кратчайшие сроки. С другой стороны, пришлось серьезно урезать заработную плату и сократить возможности для осуществления покупок в кредит. Нам ничего не оставалось, кроме как примириться с тем, что мы в те времена были не слишком популярны, особенно в период, когда промышленность переживала болезненный этап роста, а также с тем, что мы сами порой становились жертвами некомпетентного налогообложения. Нас утешало то, что наша личная честность и порядочность не подвергались сомнению. Битве с промышленностью предшествовало весьма серьезное противостояние между моим и техническим департаментом. Позиция технического департамента была проста: его специалисты считали, что необходимо максимально увеличить производство на предприятиях, работающих на люфтваффе, не заботясь о том, что это могло вызвать целый ряд экономических диспропорций. Единственное, о чем, по их мнению, следовало позаботиться, так это об обеспечении защиты упомянутых предприятий от атак с воздуха. Финансовые аспекты их не интересовали. В этой схватке между департаментами мы, однако, на первое место ставили экономические факторы, которые определяли масштабы возможных капиталовложений и их амортизацию.

Инспекция таких предприятий, как, например, «Хейнкель», «Арадо», «Юнкерс», «Дорнье», «Аргус», «Даймлер», «Фокке-Вульф», «Зибель», «БМВ», «Бош» или «I. G. », даже сегодня ясно показывает, что цель, состоявшая из таких компонентов, как экономичность, достойный внешний вид, защищенность от воздушных налетов и удовлетворение социальных нужд персонала, была в значительной степени достигнута. Все это было бы невозможно, если бы министерство не располагало такими гениальными предпринимателями, как Хейнкель, Коппенберг, Дорнье, Зибель, Попп и Борбет, такими конструкторами, как Мессершмитт, Танк и доктор Блюме, а также первоклассными инженерами-практиками, не говоря уже об энтузиазме рабочих.

Как я уже отмечал, вопросом первостепенной важности были финансы. При всем содействии, которое оказывали нам министерства финансов и экономики, а также райхсбанк, проблему, которая, помимо прочих, имела и психологический аспект, ни за что не удалось бы решить, если бы нам на помощь не пришли крупные банки.

В кадровой сфере нашей первой задачей было создать штат служащих всех уровней – от руководителей до простых клерков.

Нам были нужны юристы, метеорологи и инженеры. Список необходимых специальностей, если я не ошибаюсь, включал в себя шестьдесят позиций. Ядро министерства составляла небольшая группа военных и моряков; немало было добровольцев из самых разных сфер деятельности; остальной контингент состоял из отставных офицеров и людей, которые не могли полностью реализовать себя в частном бизнесе, а также служащих с хорошим послужным списком. Словом, кадровый состав министерства был довольно разнородным, и первым делом нужно было создать из него единый коллектив.

В первые месяцы возникли трудности в связи с острой потребностью в рабочей силе и необходимостью ее использования в отдаленных районах, что вызвало необходимость введения посменного графика работы. Все эти трудности, однако, были быстро преодолены благодаря взаимопониманию. Так что во время моих частых инспекционных поездок по удаленным строительным площадкам я видел лишь довольные лица и практически никогда не слышал каких-то серьезных жалоб. Правда, мы сделали все, что могли, чтобы привить предпринимателям, на которых работали строители, дух сотрудничества, и в то же время старались максимально позаботиться о благосостоянии людей.

«Солдат должен чувствовать, что он настоящий солдат». Это утверждение тем более верно в применении к летчику. Не только сами летчики, но и их подруги, гордые тем, что могут выйти на улицу под руку с ними, подтвердят, что нам удалось пробудить этот дух в людях люфтвафафе. На саркастическое прозвище «солдаты в галстуках-бабочках» они реагировали улыбкой превосходства. Достижения представителей люфтваффе и дух самопожертвования, характерный для них как на войне, так и в мирное время, доказали, что можно быть солдатом даже тогда, когда на тебе не военный мундир, а полугражданская униформа.

В заключение могу лишь добавить, что наградой за наши усилия в годы создания люфтваффе стали успехи молодых германских военно-воздушных сил в первые годы войны.

Глава 5.
Начальник Главного штаба Люфтваффе

Смерть Вевера, начальника главного штаба Геринга.

– Июнь 1936 года. Кессельринг – начальник главного штаба люфтваффе.

– Опыт, почерпнутый в Испании.

– 1937 год. Перевод в Дрезден

День 3 июня 1936 года с полным основанием можно назвать черным. В этот день Геринг вызвал меня к себе и, явно потрясенный, что вполне можно понять, сообщил, что генерал Вевер, его первый начальник штаба, погиб в Дрездене в результате несчастного случая, пытаясь поднять в воздух «Хе-70». Понятно и то, что я, товарищ и коллега Вевера, был сражен этой новостью. Вевер, как и я, начинал свою службу в сухопутных войсках. У него была за плечами блестящая штабная карьера, и он наверняка добился бы такого же признания на командных должностях в частях. Он идеально подходил для должности начальника главного штаба. В удивительно короткий срок он сумел освоить основы аэронавтики, боевых действий с применением авиации и войны в воздухе. Он обладал поразительным умением переводить идеи Геринга в практическую плоскость и превращать их в аксиомы, которые были приемлемы для летчиков как в оперативном плане, так и на инстинктивном уровне. Разумеется, Вевер учился пилотировать самолет – за редкими исключениями, он каждую субботу или воскресенье посещал летную школу или какую-нибудь авиационную часть. В полетах его всегда сопровождал на другом самолете командир звена лейтенант Фрайхерр Шпек фон Штернбург. В летной школе или в частях генерал Вевер пил кофе с молодыми летчиками, закусывая взятым с собой пирожным, и беседовал с ними в течение часа или двух. Он всегда внимательно выслушивал их выражения недовольства и пользовался их безоговорочным доверием.

Сегодня мы яснее, чем когда-либо, понимаем, что значил Вевер для люфтваффе. Нам в то время очень не хватало старших офицеров, и потому его гибель была для нас вдвойне тяжелым ударом. Именно я как его преемник считаю себя обязанным отдать ему должное, поскольку именно я мог лучше, чем кто бы то ни было, оценить его работу, которую он выполнял поистине мастерски. По этой причине мне не надо было искать новые пути и подходы и достаточно было продолжать начатое им. Это

помогло быстро создать атмосферу доверия в отношениях между мной, отделами главного штаба и многочисленными инспекторами. Благодаря поддержке исключительно компетентных офицеров моя работа доставляла мне удовольствие.

Как уже отмечалось, вторжение легиона «Кондор» в Испанию было тяжким бременем, грозящим подорвать всю работу по созданию люфтваффе. Однако в долгосрочном плане оно оказалось весьма полезным. По мере того как одна эскадрилья за другой получали боевое крещение, наметился заметный прогресс в отработке летчиками совместных действий в воздухе. Полеты «по приборам», на которые раньше смотрели как на нечто вроде черной магии, стали обычным делом. Эскадрильи истребителей, пикирующих бомбардировщиков, бомбардировщиков и самолетов, предназначенных для глубокой разведки, оснащались прототипами «Мессершмитта-109», «Юнкерса-87», «Дорнье-17» и «Хейнкеля-111», хотя подразделения ближней разведывательной и морской – авиации поначалу вынуждены были довольствоваться устаревшими, но все еще пригодными к использованию машинами. Зенитная артиллерия вооружалась первыми орудиями калибра 8,8, 2 и 3,7, а разведывательная авиация пыталась освоить морскую беспроводную телеграфную связь.

В учебной эскадрилье, позднее разросшейся до учебной дивизии под командованием весьма одаренного генерала Форстера, была создана система тестирования для проверки тактико-технических характеристик, которая стала играть роль своеобразного фильтра при определении боеготовности. На аэродроме в Стендале была создана база парашютно-десантных войск, что положило начало их развитию. При этом аэродром не пришлось модифицировать – его достаточно было только расширить. Я и по сей день горжусь тем вкладом, который мне и Веверу удалось внести в становление парашютно-десантных войск. Их силами под моим командованием была проведена первая успешная наступательная операция против Голландии. Впоследствии они показали свои непревзойденные боевые качества в наземных операциях. Их возглавил маршал авиации Штудент – умный, дальновидный командир.

В 1937 году из-за служебных и личных разногласий с моим непосредственным начальником Мильхом мне пришлось попросить освободить меня от моей должности. Поскольку я чувствовал, что не смогу быть столь же полезен, заняв одну из должностей в оперативном командовании, я решил попросить перевести меня в резерв. Геринг пошел мне навстречу, переведя меня в Дрезден и одновременно назначив меня командующим 3-м

воздушным районом. На моей прежней должности меня сменил мой старый друг Стумпф, проявивший исключительный такт в ходе создания офицерского корпуса люфтваффе и ставший настоящим отцом для унтер-офицеров и других военнослужащих, находившихся под его началом. Мильх остался государственным секретарем и заместителем Геринга в министерстве воздушного флота. Я ценил Мильха как эксперта, блестящего организатора и труженика и был рад, когда сердечные отношения, некогда существовавшие между нами, постепенно восстановились.

Я с благодарностью вспоминаю о том, что, покидая Берлин, я чувствовал, что меня ценят не только как руководителя, но и как друга.

Глава 6.
Командующий 1-м воздушным флотом, Берлин

1937-1938 годы. Командование 3-м воздушным районом, Дрезден.

– Завершение строительства аэродромов в Силезии.

– Оценка чешской «линии Мажино».

– Весна 1938 года. Руководство 1-м воздушным флотом, Берлин.

– Оккупация Чехословакии.

– Светская жизнь в Дрездене

С середины 1937-го до конца сентября 1938 года я находился в Дрездене и командовал 3-м воздушным районом, охватывавшим Силезию, Саксонию и центральную часть Германии, а с 1 октября 1938 года перебрался в Берлин, заняв должность начальника штаба 1-го воздушного флота.

В Дрездене мне были подчинены:

– Боевые летные части, впоследствии ставшие 2-й дивизией ВВС под командованием генерал-лейтенанта Виммера, моего друга и коллеги из технического департамента министерства воздушного флота.

– Воздушные зоны Дрездена (командир – генерал-лейтенант Богач) и Бреслау (командир – генерал-лейтенант Данкельман).

– Учебные части и подразделения ВВС и их всевозможные объекты инфраструктуры.

– Гражданские аэродромы, на которые были возложены все функции по наземному и техническому обслуживанию и тыловому обеспечению.

– Все части и подразделения зенитной артиллерии.

– Части и подразделения связи и снабженческие организации в зоне ответственности.

– Интендантские службы, организационно являвшиеся частью штабов воздушных зон и занимавшиеся решением всех вопросов, связанных с личным составом, – в том числе вопросов выплаты денежного довольствия, постоянного и временного расквартирования, обмундирования и питания.

В Берлине я отвечал за защиту воздушного пространства восточной части Германии. На западе рубеж моей зоны ответственности проходил по Эльбе, на юге им являлись Тюрингский лес и граница Чехословакии. Восточная Пруссия также входила в нее, в то время как объекты ВВС на побережье и

на островах, как и части и подразделения морской авиации, находились в ведении 4-го прибрежного воздушного района, который непосредственно подчинялся министерству воздушного флота.

В подчинении 1-го воздушного флота находились:

– 1-я дивизия ВВС, Берлин
– 2-я дивизия ВВС, Дрезден
– воздушный район 1, Кенигсберг
– воздушный район 2, Берлин
– воздушный район 3, Дрезден
– воздушный район 4, Бреслау

Я привел эти сведения столь подробно для того, чтобы проиллюстрировать схему организации люфтваффе и в общих чертах обрисовать широту обязанностей руководителей высшего звена ВВС.

Как видите, я отвечал за приграничные районы, которые через несколько месяцев после того, как я приступил к исполнению своих обязанностей, стали местом начала событий, ставших причиной политической напряженности. Перед тем как покинуть Берлин в июне 1937 года, я доложил о проделанной работе Гитлеру. Меня также пригласил на обед генерал фон Браухич, который получил назначение на должность командующего группой армий в Лейпциге. Ни во время моей встречи с Гитлером, ни во время упомянутого обеда не было сказано ни слова о политических или военных шагах против Чехословацкой Республики или Польши.

Мне казалось, что мое сильнейшее желание, состоявшее в том, чтобы с нуля создать военно-воздушные силы и сделать их таким же эффективным военным инструментом, как сухопутные войска и военно-морские силы, неосуществимо. Хотя я долгие годы моей военной карьеры провел в штабах и в министерских кабинетах, втайне я мечтал о службе в войсках. Копаясь в бесчисленных бумагах и пыльных архивах, я всегда старался, когда это было возможно, налаживать контакт с людьми и таким образом сделать свою работу более полезной. И мне кажется, что в этом я в некоторой степени преуспел.

Теперь у меня должен был появиться шанс использовать мои теоретические знания на практике. Я ликовал, поднимаясь на борт моего надежного «Ю-52», за штурвалом которого находился мой давний летный инструктор пилот Зельльман. Чувство ликования не оставляло меня и во время перелета из Стаакена, что неподалеку от Берлина, в Дрезден, в ходе которого мой самолет сопровождали тройки истребителей. Лишь одно омрачало мою радость: сознание того, что в результате моего

назначения моему старшему коллеге еще по сухопутным войскам генералу Вахенфельду пришлось оставить должность, к которой он очень прикипел. Упоминание о Вахенфельде вынуждает меня коротко упомянуть о других генералах старой школы, которые ушли в отставку из рейхсвера, – Каупише, Эберте, Халме, фон Штюльпнагле и адмирале Цандере. Все они были весьма способными и опытными офицерами сухопутных и военно-морских сил, и Геринг поступил очень мудро, когда по предложению полковника Стумпфа нашел их в списке отставников и привлек к работе в интересах растущих военно-воздушных сил, несмотря на то что у них не было специальных знаний и навыков. Они заложили надежную основу молодого вида вооруженных сил и превратили его из разношерстной беспорядочной массы в дисциплинированную организацию.

Для меня самым важным были встречи с подчиненными мне офицерами и специалистами, в ходе которых я мог выслушать их пожелания и жалобы и разъяснить им свои взгляды на нашу общую задачу. Это требовало времени и до минимума сокращало кабинетную деятельность. Ее я мог со спокойной душой поручить моему трудолюбивому и талантливому начальнику штаба Шпейделю. Особое внимание я уделял тому, чтобы командный состав понял важность роли ВВС в современных боевых действиях и осознал, что военно-воздушные силы должны действовать скоординированно с сухопутными. В качестве обучающегося или инструктора я принимал участие во всех без исключения крупномасштабных маневрах, стрельбах зенитчиков на побережье Балтийского моря и тренировках по бомбометанию. Я радовался тому, что получаю новые знания и навыки и в то же время у меня нет необходимости уподобляться некоему бригадному генералу, который как-то раз на стрельбище раскритиковал действия командира одного подразделения и прочитал ему лекцию о том, что надлежит делать, чтобы наилучшим образом выполнить огневую задачу. На следующий день он вновь высказал свое недовольство, на что командир подразделения возразил: «Я всего лишь делаю то, чего вы требовали от меня вчера». Ответ генерала был весьма неожиданным: «Капитан, вы что же, хотите, чтобы я перестал учиться?»

До такого я не доходил. Но я понимал, что при создании и развитии нового вида вооруженных сил все должны работать вместе. Я осознавал, что нужно выслушивать мнения разных людей, обдумывать высказанные ими идеи и отдавать должное их достоинствам. Другого способа добиться результата, который выдержал бы жесткие испытания, не было. Только созданные в таких условиях военно-воздушные силы могли обрести зрелость.

И хотя ко времени своей первой кампании (Польша) они еще не обладали достаточным опытом, они тем не менее уже были способны сыграть в ней решающую роль.

ВВС – это вид вооруженных сил, предназначенный для наступательных операций, поскольку их массированное использование имеет смысл только в наступлении. Следовательно, люфтваффе – если не считать обычную функцию защиты от авиаударов – должны были подготовиться к вторжению в глубь Чехословакии и приблизить наши оперативные аэродромы к границе. После лета 1937 года передо мной встала задача найти место для новой базы ВВС между баварско-силезской и силезско-чехословацкой границей для проведения операций на сравнительно небольшую глубину и строительства защищенных зенитной артиллерией, имеющих налаженную систему снабжения всем необходимым аэродромов с помещениями для расквартирования личного состава, техническими сооружениями и прочей инфраструктурой.

Аэродромы в Силезии для осуществления операций против Чехословакии были созданы и соответствующим образом оборудованы. Ввиду небольшой глубины территории Силезии их в случае необходимости можно было использовать для проведения операций против Польши. Учения, продолжавшиеся несколько дней, дали нам уверенность в том, что мы способны решить любые задачи, которые будут перед нами поставлены.

Однако все мы понимали, что нам нужно еще многому учиться и что любая пауза в процессе обучения или боевая операция потенциального противника могли серьезно отбросить нас назад и подорвать дальнейшее развитие ВВС. Геринг и Гитлер также осознавали это. Когда в мае 1938 года мы получили приказ готовиться к наступательной операции против Чехословакии, я, как и Геринг, придерживался той точки зрения, что чем надежнее воля германского правительства будет подкреплена превосходством в военной силе, тем больше вероятность политического решения вопроса. Гитлер, который, если верить пропаганде, сдержанно относился к нам, военным, сумел убедить противника в силе германского вермахта. Несмотря на наши недостатки, о которых мне лично было прекрасно известно, у меня, да и вообще в войсках было ощущение, что мы способны решить любые задачи. В моем распоряжении были фотографии укреплений на чехословацкой границе. Изучив их, я пришел к выводу, что не могу согласиться с утверждениями, что эти укрепления представляют собой «вторую линию Мажино». Я ни на секунду не сомневался, что наши войска возьмут их штурмом, причем мои зенитные орудия калибра 8,8, ведя огонь

бронебойными и бетонобойными снарядами, расчистят им дорогу. Для того чтобы вселить уверенность в действия сухопутных сил, предполагалось выбросить воздушный десант в тылу линии укреплений в районе Ягерндорфа и тем самым открыть там Судетский фронт. Осознание того, что их атакуют с севера, запада и юга, должно было оказать парализующее воздействие на чехословацкое командование и войска и, соответственно, поднять наш боевой дух.

В августе я перебросил свой оперативный штаб в Сенфтенберг в Лаузице, чтобы быть ближе к своим частям.

В конечном итоге результаты конференции четырех держав в Мюнхене, состоявшейся 29 октября 1938 года, принесли мне огромное облегчение, поскольку позволили обеим сторонам избежать больших жертв. Впрочем, мощь и глубина приграничных укреплений оказались вовсе не так велики, как мы рассчитывали, основываясь на данных нашей разведки, – их можно было полностью разрушить массированным огнем орудий калибра 8,8.

Концентрация частей люфтваффе в стратегически важных районах свидетельствовала о том, что наши военно-воздушные силы развиваются по правильному пути, но при этом их мощь и техническое оснащение были еще недостаточны, а наши приграничные базы ВВС требовали тщательного ремонта и реконструкции. Учения, проведенные 7-й воздушно-десантной дивизией под командованием генерала Штудента, показали, что применение десанта тактически и технически оправдано и может открыть для нас новые возможности. Впрочем, как я уже говорил, мы находились еще в самом начале пути.

Весной 1938 года я принял командование 1-м воздушным флотом в Берлине. Хотя я и был счастлив в Дрездене, я, тем не менее, был рад вернуться в столицу. Находясь в Дрездене, я мог работать, пользуясь относительной независимостью, но у меня была надежда сохранить эту независимость и на моей новой, еще более серьезной и ответственной должности. К моему смущению, из-за моего назначения Вахенфельду снова пришлось освобождать дом, в котором он жил, а мой друг Каупиш лишился должности, которой он прекрасно соответствовал. Тем не менее, я понимал желание Геринга омолодить руководящее звено. В результате кадровых перестановок старым воякам – Каупишу, Халму и Эберту – пришлось вслед за Вахенфельдом сойти со сцены. Геринг сумел отправить их в отставку таким образом, что это не вызвало у них обиды. Привлекая к работе более молодых военных, таких, как генералы Визе, Форстер, Грауэрт и Лерцер в летных частях, Богач и Хоффман в частях зенитной артиллерии, фон Котце и Кастнер во главе процесса обучения кадров, можно было быстро

продвигаться вперед. Мои собственные задачи в основном состояли в следующем:

1. Соединить летные и зенитные части в единую гибкую организацию, проникнутую духом ВВС, осознающую свою роль и располагающую современной системой связи.

2. В процессе обучения личного состава летных частей внедрить современные оперативные принципы ведения боевых действий и принципы оказания сухопутным войскам поддержки с воздуха.

3. Реализовать наши идеи, связанные с защитой наземных объектов от авиаударов, и добиться осознания необходимости такой защиты гражданским населением.

4. И наконец, добиться соответствующего развития инфраструктуры и наземных служб в районах, приближенных к границе.

Сердце мое замирает, когда я вспоминаю те месяцы созидательной работы. Было видно, как военно-воздушные силы медленно, но верно растут, развиваются и совершенствуются, повышают свою боеготовность. Мне вспоминаются первые учения по отработке защиты от ударов с воздуха в Лейпциге и Центральной Германии. Мы извлекли из них ценные уроки в плане организации защиты гражданского населения и применения зенитной артиллерии. Самолеты оснащались электрическими навигационными приборами – в этой области была проделана большая подготовительная работа, и она принесла свои плоды.

В начале 1939 года мы внезапно получили приказ с неспешных зимних приготовлений к военным действиям переключиться на непосредственную подготовку к возможной операции против Чехословакии. Намеки и слухи на этот счет вдруг так неожиданно стали реальностью, что у нас не было времени на размышления об оправданности или необходимости нашего военного вмешательства. Геринг сообщил мне как офицеру высшего руководящего звена, которого все это касалось в первую очередь, что в связи с актами агрессии, предпринятыми чехами, складывающаяся ситуация давала поводы для беспокойства, но при этом отметил, что существовала надежда решить все проблемы без кровопролития. На этот раз строжайшая секретность вокруг нашего стратегического сосредоточения сил, помимо прочего, была нужна для того, чтобы не уничтожить возможность политического урегулирования.

Приведу лишь один пример того, насколько строгим был режим секретности. В ночь перед вторжением моя жена и я были приглашены на небольшую вечеринку в Гатовскую академию

военно-воздушных сил в качестве гостей генерала Отто фон Штюльпнагля (после войны, находясь в качестве подследственного в парижской тюрьме, он покончил с собой). Мы ушли оттуда в обычное время – между одиннадцатью и двенадцатью часами вечера. Никто из присутствовавших понятия не имел о том, что на рассвете начнутся боевые действия, и мы все были очень удивлены, когда на следующее утро по радио сообщили, что 1-й воздушный флот во главе со своим командующим держит курс на Прагу. Это сообщение было не вполне точным, поскольку в результате проведенных ночью переговоров с президентом Хачей наше вторжение было не чем иным, как просто вводом войск.

В последующие месяцы я часто бывал в Праге и в других городах, в которых находились объекты, относящиеся к 1-му воздушному флоту. Захват аэродромов прошел очень гладко – строго говоря, захватывать ничего не пришлось, поскольку чехословацкие ВВС самораспустились. Оборудование, найденное на аэродромах, было недоукомплектованным и низкого качества, а те немногие самолеты, которые мы обнаружили, оказались непригодными к эксплуатации.

Я был удивлен и обеспокоен последовавшим обострением обстановки, а также тем, что решение, достигнутое четырьмя державами в Мюнхене, оказалось недолговечным и – что было уже совершенно для меня непостижимо – стало источником еще более серьезных трений, которые вполне могли привести к войне. Мы относились к сообщениям об актах агрессии, приписывавшихся чехам, как к фактам, а не как к пропагандистской лжи. Мы даже подумывали о том, что эти инциденты специально инсценированы для того, чтобы создать западным державам предлог для новой интервенции якобы в интересах чехов.

Меньше всего мы верили в то, что Хачу можно было заставить подписать договор. Будучи солдатами, мы радовались тому, что аннексия Чехословакии не повлекла за собой пагубных последствий; безопасность наших границ неожиданно была серьезно укреплена, а благожелательное отношение и сотрудничество с нами поляков до, во время и после этого периода подталкивали к выводу, что польско-германские разногласия как-то удастся урегулировать мирным путем. Мы, солдаты, были искренне огорчены, когда со стороны поляков последовал новый всплеск ранее уже имевших место жалоб на якобы имевшие место акты агрессии.

Даже при том, что вермахт готовился к любому повороту событий, факт остается фактом: руководящие деятели,

ответственные за эту подготовку, – и прежде всего Геринг – пытались избежать войны. Во время работы Нюрнбергского трибунала приводилось достаточно много убедительных свидетельств их личных действий, направленных на это. Я как человек, в тот период имевший ко всему этому лишь косвенное отношение, считаю, что вся вина должна быть возложена на одного деятеля – фон Риббентропа, который давал Гитлеру безответственные рекомендации. Мне вспоминается один случай, происшедший в спецпоезде Геринга в Вильдпарке и могущий служить иллюстрацией царившей тогда атмосферы. Я находился рядом с Герингом, который вот-вот должен был узнать, что нас ждет – мир или война. Как только Геринг получил известие о том, что Гитлер назначил днем «Икс» 1 сентября, он тут же позвонил Риббентропу и в состоянии крайнего возбуждения проревел: «Ну, ты добился своего – войны. Это все твоих рук дело!» – и в бешенстве бросил трубку.

Позднее, когда генерал Боденшац, главный адъютант Геринга, он же офицер связи, игравший роль посыльного между моим руководителем и Гитлером, доложил, что итальянцы пытаются отказаться от участия в войне, шеф люфтваффе взорвался. Высказывания об итальянцах, прозвучавшие из его уст в тот момент, вряд ли можно назвать приличными. Однако, обдумав хорошенько ситуацию, мы смогли более хладнокровно оценить позицию Италии и в конце концов даже пришли к выводу, что, если Рим останется в стороне от схватки, это будет даже к лучшему.

И еще одно короткое замечание о жизни германского военного в мирные годы Третьего рейха. Будучи командующим воздушным районом в Дрездене, я общался только с военными, главным образом представителями люфтваффе. Мне доводилось поочередно бывать то в гостях по чьему-то личному приглашению, то на вечеринках во всевозможных полковых столовых. И в великолепной столовой академии ВВС, и на вечеринках, устраивавшихся службой связи люфтваффе, уже приобретшие жизненный опыт женатые офицеры вовсю общались с молодежью в неформальной обстановке. При этом все от души веселились. Лишь изредка мы встречались в номерах отеля «Бельвю», который был слишком дорогим, или в хороших барах. По воскресеньям или праздникам мы часто ездили на экскурсии за город и получали от этого огромное удовольствие. Загруженность делами и многочисленные командировки почти не оставляли нам возможности общаться в неформальной атмосфере с представителями гражданского населения и национм-социалистической партии. Я не могу вспомнить ни одного случая,

когда мне довелось бы столкнуться с каким-либо противодействием со стороны партийных руководителей.

Поскольку я потерял свое состояние из-за инфляции и был врагом каких-либо биржевых спекуляций и прочих сомнительных махинаций, в результате чего так и не смог оправиться от финансовых потерь, для меня развлечения были вопросом денег. Я не многое мог себе позволить на свое скудное денежное довольствие. Однако я все же общался с моими коллегами и их семьями, что привело к возникновению подлинно теплых взаимоотношений с многими из них. И они отплатили мне тем же после того, как в 1945 году я был оклеветан.

Если не считать этого, а также регулярных приглашений к фюреру, рейхсмаршалу и различным министрам, в столице я бывал лишь в связи с конкретными делами. Одним из них, разумеется, были встречи с иностранными военными атташе и моими товарищами по ВВС в аэроклубе. Кроме того, мне необходимо было посещать различные военные и научные мероприятия, бывать в театре. Все это было нелегкой ношей для весьма занятого военного, без которой вполне можно было бы обойтись. Мне практически приходилось подрывать свое здоровье. Это ведь очень трудно – ежедневно ложиться спать после полуночи, постоянно быть на виду, знать все мельчайшие детали, касающиеся сферы своей компетенции, за все отвечать и быть олицетворением непогрешимости в глазах своих подчиненных.

Глава 7.
Польская кампания, 1939 год

1.09.1939 года, 4.45 утра. Начало наступления силами двух групп армий – «Север» и «Юг».

– 5.09.1939 года. Форсирование Вислы.

– 16.09.1939 года. Осада Варшавы.

– 17.09.1939 года. Падение Брест-Литовска, вмешательство Советской России.

– 27.09.1939 года. Капитуляция Варшавы.

– 1.10.1939 года. Капитуляция оставшихся польских войск. Окончание боевых действий в Польше

Во второй половине дня 25 августа 1939 года – это была та самая дата, на которую Гитлер назначил вторжение в Польшу, – я находился в помещении управления полетами аэродрома в Кольберге, где проводил совещание командиров авиагрупп и авиакрыльев. В это время начальник оперативного отдела моего штаба сообщил, что Гитлер снова изменил свои планы. Вторжение откладывалось.

Наш восторг по этому поводу явственно читался на наших лицах. Я выразил надежду, что войны, казавшейся неминуемой, все же удастся избежать. С облегчением я поднялся в кабину моего самолета и, взяв курс на заходящее солнце, полетел в свой боевой штаб в Хеннингсхольме, неподалеку от Штеттина.

Мысленно я вернулся в 23 августа. Два дня назад Гитлер вызвал главнокомандующих, командующих и начальников штабов всех видов вооруженных сил в свою ставку в Бергхейм. Нас не предупредили о повестке дня совещания. Ему предшествовала встреча с рейхсмаршмом в казармах СС, на которой он вновь завел речь о наших приготовлениях к воздушной войне против Польши и выслушал наши мнения на этот счет. Геринг беседовал с нами в течение часа и при этом ни разу не сказал, что уже принято окончательное решение о применении военной силы. Разумеется, мы знали, что он все еще пытается любой ценой сохранить мир.

Последующее совещание у Гитлера состоялось в большом зале приемов, из окон которого открывался великолепный вид на горы – казалось, что они так близко, что их можно потрогать рукой. Выступление фюрера было довольно длинным. Он говорил спокойно, держа себя в руках. Я не вижу необходимости подробно излагать содержание его речи, поскольку ее текст был обнародован во время Нюрнбергского процесса. Меня обрадовало

то, что в ней не содержалось конкретных указаний об открытии боевых действий, однако выступление было построено таким образом, что, казалось, вероятность подобного развития событий весьма велика. Меня беспокоили две вещи. Во-первых, последствия войны с Польшей. Рассчитывать, что Англия расценит попытку силового урегулирования германо-польских разногласий не как явный вызов, а каким-то иным образом, было бы необоснованным оптимизмом – отсюда и неустанные попытки Геринга сохранить мир. Однако куда больше меня тревожило отношение России. Хотя я и считал, что при всей своей относительной неподготовленности люфтваффе и вермахт смогут доказать свое превосходство над польскими войсками, военная мощь России была слишком велика, чтобы они могли с ней тягаться. Это меня очень тревожило. Однако, когда в конце своего выступления Гитлер проинформировал нас о нейтралитете России и о том, что с ней заключен пакт о взаимном ненападении, у меня словно гора с плеч свалилась.

Вечером после совещания я вылетел обратно в Берлин, погруженный в тягостные раздумья. В памяти опять ожили воспоминания о днях, предшествовавших началу Первой мировой войны, когда я ощущал такую же неуверенность и напряжение, хотя в то время лично на мне не лежало тяжелое бремя ответственности.

Для нас, представителей люфтваффе, война означала боевые действия в воздухе. Однако, за исключением отдельных летчиков, воевавших в Испании, у нас не было практического боевого опыта. Исходя из накопленных нами знаний мы разработали наши собственные принципы воздушной войны и соответствующие им правила стратегии и тактики, которые вошли в нашу плоть и кровь. Однако никаких международных правил и рекомендаций, касающихся воздушной войны, не существовало. Попытка Гитлера полностью запретить боевые действия в воздушном пространстве была отвергнута на международных конференциях, как и его предложение применять ВВС исключительно в военных целях. Тем не менее, во внутренних уставах и инструкциях наших ВВС – а я как начальник главного штаба сыграл немаловажную роль в их разработке – содержались моральные принципы, необходимость соблюдения которых диктовала нам совесть. В соответствии с этими принципами ВВС должны были атаковать только сугубо военные цели (список объектов, подпадающих под это определение, был существенно расширен лишь после начала тотальной войны), в то время как атаки незащищенных городов и гражданских лиц были запрещены.

Мы исходили из того, что ВВС будут использоваться для оказания поддержки сухопутным войскам, а также для осуществления внезапных для противника высадок десанта или отдельных парашютистов. Серьезные споры с главнокомандующим группы армий «Север» фон Боком закончились. Будучи сам в прошлом армейским офицером, я слишком хорошо понимал проблемы и потребности сухопутных войск, чтобы в ходе коротких бесед не прийти к согласию с ним. Я не был подчинен фон Боку, но добровольно признал его старшинство во всех вопросах, связанных с тактикой наземных боевых действий. Если мы расходились во мнениях, а такое неизбежно случалось время от времени в ходе всех кампаний (мы тесно сотрудничали с фон Боком в боевых действиях против западных держав и России), благодаря нашему обоюдному стремлению принять наилучшее для той или иной ситуации решение нам было достаточно сказать друг другу буквально несколько слов по телефону, чтобы снять проблему. Даже тогда, когда приоритетными являлись интересы и соображения военно-воздушных сил, я искал пути и способы удовлетворить потребности сухопутных войск. Мы с фон Боком знали, что можем положиться друг на друга; наши начальники штабов – фон Сальмут (группа армий «Север») и Шпейдель (командование ВВС) – нам очень помогали. Сотрудничество с Герингом как главнокомандующим люфтваффе было хорошо отлажено, а в лице маршала авиации Иесконнека мы имели весьма проницательного человека и искусного военачальника, который хорошо знал своих офицеров и остальной личный состав и умел хладнокровно и твердо отстаивать свои взгляды в беседах с Герингом и Гитлером.

Незадолго перед вылетом я успел побеседовать с представителями нижестоящих штабов и командирами подчиненных частей, и в результате у меня возникла убежденность, что мы, пожалуй, сделали все возможное для того, чтобы быстрый, внезапный и массированный удар принес успех. Люди, с которыми я разговаривал, пребывали в мрачном настроении, но были уверены в своих силах. Они знали, что им предстоит сразиться с сильным, фанатичным, безжалостным и хорошо обученным противником, который к тому же по меркам 1939 года был хорошо вооружен.

Истребительная авиация Польши внушала уважение как с точки зрения количества машин, так и с точки зрения их качества. В то же время польская бомбардировочная авиация существенно от нее отставала. Располагая «мессершмиттами» 109-й и 110-й модификации и имея в своем распоряжении 500 истребителей против 250 у Польши, мы предложили нанести

мощный удар по наземным объектам ВВС противника (аэродромам и местам стоянки самолетов). Кроме того, это было необходимо сделать для того, чтобы предотвратить разрушительные удары польской бомбардировочной авиации по базам на нашей территории. В задачу люфтваффе не входила бомбардировка польских военных заводов, но некоторые аэродромы и прочие авиаобъекты, имевшиеся, например, в Варшаве, были внесены в списки целей для бомбометания. Мы могли позволить себе не рассматривать военные предприятия в качестве первоочередных целей, поскольку, если бы кампания завершилась так быстро, как мы рассчитывали, продукция этих предприятий перестала бы иметь для Польши какое-либо значение. С другой стороны, крайне важно было сразу же после начала боевых действий дезорганизовать действия польского командования путем нанесения мощных ударов по объектам связи, в том числе по передающим телеграфным станциям. Наконец, те части польской армии, которые могли быстро выдвинуться для оказания сопротивления нашему наступлению, следовало по возможности атаковать в местах их постоянной дислокации.

Задача оперативной воздушной разведки, которую осуществляли разведывательные подразделения 1-го воздушного флота и штаба сухопутных войск, состояла в том, чтобы как можно скорее представить командованию общую картину передвижений войск противника в районах до самой Вислы и даже за ней. Бомбардировочной авиации было дано специальное задание совместно с военно-морскими силами атаковать полуостров Хела, подготовив тем самым условия для высадки десанта с моря.

Силы нашей зенитной артиллерии, имевшей в своем составе приблизительно 10000 легких и тяжелых зенитных орудий, по приказу административного командования воздушных районов были сконцентрированы таким образом, чтобы обеспечить защиту от авиаударов аэродромов и других тактически важных объектов люфтваффе, а также железнодорожных объектов и путей, идущих с востока на запад, равно как и многочисленных заводов в центральной части страны. Армейским частям на полковом уровне были приданы зенитные подразделения для защиты от ударов с воздуха (в то время еще не было частей и соединений, в которых были бы объединены несколько родов войск). Однако так или иначе налицо было явное несоответствие между нашими задачами и теми силами и средствами, которые находились в нашем распоряжении{1}.

В этой ситуации можно было выйти из положения только

благодаря гибкой стратегии и инициативности отдельных частей, подразделений и экипажей. Итоги первого дня боевых действий укрепили нас в наших надеждах на благоприятный исход. Данные аэрофотосъемки показали, что нам удалось нанести тяжелый удар по польским ВВС и приостановить общую мобилизацию сил. Мы стали вести наблюдение за уже атакованными объектами и через неравные промежутки времени проводить рейды по тылам противника. В течение нескольких следующих дней становилось все более очевидным, что нашей непосредственной задачей являются поддержка с воздуха действий сухопутных войск, рейды по местам концентрации сил противника и нанесение ударов по ним в момент их передвижения.

То, что польские вооруженные силы продемонстрировали невероятно высокий боевой дух и, несмотря на дезорганизацию связи и управления войсками, сумели оказать достаточно серьезное сопротивление там, где была сконцентрирована основная сила наших ударов, можно считать как заслугой польского командования, так и результатом наших промахов. Кризисные ситуации, такие, например, как прорыв поляков на Бзуре и в районе Варшавы, были преодолены благодаря образцовому взаимодействию ВВС и сухопутных войск и тому, что мы наносили массированные удары, бросая для этого в бой все без исключения самолеты непосредственной поддержки и все бомбардировщики, которые были в нашем распоряжении. Основная тяжесть боев легла на бомбардировщики «штукас» и истребители, ежедневно совершавшие множество боевых вылетов{2}.

На моем участке фронта почти все оперативные перемещения польских сил неизбежно осуществлялись через Варшаву. Это определило нашу стратегию, состоявшую прежде всего в нанесении ударов по узловым транспортным магистралям и их пересечениям. Чтобы предотвратить разрушение города, я приказал применять для решения этой задачи исключительно бомбардировщики «штукас», способные осуществлять бомбометание с предельно малой высоты. Они должны были действовать под прикрытием истребителей. Было сброшено большое количество 1000-килограммовых бомб. Результаты бомбардировок железнодорожных узлов были удовлетворительными, однако на совесть выстроенные мосты устояли, продемонстрировав тем самым, что есть задачи, которые с помощью авиаударов решить невозможно. К сожалению, мы усвоили этот урок лишь в последние годы войны.

В дни Польской кампании я нередко сам наблюдал за полем боя с воздуха. Приходилось мне летать и над Варшавой, которая

была совсем неплохо защищена средствами противовоздушной обороны и прикрывалась с воздуха истребителями. Могу с гордостью сказать, что наши летчики, в соответствии с приказом, старались, и довольно успешно, атаковать лишь важные с военной точки зрения цели, хотя порой под удар, в соответствии с законами дисперсии, попадали и дома с гражданским населением, расположенные в непосредственной близости от этих целей. Я часто посещал эскадрильи «штукас» после возвращения боевых машин с бомбардировок Варшавы, расспрашивал экипажи об их впечатлениях и изучал повреждения, нанесенные самолетам огнем зенитной артиллерии. Некоторые из бомбардировщиков напоминали решето, и казалось чудом, что они смогли вернуться на базу. Серьезно поврежденные крылья, оторванные нижние плоскости, выпотрошенные фюзеляжи с держащимися буквально на честном слове элементами системы управления… Несомненно, доктор Коппенберг и его инженеры, создавшие такую машину, как «Ю-87», заслуживают самой глубокой благодарности.

В конце Польской кампании Варшава снова была подвергнута массированному удару с воздуха. При поддержке тяжелой артиллерии под командованием генерала Цукерторта командование ВВС попыталось подавить очаги сопротивления и таким образом закончить войну. Через несколько дней, 27 сентября, бомбардировки города в сочетании с артобстрелами позволили нам добиться желаемого результата. Командование ВВС в основном ставило перед летчиками задачу атаковать те объекты и районы, которые находились за пределами радиуса действия артиллерии, а также те, против которых артиллерийский огонь был недостаточно эффективен. Бласковиц, командующий войсками, осаждавшими польскую столицу, имел все основания для того, чтобы испытывать чувства гордости. Во время встречи с Гитлером 6 октября 1939 года он заявил, что успех был достигнут благодаря армейской артиллерии; я, однако, вынужден был от лица люфтваффе указать на то, что польские пленные до смерти напуганы бомбардировщиками «штукас» и что тот факт, что ряд целей в Варшаве поражен ударами с воздуха, наглядно доказывает, что ВВС внесли свою лепту в достижение победы. Состоявшаяся вскоре после этого поездка по городу сделала то, о чем я говорил, очевидным.

Случай, происшедший в день падения Варшавы, продемонстрировал нам особенности менталитета Гитлера. Он приказал накормить тех, кто собрался на аэродроме, из полевой кухни. Бласковиц, думая, что взятие Варшавы является поводом для празднества, распорядился расставить в ангарах дополнительные столы и скамьи. Столы по его распоряжению

были накрыты бумажными скатертями и украшены цветами. Гитлер пришел в бешенство. Резко оборвав фон Браухича, пытавшегося заставить его изменить свое решение, фюрер, так и не притронувшись к еде, покинул Варшаву и улетел со своими помощниками в Берлин. С этого момента, как выяснилось впоследствии, Гитлер относился к Бласковицу с подозрением.

В то время мы считали вмешательство России в конце кампании совершенно излишним, не говоря уже о трениях, возникших вскоре между Россией и Германией в связи с обстрелом русскими истребителями самолетов, находившихся в моем подчинении. Никак не отреагировать на этот инцидент из уважения к русским было весьма непросто. Всех нас это особенно разозлило еще и потому, что русские вообще не проявляли особого дружелюбия и даже скрывали от нас жизненно необходимые метеорологические прогнозы. Все это впервые познакомило меня с тем, какой странной может быть коалиционная война.

Поляки были разгромлены после нескольких недель боев. Польша была оккупирована. Эта кампания продемонстрировала, что в том, что касается стратегических аспектов применения ВВС, мы находились на правильном пути. В то же время довольно многочисленные неудачи показали, что нам еще предстоит многое сделать, если мы намерены воевать с более сильным противником.

Сухопутным частям нужно было обеспечить постоянную и мощную воздушную поддержку. Это означало необходимость еще более тесной координации действий и еще более ярко выраженной непосредственной поддержки армейских частей со стороны боевых самолетов, в первую очередь бомбардировщиков «штукас», истребителей и истребителей преследования. Кроме того, необходимо было увеличить численность бомбардировщиков, а также повысить уровень подготовки летного состава.

Хотя в целом все новые типы самолетов – «Хейнкель-126», «Дорнье-17», «Мессершмитт-110», «Юнкерс-87», «Хейнкель-111», «Юнкерс-88», «Дорнье-18», «Хейнкель-115», «Арадо-196» (последние три машины были самолетами морской авиации) – выдержали проверку боевыми действиями, тем не менее даже самые скоростные из них были чересчур медленными. Все они имели слишком малый радиус действия, слабое вооружение и способны были нести на себе весьма мало боеприпасов. Соответственно, перед конструкторами вставали новые задачи.

Зенитные части имели не так уж много возможностей проявить себя. Однако в тех случаях, когда их приходилось

использовать, они полностью себя оправдали и снискали особое уважение благодаря удачным действиям в наземных операциях. Теперь нужно было обеспечить наличие зенитной артиллерии в крупных частях и соединениях, а также увеличить общую ее численность и мощь.

Тот факт, что я был награжден Рыцарским железным крестом, который Гитлер лично вручил мне в рейхсканцелярии (такие же награды получили и руководители других видов вооруженных сил), я воспринял как признание заслуг всего личного состава 1-го воздушного флота, как летного, так и наземного. Мне кажется, я могу без хвастовства, нисколько не принижая роль сухопутных войск и военно-морских сил, сказать, что без люфтваффе блицкриг не состоялся бы, а наши потери были бы куда более тяжелыми. Я также готов поклясться своей честью, что войну против Польши мы, немцы, вели по-рыцарски и, насколько это возможно в ходе боевых действий, гуманно.

Поскольку Польская кампания потребовала от меня полной концентрациии энергии и внимания, у меня практически не было времени анализировать происходившие в то время исторические события, не имевшие ко мне непосредственного отношения, и потому я только фиксировал их в своем сознании. К ним, в частности, относится объявление Англией и Францией войны Германии. Оно, кстати, лишь еще больше укрепило мою решимость сделать все возможное для быстрого окончания Польской кампании. Я использовал любую возможность для того, чтобы объяснить подчиненным, что своими действиями на востоке мы можем помочь нашим товарищам на Западном фронте. Подавив как можно быстрее сопротивление поляков, говорил я, мы высвободим силы и ресурсы, которые остро необходимы на западе.

Стартовав из Кенигсберга, где было последнее место дислокации моего штаба, я пролетел над Хеннингс-хольмом, где вместе со штабом был расквартирован в момент начала Польской кампании, и направился дальше, в Берлин, к семье. Царившая среди моих родных атмосфера счастья и любви помогла мне забыть об умственном и физическом перенапряжении, которое мне довелось пережить.

Глава 8.
Между кампаниями. Зима 1939/40 года

Распространение зоны ответственности командования на северную часть Польши.

– Реорганизация обороны.

– Перевод на запад, на должность командующего 2-м воздушным флотом

Читателю, возможно, будет интересно узнать, что, будучи командующим 1-м воздушным флотом, я ничего не знал ни о стратегической концентрации сил и средств на западе, ни о плане наступления Гитлера. Мне пришлось передислоцировать львиную долю подчиненных мне частей. Часть из них была переброшена в район моей прежней зоны ответственности, часть – на запад, в зону ответственности 2-го воздушного флота, командование которого размещалось в Брунсвике, и 3-го воздушного флота с командованием в Мюнхене. Первым делом надо было их перевооружить и дать отдохнуть личному составу. В то время мне ничего не было известно ни о колебаниях, существовавших в нашем военном планировании, ни о напряженности в отношениях между Гитлером и главнокомандующим сухопутных войск; об этих вещах я узнал лишь после войны. Столь сильная закрытость и отсутствие каких-либо утечек информации объяснялись стилем руководства, характерным для Гитлера, – он один держал в руках все бразды правления. У кого-то на этот счет может быть иное мнение, но, на мой взгляд, преимущество подобного стиля руководства состоит в том, что командиры всех уровней концентрируют все свои интеллектуальные усилия на решении одной задачи – той, которая непосредственно стоит перед ними. Изучая военную историю, я искренне поражался тому, до какой степени влияли на командиров высшего звена взгляды, тревоги, советы и критика их ближайших коллег. В подобных случаях широта взгляда на проблему шла во вред глубине. Что до меня, то я был лишь рад отсутствию необходимости беспокоиться по поводу проблем, возникающих на других фронтах, – это лишь отвлекало бы меня от моих собственных. Я слишком уважал людей, которым было поручено командование другими участками, чтобы считать, будто мои советы могли бы им чем-то помочь.

Разумеется, все можно довести до абсурда, и, к сожалению, история Второй мировой войны дает нам достаточно примеров перегибов, имевших катастрофические последствия. Однако

зимой 1939/40 года я был рад возможности не забивать себе голову по поводу положения дел на западе. Я был буквально завален текущей работой в моей зоне ответственности, географические рубежи которой расширились за счет включения в нее северной части Польши. Это означало, что базы ВВС, созданные в последние годы в восточных районах Германии, поблизости от границы, нужно было перебросить в Польшу, где их следовало реорганизовать и расширить с использованием объектов и инфраструктуры, оставленных поляками. Эта работа была доверена генералу Бинеку, в прошлом пилоту, ветерану Первой мировой войны, занимавшему должность командующего административной зоной в районе Познани. Во время моих многочисленных полетов над территорией Польши я был счастлив видеть, как внизу, на земле, с удивительной быстротой разворачиваются работы, в результате которых к концу 1939 года были созданы первые летные школы, в том числе школа для пилотов бомбардировочной авиации в Торне, а в Варшаве открылись мастерские по ремонту самолетов. Появление на польской территории объектов, на которых можно было заниматься обучением личного состава, являлось очень большим подспорьем. Они облегчали Германии решение проблемы дефицита географического пространства. По мере того как в Польшу перебрасывались сильные, хорошо обученные части люфтваффе, в районах их новой дислокации создавались сети противовоздушной обороны, что, помимо прочего, помогало решить проблему умиротворения оккупированных территорий.

В моей прежней зоне ответственности организация эффективной противовоздушной обороны в это время стала приоритетной задачей, поскольку было ясно, что с вступлением в войну Англии и Франции рано или поздно возникнет проблема воздушных налетов. Первым делом следовало позаботиться о защите Берлина, индустриальной зоны в Центральной Германии, в частности промышленных центров Магдебурга и Лейпцига, а также Бреслау с прилегающими районами добычи угля и морскими портами, в первую очередь Гамбурга и Штеттина{3}. В тот период организация ПВО для защиты портов Восточной Пруссии и чехословацких городов с развитой индустрией по своей важности стояла на втором месте.

По давно уже сложившейся привычке я все предпочитал видеть своими глазами и потому старался как можно чаще бывать на маневрах ВВС и учениях частей противовоздушной обороны, на контрольных стрельбах зенитной артиллерии. Общая картина состояния ПВО в зоне моей ответственности, которую я получил благодаря многочисленным неожиданным визитам в части в

период празднеств и торжеств, убедила меня в том, что мы уже переболели детскими болезнями. Время должно было помочь нам развить созданные системы защиты в соответствии с техникой и тактикой, применяемыми для нанесения авиаударов.

В последнем квартале 1939 года Йесконнек впервые рассказал мне о своем плане реорганизации системы противовоздушной обороны в Германии. Он считал необходимым слить все зенитные части и службы ПВО в единую организацию. Мы подробнейшим образом проанализировали все достоинства и недостатки этого замысла и пришли к выводу, что новая организация была не только идеальным, но и единственно возможным решением проблемы, способным обеспечить максимальную защиту при минимуме средств. Реализацией наших идей занялся генерал Стумпф и эксперт в области зенитной артиллерии Визе. Геринг помогал своими директивами. Хотя он и был непревзойденным мастером по части перекладывания своей работы на подчиненных, время от времени, предаваясь размышлениям в часы своего весьма продолжительного досуга, он выдавал весьма плодотворные идеи, касающиеся развития люфтваффе. К примеру, именно Герингу принадлежала идея создания крупных соединений зенитной артиллерии – дивизий и корпусов. Она полностью себя оправдала. Однако, входя в состав сухопутных войск, зенитные части, тем не менее, оставались в подчинении ВВС и, соответственно, главнокомандующего люфтваффе. Это была неудачная схема, которая могла бы поставить под угрозу единство командования. Угроза эта могла быть снята лишь при условии, что военно-воздушные силы добровольно согласились бы играть вторую скрипку.

12 января 1940 года как глава берлинского командования ВВС я, как обычно, от себя и своих подчиненных поздравил рейхсмаршала с днем рождения. Затем состоялся обед, на котором присутствовали все высокопоставленные деятели рейха. Я был рад этой возможности прояснить для себя целый ряд вопросов, относившихся к сфере моей деятельности. За день до этого пошли слухи о том, что между Герингом и Гитлером произошла шумная ссора, хотя никто не знал, какова была ее причина. Когда время моей встречи с Герингом было перенесено на час вперед, я предположил, что это каким-то образом связано с упомянутой неприятной историей. Я не ошибся. Никогда – ни прежде, ни впоследствии – я не видел Геринга в состоянии столь глубокой хандры, а при его темпераменте это говорило о многом. Впрочем, у него были основания для того, чтобы чувствовать себя подавленным. Выяснилось, что один из наших летчиков совершил

вынужденную посадку в Бельгии, причем помимо него в самолете находился пассажир, у которого был черновик нашего плана кампании. Того, что одним из участников этого происшествия оказался летчик, было вполне достаточно, чтобы расстроить человека даже с более крепкой нервной системой, чем у Геринга. Степень нанесенного ущерба, однако, невозможно было оценить, поскольку полная информация об этом инциденте была недоступна. Мы не знали, какие именно части плана не были сожжены пилотом и таким образом оказались в руках бельгийского Генерального штаба и, следовательно, в руках французов и британцев.

Когда вскоре после меня прибыл маршал авиации Веннингер, некогда работавший на должности военного атташе в Лондоне, а в то время представлявший наши интересы в странах Бенилюкса, оказалось, что он также не в состоянии дать нам удовлетворительные объяснения по поводу этой истории. Никто не сомневался, что двум несчастным грозил приговор военного суда. Однако в данном случае, как это вообще нередко случалось в ходе первых кампаний, нам повезло. Коротко говоря, противник не оценил в должной мере важность попавших к нему документов, а мы со своей стороны вскоре изменили общий план наших действий.

Первым делом мне пришлось выслушать поток брани в адрес командного состава люфтваффе. Геринга нисколько не заботило то, что вряд ли можно было обоснованно возложить ответственность за происшедшее на кого-либо из компетентных офицеров 2-го воздушного флота. Командующий флотом, маршал авиации Фельми и начальник штаба Каммхубер были немедленно сняты со своих должностей. Все мы подверглись жестокому разносу и получили новые назначения. Что касается меня, то в мой адрес Геринг рявкнул (иного слова и не подберешь): «А вы возьмете на себя командование 2-м воздушным флотом!»

Далее последовала пауза, после которой Геринг добавил: «Потому что больше у меня никого нет».

Тон его был отнюдь не дружеским, но, по крайней мере, он говорил искренне!

Во время обеда, который последовал за этой встречей, я сумел вкратце обрисовать Стумпфу, который сменил меня на должности командующего 1-м воздушным флотом, круг его новых обязанностей.

Для меня вся эта история означала конец передышки между двумя кампаниями. На следующее же утро, 13 января 1940 года, я вместе с моим проверенным пилотом Зелль-маном сидел в кабине моего старого «Ю-52». В условиях сильного обледенения мы

летели в Мюнстер, туда, где в казармах службы связи люфтваффе расположился боевой штаб 2-го воздушного флота. Мой прежний начальник штаба Шпейдель также перебрался туда следом за мной.

Глава 9.
2-й Воздушный флот в Западной кампании

Стратегическая концентрация сил на западе с участием трех групп армий – B, A и C; главную задачу решает группа A (прорыв танковой группы фон Клейста в Арденнах).

– 10.05.1940 года, 5.35 утра. Начало наступления, выброска воздушных десантов в Голландии (Роттердам и т. д.).

– 11.05.1940 года. Захват форта Эбен-Эмаэль.

– 14.05.1940 года. Капитуляция Голландии.

– 17-24.05.1940 года. Германские танки прорываются к побережью Ла-Манша. Бои за плацдармы в Артуа, Фландрии и Дюнкерке.

– 28.05.1940 года. Капитуляция Бельгии.

– 4.06.1940 года. Завершение эвакуации британских экспедиционных сил из Дюнкерка.

– 5.06.1940 года. Наступление группы армий B вдоль русла Сены и в низовьях Марны.

– 9.06.1940 года. Наступление группы армий A в верхнем течении Эсны.

– 10.06.1940 года. В войну вступает Италия.

– 14.06.1940 года. Наступление группы армий C в верховьях Рейна.

– 14.06.1940 года. Оккупация Парижа.

– 16.06.1940 года. Петен создает новое французское правительство.

– 22.06.1940 года. Подписание перемирия между Францией и Германией

Наши группы армий при активной поддержке люфтваффе беспрепятственно прошли широким фронтом по территории Польши, и сопротивление поляков было быстро сломлено. Многие задавались вопросом, как теперь пойдут дела на западе, где перед нами стояла задача нанести поражение армиям двух великих держав, занимающим выгодные позиции. Я смотрел в будущее с надеждой. Как сухопутные войска, так и люфтваффе доказали свою храбрость и мужество в Польской кампании и, что еще более важно, извлекли из нее уроки, которые наверняка давали нам весьма существенное преимущество перед противником, компенсировать которое у него не было возможности. Я был убежден, что до начала наступательной операции у нас достаточно времени, чтобы перевести приобретенный опыт в практическую плоскость и ликвидировать

наши недостатки в боевом и техническом оснащении. Со своей стороны, западные державы в последние четыре месяца демонстрировали нерешительность, которую можно было истолковать как проявление слабости.

Приняв командование 2-м воздушным флотом от маршала авиации Фельми, я обнаружил в подчиненных мне частях исключительно высокий уровень боеготовности. В то время как противник бездействовал, мы провели некоторое количество разведывательных полетов, а также операций, целью которых было нарушить тыловое обеспечение западных держав.

В то время 2-й воздушный флот включал в себя следующие структуры:

– 2-е командование войск связи;

– 122-я эскадрилья глубокой разведки;

– 4-я авиагруппа под командованием маршала авиации Келлера;

– 8-я авиагруппа под командованием маршала авиации фон Рихтгофена;

– 9-я авиагруппа под командованием маршала авиации Колера (с 23 мая 1940 года);

– 1-я авиагруппа под командованием маршала авиации Грауэрта (с 15 мая 1940 года);

– воздушно-десантная группа под командованием маршала авиации Штудента;

– 1-е авиакрыло истребительной авиации под командованием генерала Остеркампа;

– 2-й корпус зенитной артиллерии под командованием генерал-лейтенанта Десслоха;

– 4-я воздушная административная зона (Мюнстер) под командованием генерал-лейтенанта Шмидта;

– 10-я воздушная административная зона (Гамбург) под командованием генерал-лейтенанта Вольфа.

2-й воздушный флот был придан группе армий В под командованием генерала фон Бока для оказания сухопутным войскам авиаподдержки. Группа армий В состояла из 18-й армии, которой командовал генерал фон Кюхлер, и 6-й армии под командованием генерала фон Райхенау. Кроме того, 2-й воздушный флот должен был оказывать поддержку Северному командованию военно-морских сил, во главе которого стоял адмирал Карле.

Следующие несколько дней я занимался процедурой передачи дел и совершал ознакомительные полеты. Первым делом я побывал в штабе группы армий, поскольку, с моей точки зрения, мой контакт с его работниками был недостаточно тесным.

Фон Бок удивился, увидев вместо Фельми меня, но был искренне рад возможности возобновить наши отношения товарищей по оружию. Начало наступления было назначено на середину февраля. Мы оба считали весьма вероятным, что в первоначальный план будут внесены изменения, но они не могли быть слишком серьезными, и потому эту тему мы не обсуждали. Я еще раз проинформировал фон Бока о составе и задачах 2-го воздушного флота и сообщил ему о своей уверенности в том, что мои части его не подведут. Особое внимание я уделил двум вопросам, по которым высказался весьма подробно: 1) я отметил, что на третий день наступления танковые части 18-й армии должны будут соединиться с десантными группами под командованием Штудента в Роттердаме или неподалеку от него; 2) я сказал, что, поскольку передовые отряды сухопутных войск имеют явно недостаточно сил и средств для того, чтобы без чьей-либо поддержки удержать захваченные мосты, им нужно немедленно установить связь с подразделениями грузовых планеров на канале Альберта.

Фон Бок был отнюдь не уверен в том, что ему удастся вовремя выйти на намеченные позиции в районе Роттердама. Однако, когда я без обиняков сказал ему, что судьба десанта, да и операции, проводимой группой армий, полностью зависит от своевременного прибытия на место механизированных частей сухопутных войск, фон Бок заверил меня, что сделает все, что в человеческих силах, чтобы не опоздать. Чтобы ему было легче давать это обещание, я гарантировал ему максимальную поддержку с воздуха. Было очевидно, что для того, чтобы не допустить разрыва между передовыми частями 18-й армии и частями, действующими на левом фланге, последним придется продвигаться вперед с максимальной быстротой. Помимо прочего, продвижение 6-й армии могло помочь нанесению главного удара группой армий под командованием фон Рундштедта, которая должна была действовать левее против французов.

Мне показалось, что штабу 8-й авиагруппы удалось наладить прекрасный контакт с 6-й армией и танковым корпусом Хепнера. Позднее я еще больше укрепился в этом мнении, побывав в штабе 6-й армии. Начальником штаба там был генерал Паулюс, имя которого широко известно в связи со Сталинградской битвой. Он произвел на меня особенно хорошее впечатление своим спокойствием и хладнокровными рассуждениями по поводу предстоящей пробы сил. Поскольку ему приходилось работать в связке с темпераментным фон Райхенау, все должно было быть в порядке.

4-й авиагруппе предстояло действовать в глубине боевых порядков противника. В ее задачи входило оказание поддержки воздушному десанту, действующему в отрыве от наших основных сил, нанесение упреждающих ударов по вражеским аэродромам, а также наблюдение за передвижениями войск противника в тыловых районах и создание препятствий для их свободного маневрирования.

9-я авиагруппа все еще находилась в стадии формирования, а ее личный состав обучался установке минных полей. По моим расчетам, она должна была обрести полную боевую готовность в конце апреля – начале мая 1940 года.

122-я эскадрилья глубокой разведки уже проявила себя в разведывательных полетах над морем. В этом подразделении была очень хорошая команда летчиков, которые выполняли исключительно полезную работу. Потери, которые понесла эскадрилья, были сравнительно небольшими, хотя, разумеется, они никого не радовали.

В штабе воздушно-десантной группы (в нее входили 7-я парашютно-десантная дивизия, 22-я пехотная дивизия, воздушно-транспортные части и подразделения, планеры и т. д.) я выяснил, что детальный оперативный и тактический план ее действий был разработан лично Гитлером. Маршал авиации Штудент весьма тщательно осуществлял подготовку к проведению операции, проявляя при этом недюжинное воображение. Весьма квалифицированную помощь в трудоемких технических и тактических приготовлениях ему оказывали полковые офицеры – капитан Кох, лейтенант Вицлебен и другие. Хотя я сам имел некоторый опыт воздушно-десантных операций, мне пришлось узнать много нового, прежде чем я осмелился выступить с какими-то предложениями. Что касается вопросов тактики, то тут я чувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы сразу же принять участие в процессе подготовки к операции. Мне было приятно убедиться в том, что генерал-майор фон Спонек, командир 22-й пехотной дивизии, был весьма энергичным, по-хорошему гибким военным и неплохо разбирался в вопросах, касающихся ВВС. Впоследствии граф фон Спонек был осужден военным судом за то, что нарушил приказ и отступил из Крыма. В конце войны он был расстрелян в Гермершайме – насколько мне известно, его казнили по приказу Гиммлера или Гитлера, отданного во время приступа паники.

Задача генерала Остеркампа, старого «орла», ветерана Первой мировой войны, состояла в том, чтобы с помощью истребителей обеспечить непосредственную поддержку сухопутным войскам и прикрыть «юнкерсы», используемые для

десантной операции, как в воздухе, так и на земле. Это было новое по своему характеру задание, для выполнения которого необходимы были высокое мастерство летного состава, а также организационные способности и быстрота тактического мышления командования.

2-му корпусу зенитной артиллерии приходилось бороться с трудностями, являвшимися следствием его чересчур поспешного формирования. Генерал Десслох, в прошлом кавалерист и летчик, имел достаточный опыт в ведении наземных боевых действий, чтобы удовлетворить потребность сухопутных сил в защите от атак с воздуха. Однако втиснуть на марше зенитную артиллерию в походные колонны сухопутных частей оказалось весьма нелегким делом: ни один армейский командир не хотел нарушать походные порядки своей части или подразделения, никто не желал двигаться в хвосте зенитчиков. В то же время все хотели, чтобы в нужный момент они оказывались рядом. Это был вопрос из разряда тех, которые требовали моего личного вмешательства. В подобных случаях нам обычно удавалось находить компромиссные решения, хотя они не всегда были удовлетворительными, а подчас оказывались и неудачными.

После моих ознакомительных поездок по штабам подчиненных мне структур потянулись весьма напряженные недели штабных совещаний, внесения изменений в планы и оперативных учений по отработке действий в ходе предстоящих операций, которые проводились как на земле, так и в воздухе. Так продолжалось с февраля по начало мая. По окончании этого периода я полностью вошел в курс всех дел. Хотя это требовало немалых финансовых средств, было решено укомплектовать 4-е бомбардировочное авиакрыло машинами «Хе-111», а 30-е бомбардировочное авиакрыло – «Ю-88». Штабы и боевые части отрабатывали свои действия на первом этапе операции. Нам удалось добиться полного взаимодействия сухопутных войск и ВВС. 8 мая 1940 года я присутствовал на заключительном совещании воздушно-десантной группы, в котором участвовали командиры всех отдельных частей и подразделений и на котором были получены ответы на последние нерешенные вопросы. На мой взгляд, предложенная схема организации связи была слишком сложной, тем более что Штудент явно не хотел давать 22-й пехотной дивизии полную свободу действий. Проведение операции осложняло еще и то обстоятельство, что в нее вмешивались Гитлер и Геринг (например, идея использования так называемых «кумулятивных мин», разрушивших бронированные башни форта Эбен-Эмаэль, принадлежала Гитлеру). С другой стороны, их вмешательство обеспечило Штуденту в некотором

роде привилегированную позицию, за которую он ухватился обеими руками. Когда начались боевые действия, уже в самые первые часы стало очевидно, что командованию ВВС, являвшемуся единственным стабильным руководящим звеном в осуществлении воздушной части операции, придется куда активнее участвовать в корректировке тактики, чем предполагалось поначалу.

Как я уже говорил, Штудент хотел сам руководить операцией, находясь на переднем крае. Было бы лучше, однако, если бы на начальной стадии операции он отдавал приказы, находясь в тылу, и взял на себя управление войсками непосредственно на поле боя лишь тогда, когда появилась бы возможность беспрепятственно руководить действиями двух дивизий, входящих в состав десанта, из штаба, дислоцированного на передовых позициях. Разумеется, 7-й дивизии ВВС потребовался бы собственный оперативный штаб, но этот вопрос можно было бы решить. Имелись и другие моменты, которые меня беспокоили. Несмотря на все свои преимущества, «Ю-52» при использовании его в качестве военно-транспортного самолета имел целый ряд серьезных недостатков. У него не было противопулевой защиты топливного бака. К тому же, поскольку использование его для выброски десанта было своего рода импровизацией; у него было слишком слабое вооружение и недостаточный радиус действия. Время перелета до точки десантирования составляло несколько часов, а выброска десанта должна была произойти точно в назначенное время, минута в минуту. На маршруте протяженностью в многие сотни километров транспорты должны были сопровождать наши истребители. С помощью «Ме-109», способных находиться в воздухе лишь в течение короткого периода времени, эту задачу решить было практически невозможно. Тем не менее, Остеркамп и его первоклассные летчики сумели это сделать.

Синхронизировать по времени бомбардировку датских аэродромов и выброску десанта на бумаге было куда легче, чем на деле. Вдобавок ко всему, вечером 9 мая был получен приказ от явно нервничавшего главнокомандующего люфтваффе. В нем говорилось, что двум эскадрильям тяжелых бомбардировщиков надлежало действовать за пределами побережья Дании на случай внезапного появления боевых кораблей противника. Приказ поступил в штаб в мое отсутствие, и мой начальник оперативного отдела не мог отменить его, несмотря на все свои опасения по поводу того, что его выполнение может помешать своевременной высадке десанта.

Первая фаза операции на Западе

Начальная стадия операции прошла в соответствии с планом. Я вздохнул с облегчением, когда были получены первые благоприятные доклады о захвате мостов через канал Альберта и форта Эбен-Эмаэль, о точных высадках десанта на мосту через реку Маас в Мордийке и на аэродромах Роттердама и об одновременном овладении этими объектами.

Неясные донесения о высадке десанта с «Юнкерсов-52» на побережье к югу от Гааги, устный доклад командира крыла военно-транспортных самолетов о десантировании на шоссе между Роттердамом и Гаагой, сопровождавшемся атаками противника на земле и в воздухе, сообщения о завязавшихся вокруг аэродромов Роттердама боях и потерях среди авиатранспортов, получаемые по мере того, как десантная операция развивалась, – все это создавало неразбериху и совершенно не устраивало ни меня, ни главнокомандующего люфтваффе. Разведывательный полет, предпринятый начальником оперативного отдела моего штаба, в конце концов дал нам возможность успокоиться по поводу ситуации в Роттердаме. Информация от частей воздушно-десантной группы поступала с большим опозданием. Сообщения по радиосвязи начинали приходить одно за другим лишь тогда, когда в них содержались просьбы об оказании поддержки, но в них ничего не говорилось о том, в каком положении находится 22-я пехотная дивизия.

Вскоре воздушная разведка установила, что операция по захвату гаагского аэродрома сорвалась. Утром 13 мая Штудент то и дело просил поддержки бомбардировщиков для того, чтобы сломить сопротивление в опорных пунктах обороны противника в Роттердаме и в местах наиболее жесткого противостояния – на мостах, где противнику удалось сковать действия парашютистов. В 14.00 необходимая поддержка была с успехом оказана, и это в конечном итоге привело к капитуляции Голландии 14 мая 1940 года.

Действия ВВС в ходе этой операции вызвали возмущение голландцев. По этому поводу после войны против рейхсмаршала и меня были выдвинуты обвинения, прозвучавшие, в частности, и на Нюрнбергском процессе. Прежде чем бомбардировщики поднялись в воздух, Геринг и я в течение нескольких часов горячо спорили по телефону по поводу того, как именно нужно наносить удар с воздуха, о котором нас просил Штудент, и следует ли вообще это делать. После этих дискуссий я неоднократно предупреждал командира крыла бомбардировщиков о том, чтобы он особенно внимательно следил за сигнальными ракетами и использованием других средств визуальной связи на поле боя и

поддерживал непрерывную радиосвязь с десантом. Наше беспокойство еще больше возросло в связи с тем, что после получения утреннего сообщения от Штудента радиосвязь прервалась, и мы перестали получать информацию о том, что происходило в Роттердаме и в прилегающих к нему районах; это еще больше увеличило риск нанесения бомбового удара по своим войскам. Ни нам, воздушному командованию, ни командованию группы армий не было известно о том, что Штудент, начавший переговоры с голландцами, серьезно ранен и что руководство переговорами принял на себя командующий танковым корпусом генерал Шмидт. Нарушение связи в самый критический момент боя для меня, старого солдата, послужившего и в артиллерии, и в ВВС, не было чем-то необычным. Потому-то я и предупредил на всякий случай командира крыла бомбардировщиков о том, что он должен проявить максимум внимания и осторожности. Вполне возможно, что именно благодаря этому предупреждению удалось предотвратить нанесение 2-й бомбардировочной эскадрильей бомбового удара по городу.

Вот рапорт об этой операции, написанный ее непосредственным участником:

«Бомбардировочная эскадрилья 54, которую я в то время возглавлял, получила приказ от генерал-майора Путциера оказать поддержку действовавшим в предместьях Роттердама войскам под командованием генерала Штудента. Нам следовало нанести бомбовые удары по голландцам и тем самым заставить их отступить из определенных районов города, откуда противник обстреливал продольным огнем мосты через Маас, мешая дальнейшему продвижению подчиненных Штуденту войск. Цели, которые нам надлежало бомбить, были обозначены на карте.

Вскоре после взлета пришло сообщение воздушного командования о том, что Штудент предложил войскам голландцев в Роттердаме сдаться и что в случае, если противник в течение нашего подлетного времени примет это предложение, нам следует атаковать другие цели. Сигналом о сдаче противника должны были стать красные ракеты, выпущенные с острова на реке Маас, расположенного за пределами города. Для выполнения операции наше авиакрыло разделилось на две одинаковые по численности группы. Несмотря на огонь зенитной артиллерии, бомбометание производилось с высоты немногим более 600 метров, так как из-за сильного задымления видимость была очень плохой, а нам было приказано любой ценой атаковать только те цели, которые были обозначены на карте. Я вел за собой группу, шедшую справа. Поскольку красных ракет, выпущенных с острова на реке Маас, я не увидел, бомбовый удар был нанесен.

Бомбы с исключительной точностью легли в обозначенную зону. Как только первые из них были сброшены, зенитная артиллерия противника почти полностью прекратила огонь. Командир авиакрыла Хене, который возглавлял группу, шедшую слева, заметил, как с острова взлетели красные сигнальные ракеты, и, отвернув в сторону, атаковал запасную цель.

Когда я после приземления доложил обо всем по телефону генералу Путциеру, он спросил меня, видели ли мы красные ракеты, выпущенные с острова на Маасе. Я доложил, что правая группа их не видела, а левая группа действительно заметила несколько ракет, и спросил генерала, взят ли Роттердам. Он ответил, что связь с маршалом авиации Штудентом снова прервалась, но что город, по всей видимости, еще не взят и что авиакрыло должно немедленно вылететь по тому же маршруту.

Крыло взлетело вторично. Когда мы были на пути к Роттердаму, нас вызвали по радио и сообщили, что город взят. В заключение хочу заявить, что это определенно была тактическая операция, а именно оказание поддержки сухопутным войскам со стороны ВВС».

Понимая, что вопрос имеет международное значение, я посчитал уместным процитировать этот рапорт, хотя то, о чем в нем говорится, несколько отличается от моей версии случившегося. Основываясь на своих личных беседах с парашютистами в Роттердаме, хочу добавить, что с точки зрения международного права бомбардировка сил, обороняющих город, не противоречит Женевской конвенции и допустима в тактическом отношении, как и оказание поддержки посредством артиллерийского огня. Бомбы попали в цель. Нанесенный бомбардировкой ущерб был в основном вызван пожарами, которые возникли главным образом из-за возгораний нефти и смазочных материалов. В период временного затишья в ходе боевых действий эти пожары вполне можно было взять под контроль.

Возможно, кого-то заинтересует тот факт, что к моменту начала кампании на западе не весь личный состав 7-й парашютно-десантной дивизии прошел полный курс обучения прыжкам с парашютом, так что в операции могла быть задействована лишь его часть. В высадке десанта принимали участие 4500 парашютистов, из которых 4000 были сброшены в Голландии, а 500 находились в планерах, приземлившихся рядом с фортом Эбен-Эмаэль. Оставшаяся часть личного состава дивизии высаживалась с «юнкерсов» и самолетов морской авиации после их посадки.

После того как 13 мая 8-я авиагруппа была переведена в

состав 3-го воздушного флота (другими словами, в состав группы армий под командованием фон Рундштедта) для поддержки наступления танков фон Клейста через Маас, остававшиеся в составе 2-го воздушного флота силы, в основном 4-я авиагруппа и 2-й корпус зенитной артиллерии, необходимо было усилить, чтобы помочь 6-й армии и левому флангу 18-й армии в решении весьма сложной задачи по форсированию многочисленных каналов; это было нужно и для того, чтобы сорвать целый ряд танковых атак французов (например, имевшую место в Жамблу 14 мая) и оказать поддержку нашим дивизиям, принимавшим участие в боевых действиях против британских экспедиционных сил в Левене и Аррасе. Эти действия измотали наш личный состав и привели к износу техники, снизив нашу боеспособность на 30-50 процентов. Переброска частей на прифронтовые аэродромы почти не повлияла на количество ежедневных боевых вылетов, а быстро компенсировать растущие потери личного состава не представлялось возможным.

После капитуляции бельгийских войск у меня появилась надежда, что британские экспедиционные силы вскоре последуют их примеру, что было бы весьма на руку подчиненным мне авиационным частям; учитывая блестящее взаимодействие между нашими танковыми частями и ВВС, превосходство германской стратегии, силу и мобильность наших войск, это, с моей точки зрения, было вопросом дней. Тем сильнее было мое удивление, когда я узнал, что перед подчиненными мне войсками – возможно, в качестве награды за наши недавние достижения – была поставлена задача уничтожить остатки британских экспедиционных сил почти без помощи сухопутных частей и соединений. Главнокомандующий люфтваффе, должно быть, не вполне осознавал, в каком состоянии находились мои летчики после почти трех недель беспрерывных боев, если отдал приказ о проведении операции, успешно осуществить которую было бы очень непросто даже свежим войскам. Я весьма недвусмысленно изложил Герингу свое мнение на этот счет и заявил ему, что решить поставленную задачу невозможно даже при поддержке 8-й авиагруппы. Маршал авиации Йесконнек сказал мне, что придерживается такого же мнения, но что Геринг по какой-то непонятной причине по своей инициативе пообещал Гитлеру стереть англичан с лица земли силами люфтваффе. Легче простить Гитлера за то, что он принял это нереалистичное предложение – он вынужден был держать в голове огромное множество оперативных задач, – чем Геринга за то, что он с этим предложением выступил. Я указал Герингу на то, что недавно в зоне боевых действий появились современные самолеты

«спитфайр». Их появление сильно затруднило наши действия в воздухе и стоило нам немалых потерь (кстати, в конце концов именно благодаря «спитфайрам» англичане и французы сумели эвакуировать свои войска с континента).

Тем не менее, высказанные мною опасения не привели к изменению поставленной задачи. О чем свидетельствовал отказ Геринга признать собственную ошибку – об упрямстве или о слабости? Наши потрепанные, хотя и постепенно получавшие свежее пополнение части напрягли все силы, чтобы достигнуть цели, причем маршал авиации Келлер лично участвовал в операциях, осуществлявшихся его людьми. Количество боевых вылетов, совершаемых нашими измотанными летчиками, было выше обычного. Неудивительно, что «спитфайры» неуклонно увеличивали наши потери. Из-за плохой погоды, сделавшей полеты еще более рискованными, мы были лишены возможности хотя бы морально ощущать себя победителями. Любой, кто видел обломки самолетов в прибрежных водах или на побережье либо слышал о происходящем в небе от возвращающихся на аэродромы экипажей истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков, мог лишь восхищаться действиями наших летчиков, а также изобретательностью и храбростью англичан. В 1940 году мы и не представляли, что численность британских и французских войск, эвакуировавшихся с континента, составляла 300000, как утверждают сегодня. Нам казалось, что даже цифра 100000 – это изрядный перебор. Возможно, позволив противнику эвакуироваться через Ла-Манш, Гитлер руководствовался определенными соображениями, такими, например, как сложный характер местности и необходимость ремонта машин потрепанных танковых частей, но в любом случае это решение было фатальной ошибкой, которая позволила Англии реорганизовать свои вооруженные силы.

Начавшись 10 мая и закончившись 4 июня 1940 года, наступление к побережью Ла-Манша было завершено за три с небольшим недели, то есть в невероятно короткий срок. Результатом его была победа над Голландией, Бельгией и британскими экспедиционными силами. Потеряв 450 самолетов, наши ВВС оказали исключительно эффективную поддержку германским сухопутным войскам, уничтожили на земле и в воздухе более 3000 самолетов противника, потопили и повредили внушительное количество его боевых кораблей. Кроме того, на нашем счету было свыше 50 потопленных и более 100 поврежденных торговых судов и более мелких целей.

Вторая фаза операции на Западе

Поднятие занавеса, предшествовавшее второму акту боевых действий на западе, произошло после того, как генералы коротко доложили об операциях последних недель. Тепло поблагодарив всех, Гитлер проинформировал командующих частей и соединений, сгруппированных на правом фланге театра военных действий (29 мая, незадолго до падения Лилля, их собрали в диспетчерской аэродрома в Камбраи), о своих намерениях. С некоторой долей торжественности в голосе он сказал о своих опасениях по поводу возможного флангового удара со стороны главных сил французов, который потребовал бы от нас быстрой перегруппировки механизированных частей и соединений. Его оценка ситуации была вполне трезвой. Фюрер предупредил о том, что нам не следует предаваться чрезмерному оптимизму, и был исключительно конкретен в том, что касалось дат и мест проведения будущих операций. Мы уходили с совещания с легким сердцем, чувствуя, что он очень тщательно продумал предстоящие действия и осознает трудности, которым мы в свете нашего опыта боев с французами и оценки собственных возможностей не уделяли достаточного внимания. Особо отмечу, что о вторжении в Англию не было сказано ни слова.

На завершающей стадии дюнкеркской операции нами была произведена перегруппировка сил далее к югу. В результате воздушному командованию пришлось решать дополнительные боевые задачи, что еще больше измотало части ВВС. Нашей главной задачей было оказание тактической поддержки с воздуха группе армий В на Сомме и в Низовьях Сены, а также прикрытие наших войск во время их передвижения. У того, кто, как я, имел возможность и с земли, и с воздуха наблюдать, как танки фон Клейста и Гудериана после рейда на север разворачиваются и движутся на юг и юго-восток к Сомме и Эсне, не могло не возникнуть чувства гордости по поводу гибкости маневра и мастерства германского командования сухопутных сил, а также высокого уровня обученности войск. Однако эти маневры можно было осуществлять среди бела дня только благодаря нашему превосходству в воздухе.

Находясь в передовом штабе, дислоцировавшемся к северу от Соммы, я был свидетелем поразительного успеха наступления 4-й армии и танковой группы Гота до самой Сены, менее удачных действий 16-го и 14-го танковых корпусов в районе Амьена и Перонны и их второй перегруппировки в состав группы армий А под командованием фон Рундштедта. Между тем наши летчики наносили массированные удары по французским войскам во время их передвижения по шоссе и железным дорогам, уничтожали мосты. Тем самым они вносили значительный вклад

в дело рассечения сил противника, что в конечном итоге приводило к тому, что французские части сдавались. К сожалению, во время нанесения этих авиаударов как с большой, так и с малой высоты, несмотря на то что наши летчики старались атаковать только военные подразделения, пострадали и гражданские лица, смешивавшиеся с походными порядками войск противника.

Одновременно нам приходилось выполнять другие важные боевые задачи, в том числе в плохих погодных условиях. Заняв побережье Ла-Манша, мы предприняли несколько исключительно успешных операций против британских и французских кораблей, сконцентрированных в гаванях и вдоль побережья далее к югу, тем самым существенно затруднив переправку британских войск с континента. В течение двадцати дней, начиная с 5 июня 1940 года, мы потопили два небольших боевых корабля и целый ряд торговых и транспортных судов общим водоизмещением 300 000 тонн. Четыре боевых корабля и двадцать пять торговых судов были серьезно повреждены. Кроме того, мы добились больших результатов, нанося удары по железнодорожным коммуникациям и станциям, например в Ренне и в других частях Бретани, где за один день нам удалось уничтожить тридцать составов. 3 июня в ходе внезапного массированного удара по базе ВВС противника в районе Парижа мы сбили более тридцати французских самолетов. Втрое или вчетверо больше французских машин было уничтожено на земле. В этом случае мы применили усовершенствованную тактику, включающую в себя подлет к атакуемому объекту на малой высоте, намеренные изменения направления движения с целью дезориентации противника и бомбометание с большой и малой высот, а также из пике.

Быстроту, с которой действовали германские вооруженные силы и благодаря которой в удивительно короткое время Франции было нанесено поражение, трудно вообразить. 22 июня с подписанием перемирия кампания практически закончилась. Когда я узнал о демобилизации некоторых армейских частей, у меня возникла надежда на то, что на этом Гитлер закончит войну. У меня для этого были некоторые основания. Я знал, что в своих действиях фюрер руководствуется как политическим предвидением, так и тайным расположением к англичанам, о котором мне, однако, было известно и которое позднее проявилось более заметно. Как-то во время встречи с Гитлером в 1943 году, когда я положительно отозвался о военных достижениях англичан, он расправил плечи и, глядя мне прямо в глаза, сказал: «Разумеется, они ведь тоже германцы».

При всей эйфории, охватившей нас после капитуляции

Франции, мы, однако, не преминули проанализировать опыт последней кампании и извлечь из него уроки. Мы были на правильном пути; применив на практике уроки Польской кампании, нам удалось добиться невероятного эффекта. Победа доказала правильность плана боевых действий. Под стать плану оказалось и его выполнение. Тесное взаимодействие группы армий B и 2-го воздушного флота можно назвать классикой проведения боевых операций; то же самое можно сказать о нашем тактическом маневрировании, перегруппировках сил и концентрации их на ключевых направлениях. Правильной в своей основе оказалась и организация военно-воздушных сил, включавших в себя части и подразделения ближнего и дальнего радиуса действия и корпус зенитной артиллерии. Концентрация мощи ВВС на одной, главной цели являлась залогом победы и в более трудных условиях.

Глава 10.
Перед поворотным пунктом. Лето 1940 года

Подготовка к нападению на Англию.

– Кессельринг лично проводит рекогносцировку на побережье Ла-Манша.

– Производство в фельдмаршалы

Старая пословица гласит: «Одержав победу, торопись навязать свою волю». Гитлер проигнорировал это золотое правило. Даже если он в самом деле верил в возможность дипломатических переговоров, у нас, солдат, просто не укладывался в голове тот факт, что первые шаги по демобилизации части вооруженных сил были предприняты в период, когда вопрос об окончании войны еще не встал окончательно на повестку дня. Конечно, можно объяснить это тем, что Гитлер в то время, несмотря ни на что, не хотел скрещивать клинки с Англией и не имел намерения развивать военные действия в восточном направлении. Однако уж он-то лучше, чем кто бы то ни было, должен был знать, что самым сильным козырем на дипломатических переговорах является наличие за спиной мощной, готовой к боевым действиям армии. Того, что демобилизация не коснулась люфтваффе, было явно недостаточно. К сожалению, программа наращивания самолетного парка, потенциала зенитной артиллерии и производства боеприпасов для последней была запущена на полные обороты лишь в начале октября 1941 года, хотя опыт предыдущих военных кампаний продемонстрировал важную роль люфтваффе и необходимость ускоренного пополнения ВВС личным составом и техникой.

Было также хорошо известно, что невозможно резко увеличить выпуск самолетов, а потому нужно было как можно скорее начать подготовку к наращиванию производства боевых машин и разработку их новых типов. Наконец, нам, фронтовым командирам, было непонятно, каким образом Гитлер намеревался достичь соглашения с англичанами при том, что день за днем, неделя за неделей проходили без каких-либо событий. Единственное, что нам оставалось, – это дать нашим частям отдохнуть и расслабиться настолько, насколько это было возможно при правильном понимании возросшей интенсивности и скоротечности боевых операций в воздухе, в том числе над морем.

Чувствуя необходимость как можно более детального изучения именно особенностей боевых действий над водными пространствами, я многое почерпнул из опыта 9-й авиагруппы, которая решала боевые задачи почти исключительно над морем. Во время бесед с ее прекрасным командующим, маршалом авиации Колером, а также визитов в ее части я обнаружил, что первую скрипку в авиагруппе играли летчики с опытом службы в военно-морских силах и с хорошо развитым воображением. В задачу частей авиагруппы, помимо наблюдения за передвижениями кораблей и судов вдоль всего восточного побережья Англии, входили проведение и прикрытие с воздуха операций по установке мин на судоходных маршрутах и у входов в гавани, а также нанесение бомбовых и торпедных ударов по кораблям противника. Действия наших торпедоносцев всегда очень сильно зависели от поддержки ВМС. Это и понятно, поскольку морская авиация является придатком военно-морских сил, хотя никогда не была подчинена их командованию. В любом случае, тот факт, что мы никогда не занимались созданием торпед, приспособленных для пуска с боевых самолетов, мешал деятельности командования военно-воздушных сил. Правда, в 1940 году мы подняли вопрос о разработке торпед, которые можно было бы размещать на борту быстроходных, маневренных крылатых машин и сбрасывать с них на большой скорости. Однако нам следовало занять в этом вопросе более требовательную позицию по отношению к ВМС. При всем том невозможно было не восхищаться храбростью летчиков наших торпедоносцев, которые, пилотируя устаревшие самолеты (я включаю в их число и «Хе-111»), пикировали на корабли противника, на малой высоте прорывались сквозь ураганный зенитный огонь и, сбросив торпеды, уходили, подставив хвост вражеской бортовой артиллерии.

Лучше обстояло дело со снабжением ВВС минами, которые также разрабатывали военно-морские силы. Рано или поздно появляется противоядие против любого вида оружия. Естественно, мины, которые мы сбрасывали с воздуха, в этом смысле не были исключением. Однако постоянное появление новых типов мин компенсировало и опережало соответствующие защитные меры противника. Как только он находил подходящий ответ на применение нами одного типа этого оружия, мы начинали применять другой. Благодаря этой тактике нам удавалось отправить на дно много вражеских кораблей либо блокировать маршруты их передвижения до того момента, когда игра начиналась сначала{4}. В соответствии с этим законом мы со временем перешли от магнитных мин к акустическим.

Вне зависимости от дальнейших политических событий главнокомандующий люфтваффе отдал приказ о создании воздушных командований административных зон для Бельгии и Голландии. Одновременно была расширена служба авиаразведки и наблюдения и создана широкая и разветвленная система связи. Как только эти меры были полностью реализованы, мы почувствовали себя более уверенно в смысле готовности противостоять массированным авиарейдам, которых наверняка следовало ожидать со стороны Великобритании.

Подлинное значение всей этой работы стало очевидным лишь в середине июля, когда мы получили приказ начать подготовку к воздушной битве за Англию. Я лично проводил рекогносцировку с целью разработки тактики действий авиационных частей на побережье Ла-Манша, где высокие хлеба затрудняли наблюдение. К началу августа недавно созданные воздушные командования административных зон и приданные им инженерные батальоны подготовили все аэродромы для приема боевых летных частей, а также боеприпасы и горючее, необходимые на случай крупного наступления. В то время как части зенитной артиллерии и службы связи имели больше времени для подготовки к боевым действиям, у летных частей и подразделений не было резервов времени – они успевали лишь занять аэродромы и подготовиться к первому боевому вылету.

Пока мы в спешке занимались осуществлением этих планов, наши разведывательные самолеты совершали вылеты с целью создания помех действиям английских кораблей и судов в близлежащих портах и в Ла-Манше, эту задачу успешно выполняли 8-я и 9-я авиагруппы и 2-е бомбардировочное авиакрыло под командованием капитана Финка. В то же время для выполнения этой задачи порядком не хватало истребителей и штурмовиков Остеркампа. В этот период мы могли лишь пытаться внести сумятицу в передвижения кораблей и судов противника между континентом и Англией. Впрочем, своими действиями мы достигали еще одной, быть может, более важной цели – отрабатывали свои будущие действия и помогали командованию сформулировать принципы воздушной войны над морским пространством и побережьем.

Время от времени наша авиация наносила удары по британским военным предприятиям, в основном по авиационным заводам «Виккерс – Армстронг» в Ридинге. При этом, в отличие от англичан, бомбивших Ганновер, Дортмунд и другие города, наши ВВС города не атаковали. Попытки противника прощупать наши позиции путем полетов над оккупированными территориями самолетов «виккерс-веллингтон» приводили к столь серьезным

потерям с его стороны, что на довольно длительное время были им прекращены – видимо, британские летчики долго не могли оправиться от дурного настроения.

19 июля 1940 года я находился в Берлине, в здании рейхстага. Выступление Гитлера, в котором, помимо прочего, было сказано о моем производстве в фельдмаршалы, рассеяло многие наши сомнения. Мы всерьез восприняли мирное предложение фюрера и считали реальной возможность, что Англия его примет. В то время я и понятия не имел о том, что многие представители высшего офицерского состава сухопутных войск не считают фельдмаршалов люфтваффе равными себе. Кстати, я и сегодня твердо убежден в том, что никто из нас не получил бы звания фельдмаршала после Западной кампании, если бы Гитлер не верил в возможность мира.

Я был офицером и сухопутных войск, и военно-воздушных сил. Более того, мне довелось занимать командные должности и в том и в другом виде вооруженных сил, и именно поэтому я считаю для себя возможным сравнить их роль в боевых действиях и задачи, стоящие перед их командирами. Если судить по результатам, то, без сомнения, ВВС как в стратегическом, так и в тактическом плане играли решающую роль в операциях сухопутных войск. В свою очередь, стратегия военно-морских сил является определяющей для стратегии люфтваффе. Как для ВВС, так и для ВМС технические проблемы имеют большее значение, чем для сухопутных войск. Не может быть никакого сомнения в том, что проведение операции силами ВВС требует глубоких знаний и тщательного планирования, которое, отличаясь от планирования действий сухопутных войск, предусматривает решение не менее сложных задач. Несомненно также и то, что осуществление операций ВВС в зоне действий сухопутных войск или над морем предполагает высокий уровень знаний и глубокое понимание особенностей всех трех видов вооруженных сил.

Когда о том, достоин ли офицер звания фельдмаршала, судят по достигнутым им результатам, никому не придет в голову спрашивать, является ли он выходцем из сухопутных войск или из люфтваффе. И все же я хотел бы дать всем фельдмаршалам от авиации один совет: не становитесь односторонними специалистами, учитесь мыслить не только категориями ВВС, но и категориями ВМС и сухопутных сил.

Глава 11.
Операция «Морской лев» и битва за Британию

Перспективы вторжения в Англию.
– Бестолковость плана операции вторжения.
– Роль люфтваффе. – Военно-воздушные силы противника.
– Первая фаза, август-сентябрь 1940 года.
– Черчилль и «Морской лев».
– Вторая фаза, сентябрь 1940 года – июнь 1941 года.
– Бомбардировки Лондона.
– Промышленные предприятия как цель авиаударов.
– Принципы нанесения бомбовых ударов.
– Люфтваффе – палочка-выручалочка до нападения на Россию.
– Черчилль и война в воздухе

Подготовка к проведению операции «Морской лев», целью которой было вторжение в Англию, – яркое свидетельство того, что у нас отсутствовало планирование данной военной кампании. Ни в политической, ни в военной области не были предприняты скоординированные приготовления к войне против Англии. Существуют четкие доказательства того, что даже осенью 1939 года, когда решение о проведении кампании на западе было уже принято, наши подготовительные шаги ни в коей мере не предусматривали вторжения в Англию. Даже с учетом того, что в данном случае Верховному командованию вермахта и Гитлеру явно не хватало дальновидности, и при том, что Гитлер не рассчитывал на легкую и быструю победу над западными державами, явное игнорирование ими необходимости такого вторжения, очевидной для любого военного, не поддается пониманию. Любой, кто знал, с какой скрупулезностью Гитлер контролировал приготовления к другим кампаниям и пытался спрогнозировать их возможный исход, неизбежно должен прийти к выводу, что его нерешительность в случае с Англией связана с тем, что он стремился избежать открытого конфликта с ней. На мой взгляд, он всерьез верил в то, что Англия примет его мирное предложение. Однако в любом случае пренебрежение необходимыми приготовлениями к военным действиям было и остается грубейшим просчетом. Кроме того, как Гитлер, так и Генеральный штаб вермахта мыслили категориями континентальной войны, и их смущала перспектива столкновения с противником, отделенным от континента морским пространством. В этом с ними был солидарен адмирал Редер.

Если сухопутные войска без энтузиазма относились к идее проведения операции против Великобритании, то военно-морские силы были явно настроены против нее. Однако мы, высшие офицеры люфтваффе, включая рейхсмаршала, были настроены более позитивно. Учитывая, что нас, представителей ВВС, нередко упрекали в излишнем оптимизме, наше более позитивное отношение – я намеренно использую именно эти слова – было вполне в духе нашей обычной позиции. Кто не рискует, тот не побеждает! Общая тенденция, характерная для военных действий до интересующего нас момента, явилась первой предпосылкой для оценки ситуации. Три победные кампании продемонстрировали, на что способен германский вермахт. Английские экспедиционные войска были сметены с поля боя. Для того чтобы перевооружить и переоснастить их, нужны были месяцы. Королевские ВВС понесли тяжелый урон. 6 сентября число их истребителей сократилось до самого низкого уровня. Многие их аэродромы, включая наиболее удачно расположенные, серьезно пострадали. У англичан не было бомбардировщиков, способных оказывать поддержку наземным войскам, а их средние бомбардировщики, например «веллингтоны», заплатили за свои немногочисленные вылеты очень тяжелыми потерями. В целом действия остававшейся в распоряжении англичан бомбардировочной авиации можно было сдержать одним лишь огнем зенитной артиллерии, и рано или поздно ее самолеты должны были стать добычей германских летчиков-истребителей, которые давно уже изголодались именно по таким целям. Что касается британской истребительной авиации, то благодаря применению соответствующей тактики ее можно было рассеять, обработать огнем и уничтожить; кроме того, используя парашютно-десантные войска, перебрасываемые на планерах, мы могли взорвать или каким-либо другим способом вывести из строя английские радары, таким образом лишив британскую оборону возможности управлять действиями своих летчиков. Англичане не могли претендовать на господство в воздухе в его классическом понимании по той простой причине, что ударная мощь их ВВС была недостаточной для того, чтобы сокрушить атакующую воздушную армаду осуществляющего операцию вторжения противника, если это вообще было возможно; действия же тех сил и средств, которыми британские ВВС располагали, можно было парализовать.

Германские ВВС не могли в одиночку справиться с британским военным флотом; решение этой задачи предполагало использование всех имеющихся в распоряжении командования сил и средств – военно-воздушных, военно-морских и отчасти

наземных. Огромное значение при этом имели установка мин и действия тяжелой береговой артиллерии. Поскольку воды вблизи английского побережья были весьма плотно заминированы, а для того, чтобы убрать мины путем траления, требовалось немало времени, маневры британских ВМС в проливе были довольно сильно ограничены. Даже в то время я не понимал отношения наших военно-морских сил к проблеме береговой артиллерии, а впоследствии, приобретя опыт боевых действий в Средиземноморье, – и подавно. Вполне естественно предполагать, что береговые батареи противника следовало подавить – в этом смысле можно было ожидать хороших результатов от артиллерийского огня через пролив и бомбовых ударов авиации. Однако ставить в качестве условия начала вторжения подавление всей английской береговой артиллерии в полосе нашего наступления и в соседних секторах побережья – это уже было чересчур.

Это требование напоминает мне о беседе с представителями Верховного командования Италии в 1942 году, когда итальянские военно-морские силы в качестве условия проведения ими операции по высадке на Мальте поставили уничтожение береговых батарей. Я ответил, что это условие выполнить невозможно, и сказал, что неоднократно был свидетелем наступательных операций, когда артиллерия противника не только не была подавлена, но и действовала весьма активно, что, однако, не мешало успеху наступления. Даже если бы артогнем и были потоплены один-два корабля – что, кстати, отнюдь не обязательно означало бы гибель всего экипажа, – подобные потери при успешном завершении операции, способной решить исход всей кампании, а то и всей войны, можно было считать вполне приемлемыми.

Кроме того, я возлагал большие надежды на самоходные паромы Зибеля, которые без труда можно было собрать в большом количестве. В 1940 году у меня еще не было опыта Тобрука, где два из четырех английских эсминцев были выведены из строя одним только огнем орудий калибра 8,8 сантиметра, или Анцио-Неттуно, где корабли, защищенные толстыми броневыми плитами, не смогли выдержать огня береговой артиллерии малого и среднего калибра. Тем не менее, я был уверен, что использование большого количества самоходных паромов Зибеля с установленными на каждом из них тремя 8,8-сантиметровыми зенитными орудиями и пулеметами значительно усилит нашу противовоздушную оборону и защитит наши минные поля от тральщиков противника. Кроме того, самоходные паромы могли прикрыть наши войска, форсирующие пролив, от атак легких

кораблей противника. Мне известна неприязнь военно-морских сил ко всем плавающим конструкциям, не соответствующим классическим канонам кораблестроения. Тем не менее, самоходные паромы, придуманные благодаря инженерному гению Зибеля, и десантные суда могли бы быть с таким же успехом использованы для транспортировки войск через Ла-Манш, как впоследствии в Мессинском проливе и при преодолении водного пространства между Сицилией и Тунисом.

Самым поразительным является то, что при подготовке операции «Морской лев» был полностью проигнорирован опыт высадки десанта в Голландии. Операцию было предложено проводить без поддержки парашютистов. Между тем при тщательном планировании можно было выделить достаточно парашютистов и планеров для того, чтобы уничтожить базы и радары на прибрежной части территории противника, а также захватить аэродромы, на которые могли бы высадиться одна или две парашютно-десантные дивизии.

Массированные отвлекающие бомбардировки Эссекса, Кента и Сассекса, как и в случае с Бельгией и Голландией, запутали бы английское командование, войска и гражданское население, а уже одно это значительно облегчило бы нам проведение наступательной операции. В любом случае, одно условие мы должны были выполнить обязательно: нам следовало не сокращать, а резко увеличить производство вооружения и боеприпасов, сделав его объемы более значительными, чем когда бы то ни было раньше.

Я ознакомил со своими взглядами не только Геринга, но и командующего 9-й армией генерала Буша, и компетентных руководителей военно-морских сил. Однако нам явно не хватало главного. В те недели, когда шла подготовка к операции, я лишь еще больше укрепился в моем убеждении, что она никогда не будет начата. В отличие от периодов подготовки к предыдущим кампаниям в люфтваффе не было проведено ни одного совещания, на котором детали предстоящей операции обсуждались бы с командующими авиагруппами или с представителями вспомогательных служб ВВС, не говоря уже о встречах с представителями высшего командования или самим Гитлером. Беседы в моем штабе на побережье пролива с Герингом и представителями командования сухопутных и военно-морских сил, назначенными для руководства операцией «Морской лев», были скорее неформальными разговорами, нежели деловыми дискуссиями, налагающими определенные обязательства. Я находился в неведении даже относительно того, предполагается ли какая-либо взаимосвязь между текущими авиаударами по

Англии и планом вторжения; никаких приказов воздушное командование не получало. Мне не было дано никаких инструкций относительно того, какие тактические задания могут быть возложены на подчиненные мне части и соединения и предусмотрено ли взаимодействие ВВС с сухопутными войсками или военно-морскими силами. Это тем более приводило меня в уныние, что в свете устных инструкций, данных мне 6 августа 1940 года, я имел основания предполагать, что воздушные атаки на Англию, начавшиеся через два дня после этого, являются прелюдией к операции «Морской лев». Однако в первые же дни стало ясно, что эти атаки осуществляются отнюдь не в соответствии с упомянутыми инструкциями и никак не могут быть связаны с акцией вторжения. Кроме того, любой командир должен был отдавать себе отчет в том, что с учетом нашей оснащенности в то время наступательная операция ВВС, продолжающаяся пять недель (с 8 августа по 15 сентября 1940 года), даже при самых благоприятных обстоятельствах была бы связана со слишком большими затратами ресурсов. Эти затраты являлись бы тем более недопустимыми в условиях отсутствия гарантий скорого пополнения материальной части и личного состава, а также без уверенности в том, что нам удастся сохранять высокий уровень боеспособности частей в течение нескольких месяцев.

Для проведения операции вторжения необходимо было ошеломить оборону противника сокрушительными ударами, а затем внезапно атаковать еще свежими силами люфтваффе. Должен, однако, заметить, что нам было запрещено наносить удары по базам военно-воздушных сил в районе Лондона. Это было ошибкой, которая с самого начала делала весьма проблематичным успех нашей борьбы за достижение господства в воздухе. Кроме того, я не уверен, что в тот момент необходимо было придавать столь большое значение подавлению ближайших к континенту английских портов. Тем не менее, хотя я и был недоволен содержанием оперативных приказов, связанных с началом битвы за Британию, многочисленные беседы с рейхсмаршалом в некоторой степени восстановили мою веру в успех операции «Морской лев». Я не мог себе представить, что имеющие с военной точки зрения огромную ценность части и соединения ВВС можно было использовать для поражения далеко не самых важных целей, всего лишь для того, чтобы потянуть время. Все происходившее в период подготовки операции «Морской лев» можно понять лишь исходя из того, что высшее командование без конца «флиртовало» с идеей вторжения, пытаясь заглушить угрызения совести, связанные с его

неспособностью принять твердое решение по целому ряду политических причин и из-за опасений военного характера. В данном случае я вынужден согласиться с мнением британского военного историка Фуллера, который писал, что операция «Морской лев» часто обдумывалась, но никогда не планировалась.

Бестолковость в планировании операции «Морской лев» мешала и успешному ведению нашей воздушной битвы за Англию. Любому здравомыслящему человеку, в том числе Гитлеру, было ясно, что Англию нельзя поставить на колени одними лишь силами люфтваффе. Следовательно, бесполезно было рассуждать о том, что, мол, германские ВВС не могут достичь недостижимой цели. Для нас, командиров люфтваффе, очевидным было также и то, что, хотя мы и могли добиться временного преимущества над британскими ВВС, постоянное господство в воздухе нельзя было обеспечить без оккупации островов – по той простой причине, что значительное число баз английских военно-воздушных сил, а также самолетостроительных заводов и предприятий, выпускавших авиационные двигатели, находилось за пределами радиуса действия наших бомбардировщиков. По той же причине мы могли атаковать лишь немногие из английских портов. Ограниченность радиуса действия наших истребителей еще больше усугубляла наши трудности. В связи с этим нас не слишком радовали разговоры об отмене операции «Морской лев» или ее переносе на более поздний срок – а слухи об этом пошли уже в начале сентября. Наше негативное отношение к ним легко понять, представив себе, что в случае, если бы эти слухи подтвердились, все бремя битвы за Англию легло бы на плечи люфтваффе, да к тому же еще и вести ее пришлось бы в особо сложных условиях.

Несомненно, удары по важным экономическим объектам противника на Британских островах или вне их являлись существенной частью стратегической войны в воздухе и могли бы дать удовлетворительный результат при условии тщательно выверенного выбора целей. Однако замена этой тактикой отмененной операции гораздо большего масштаба, да еще без проведения соответствующей специальной подготовки, была неудачным решением, имевшим много недостатков.

2-е и 3-е воздушное командование стали получать задания, которые они уже не могли эффективно выполнять – у них не хватало самолетов вообще и в частности машин достаточно большого радиуса действия. Точно так же, как в 1939 году мы вступили в войну против Польши, не будучи к ней готовыми, так и теперь мы не имели соответствующего оснащения для ведения широкомасштабной экономической войны.

Безусловно, мы усложнили англичанам жизнь на их территории, но были не в состоянии перерезать жизненно важные артерии Великобритании.

В английской литературе преувеличена численность германской группировки, созданной к дате, которая первоначально была намечена как дата начала операции «Морской лев», то есть к 15 сентября 1940 года. Черчилль, например, говорит о 1700 самолетах. Как свидетельствуют статистические данные о ежегодном выпуске продукции авиастроительных заводов, эта цифра неверна. Выпущенные в 1939 году 1450 истребителей можно сразу вычеркнуть, поскольку к августу 1940 года они превратились в металлолом.

Точно так же из 1700 истребителей, произведенных в 1940 году, около 600 следует списать как потери в ходе операций в Голландии, Бельгии и Франции; еще приблизительно 400 истребителей нужно вычесть, поскольку их поставка не могла быть осуществлена к августу. Даже если оперировать максимально возможными цифрами, мы располагали 1700 минус 1000, то есть 700 истребителями. Если мы присоединим к ним наши «Ме-110», начавшие поступать с сентября – а этих машин мы получили 200, – то получается, что всего у нас было 900 истребителей и близких к ним по характеристикам самолетов, что существенно отличается от цифры, приводимой Черчиллем (1700).

В состав 2-го воздушного командования во время наступления через территорию Голландии, Бельгии и северо-восточную часть Франции до Соммы входили{5}:

– боевой штаб;

– 122-я эскадрилья глубокой разведки;

– 9-я авиагруппа;

– 2-я авиагруппа;

– 1-я авиагруппа;

– 1-й авиакорпус (итальянский контингент);

– 1-е командование истребительной авиации;

– 2-е командование истребительной авиации;

– группа ночной авиации;

– воздушное командование 10-й административной зоны (Гамбург);

– воздушное командование 6-й административной зоны (Мюнстер);

– воздушное командование голландской административной зоны (Амстердам);

– воздушное командование бельгийской административной зоны (Брюссель).

Последние четыре элемента включали в себя дивизии зенитной артиллерии, а также части наземного обслуживания и тылового обеспечения.

Воздушную войну против Англии в 1940-1941 годах можно разделить на различные фазы по политическим и военным особенностям.

Первая фаза, с 8 августа по 6 сентября 1940 года, включает в себя приготовления, осуществлявшиеся ВВС исходя из того, что вторжение было запланировано на середину сентября; другими словами, это были действия, направленные на уничтожение английской противовоздушной обороны, которые предпринимались одновременно с продолжением ударов по торговым судам противника с целью нанести ущерб его системе снабжения и тылового обеспечения, а также производству вооружений для британских ВВС. При этом применялись различные методы – от проникновения в воздушное пространство противника крупных подразделений истребителей до использования небольших групп истребителей и штурмовиков для ударов по базам ВВС в юго-восточной части Англии, а также групп бомбардировщиков различного численного состава, сопровождаемых истребителями. Действия против транспортных судов противника в морских районах, примыкающих к восточному и южному побережью Англии, осуществлялись «штукасами» и «джабо». Кроме того, мы проводили беспокоящие рейды, чтобы помешать разгрузке судов в портах назначения. Нанесение авиаударов по гражданским объектам было запрещено.

Понеся значительные потери после первых столкновений, английские летчики старались избегать встреч с превосходящими силами люфтваффе. В то же время часть наземных служб британских ВВС была переведена на базы, расположенные за пределами максимального радиуса действия наших истребителей.

В течение какого-то времени, поднимая в воздух небольшие группы бомбардировщиков с целью приманить английские истребители, нам удавалось, втягивать англичан в воздушные бои, однако вскоре подобные случаи стали редкостью, поскольку британские летчики получили четкое указание избегать боестолкновений. Для нас сложность состояла не в уничтожении истребителей противника – мы имели в своих рядах настоящих асов, таких, как Галланд, Молдерс, Озау, Валтасар и другие, да и внушительное количество сбитых нами вражеских самолетов это подтверждает – а в том, чтобы заставить противника драться.

Какими бы ни были результаты подсчета сбитых и поврежденных самолетов противника, для Англии и Германии эти

цифры означали не одно и то же.

Английские летчики, покинув подбитый самолет с парашютом или совершив вынужденную посадку, оказывались на родной земле и могли, залечив раны и получив новый самолет, рано или поздно снова оказаться в рядах британских ВВС. Германские же летчики, если их сбивали, оказывались на территории противника, а это означало, что для нас они были потеряны навсегда. Если его самолет получал повреждение над морем, наш летчик мог попытаться посадить его на воду, но в этом случае, даже если пилота подбирала наша служба спасения или ему удавалось воспользоваться спасательным буйком, он также зачастую попадал в сводку потерь: хотя наши спасательные суда, буи и другие приспособления такого рода были помечены красным крестом, англичане не считали их находящимися под защитой международного права{6}. Кстати, следует упомянуть, что как в английских водах, так и в Средиземном море мы использовали нашу службу спасения для того, чтобы прийти на выручку не только нашим, но и британским летчикам.

При том что наши истребители, несмотря на уклонение английских пилотов от боевых столкновений, добились довольно существенных успехов, за них пришлось заплатить весьма дорогую цену. Потери английских ВВС составили около 500 машин из приблизительно 700 «харрикейнов» и «спитфайров», с которыми Британия вступила в конфронтацию с люфтваффе. За тот же период мы потеряли около 800 истребителей, бомбардировщиков и разведывательных самолетов. Причины, по которой наши потери были столь ощутимыми, я изложил выше. Аэрофотосъемка показала удовлетворительные результаты бомбардировки авиационных заводов в Ливерпуле, Бирмингеме, Ковентри, Теймсхейвене, Халле и т. д., а также ударов по таким портам, как Четэм, Ньюкасл и Ширнесс. Действия «штукасов» и «джабо» против британских кораблей и судов, за которыми я нередко имел возможность наблюдать из моего боевого штаба, также были исключительно успешными. Их эффективность была гораздо выше, чем в предыдущие месяцы, хотя их возможности и ограничивал сравнительно небольшой радиус действия одноместных боевых машин. Отчеты о результатах операций по постановке мин с воздуха не идут ни в какое сравнение с результатами действий бомбардировщиков, однако британцы оценили наши действия в этой сфере как довольно удачные. Об этом же мне постоянно докладывало командование 9-й авиагруппы.

Завоевав господство в воздухе в ограниченном районе и на короткое время в начале сентября, мы, однако, оказались не в

состоянии удерживать его после того, как начали бомбардировки Лондона и прилегающих к нему территорий. Однако за пределами Британских островов мы чувствовали себя совершенно свободно, словно в мирное время, что указывало на явный недостаток мастерства у экипажей английских бомбардировщиков. Британская бомбардировочная авиация была не слишком хороша и как орудие защиты от вторжения; боевые качества «веллингтонов» были слишком низкими, а германская противовоздушная оборона – слишком сильной и опытной.

План первой фазы нашего авиаудара по Англии, который должен был предварять операцию «Морской лев», был с самого начала задуман неудачно. Когда германские и английские историки утверждают, что люфтваффе на первом этапе было нанесено поражение, что германские ВВС не смогли добиться господства в воздухе и что по этой причине вторжение пришлось отложить, подобная критика является совершенно безосновательной. Позвольте мне рассмотреть основные моменты происходивших тогда событий. Господство в воздухе в абсолютном смысле, то есть полное и безоговорочное преимущество, могло быть достигнуто лишь в том случае, если бы ВВС противника решились открыто помериться с нами силами. Однако этого не произошло. Тактику, применявшуюся самими британскими Королевскими ВВС, вряд ли можно считать доказательством их силы или превосходства; их летчики показали себя неплохими мастерами защитных действий, но не более того.

Первые воздушные бои ни в коем случае не были для нас неудачными. Поначалу наши потери в количественном отношении были примерно равны потерям противника. Английская оборона еще не была полностью организована, и к тому же первые столкновения продемонстрировали наше тактическое превосходство. Лишь итоги воздушных боев более позднего периода мы вынуждены были оценивать как ничью.

Наши авианалеты на военные заводы, морские порты, склады вполне вписывались в идею вторжения и произвели неоценимый психологический эффект, а также способствовали нанесению практического ущерба экономике противника. При проведении акции вторжения боевые части люфтваффе выполнили бы свою миссию, если бы те, кто планировал операцию «Морской лев», предприняли определенные шаги, необходимые для достижения хотя бы относительного, не говоря уже об абсолютном, господства в воздухе, если бы наши силы не были распылены и если бы боеготовность наших ВВС была восстановлена в полном объеме. Все эти условия прекрасным образом могли быть выполнены.

Британская стратегия сводилась исключительно к обороне

островов, при осуществлении которой противник применял все свои технические знания и новые технические средства. Несколько неудачных ночных налетов на прибрежные районы Франции, предпринятых одиночными английскими бомбардировщиками, нисколько не изменили эту ситуацию. Они скорее свидетельствовали о том, что в случае проведения нами операции вторжения действия британской бомбардировочной авиации, скорее всего, были бы далеко не идеальными. Эти рейды англичан против германских военно-воздушных баз на оккупированной территории были всего лишь легкими, неопасными уколами. А вот бомбовые удары по немецким городам – это было куда серьезнее.

Начало битвы за воздушное пространство открыло новую главу в стратегии действий ВВС и заслуживает самого пристального внимания любого командира, представляющего этот вид вооруженных сил. Поскольку мне было запрещено лично участвовать в боевых действиях против англичан, я старался выполнять свои обязанности командующего, следуя за участниками боевых вылетов, когда они выходили за пределы контролируемого нами побережья пролива и направлялись в сторону побережья противника. Время от времени я все же пытался вмешаться в проведение той или иной операции. Что я делал постоянно, так это пытался уловить изменения в настроении наших людей, проводя переговоры с офицерами и экипажами, возвращавшимися на свои базы. Я изо всех сил старался быть в курсе того, о чем думают и что чувствуют мои подчиненные, что заботит их, и отдавал приказы с учетом этого. Впрочем, осмелюсь заметить, что временами эта моя привычка становилась чересчур навязчивой и надоедала летчикам. Я понял это, когда наши боевые части и подразделения начали взлетать для выполнения заданий с аэродромов, находящихся слишком далеко к северу и к югу от меня, чтобы я мог их опекать. И все же я думаю, что моя бдительность помогла сократить наши потери; ведь если я видел, что боевые порядки части или подразделения нарушены, я отдавал летчикам по радио приказ вернуться на базу. Похоже, и на этом, и на втором этапе воздушной битвы за Англию наши летчики опасались не столько противника, сколько своего зануды командующего!

***

В своей книге «Их звездный час» Черчилль утверждает, что Англия вынуждена была считаться с угрозой вторжения. Из этого

можно сделать вывод, будто Германия явно склонялась к тому, чтобы пойти на этот риск. Однако, если верить Черчиллю, проведению операции воспрепятствовало то, что «немцы не смогли добиться господства в воздухе». Я согласен с Черчиллем в том, что основное противодействие идее вторжения исходило от немецких военно-морских сил, командование которых очень ясно осознавало оперативные сложности, которые возникли бы у него, если бы операция «Морской лев» состоялась. «… Безраздельное господство в воздухе над проливом, являвшееся необходимым оперативным условием вторжения, не было достигнуто». То, как Редер умудрился представить Гитлеру все аргументы против операции, добиваясь, чтобы она была отложена, а то и вовсе отменена, просто поразительно. Коротко говоря, выходило, что во всем виноваты ВВС. Между тем я лично целыми днями вел наблюдение за зоной пролива с моего командного пункта на мысе Гри-Не и при этом не видел никаких признаков того, что господство в воздухе принадлежало противнику. Я не видел явной и постоянной угрозы ни со стороны его военно-морских сил, ни с какой-либо другой. Это же подтверждали и мои летчики. (Здесь, возможно, имеет смысл упомянуть о том, что наши потери от воздушных атак англичан против наших небольших конвоев – понтонов и барж – между Сицилией и Тунисом, имевших место несколько позднее, были минимальными благодаря мощи нашей противовоздушной обороны.)

Если бы Гитлер действительно хотел осуществить операцию вторжения, он бы, как Черчилль, который по характеру в этом смысле походил на фюрера, вник в каждую деталь плана (как это было в случае вторжения в Норвегию) и навязал бы свою волю всем трем видам вооруженных сил. В этом случае не было бы отдано так много весьма туманных приказов, мешавших достижению согласия между командующими сухопутными войсками, ВВС и ВМС.

Я могу лишь восхищаться той энергией, с которой британское правительство взялось за подъем оборонного потенциала своей страны. Тем не менее, моя точка зрения, к которой я пришел благодаря моему опыту проведения наступательных операций в предыдущих кампаниях, состоит в следующем. Ценность укреплений и других препятствий, мешающих противнику развивать наступление, не подлежит сомнению. Однако чрезмерное внимание, уделяемое этому элементу обороны, может обернуться неприятностями, если в укрепленной зоне нельзя разместить постоянный гарнизон. В этом случае за нее легко будет зацепиться передовым танковым частям наступающего

противника или его парашютному десанту. При всем моем уважении к энтузиазму и самоотверженности британского народа, я не верю в боевую эффективность использования таких формирований, как ополчение, да еще оснащенных устаревшим оружием. Даже если регулярные войска не наступают, а ограничиваются удержанием занятых позиций, нерегулярные формирования неизбежно превращаются в пушечное мясо, как это было в Германии в 1944-1945 годах. Организация отрядов фольксштурма имела большой пропагандистский эффект, но даже при том, что фольксштурмовцы были вооружены лучше, чем британские ополченцы, они потерпели фиаско. Учитывая, что участники подобных формирований почти всегда приносят в жертву свою жизнь, отправлять их в бой – значит брать на себя весьма нелегкое бремя ответственности. Мы со своей стороны пришли к выводу, что лучшим выходом из положения является отправка в полки, находящиеся на передовой, подкреплений из бывших солдат. Что же касается ополченцев, то даже при том, что их боевой дух, как правило, значительно выше, чем у военнослужащих регулярных войск, их способность вести эффективные боевые действия в обороне не следует переоценивать.

В описываемый мной период британцы не могли собрать в Южной Англии больше 15-16 полностью укомплектованных и оснащенных первоклассных дивизий того типа, который требуется для ведения современной маневренной войны. Между тем в противоборстве с противником, уже успевшим проверить себя в деле, ничто не может компенсировать отсутствие боевого опыта. Нехватка опыта приводит к тому, что перемещение резервов замедляется или полностью блокируется действиями парашютистов, воздушными налетами и т. п. и все заканчивается отступлением и большими потерями. Одним словом, я, вопреки мнению Черчилля, убежден, что наступательная операция, если бы она была тщательно подготовлена и предпринята хотя бы до середины августа, принесла бы нам успех. Если бы она была начата позже, ее успех более, чем когда бы то ни было, зависел бы от действий люфтваффе и десантов.

Разумеется, главную опасность для нас представляли британские военно-морские силы. Этой угрозе можно было противостоять только за счет концентрации всех военно-морских и военно-воздушных сил Германии. Разумеется, в этой ситуации колебания ВМС в отношении к идее вторжения могли только помешать. Тем не менее, при серьезном планировании и тщательном выполнении замыслов эти трудности можно было преодолеть. Средства, имевшиеся в нашем распоряжении, –

плотные минные поля, устанавливаемые с кораблей и самолетов у входов в гавани, большое количество подводных лодок, эсминцы, торпедные катера и самоходные паромы Зибеля, а также береговая артиллерия и устройства для постановки дымовой завесы – могли парализовать даже превосходящие силы противника. Разумеется, это очень грубая оценка, но можно тем не менее сказать, что при осуществлении операции 60 процентов нагрузки легли бы на военно-морские силы и береговую артиллерию, а 40 – на люфтваффе.

Имея в активе опыт наблюдения за действиями британских ВВС в течение нескольких месяцев, я могу суммировать свои впечатления о том, какие положительные для нас факторы имелись в обстановке, складывавшейся в сентябре:

1. Мы безоговорочно контролировали небо над Голландией, Бельгией и Северной Францией.

2. Предпринимавшиеся англичанами дневные бомбардировки приводили к столь серьезным потерям с их стороны, что они вынуждены прекратить эти вылазки.

3. Результаты их ночных авиаударов, которые вначале наносились по целям, расположенным вблизи побережья, где у нас не было сконцентрировано больших сил, а позднее по аэродромам, были незначительными.

4. Английские бомбардировки возможных портов погрузки на побережье пролива оказались неэффективными, даже если судить по докладам наших военно-морских сил, – и это несмотря на то, что мы еще не создали систему противовоздушной обороны, предусмотренную планом подготовки операции «Морской лев».

5. Хотя ночные бомбардировки немецких городов становились все более частыми, это не приводило к серьезному ущербу – ни к материальному, ни к психологическому.

В случае вторжения британские Королевские ВВС при тех силах и средствах, которыми они располагали в то время, вряд ли смогли бы решить все те многочисленные и разнообразные задачи, которые встали бы перед ними: воздушная разведка, контрудары по нашим войскам, высадившимся на британской территории, включая парашютистов-десантников, создание помех тыловому обеспечению группировки вторжения, удары по морским конвоям, идущим из французских портов, поддержка истребительной авиацией действий эсминцев. Не надо обладать богатым воображением, чтобы понять, что все эти действия, включая бомбардировку немецких аэродромов, портов на побережье пролива и самого пролива, кишащего кораблями и судами, а также высадившейся на берег группировки, да еще и защиту собственных наземных и морских транспортных

коммуникаций, были бы английским ВВС явно не по силам. Тем более, что все эти задачи им предстояло бы решать в условиях активных действий наших истребителей, истребителей преследования и зенитной артиллерии. Что касается бомбардировщиков, то я не могу себе представить, чтобы английские части непосредственной боевой поддержки при их сравнительно небольшой численности и боевой мощи могли нанести нам большой урон, тем более при той практически непроходимой противовоздушной обороне, которую могли бы организовать вокруг портов люфтваффе и наши военно-морские силы. С тяжелыми бомбардировщиками, с помощью которых даже в тот период англичане наносили удары по целям, расположенным в сердце Германии, дело обстояло иначе. Однако мощь нашей зенитной артиллерии и ночных истребителей была столь велика, что они смогли бы удержать действия британских тяжелых бомбардировщиков в зоне вторжения в приемлемых рамках{7}.

Подводя итог, скажу, что попытка вторжения, возможно, была бы связана с трудностями, даже очень большими трудностями, но не была бы безнадежной. Любая боевая операция связана с риском, и для ее успеха, кроме планирования, необходимы непреклонное выполнение поставленных задач и определенный оптимизм. Черчилль как обороняющаяся сторона выполнил эти условия в максимальной степени. Чувствую, что то же самое я могу сказать и о немецких командирах.

***

Вторая фаза воздушной битвы за Англию проходила в условиях, когда идея операции вторжения была отброшена. Теперь перед нами в основном ставились задачи по созданию помех работе военной промышленности противника и его снабжению. Это делалось с целью замедлить производство Британией вооружений и начать против нее полномасштабную экономическую войну. Кроме того, мы приступили к практике «репрессивных рейдов».

По изменившемуся характеру наших действий те, кто разбирался в таких вещах, поняли, что операции «Морской лев» вынесен приговор, а это означало, что нами упущен уникальный шанс. Отсрочка вторжения, намеченного на середину сентября, на неопределенное время, как выяснилось впоследствии, до весны 1941 года, не могла его вернуть.

Когда Гитлер отдал приказ о нанесении карающего удара по

Лондону, это было очевидным нарушением новой директивы, поскольку цели, намечаемые для бомбардировок, теперь подпадали под категорию «Экономическая война».

Наша воздушная стратегия, численный состав и боевая мощь сил, непосредственно участвующих в нанесении авиаударов, а также характер целей претерпели изменения в соответствии с погодной обстановкой, состоянием обороны противника и степенью нашей оснащенности и боевого мастерства. Командование люфтваффе неоднократно упрекали – и, надо сказать, для этого имелись определенные основания – в том, что действия ВВС были недостаточно массированными, а их результаты в связи с этим – недостаточно впечатляющими. Лично меня, поскольку я имел едва ли не фанатичную склонность к «концентрации усилий», очень больно задевали подобные обвинения. Изменения в выборе целей, из-за которых на нас обрушилось столько критики, были с нашей стороны вынужденной мерой. Помимо тех отдельных случаев, когда нам приходилось повиноваться непродуманным, но, к сожалению, не подлежащим обсуждению или корректировке приказам сверху, эти изменения были обусловлены обстоятельствами, которые возникли осенью 1940-го и весной 1941 года. Разумеется, на первый взгляд наиболее разумным подходом было выбирать цели в зависимости от степени их важности, затем сравнивать их с землей путем непрерывной бомбардировки, а потом при появлении первых признаков восстановительных работ наносить беспокоящие удары, создавая помехи рабочим и уничтожая результаты их труда. Однако при том, что именно из этих приоритетов следовало исходить при составлении планов экономической войны, у нас наблюдалась нехватка сил и средств для реализации этих планов. Нам были нужны четырехмоторные бомбардировщики с большим радиусом действия, высоким «потолком», скоростные, способные нести значительную бомбовую нагрузку и оснащенные мощным вооружением. К тому же у нас не было истребителей дальнего радиуса действия, которые могли бы сопровождать такие бомбардировщики в глубь воздушного пространства противника. Наконец, мы зависели от погоды, весьма нестабильной в те месяцы, о которых идет речь. Низкая облачность, туман и дождь зачастую не давали нам возможности нанести по удачно атакованной цели повторный, массированный удар. В этих условиях наилучшие результаты, причем без ощутимых потерь, давали внезапные налеты (иногда нам удавалось атаковать одни и те же цели два раза подряд). Однако вскоре наши потери возросли до неприемлемых масштабов – это было связано с ускорением реагирования

британской обороны на наши действия с помощью истребителей и средств ПВО, а также с более быстрым сосредоточением истребителей противника в зоне над целью и на маршрутах подхода. Столкнувшись с перспективой того, что благодаря сверхъестественной способности угадывать наши намерения противник полностью обескровит люфтваффе, мы были вынуждены внести коррективы в порядок выбора целей, а также изменить время и способы нанесения ударов.

Первый крупный налет на военные объекты Лондона был проведен в присутствии Геринга. Ему предшествовали подготовительные рейды, осуществленные небольшими силами, а также ночные авиаудары, так что налет оказался исключительно успешным. Вид проплывающих в небе эскадрилий бомбардировщиков и результаты налета, которые можно было разглядеть из боевого штаба, произвели на Геринга такое впечатление, что он, не выдержав, разразился совершенно ненужным, напыщенным выступлением по радио, обращенным к немецкому народу. Эта демонстративная акция показалась мне отвратительной и как солдату, и просто как человеку.

Чтобы достичь поставленной цели, при всем нашем старании и боевом мастерстве нам была нужна удача. Наша радость по поводу первого успешного налета на Лондон была преждевременной. На следующий же день погода испортилась. Это хотя и не парализовало наши действия полностью, но тем не менее серьезно осложнило их и повлияло на их результаты. Основными целями первых и последующих авиаударов по Лондону, который мы в течение сентября с разной интенсивностью бомбили почти ежедневно, как в дневное, так и в ночное время, являлись производящие вооружение и военную технику заводы этого стратегического, транспортного и торгового центра Англии. Второй, альтернативной группой целей, по которой с переменным успехом наносились бомбовые удары, являлись портовые сооружения и многочисленные предприятия по выпуску боеприпасов – они в основном находились в Саутгемптоне, Портсмуте, Ливерпуле, Бирмингеме, Дерби, Четэме и т. д.

Сокращение числа воздушных налетов на южные районы Англии было продиктовано сравнительно небольшим радиусом действия «Ме-109», которые нельзя было применять, не обеспечив им сопровождение и защиту. Попытки эскортировать их с помощью двухмоторных истребителей преследования «Ме-110» оказались неудачными; последние оказались слишком тихоходными машинами и, как это ни удивительно, сами нуждались в прикрытии. В описываемый период и даже

впоследствии воздушное сопровождение истребителей было связано с особыми трудностями. Из-за облачности летчикам сложно было удерживать строй и даже просто держаться плотной группой – у нас не было приборов, которые могли бы помочь в решении этой задачи. Прикрытие эскадрилий бомбардировщиков также было затруднено из-за неумения личного состава некоторых частей летать вслепую. К сожалению для нас, погодные условия не были столь же серьезным препятствием для действий английских истребителей. Лучшим решением проблемы плотной облачности было создание групп из машин, за штурвалами которых сидели пилоты, способные летать и вести воздушный бой парами и тройками.

По договоренности с 3-м воздушным командованием мы проводили совместные операции: одновременные массированные атаки и многоцелевые рейды, а также непрерывно длящиеся в течение целого дня удары по одним и тем же целям. Оборону противника на какое-то время дезориентировали и сбивали с толку вылазки истребителей, несущих бомбовую нагрузку, и истребителей преследования.

Случаи воздушного террора Великобритании в отношении немецких городов между тем становились все более частыми, но не наносили существенного материального или психологического ущерба. Наши ночные истребители под командованием маршала авиации Каммхубера часто атаковали бомбардировщики противника на их пути к целям; постепенно такие действия стали одним из обязательных компонентов обороны объектов, расположенных в глубине нашей территории.

Предложение Муссолини принять участие в операциях против Англии путем отправки в зону боевых действий итальянской авиагруппы было принято с благодарностью, но не без некоторых опасений. Товарищество летчиков было характерной чертой германско-итальянского сотрудничества. Тем не менее, не рискуя делать категоричные выводы о состоянии итальянских ВВС, я все же убежден в том, что итальянские самолеты не могли тягаться с английскими истребителями – даже с «харрикейнами». Итальянские бомбардировщики нельзя было использовать в дневное время. Когда же позднее мы перешли к ночным бомбардировкам, выяснилось, что у итальянских летчиков слабые навыки полетов вслепую и что у их машин отсутствуют необходимые приборы. Я вздохнул с облегчением, когда итальянские летчики приземлились, совершив небольшими силами пару налетов на портовые сооружения Халла. Их потери были таковы, что, пожалуй, значительно перевешивали тот ущерб, который они могли нанести противнику. Их

командующий, маршал авиации Фужье, был слишком проницательным человеком, чтобы не понять этого, и потому использовал все имевшиеся в его распоряжении резервы времени для совершенствования боевого мастерства своих подчиненных.

Основой британской обороны являлся мощный противовоздушный заслон. Однако он не был ее решающим фактором – стержень ее составляли истребители английских ВВС. Понимая это, я предложил Герингу дополнить наши рейды, совершаемые силами частей легких бомбардировщиков, нанесением ударов силами тяжелой бомбардировочной авиации, которые, на мой взгляд, должны были дать больший эффект при меньших потерях.

Это было началом новой фазы, которая потребовала от летчиков наших бомбардировщиков высочайшего мастерства и смелости. Мы не отказались от осуществления налетов тяжелых бомбардировщиков в боевом строю, но время от времени стали пытаться нанести ущерб военному потенциалу противника с помощью рейдов отдельных самолетов бомбардировочной авиации, атакующих промышленные объекты, в частности электростанции. Конечно же подобные полеты планировались до мельчайших деталей. Подчас я лично занимался проверкой этих планов. У летчиков всегда имелись альтернативные варианты действий. Таким образом, что бы ни случилось, они всегда могли сбросить бомбовый груз на те или иные важные цели. Хотя экипажи относились к подобным рейдам с большим энтузиазмом, они все же не приносили больших успехов. Подобные уколы, само собой, могли иметь некоторый беспокоящий эффект, но вряд ли были в состоянии сократить объем производимой Англией военной продукции.

Тем не менее применение подобной смешанной тактики позволяло нам использовать фактор внезапности и таким образом выполнять боевые задачи с меньшими потерями. Мы и осуществляли массированные налеты на военные цели и практически непрерывно атаковали Лондон, порты и центры военной промышленности, такие, как Ливерпуль, Манчестер, Портсмут и Ковентри, и бомбили аэродромы противника. Части легких бомбардировщиков наносили удары с воздуха по морским конвоям противника. Кроме того, мы стали более активно заниматься установкой минных полей.

Однако, несмотря на все наши усилия, результаты наших действий, независимо от того, были ли это массированные авиаудары или одиночные боевые вылеты бомбардировщиков, оставались неудовлетворительными. Мы все чаще задумывались о том, каково нам будет в ненастные зимние месяцы, когда в

процессе интенсификации экономической войны наши летчики, выполняя боевые задания, будут забираться все дальше и дальше в глубь территории противника. Становилось очевидным, что, если мы хотим нанести действительно мощный удар по британской военной машине, нам следует изменить тактику. И вот с ноября 1940 года мы перешли на ночные бомбардировки.

Главнокомандующий люфтваффе держал в своих руках руководство операциями 2-го и 3-го воздушного командования, координируя их действия с действиями 5-го воздушного командования в Норвегии, которое возглавлял Стумпф. Пересечение обширных морских пространств на подлете к цели и ночные рейды изматывали пилотов люфтваффе и заставляли их действовать на пределе возможностей. Тот, кто не пережил это, не в состоянии понять, что значит дотянуть до своего аэродрома на последних каплях горючего или сотни километров тянуть машину над морем на одном двигателе. Само собой, экипажи, которые выполняли задания в северных широтах, в условиях обледенения, да еще при наличии постоянной угрозы, исходившей от истребителей британской ночной авиации, заслуживают самого глубокого уважения.

Основными принципами проведения описанных выше операций были: 1) выбор целей в соответствии с их важностью для английской военной экономики; 2) нанесение ударов крупными силами и последующие беспокоящие рейды для создания помех восстановительным работам; 3) предварительное точное установление местонахождения целей с помощью аэрофотосъемки, максимально подробных карт и самой свежей информации как об их расположении, так и об их важности с военной точки зрения; 4) подробное информирование всех боевых частей и подразделений, а также экипажей, осуществляющих одиночные рейды, и тщательное согласование их действий с командованием авиагрупп, руководством воздушных командований и главнокомандующим люфтваффе; 5) разведка целей и их подсветка экипажами отдельных бомбардировщиков в ходе предварительных полетов над объектами бомбардировки, по аналогии с действиями впоследствии ставших знаменитыми английских «патфайндеров». Контрмеры противника, с каждой неделей становившиеся все более и более активными, еще больше усугубляли наши трудности, связанные с необходимостью преодоления больших расстояний, навигационными сложностями и плохой погодой.

Однако постепенно мы приспособились к действиям в этих условиях. Все шло хорошо, если наши рации оставались неповрежденными. Если же они начинали барахлить, приведение

возвращающихся бомбардировщиков на подходящий аэродром в туман и ненастную погоду превращалось в тяжелое испытание для нервов персонала всех наземных служб. Несмотря на все усилия этих людей и использование ими всех доступных технических средств, им не всегда удавалось успешно справиться с этой задачей. В таких случаях, чтобы спасти если не самолет, то хотя бы экипаж, машину либо сажали на брюхо на побережье, либо гнали до Западной или Центральной Германии, например до Нойбранденбурга, причем летчики нередко покидали самолет с парашютом. Интересно, что, если пилот перед тем, как выпрыгнуть с парашютом где-нибудь над Брюсселем, устанавливал в правильное положение рули высоты, самолет мог пролететь по заданному курсу еще добрых 500 и более километров и упасть на землю, скажем, где-нибудь в районе Перлеберга или Стендаля.

Для нас это были нелегкие недели, в то время как сухопутные войска и военно-морские силы, за исключением экипажей подводных лодок и легких кораблей, могли отдыхать и готовиться к будущим сражениям (впрочем, будущее в то время представлялось весьма неопределенным). ВВС бросали в бой все силы, имевшиеся в их распоряжении, в надежде нарушить работу военных предприятий и тыловых коммуникаций Великобритании и тем самым задержать процесс ее перевооружения. Мы без конца молотили по портам и центрам военной промышленности, и, несмотря на очень большое количество целей, нам временами все же удавалось добиться концентрации наших ударов.

Наши оперативные действия в течение всего описываемого периода никогда не прекращалась более чем на сутки, да и то исключительно из-за погоды. Графики свидетельствуют, что интенсивность наших действий держалась на максимально высоком уровне в августе и сентябре, а затем начала неуклонно падать. Так продолжалось до декабря 1940 года, после чего, в период с января по апрель 1941 года, она снова выросла. Затем последовал новый спад, продолжавшийся до июня. По оперативным данным разведки и аэрофотосъемки, нам удалось достигнуть существенных результатов. И все же мы, как впоследствии и наши противники, переоценили возможности бомбовых ударов. Нельзя отрицать того факта, что ущерб, причиненный прямыми попаданиями бомб, был весьма серьезным – об этом свидетельствовали фотографии. Однако эффект от применения даже очень тяжелых бомб был весьма далек от того, чтобы его можно было назвать сокрушающим. Лучше зарекомендовали себя зажигательные бомбы, десятки тысяч которых было сброшено на цели и прилегающие к ним весьма

обширные районы – в пожарах, возникавших в результате их использования, сгорало то, что обычными бомбами удалось повредить, но не уничтожить.

Тем не менее, обороняющаяся сторона быстро приспосабливалась к нашим действиям. Люди обладают способностью приспосабливаться к чему угодно. Каждый британец вносил свою лепту в дело ликвидации последствий бомбардировок. Их объединенные усилия давали такой эффект, который до этого никто не в состоянии был даже представить. Нанесение же таких мощных ударов, которые полностью уничтожали бы ту или иную цель, не оставив от нее камня на камне, в то время было такой же редкостью, как постоянные налеты на один и тот же объект. Словом, все надежды на уничтожение военного потенциала Великобритании оказались тщетными.

Как стало ясно позднее, для реализации тактического превосходства над сильным государством, обладающим мощным военным потенциалом и обширной сетью военных объектов, рассредоточенных на значительной территории, необходимы массированные, непрерывно усиливающиеся круглосуточные удары и рейды террора, которые должны осуществляться в течение нескольких лет. Блестящие результаты, которых мы добились при бомбардировках Ковентри, были получены благодаря исключительной удаче. Во время работы Нюрнбергского международного трибунала мне задавали вопросы по поводу бомбового удара по Ковентри, разрушение которого вызвало в Англии возмущение, которое можно было понять. Я объяснил, что на карте было обозначено точное местонахождение всех находившихся в Ковентри заводов по производству вооружения, а сам город мы считали английским «маленьким Эссеном». Успех налетов на Ковентри можно объяснить его относительно небольшой удаленностью, благодаря которой наши бомбардировщики могли за одну ночь совершить два или три вылета, а также исключительно благоприятными погодными условиями и использованием прицелов для бомбометания. Что же касается непредвиденных последствий даже прицельных бомбовых ударов, то они заслуживают глубокого сожаления, но являются неизбежными при любой атаке с воздуха. Огонь и сильное задымление делают точное прицеливание невозможным. Таким образом, разброс бомб, в любом случае неизбежный при авианалете, значительно увеличивается, в результате чего страдают прилегающие районы, которые изначально ни в коей мере не рассматриваются в качестве объекта бомбардировки. Пацифистские рассуждения в устах солдата звучат

подозрительно; однако не следует подвергать сомнению искренность его чувств, потому что именно солдат, обладающий чувством ответственности и сознающий мощь современного оружия, может лучше, чем кто бы то ни было, представить себе все ужасы войны.

Я могу напомнить читателям, что германское правительство хотело добиться международного запрещения воздушной войны. Поэтому обвинения, выдвинутые против тех, кто отвечал за ведение этой воздушной войны, обращены не по адресу. Могу повторить, что, хотя в отдельных случаях главнокомандующий люфтваффе отдавал приказы о рейдах террора, целью которых были сугубо гражданские объекты, воздушные командования вносили в эти приказы изменения, ориентируя бомбардировщики на поражение военных целей. Могу совершенно определенно сказать – и это подтверждено английскими историками, – что первые удары по жилым кварталам городов нанесли британские Королевские военно-воздушные силы. Что же касается германского командования, то оно лишь скрепя сердце пошло на нанесение ударов возмездия, подобных сентябрьскому налету на Лондон.

В конце концов по политическим соображениям – которые, кстати, держали в секрете даже от меня, хотя мне предстояло возглавить одно из ключевых воздушных командований в приближающейся кампании против России, – наши воздушные налеты на Англию стали постепенно сходить на нет. Благодаря этому у меня появилось несколько больше возможностей для поисков решения вопроса об отдыхе личного состава и проблем, связанных с капризами погоды. Однако общий груз проблем люфтваффе стал от этого лишь ненамного легче. Только начиная с мая 1940 года напряжение заметно ослабло.

24, 25 и 26 декабря 1940 года, а также в канун Нового года я отдавал приказы об отмене всех оперативных полетов над Англией. Однако мое предположение, что противник поступит так же, к сожалению, оказалось неверным. Я не могу полностью снять с себя вину за то, что нередко давал слишком большую волю человеческим чувствам. Я говорю об этом совершенно открыто и, при том что меня приговорили к смертной казни за бесчеловечность, не боюсь, что кто-то увидит в этом противоречие.

Несколько дней отпуска в новогоднюю пору – это был единственный мой отпуск за всю войну – вопреки моим надеждам не дали мне возможности отдохнуть. Помешали массированные бомбардировки германских городов в районах, близких к месту моего проживания. Прервав отпуск, я вылетел в Голландию, где

провел очень серьезную беседу с Каммхубером и Фальком, тамошними старшими командирами ночной истребительной авиации. Я поставил их перед альтернативой: либо они проводят коренную реорганизацию действий своих летчиков, либо подчиненное им авиакрыло ночных истребителей будет расформировано. Я пообещал сделать все, что в моих силах, для выполнения целого ряда личных пожеланий моих собеседников при условии, что они обеспечат быстрое достижение ощутимого результата.

И результат был получен. После упомянутой встречи я постоянно находился на связи с ночной истребительной авиацией, которая – под руководством Каммхубера как организатора и Фалька как человека с большим оперативным опытом, а также благодаря многим великолепным пилотам, таким, как лейтенант Зайн-Виттгенштайн и гауптман Штрайб, ставший впоследствии ночным асом, – быстро набрала силу, став великолепным средством обороны. Ее летчики всегда приглашали меня как «отца ночных истребителей» на все значительные мероприятия и на персональные торжества. Между тем первым шагом к положительным изменениям были технические усовершенствования. Наземные радары безошибочно фиксировали приближение бомбардировщиков противника; прожекторные установки, действовавшие в идеальной координации с радарами и сведенные в осветительную дивизию, сделали возможными успешные ночные воздушные бои «с подсветкой», в то время как радары, установленные непосредственно на самолетах, позволили нам успешно вести ночные воздушные бои «без подсветки». Еще одним доказательством эффективности действий ночной авиации стало то, что вскоре после сформирования группы ночных истребителей британские ночные бомбардировщики стали отдавать предпочтение налетам на наши зарубежные объекты.

Хотя налеты англичан на Германию в декабре 1940 года нанесли нам ущерб, вызвавший временную дезорганизацию в подвергшихся нападению районах, их результаты ни в коей мере нельзя было назвать впечатляющими. С другой стороны, потери, понесенные в ходе этих налетов противником, также были значительными. Активизацию англичанами ночных бомбардировок наземных объектов наших ВВС в Голландии и Бельгии можно было расценивать как свидетельство эффективности наших ударов по Англии. Как и раньше, эти бомбардировки со стороны британских ВВС не достигали своей цели. Хотя в ясные дни англичане не предпринимали попыток нанесения бомбовых ударов, наши летчики нередко натыкались

на их истребители, которым иногда удавалось добиться случайного успеха. Именно во время стычки с ними погиб маршал авиации Грауэрт, доблестный командующий 1-й авиагруппой. Чем реже самолеты противника появлялись в небе над оккупированными нами территориями, тем более нервными становились наши зенитчики. Зимой 1940/41 года, в промежутке между Рождеством и Новым годом, мне надо было навестить Остеркампа. Когда я при легком снегопаде сажал мой небольшой самолетик, на меня обрушился шквальный огонь 2-сантиметрового орудия. Я, что вполне понятно, устроил скандал. Меня не удовлетворили ни ссылки на то, что зенитчики якобы были предупреждены о приближении «английского бомбардировщика», ни весьма любопытные оправдания, суть которых состояла в том, что во всем виновата зенитная артиллерия сухопутных войск. Как известно, история повторяется: в 1942 году, когда я находился за пределами воздушного пространства Туниса, итальянские зенитчики приняли мой «шторх» за английский бомбардировщик и открыли по нему огонь; к счастью, делая поправку на скорость, они переоценили возможности моей машины.

Можно ли считать воздушную войну против Англии, сравнивая ее замысел и ее результаты, провалом?

Быстрое окончание наземных боевых действий на западе поставило германское командование перед ситуацией, к которой оно не было готово. В данном случае во второй раз стало особенно очевидным полное отсутствие какого-либо долгосрочного плана. Очень плохо плыть по течению, не определив для себя ни своего следующего шага, ни конечных целей. Независимо от того, какими мотивами мог руководствоваться Гитлер, заняв особую позицию в отношении Англии, я убежден, что в описанные мною месяцы возможность наступательной операции против британцев всерьез ни разу не рассматривалась. Именно в этой ситуации и началась воздушная битва за Англию, в которую мы ввязались, не имея ясной цели, и которая продемонстрировала, что мы выдаем желаемое за действительное. Естественно, это сказалось на результатах проводимых нами операций – иначе и быть не могло. Именно это и является объяснением того бесспорного факта, что во многих случаях результаты наших действий не соответствовали нашим ожиданиям. Тем не менее, оценивая ход этой воздушной битвы и количество боевых самолетов, постоянно находившихся в воздухе даже при самых неблагоприятных погодных условиях, вряд ли можно говорить о том, что в воздушном сражении за Британию немецкие ВВС потерпели неудачу.

Как я уже объяснял, то, что от операции «Морской лев» пришлось отказаться из-за неподготовленности люфтваффе к ее осуществлению, а также из-за непреодолимости британской обороны, исторически недоказуемо. Если бы это на самом деле было так, мы не смогли бы непрерывно бомбить Великобританию в течение девяти месяцев после того, как операция «Морской лев» была отменена. Факты говорят о том, что из-за отсутствия четкого плана операции «Морской лев» люфтваффе бросили в бой для того, чтобы до поры до времени отвлечь внимание от подготовки следующей кампании – против России. Отдавая должное нашим ВВС, необходимо сказать, что если мы так и не смогли достигнуть поставленной цели, то, несомненно, прошли значительную часть пути к ее достижению. То, что это не пустые слова, станет ясно любому, кто сравнит десять месяцев битвы за Англию с тремя годами битвы наших противников за Германию.

***

Уинстон Черчилль соглашается с неоднократно приводившейся в немецких публикациях версией, которая состоит в том, что воздушные сражения, происходившие до сентября, по замыслу должны были стать подготовительной фазой операции немецких войск под кодовым названием «Морской лев». Ниже я привожу некоторые из аргументов против этого тезиса. a) Приказами Геринга в дни, когда операция «Морской лев» вот-вот должна была начаться, 2-му и 3-му воздушным флотам был определен обширный перечень целей, которые вряд ли могли иметь какое-либо отношению к вторжению в Англию. b) Командующие воздушными флотами были полностью исключены из числа лиц, занимавшихся планированием и подготовкой операции «Морской лев». c) Приказом от 5 сентября ВВС предписывалось сконцентрировать основную мощь ударов по Лондону не на правительственных учреждениях, расположенных в центре города, а на объектах, находящихся на берегах Темзы. Хотя это были важные объекты, целесообразность их бомбардировки с точки зрения обеспечения успеха наступательной операции весьма сомнительна. d) В своей директиве номер 17 Гитлер говорит о недельном подготовительном периоде. Одно только то, что по изначальным оценкам этот период должен составить минимум пять недель, доказывает, что возможность проведения операции всерьез никогда не рассматривалась.

Черчилль пишет, что во Франции соотношение сил между

Германией и Англией составляло два к одному и даже три к одному в пользу Германии, а в битве за Дюнкерк даже четыре к одному и пять к одному. Эти цифры, возможно, недалеки от истины, даже при том, что, на мой взгляд, большое количество вылетов, которые совершали немецкие самолеты (от трех до шести в день у легких самолетов), вполне могло стать причиной ошибок при визуальных оценках. К сожалению, классические боестолкновения между истребителями, благодаря которым можно было бы составить ясную картину, происходили весьма редко. Мы могли поставить себе в плюс тот факт, что операции, проводимые нашими атакующими силами, как правило, осуществлялись в соответствии с определенным планом, в то время как англичане вынуждены были приспосабливать свои действия к нашим. Это, разумеется, неизбежно вело к распылению сил и исключало какую-либо возможность успеха. Кроме того, деятельность их разведывательных структур и аппарата управления была в большей или меньшей степени нарушена.

Черчилль 20 августа заявил в парламенте, что английская истребительная авиация после всех боев является более сильной, чем когда бы то ни было. Его слова следует интерпретировать с точки зрения психологии, так как, с нашей точки зрения, серьезных воздушных боев к тому моменту еще не было. Даже при средних потерях в 30-50 процентов нам было гарантировано регулярное пополнение. Черчилль пишет, что после завершения целого ряда фаз противостояния «Герингу пришлось прибегнуть к безжалостным массированным бомбардировкам Лондона и центров промышленного производства». Далее он отмечает, что «концентрация (после конца сентября) уступила место распылению сил». Имеется в виду, что нам в большей или меньшей степени пришлось отказаться от запланированных нами операций. Далее, однако, есть фраза, которая ближе к истине, – в ней Черчилль пишет о большом количестве баз и рассеянности их на значительной территории, «благодаря чему они (люфтваффе. – Примеч. пер.) могли концентрировать против нас большие силы и наносить массированные удары, применяя отвлекающие маневры для того, чтобы ввести нас в заблуждение относительно основного объекта атаки». Тактическая мобильность не должна рассматриваться как слабость. Тот факт, что мы не обескровливали наши части и соединения и на протяжении почти всей воздушной битвы за Англию сохраняли способность наносить удары по противнику с практически неослабевающей силой даже при самых неблагоприятных погодных условиях и при наличии сильного сопротивления, а также то, что мы смогли в

июне 1941 года начать кампанию против России и в течение многих месяцев подряд осуществлять ее с большой эффективностью, добиваясь при этом впечатляющих результатов и в то же время не прекращая полностью наши действия против Англии, – все это свидетельствует о нашей силе и уверенности в себе.

Я с радостью готов присоединиться к хвалебным словам Черчилля, когда он говорит, что британские Королевские ВВС «не только не были разгромлены, но и были триумфаторами». Безусловно, британские летчики заслужили эту похвалу благодаря своей храбрости и боевому мастерству, да и все войска, участвовавшие в обороне Англии, заслуживают добрых слов за их способность к восприятию технических новшеств. С другой стороны, я не могу согласиться с утверждением, что в результате первых столкновений в июле, августе и сентябре немецкие ВВС были наголову разбиты. Прервать битву, которая для вас развивается успешно, – это совсем не означает быть наголову разгромленным. В официальной английской брошюре «Битва за Британию» есть строки, которые говорят сами за себя: «Это объясняет, почему немцы, чтобы перейти к осуществлению очередной части своего плана, несколько раз прекращали использовать тот или иной метод нанесения ударов в тот самый момент, когда им имело смысл продолжить его применять».

Коротко говоря, в данном случае сошлись два достойных противника, которые могли поспорить друг с другом в верности своему высшему долгу.

Глава 12.
Русская кампания до конца ноября 1941 года

22.06.1941 года. Начало вторжения силами трех групп армий – «Север», «Центр» и «Юг».

– Наступление группы армий «Север» через территории Балтийских государств на Ленинград, наступательные действия группы армий «Юг» на Украине.

– Группа армий «Центр» (две, а затем три пехотные армии и две танковые группы): начало июльского сражения в районе Белостока – Минска с целью окружения противника.

– 16.07.1941 года. Взятие Смоленска.

– Начало августа 1941 года. Окружение русских войск в районе Орши – Витебска. – 9-19.08.1941 года. Гомельское сражение.

– 9-19.09.1941 года. Участие в боях за окружение Киева во взаимодействии с группой армий «Юг».

– 2-12.10.1941 года. Запоздалое наступление на Москву силами трех пехотных и трех танковых армий, бои, закончившиеся двойным окружением противника в районе Вязьмы – Брянска.

– 2.11.1941 года. Наступление Гудериана задержано под Тулой.

– Наступление 4-й танковой группы остановлено под Можайском, неподалеку от Москвы. – Кризис в русской столице

Операция «Барбаросса» – такое кодовое название было дано мероприятиям по подготовке кампании против России – была, как уже отмечалось, строго секретной. Не допускалось никаких утечек информации. О замыслах командования не знали ни в войсках, ни в штабах. В течение месяца или двух я считал нецелесообразным информировать о ней и мой штаб. 20 февраля 1941 года была создана небольшая группа планирования под личным руководством Геринга. Она размещалась в Гатской академии ВВС, неподалеку от Берлина. Возглавлявший ее полковник Лебль держал меня в курсе того, как продвигаются дела, и консультировался со мной по поводу принимаемых решений. В начале 1941 года я летал в Варшаву, чтобы встретиться с фон Клюге, командующим тамошней группировкой, а также для того, чтобы дать дополнительные инструкции по поводу деятельности наземных служб ВВС в том районе. Я побывал там еще раз в мае, чтобы осмотреть место размещения моего воздушного командования на будущем Восточном фронте, и обнаружил, что инженерно-строительные работы, явно осложненные капризами погоды и особенностями рельефа

местности, могут быть завершены в лучшем случае лишь к началу июня, то есть впритык ко дню «Икс», который был перенесен на 22 июня. Проверка показала, что части, выделенные в мое распоряжение Герингом, к этому времени будут не готовы оказать группе армий «Центр» необходимую поддержку с воздуха. В бурном споре с Герингом, происходившим в его командном поезде, который в то время находился к северу от Парижа, при поддержке его начальника штаба, моего старого друга Йесконнека, мне удалось добиться своего; по крайней мере, мне были обещаны хотя бы минимальные дополнительные резервы летного состава и зенитной артиллерии, на которых я настаивал. Я вполне мог понять возбуждение Геринга, заявившего мне, что я не единственный, кому требуются дополнительные силы и средства. Мы, помимо прочего, должны были продолжать военные действия против Англии. Я настаивал на своем по трем причинам: во-первых, предыдущие кампании убедили меня, что ВВС необходима поддержка со стороны наземных войск; во-вторых, я был весьма скептически настроен в отношении боевых действий в воздухе против Англии при серьезном сокращении сил, участвующих в них с нашей стороны; и, в-третьих, я верил в то, что моя настойчивость даст новый импульс процессу наращивания нашего военно-воздушного потенциала.

12 или 13 июня 1941 года я отправился с побережья пролива на последнее совещание по плану «Барбаросса», устраивавшееся Гитлером. Официально я еще некоторое время оставался на Западном фронте – чтобы все считали, будто основные силы люфтваффе под командованием фельдмаршала Кессельринга все еще сосредоточены против Англии.

Говоря о блицкриге, я уже упоминал о том, что, когда накануне начала Польской кампании Гитлер сообщил мне о заключении пакта о ненападении между Россией и Германией, с души у меня упал тяжелый камень. Это произошло 23 августа 1939 года; теперь же была середина 1941 года. Неужели за минувший короткий двухлетний период ситуация настолько изменилась, что я мог отбросить страхи, которые некогда меня терзали? После ухода из Дюнкерка британские войска не могли больше осуществлять крупномасштабные операции. Не были готовы к проведению крупных операций и британские Королевские ВВС. Наш северный фланг прикрывали армия Фалькенхорста и воздушный флот Стумпфа, размещавшиеся в Норвегии, а наш южный фланг – Африканский корпус Роммеля и итальянцы; наконец, в результате быстротечной кампании нами был подавлен балканский очаг сопротивления. Вступление в войну Соединенных Штатов находилось под вопросом и в любом

случае было делом не ближайшего будущего.

Таким образом, наше положение в 1941 году было гораздо менее опасным, чем в 1939-м. Было ли в таком случае необходимо атаковать Россию? 14 июня в своем последнем обращении к генералитету Гитлер снова сказал, что кампания против России неизбежна и что мы должны начать ее сейчас, если не хотим, чтобы русские напали на нас в невыгодный для нас момент. Он снова напомнил нам о тех моментах, из-за которых дружба между Россией и Германией вряд ли могла длиться долго. Гитлер отметил явный идеологический антагонизм, который так и не удалось ликвидировать, обратил внимание на действия России на Балтийском побережье и на ее западных рубежах, очень похожие на мобилизацию, а также на все возраставшую агрессивность ее солдат в отношении населения приграничных районов, на передвижения войск вблизи границы, на ускоренными темпами проводимое русскими наращивание военно-индустриального потенциала и т. д.

В сентябре 1939 года в примыкающем к границе районе глубиной в 300 километров Россия держала 65 своих дивизий, в декабре 1939 года – 106, а в мае 1940 года – 153 плюс 36 моторизованных дивизий, то есть в сумме 189. Для диспозиции русских войск была характерна концентрация в центре (к примеру, только в районе Белостокского выступа было сосредоточено приблизительно 50 дивизий), что явно свидетельствовало об агрессивных намерениях. Размещение аэродромов русской военной авиации поблизости от границы красноречиво говорило о подготовке действий наступательного характера.

Точка зрения Гитлера, состоявшая в том, что русские используют первый же удобный момент для того, чтобы на нас напасть, казалась мне абсолютно правильной. Кремль мог без труда найти предлог для внезапной атаки. В любом случае, время было на стороне русских, а они, как никто, умели с толком его использовать. Из докладов специалистов люфтваффе, которые совсем недавно побывали в России, мне было известно о гигантской по своим масштабам программе наращивания военно-промышленного потенциала и производства вооружений, которую русские начали осуществлять и за которой в скором времени мы оказались бы неспособны угнаться. К сожалению, Геринг и Гитлер сочли эти доклады плодами чересчур разыгравшегося воображения. Я же считаю, что сегодня только неисправимый оптимист может предполагать, что Россия удовлетворилась бы своим статусом после окончания нашей войны с Польшей.

Итак, если на повестке дня стояла война, каковы же были

наши военные перспективы в 1941 году? В минус можно записать то, что предложенная дата начала наступательной операции предполагала, что мы приступим к боевым действиям слишком поздно, хотя этот недостаток до некоторой степени можно было компенсировать за счет сужения фронта наступления. К плюсам можно отнести тот факт, что в ходе двух крупных и двух небольших военных кампаний мы смогли приобрести опыт, которому русским нечего было противопоставить. Мы были уже ветеранами боевых действий, знающими свое дело от «А» до «Я». Разумеется, в двадцатых годах мы развивали свои танковые войска и авиацию примерно теми же темпами, что и русские, но затем у нас в этой сфере имел место период быстрого прогресса и успешных военных экспериментов, в то время как война с Финляндией показала слабости русских. Что касается люфтваффе, то я безгранично верил в наших летчиков и знал, что группе армий фон Бока, с которыми предстояло взаимодействовать 2-му воздушному командованию, в этом плане не о чем беспокоиться.

Битва предстояла нелегкая, в ней могли возникнуть кризисные моменты, а также неожиданные сложности, связанные с проблемой снабжения войск всем необходимым. Но разве наша цель, заключавшаяся в том, чтобы не пустить коммунизм в Западную Европу, не стоила того, чтобы мы сделали все возможное для ее достижения? Гитлер в «Майн кампф» называет войну на два фронта опасной ошибкой. Трудно предположить – по крайней мере лично мне, – что он предал забвению собственные взгляды по этому вопросу и ввязался в войну на два фронта, не осознавая опасности, с которой это было связано. Возможно, он где-то в глубине души верил в то, что, своевременно расправившись с Россией, он сможет сразу же после этого развернуться и мощным ударом покончить с угрозой с запада. Однако с уверенностью можно сказать лишь то, что он совершенно не думал о том, чтобы нанести тяжелый и, возможно, решающий удар по России со стороны Средиземноморья, что позволило бы ему одновременно нанести смертельное ранение Англии в ее наиболее уязвимое место. Одержимый идеями континентальной войны, Гитлер недооценил важность Средиземноморского региона, что имело гибельные последствия.

Когда 15 или 16 июня 1941 года мой самолет приземлился на прекрасную взлетно-посадочную полосу аэродрома к северу от Варшавы, я отметил для себя быструю и толковую организационную работу моего штаба под руководством нового начальника штаба генерала Шейдемана; штабы, личный состав и боевая техника были уже на местах или в стадии передислокации

к местам развертывания (так, 8-я авиагруппа ближнего боя под командованием фон Рихтгофена проводила переброску своих сил с Крита). На аэродромах из-за обилия самолетов было тесно; однако усовершенствованный камуфляж, хорошо налаженная работа служб предупреждения и мощная противовоздушная оборона если и не могли полностью исключить нападение противника, то, по крайней мере, наверняка были способны снизить эффективность авиарейдов русских до минимума.

Об этом легко писать, но груз ответственности, лежавший на плечах командиров отдельных частей и подразделений, был очень велик. Свидетельством этого может служить тот факт, что незадолго до начала боевых действий мой весьма компетентный начальник службы связи доктор Шейдль, очевидно будучи не в состоянии и дальше нести на себе этот груз, покончил с собой. Его место занял наш бывший военно-воздушный атташе в Москве полковник Ашенбреннер. Я был очень рад этому назначению, поскольку он хорошо знал русских. Именно благодаря его мобильности и способности тонко чувствовать ситуацию командование ВВС всегда располагало точными сведениями о складывающейся обстановке.

Во время многочисленных полетов на моем двухфюзеляжном двухмоторном «Фокке-Вульф-189» я изучил вдоль и поперек весь район сосредоточения наших сил и успел познакомиться с ливневыми дождями, такими сильными, что они одни могли бы заставить нас отложить дату начала наступления. Однако перенесение его на более поздний срок и без того было неизбежным по причине задержек с переброской наших войск с Балкан. Командование военно-воздушных сил издало ряд приказов о соблюдении строжайшей секретности. В связи с этим вблизи приграничных аэродромов нашим самолетам было разрешено летать только на малой высоте. Тем не менее, тот факт, что нам удалось застать русские авиационные части врасплох на их аэродромах, вызывает удивление, потому что после 20 июня у Кремля не могло больше оставаться никаких иллюзий – настолько явным было обострение обстановки.

Мои беседы с фельдмаршалом фон Боком (группа армий «Центр») не занимали много времени – мы хорошо понимали друг друга. Вечером 21 июня, отправившись к нему, чтобы обсудить идеи или опасения, которые могли появиться за время, минувшее с момента нашей предыдущей встречи, я застал фельдмаршала в состоянии уныния, погруженным в размышления. Накануне начала судьбоносной военной кампании состояние задумчивости вполне приличествовало командиру, осознающему лежащую на нем ответственность. Однако настроение фон Бока резко

отличалось от того, в котором он пребывал перед началом предыдущих военных кампаний. В тот момент я в очередной раз подумал о том, как важно в такой ситуации иметь возможность обменяться мнениями с близким по образу мыслей человеком. Во время предстоящей кампании, в ходе которой могло возникнуть много непредвиденных моментов, я намеревался действовать в гораздо более тесном контакте с штабом группы армий и поддерживать с ним постоянную связь при помощи офицера главного штаба люфтваффе, ранее служившего в сухопутных войсках. Он должен был каждый вечер, прибыв на мой командный пункт, докладывать о «положении в армии», сложившемся в течение дня, участвовать в обсуждении шагов, которые предполагалось предпринять завтра, а также получать информацию о «положении в ВВС» с тем, чтобы подробно доложить о нем командованию группы армий.

Командуя частями военно-воздушных сил, я, имея лишь самое общее представление о передвижениях сухопутных войск, получал на этот счет доклады от авиагрупп (через службу связи ВВС) и зенитного корпуса непосредственно с передовой. Эти доклады иногда весьма существенно отличались от тех, которые я получал из армейских штабов. Во время ежевечерних заседаний я оценивал положение сухопутных войск и поручал моему посреднику Вебе передать мои критические замечания командованию группы армий. В особо срочных случаях я либо сам связывался по телефону с фон Боком, либо мой начальник штаба созванивался с начальником штаба группы армий. Фон Бок знал, что я не пытаюсь учить его, вторгаясь в его сферу ответственности. Он понимал, что мое вмешательство представляло собой всего лишь вполне понятную реакцию партнера, старающегося помочь другому виду вооруженных сил, с которым люфтваффе, какая бы ни складывалась ситуация, объединяла общая цель. Каждое утро, а нередко и по вечерам я очень подробно обсуждал с генералом Йесконнеком, начальником штаба люфтваффе, события минувшего дня и план действий на следующий день. Это делалось для того, чтобы на совещаниях у фюрера Геринг мог отстаивать интересы ВВС и согласовывать их с общим планом действий. В редких случаях, например во время боев за Смоленск и Москву, я использовм этот механизм, чтобы довести до тех, кто принимал окончательные решения, свое собственное мнение по поводу тех шагов, которые, на мой взгляд, следовало предпринять сухопутным войскам. Так или иначе, в этой главе мне хотелось бы обратить внимание на образцовое взаимодействие между сухопутными войсками и люфтваффе. Оно складывалось настолько гармонично, что я дал указание

генералам подчиненных мне частей ВВС и зенитной артиллерии относиться к пожеланиям коллег из сухопутных войск так, как если бы это были мои приказы, не смущаясь тем, что их непосредственным начальником был я – за исключением тех случаев, когда это было нецелесообразно с точки зрения интересов ВВС или могло нанести им ущерб. Мои командиры и я сам гордились нашим умением предвосхитить пожелания армии и выполняли все ее резонные просьбы и требования с максимальной быстротой и точностью.

Цель кампании против России была ясно изложена в приказе – смять русских в Белоруссии, то есть между границей и Днепром. Следовательно, наш главный удар должен был быть нанесен силами группы армий фон Бока по району сосредоточения русских войск, которые необходимо было уничтожить в ходе молниеносного наступления прежде, чем они сумеют выйти из контакта с нами и отступить в обширные степи. Одновременно нужно было вытеснить русскую бомбардировочную авиацию на ее тыловые базы к востоку от Днепра, откуда она уже была бы неспособна осуществлять налеты на территорию Германии. Приказы, которые я получал от главнокомандующего люфтваффе, в основном сводились к тому, чтобы добиться превосходства, а по возможности и господства в воздухе и оказать поддержку сухопутным войскам, в особенности танковым группам, в их боевых действиях против русских. Постановка каких-либо других задач в дополнение к упомянутым привела бы к весьма непродуктивному распылению сил, так что их следовало отложить на потом. Для меня было очевидно, что даже те задачи, о которых говорилось в приказах Геринга, невозможно было немедленно выполнить в полном объеме – их следовало решать постепенно.

Что касается сил и средств, имевшихся в распоряжении 2-го воздушного флота, то, как я уже отмечал, я требовал лишь необходимого минимума, и моя настойчивость в конце концов была вознаграждена. Кроме эскадрильи глубокой разведки, в состав флота входили:

2-я авиагруппа (командующий – Лерцер), включающая в себя эскадрилью воздушной разведки, два авиакрыла бомбардировщиков, крыло «штукас», крыло истребителей из четырех эскадрилий, истребительно-штурмовое крыло, батальон связи и штаб административного воздушного района, перестроенный в соответствии с требованиями военного времени;

8-я авиагруппа (командующий – Фрайхерр фон Рихтгофен), включающая в себя эскадрилью воздушной разведки, авиакрыло бомбардировщиков, два крыла «штукас», эскадрилью

штурмовиков, авиакрыло истребителей, истребительно-штурмовое крыло, батальон связи и штаб административного воздушного района, перестроенный в соответствии с требованиями военного времени;

1-й (командующий – фон Акстельм) зенитный корпус, а впоследствии и 2-й (командующий – Десслох) зенитный корпус (в состав каждого из корпусов входило от трех до четырех зенитных полков); воздушный административный район Познани (командующий – Бинек).

Начало операции было назначено на предрассветное время. Это было сделано несмотря на возражения люфтваффе, основывавшиеся на вполне конкретном тактическом соображении, которое состояло в том, что в указанное время одномоторные истребители и «штукасы» были не в состоянии передвигаться в четком строю. Этот момент представлял для нас серьезную трудность, однако мы сумели ее преодолеть.

В первые два дня операции мы сумели завоевать господство в воздухе. Решение этой задачи облегчила прекрасно проведенная аэрофотосъемка. Ее данные свидетельствовали о том, что в воздухе и на земле было сразу же уничтожено до 2500 самолетов противника – Геринг поначалу отказывался поверить в эту цифру. Однако, когда мы получили возможность проверить эти сведения после нашего наступления, он сказал, что наши подсчеты всего на 200 или 300 машин превышали реальные потери русских. Начиная со второго дня войны я мог наблюдать за битвой с русскими тяжелыми бомбардировщиками, действовавшими из глубины территории России. То, что русские позволяли нам беспрепятственно атаковать эти тихоходные самолеты, передвигавшиеся в тактически совершенно невозможных построениях, казалось мне преступлением. Они как ни в чем не бывало шли волна за волной с равными интервалами, становясь легкой добычей для наших истребителей. Это было самое настоящее «избиение младенцев». Таким образом была подорвана база для наращивания русской бомбардировочной армады. В самом деле, после этого в ходе всей данной кампании русские бомбардировщики больше не появлялись.

После первых двух дней операции атаки «штукас» на войска противника, развернутые на передней линии его обороны, получали все более весомую поддержку со стороны других входящих в состав воздушного командования частей, которые решали следующие боевые задачи: нейтрализация ВВС противника, для которой больше не требовалось специально выделять какие-то силы; поддержка с воздуха действий танков и пехоты по подавлению местных очагов сопротивления или

отражению попыток противника зайти нам во фланг (решение этой задачи обычно поручалось «штукас» и эскадрильям штурмовиков); разгром или сдерживание продвижения частей русских, пытающихся выдвинуться к линии фронта или выйти из боя, с помощью «штукас», штурмовиков, истребителей, легких бомбардировщиков и практически всех прочих сил, имевшихся в нашем распоряжении; и, наконец, непрерывная воздушная разведка. Через какие-то несколько дней после начала наступления я уже летал в одиночку на моем «Фокке-Вульф-189» над территорией, которую занимали русские. Это может служить наглядным доказательством того, до какой степени нам удалось парализовать действия русской авиации в первые два дня войны.

Бои в районе Брест-Литовска продолжались до 24 июня, когда тамошняя крепость была разрушена взрывом тысячекилограммовой бомбы. Тем временем танковые группы продвинулись вперед, что дало возможность завязать бои за Минск и Белосток (они продолжались с 26 июня до 3 июля), в результате которых мы взяли в плен 300 000 военнослужащих противника, хотя и не уничтожили полностью силы русских, участвовавшие в сражениях на этом участке фронта. Перелом в ходе боевых действий был неизбежен, поскольку наша мощная танковая группировка продвигалась к Днепру и «линии Сталина», в то время как 4-я и 9-я армии вводили в бой свои немоторизованные дивизии постепенно и лишь по мере необходимости. Они связывали активность русских частей, попавших в окружение, и облегчали действия наших танковых групп, развивавших наступление через Днепр.

3-я танковая группа при поддержке авиагруппы под командованием фон Рихтгофена 9 июля взяла Витебск и таким образом получила удобный плацдарм для последующих операций к северу и северо-востоку от Смоленска. Периодически повторяющаяся непогода затруднила продвижение частей танковой группы по совершенно негодным, примитивным русским дорогам, что дало нам представление о том, что на самом деле представляет собой русский театр военных действий. Тот факт, что даже автомобили и боевая техника повышенной проходимости, включая танки, были вынуждены использовать в основном магистральные шоссе, послужил войскам предупреждением о трудностях, ожидающих их впереди.

Бои за Днепр (10-11 июля) показали, что сопротивление русских ослабевает, но в то же время продемонстрировали, что противник располагает резервами, хотя и плохо подготовленными и оснащенными.

В успехах, достигнутых нашими войсками, решающая роль

принадлежала люфтваффе. Наша авиация наносила массированные удары по русским, продвигающимся к линии фронта и от нее как в пешем строю, так и по железным дорогам, а также по обнаруженным местам скопления их войск. Затем оборонительные порядки русских на передовой на разных участках фронта атаковали «штукас», штурмовики и истребители.

Затруднения с продвижением вперед наших наземных служб и структур, недостаточно моторизованных и к тому же не имевших транспортных средств повышенной проходимости, были еще заметнее, чем те же сложности у сухопутных войск. Хотя мы уже имели в нашем распоряжении несколько фронтовых аэродромов, нам пришлось заниматься разведкой и оборудованием дополнительных, которые не были непосредственно защищены армейскими частями.

23 июня воздушное командование получило возможность держать руку на пульсе событий, разместив свой командный пункт в поезде на железнодорожной ветке неподалеку от Брест-Литовска, а в первые дни июля с целью поддержания постоянного контакта с войсками – в механизированной транспортной колонне к востоку от Минска.

После того как в первые недели войны мы завладели невероятно большими территориями, встал вопрос о продолжении наступления. Я поддержал точку зрения представителей групп армий, которые настаивали на том, что война на уничтожение противника, продолжавшаяся уже несколько недель, должна быть продолжена за Днепром с тем, чтобы раз и навсегда покончить с русской армией, противодействовавшей нашим войскам. Сегодня остается лишь с сожалением констатировать, что Верховное командование пошло на поводу у событий и не смогло быстро прийти к определенному решению, хотя его колебания пока еще невозможно было ощутить на фронте.

Кульминацией боев явилось сражение, итогом которого стало окружение Смоленска (оно продолжалось с середины июля до начала августа). Мы одержали крупную победу (еще свыше 300 000 пленных), но все еще так и не пришли к какому-либо решению. Если бы мы смогли закрыть брешь во фронте к востоку от Смоленска, этот момент мог бы стать переломным в ходе кампании, но соответствующие предложения, в срочном порядке выдвинутые Герингом и мной, не были услышаны. В течение нескольких дней существенные силы противника, в основном в ночное время, сумели через узкую брешь шириной в несколько километров, посреди которой протекал ручей, просочиться в небольшую низину, замаскировав свои передвижения благодаря

тамошней растительности. Если бы наши штурмовики добились большего успеха в ограничении этого просачивания, непрерывно атакуя войска противника днем, те не смогли бы так удачно использовать темное время суток. По моим подсчетам, из окружения вышло более 100 000 русских, которые составили ядро вновь сформированных дивизий. В том, что мы не сумели уничтожить эти силы впоследствии – я имею в виду кровопролитные бои под Ельней в период с 30 июля по 5 сентября, – нет вины ни немецких войск, ни их командования. Наши дивизии, в том числе и дивизии люфтваффе, были просто слишком измотаны, действовали на пределе сил и слишком далеко оторвались от тыловых служб, ведавших снабжением войск всем необходимым.

Выполняя приказ, они шли и шли вперед по суше и по воздуху в течение почти полутора месяцев, нередко в суровых погодных условиях, продвинувшись в глубь территории противника почти на 800 километров, ведя боевые действия против отступающих русских войск и недавно сформированных дивизий противника, выдвигавшихся к линии фронта из глубокого тыла; немецким войскам второго и третьего эшелона приходилось сражаться с крупными и мелкими группировками русских войск, попавшими в окружение, а также с партизанами, которые все более серьезно заявляли о себе; нашим частям приходилось выдерживать налеты периодически появлявшихся небольших групп русских штурмовиков, действовавших на малых высотах и хорошо вооруженных. Наши солдаты и офицеры не могли и мечтать о том, чтобы их хотя бы на короткое время вывели в тыл для отдыха, и забыли о том, что такое нормальное снабжение.

Дополнительные трудности возникли у нас в связи с попытками противника осуществить охват наших частей, действовавших на правом фланге группы армий «Центр». С 1 августа 1941 года воздушному командованию сначала пришлось обеспечивать поддержку с воздуха, а также противовоздушную оборону танковой группы Гудериана в районе Рославля (в результате этой операции мы взяли 38 000 пленных), затем практически без какого-либо перерыва – 2-й армии под командованием генерала фон Вайхса в сражении, разворачивавшемся в районе Гомеля (где в плен было взято 100 000 военнослужащих противника), и, наконец, ко всему прочему, в конце августа участвовать в завершении разгрома русских войск, оставшихся в низине между Смоленском и озером Ильмень к востоку от Великих Лук (30 000 пленных). Командующие, осуществлявшие эти августовские операции, – фон Вайхс в районе

Гомеля, Гудериан в районе Рославля и Штумме в районе Великих Лук – достигли невозможного. Наши военно-воздушные силы добились невероятного успеха: за очень короткий промежуток времени мы уничтожили 126 танков и тысячи автомобилей противника, разрушили пятьдесят мостов, не говоря уже об огромных потерях, нанесенных русским войскам, действовавшим на линии фронта.

В начале этих сражений, поскольку аэродромы, с которых действовали наши истребители и легкие бомбардировщики, располагались по линии Шаталовка – Смоленск – Витебск, я передислоцировал мой командный пункт в Смоленск. На той же линии мы создали возможности для взлета тяжелых бомбардировщиков. Для переброски припасов из Орши в Шаталовку впервые были использованы тяжелые грузовые планеры типа «гигант». Мы использовали захваченные механические транспортные средства русских, пригодные для применения на пересеченной местности, а также телеги и подводы местного населения. Наши наземные службы нашли применение даже захваченным русским танкам, с помощью которых они отражали танковые рейды противника против наших аэродромов.

В то время как мы, командующие войсками группы армий «Центр», в августе 1941 года размышляли о том, как и где следует продолжить наступление на Москву, а наши части и соединения бессмысленно топтались на месте, Верховное командование после долгих колебаний и к нашему немалому раздражению приняло решение изменить направление главного удара, перенеся его к югу (21 августа 1941 года).

Можно спорить о необходимости переноса направления главного удара в конце августа – начале сентября к югу, в район, где действовала группа армий Буденного. Однако факт остается фактом – значительные силы группы армий «Центр» под командованием фон Бока, а также воздушного флота, которым командовал я, были развернуты на юг. Напрашивалась необходимость создания ими Южного фронта для того, чтобы дать возможность группе армий «Юг» под командованием фон Рундштедта успешно провести операцию по окружению сил Буденного. После четырех недель боев (с 28 августа по 26 сентября) судьба армий Буденного, а вместе с ними и судьба Киева, была решена. Танковые группы фон Клейста и Гудериана соединились 13 сентября в 200 километрах восточнее Киева. Было захвачено более 650000 пленных, около 1000 танков и свыше 3500 автомобилей.

Я совершил бы несправедливость по отношению к

люфтваффе, если бы не упомянул о блестящих действиях 2-й авиагруппы. При явном недостатке легких самолетов, часть которых была передана 4-му воздушному флоту, действовавшему южнее, авиагруппе пришлось вести бои в весьма сложных условиях, поскольку русские извлекли уроки из предыдущих столкновений и в дневное время почти полностью блокировали наши коммуникации. Из-за плохой погоды летчикам трудно было осуществлять операции, удерживая четкий строй. О высоком боевом мастерстве наших экипажей красноречиво свидетельствует тот факт, что железнодорожные пути в зоне боевых действий благодаря им постоянно оказывались перерезанными. Нередко на коротком отрезке железнодорожных путей, блокированном с обеих сторон, оказывалось двадцать – тридцать эшелонов противника, которые разносили вдребезги наши пикирующие бомбардировщики. Колонны противника до последних дней сражения практически не появлялись на шоссейных дорогах; если же это происходило, их тут же атаковали с воздуха наши самолеты, нанося им огромные потери.

Когда 21 августа 1941 года наши войска получили приказ наступать в направлении Киева, споры по поводу Ельнинского выступа прекратились – его можно было оставить. После того как была завершена подготовка к использованию бомбардировщиков дальнего радиуса действия, состоявшая в установке радиомаяков и концентрации собственно самолетов и бомбового запаса, в качестве главной цели пилотам дальней авиации была указана Москва – центр военной промышленности и связи противника, город, где находилось его правительство. Другие цели, такие, например, как крупные авиационные заводы в Воронеже, военные предприятия в Туле и Брянске, загруженный до предела Брянский железнодорожный узел и т. п., к которым могли подобраться лишь одиночные истребители, да и то только в плохую погоду, были альтернативными – их мы пытались атаковать в период неблагоприятных погодных условий.

Налеты на Москву вызывали у меня большую озабоченность. Сбитые экипажи приходилось окончательно вычеркивать из списков личного состава. Эффективность действий русских зенитчиков и осветителей, использовавших прожекторы, производила впечатление даже на тех наших пилотов, кому довелось летать над Англией. Кроме того, постепенно в воздухе стало появляться все больше русских истребителей – к счастью, только в дневное время. Результаты бомбардировок русской столицы были несколько менее впечатляющими, чем я ожидал, но это можно объяснить размерами территории объекта бомбовых ударов, ослепляющим действием прожекторов, создававшим

помехи нашим летчикам, а также тем, что бомбовую нагрузку наших самолетов приходилось уменьшать из-за необходимости брать на борт дополнительное топливо. Однако несколько лет спустя, когда меня допрашивали в лагере для военнопленных в Мондорфе в 1945 году, русская женщина, выступавшая в роли переводчицы, как-то упомянула об «ужасных последствиях бомбардировок», и я с радостью переменил свое прежнее мнение о степени успешности действий нашего доблестного летного состава. В любом случае, непрерывные налеты на город, помимо их чисто материального разрушительного воздействия, создавали атмосферу, способствующую падению русской столицы. Жаль, что этот фактор не удалось использовать.

В августе и первой половине сентября погода была переменчивой. На обоих флангах группы армий «Центр» в этот период шли бои, а наши летчики непрерывно совершали вылет за вылетом. Я согласился с фон Боком в том, что позиции, занимаемые 4-й и 9-й армиями, были неподходящими для осуществления зимней кампании, тем более в условиях, когда противник явно получал свежие подкрепления и оказывал все более упорное сопротивление. Это само собой наталкивало на вывод о том, что нам следует еще раз попытать счастья на центральном участке фронта. Проведя успешную операцию по окружению русских войск, можно было нанести противнику значительные потери, обескровив его, и определиться с нашей тактикой на зимний период. Ответ на вопрос о том, возможно ли будет после такой победы продолжить наступление на Москву, зависел от состояния наших войск и, в еще большей степени, от такого важного, но непредсказуемого фактора, как погода.

Хладнокровно все рассчитав, с 15 сентября мы, засучив рукава, приступили к подготовке нового удара. Командующий 4-й танковой армией генерал Хепнер, мой старый друг, которого я знал еще по Мецу, не слишком верил в успех операции – на него произвел большое впечатление тот факт, что группе армий «Север» не удалось добиться сколько-нибудь значительного успеха. Дважды я объяснял ему, что группа армий «Центр» действовала в совершенно иных условиях, указывая генералу на имевшуюся у него действительно уникальную возможность прорыва и окружения войск противника и обещая ему усиленную поддержку с воздуха. Постепенно уверенность вернулась к Хепнеру. Когда во время сражения я навестил его, на лице его играла широкая улыбка.

Что же касается моих собственных частей, то с их тактикой в целом все было ясно. Зенитным корпусам предстояло действовать в основном не против авиации, а против наземных войск

противника. Они должны были выступить в роли артиллерии огневой поддержки, сконцентрировав основные свои усилия на правом фланге. Наши истребители воздушной поддержки, следуя давно уже отработанной тактике, должны были своими действиями облегчить продвижение вперед армейских дивизий. Перед нашими тяжелыми бомбардировщиками стояла задача нанести удар по тылам противника, отрезая ему дорогу к отступлению. По сравнению с боевыми действиями самого последнего времени, в воздухе было очень мало самолетов противника – его авиация проявляла наибольшую активность на южном фланге.

Успех в этом сражении, в ходе которого нами было захвачено 650 000 пленных и которое было оценено как еще одна «обычная» победа, был достигнут благодаря войскам, действовавшим на внешнем правом фланге. Мы рассчитывали, совершив широкий маневр, развернуть наступление на Москву через Тулу, но непогода, с которой столкнулась 2-я танковая армия в южной части фронта в самом начале сентября, сорвала наши планы. Крайне неблагоприятные погодные условия мешали нашей авиации оказывать сухопутным войскам поддержку с воздуха; шел дождь и снег, и дороги, и без того усеянные рытвинами, еще больше разбили тяжелые полноприводные грузовики; в результате передвижение по дорогам было затруднено, а к 5 октября почти полностью замерло. Попытки передислоцировать самолеты путем буксировки с помощью тягачей зенитчиков оказались безуспешными, поскольку буксировочные тросы не выдерживали нагрузки. Когда возникли затруднения со снабжением войск продуктами питания, люфтваффе пришлось сбрасывать продовольствие некоторым частям 2-й танковой армии с воздуха. Физическое и эмоциональное напряжение превысило все допустимые пределы. К этому следует добавить, что техника армейских частей не была приспособлена к боевым действиям в зимнее время.

Это был переломный момент в длинной серии сражений на Восточном фронте. Все вышеперечисленное, включая нервные перегрузки – впоследствии это стало очевидным, – оказалось слишком суровым испытанием для моего старого друга по министерству рейхсвера генерала Гудериана, командующего танковой армией, стойкого и неунывающего человека.

Учитывая это, я пришел к выводу, что стратегическая цель наступления стала недостижимой. Грязь и непогода совершенно изменили условия ведения боевых действий, которые ранее складывались в нашу пользу. Состояние почвы было просто невероятным. Морозы установились в начале ноября, а у армии

не было зимнего обмундирования. В то же время на фронте у русских появились части сибиряков, а также значительно увеличилось количество исключительно полезных танков «Т-34» и самолетов-штурмовиков.

В то время я был убежден, что Хепнеру и Гудериану не составило бы большого труда, просто бросив свои танки вперед, дойти до Москвы и даже дальше. Но боги, пославшие дождь, распорядились иначе; русские получили шанс создать тонкую линию обороны к западу от Москвы и насытить ее своими последними резервами, состоявшими из рабочих и курсантов военных училищ. Они сражались героически и остановили наступление наших почти потерявших мобильность войск.

Шел октябрь, и на тот момент сибирские дивизии еще не прибыли на фронт. Даже сегодня для меня все еще остается загадкой, как могло случиться, что наша глубокая авиаразведка, хотя и сообщавшая об оживленном движении войск русских на дорогах, ни разу, насколько мне известно, не предупредила о стягивании к фронту частей и соединений из восточных районов России и об их стратегической концентрации. Но уже одно только возрастание интенсивности движения по железной дороге, о котором сообщалось в конце октября, должно было насторожить Верховное главнокомандование. Приказ отвести войска на прежние рубежи должен был последовать самое позднее в середине ноября, когда части наших сухопутных войск стали докладывать о прибытии на фронт частей и соединений из Сибири.

Однако Верховное главнокомандование, вдохновленное боями в районе Киева, а также Брянска и Вязьмы, завершившимися окружением русских, отдало приказ о продолжении наступления на Москву. Приказ этот был встречен в войсках без энтузиазма. Особенно это относится к тем, кого он касался в первую очередь, а именно к фельдмаршалу фон Клюге, который лишь со временем «оттаял», проникшись боевым духом частей, находящихся на передовой, и к Хепнеру, который, как я выяснил в ходе наших с ним частных бесед, выступал за то, чтобы «спустить на тормозах» упомянутый приказ. Клюге, в этой ситуации проявлявший скорее пассивность, чем активность, жаловался на то, что Хепнер слишком колеблется. Хепнер в разговорах со мной оправдывал свою позицию проблемами со снабжением войск. Положение выглядело далеко не блестящим, когда в конце ноября меня и штаб моего воздушного флота отозвали с русского фронта и поездом отправили в направлении Берлина. Следом за нами несколько дней спустя отправился штаб 2-й авиагруппы.

Как только я понял, что нам придется провести зиму где-то в России, я сразу же затребовал зимнее снаряжение, которое благодаря расторопности моего начальника транспортной службы было доставлено почти без задержек. Мы также воспользовались помощью финнов в создании специальных нагревательных устройств, чтобы обеспечить готовность наших частей и подразделений к взлету даже в самые жестокие морозы. Уезжая, я знал, что мои люди обеспечены всем, что необходимо в зимнее время.

Можно ли сказать, что наши ВВС были недостаточно сильны для того, чтобы преодолеть усталость, особенно заметную в армейских частях, и помочь ускорить дальнейшее наступление на Москву? Достижения 2-го воздушного флота в период с 22 июня по 30 ноября говорят сами за себя: им было уничтожено 6670 самолетов противника, 1900 танков, 1950 орудий, 26 000 автомобилей и 2800 железнодорожных составов. Однако непрекращающиеся боевые действия с 1 сентября 1939-го до середины ноября 1941 года серьезно подорвали наши ресурсы, а погодные капризы русской осени – дожди, туман и холода – довершили остальное.

После сражения в районе Брянска и Вязьмы передвижения противника в зоне окружения лишь в отдельных случаях можно было заметить; концентрация отборных дивизий сибиряков не была зафиксирована или же не была расценена как таковая. Мы имели дело с небольшими изолированными очагами сопротивления; противник располагал большим количеством небольших долговременных огневых сооружений, разбросанных там и тут – нашим пилотам, летавшим на больших скоростях, было чрезвычайно сложно обнаружить и уничтожить их, особенно в плохую погоду.

Танки «Т-34», которых появлялось все больше, могли передвигаться даже по самому непроходимому бездорожью и создавали огромные трудности для летчиков наших штурмовиков, которым приходилось, не считаясь с риском, летать над лесами и деревнями в их поисках. Армейские части то и дело требовали поддержки с воздуха для защиты от атак русских штурмовиков, действовавших на очень малой высоте. Приходилось реагировать на эти требования, совершая боевые вылеты, однако это не давало большого эффекта. Гораздо более действенным был бы зенитный огонь. Несмотря на все трудности, мы продолжали атаковать танки противника с воздуха, но не могли нанести им серьезный ущерб.

Чтобы использовать все имевшиеся в нашем распоряжении возможности, мы перебросили свои самолеты на аэродромы,

расположенные на линии Орел – Юхнов – Ржев, которая проходила совсем близко от линии фронта. Однако, даже несмотря на это, наши успехи были не слишком впечатляющими. Даже могучие ВВС не смогли бы помочь страдающим от мороза и измученным немецким войскам одержать решительную победу над почти невидимым противником; тем более этого нельзя было ожидать от военно-воздушных сил, ослабленных и измотанных до предела.

***

Война на два фронта, которая сама по себе является ошибкой и, разумеется, обычно считается нежелательной, по мнению многих людей, вовсе не обязательно должна была привести к фатальному для нас исходу. Поэтому мы должны спросить самих себя: могла ли Русская кампания, осуществлявшаяся ограниченными силами, привести к взятию Москвы и уничтожению военной мощи противника, то есть войск, военных центров и военно-промышленных предприятий в европейской части России, к концу 1941 года? Рассуждая на эту тему, начинать следует со стратегического плана, принятого Гитлером. Я очень хорошо знаю ситуацию, складывавшуюся на центральном участке фронта, и уверен в том, что нашими худшими врагами, особенно в 1941 году, были время от времени имевшие место периоды непогоды, грязь на дорогах и ужасное состояние самих дорог. Если бы не они, взятие Москвы не представляло бы проблемы. Тем не менее, даже несмотря на периодические проявления суровости местного климата и их последствия, представляющие собой неизбежное для русского театра военных действий явление, цель все же могла быть достигнута, если бы Гитлер не проявил медлительности при обдумывании своих действий и не тратил драгоценные недели на второстепенные операции. Если бы в начале сентября после сражения за Смоленск, завершившегося окружением противника, наши наступавшие войска после не слишком долгой передышки двинулись дальше на Москву, то, на мой взгляд, мы взяли бы русскую столицу до наступления зимы и до прибытия на фронт сибирских дивизий. Тогда, скорее всего, нам удалось бы создать плацдарм восточнее Москвы, который сыграл бы роль своеобразного зонтика, создав препятствия для попыток русских зайти с флангов и мешая снабжению их войск. Взятие Москвы было бы решающим в том смысле, что европейская часть России оказалась бы отрезанной от ее азиатского потенциала, и захват в 1942 году важнейших

экономических центров – Ленинграда, Донецкого бассейна и нефтяных месторождений Майкопа – стал бы вполне разрешимой задачей.

Конечно, даже если бы мы провели такую операцию, нам все равно пришлось бы как-то решать проблему группы армий Буденного в районе Киева. Бои там, разумеется, приобрели бы весьма жестокий и упорный характер, но вряд ли они стали бы решающими в масштабах всей кампании. С другой стороны, взятие Москвы дезорганизовало бы действия русского Верховного главнокомандования, создало бы помехи деятельности правительственного аппарата и нарушило бы связь с восточными регионами России. Руководствуясь стратегическими целями, было бы правильнее продолжить наступление на Москву в конце августа или в сентябре, сделав небольшую паузу для отдыха и перегруппировки. Тогда у нас было бы достаточно времени и для проведения наступательной операции тактического характера против войск Буденного.

Второй вопрос состоит в том, была ли идея Гитлера, который решил, что группе армий «Центр» следует перейти к обороне на Днепре, чтобы получившие подкрепление группы армий «Север» и «Юг» могли захватить вышеупомянутые важные экономические центры противника, более правильной, чем план захвата Москвы?

Когда мы дошли до Днепра, стали очевидными две вещи. Во-первых, нам не удалось полностью окружить и уничтожить русские войска к западу от Днепра; и, во-вторых, в зоне между Москвой и Днепром у противника все еще имелись (или же находились в стадии формирования) свежие части и соединения, причем он располагал возможностью вливать в них подкрепления и снабжать их всем необходимым. По моим подсчетам, группе армий «Центр» противостояла группировка численностью от полутора до двух миллионов военнослужащих. Наверняка столько же было и в войсках Буденного, противостоявших группе армий под командованием фон Рундштедта. В то же время численность частей и соединений противника, действовавших против группы армий «Север», по-видимому, была несколько меньшей.

Массированной переброске войск русских, действовавших на центральном участке фронта, в район нашего главного удара невозможно было помешать даже в течение короткого периода времени. Немецкие войска могли твердо рассчитывать на быстрый успех на флангах только при условии передачи всех частей и соединений группы армий «Центр» (за исключением тех, которые составляли ее костяк), а также всех фронтовых частей люфтваффе с запада и севера, равно как и резервов, группам

армий «Юг» и «Север», а также при том условии, что фланговые операции были бы начаты самое позднее в конце июля или в начале августа 1941 года. Нет никаких оснований предполагать, что эти операции нельзя было бы завершить до зимы, тем более что в южных районах, в отличие от северных, вероятностью раннего наступления зимы можно было пренебречь. Однако сегодня, как и в 1941 году, я сомневаюсь в том, что захват Ленинграда, Донецкого угольного бассейна и нефтяных месторождений южных районов России был бы для нас столь же важен и ценен, как взятие Москвы – центра связи и военной промышленности, города, в котором находилось русское правительство. Следовательно, главной стратегической целью должна была быть Москва, даже если бы из-за этого пришлось сознательно ограничить продвижение вперед групп армий, действовавших на флангах.

Третий вопрос состоит в следующем. Завершавшиеся окружением войск противника бои в районах Белостока – Минска, Смоленска, Киева и Вязьмы – Брянска отняли у нас много времени и задержали продвижение наших танковых групп, помешав им до конца выполнить свою главную задачу, состоявшую в прорыве обороны противника, проникновении в глубь его территории и выходе любой ценой на заданные рубежи. Могли бы наши танковые группы справиться с этой задачей при условии хорошо налаженного планирования и точной реализации намеченных планов?

Хотя в 1941 году я еще не обладал опытом, приобретенным в период с 1942-го по 1945 год, убежден, что 2-я и 3-я танковые группы прорвали бы русскую оборону. Однако я не верю, что второй и третий эшелоны нашей пехоты, следуя за танками, смогли бы одержать верх над миллионной группировкой русских, а тем более сделать это с такой быстротой, которая позволила бы им догнать продвинувшиеся вперед танковые части вовремя, то есть прежде, чем те окажутся окончательно измотанными.

Для решения такой задачи наша группировка была слишком слаба. Наши моторизованные войска должны были по своей численности соответствовать глубине и ширине района, который нужно было захватить, а этого не было и в помине. Наша техника повышенной проходимости, включая танки, была недостаточно надежной. Налицо были технические препятствия, делавшие невозможным постоянное движение вперед. Проведение наступательной операции в районе глубиной в 1000 километров на территории, плотно насыщенной вражескими войсками, требует бесперебойного снабжения войск всем необходимым, особенно если нет возможности воспользоваться захваченными

складами противника. Наши коммуникации и линии связи, а также наши аэродромы в основном находились в районах, где существовала вероятность контрудара русских, и не были в достаточной степени защищены. Кроме того, у командования – не знаю, по каким причинам – было некоторое предубеждение против использования крупных десантных соединений, участие которых в операциях такого масштаба просто необходимо.

С учетом всего вышеизложенного можно сделать вывод, что наступление на Москву могло быть успешным только в том случае, если бы танковым группам по крайней мере в двух районах (Минска и Смоленска) был отдан приказ на некоторое время остановиться и вместе с пехотными соединениями принять участие в уничтожении войск противника к западу от них; а также при условии, что дальнейшее наступление было бы начато с надежной базы.

В заключение несколько комментариев по поводу неиспользования нами дополнительных источников материальных и людских ресурсов. В августе или в начале сентября 1941 года фельдмаршал фон Райхенау, командующий 6-й армией, выдвинул идею создания белорусских и украинских дивизий. Это предложение фельдмаршала, о котором, кстати, фюрер был очень высокого мнения, было отвергнуто Гитлером со словами: «Пусть Райхенау занимается военными проблемами, а остальное предоставит мне». Любой, кто знает, какое огромное количество замечательных, волевых русских, готовых сражаться, мы могли привлечь на нашу сторону, может только пожалеть об отношении Гитлера к этому вопросу. С 1943 года и до конца войны под моим командованием находились части, в которых служили русские. Эти люди, даже потеряв надежду на исполнение своей мечты, состоявшей в освобождении их страны от большевиков, оставались с нами до самого конца; если бы мы более широко использовали их поддержку, нам почти наверняка удалось бы достигнуть поставленных целей. Таким образом, ошибочная расовая политика Гитлера и его окружения дорого обошлась нам не только в тылу в смысле необходимости противостоять действиям партизан, но и непосредственно на поле боя. Немедленное использование людских ресурсов России и возможностей ее военной индустрии помогло бы нам значительно смягчить остроту проблем, связанных с истощением нашего военно-промышленного потенциала, от которого мы страдали после 1942 года, и компенсировало бы нам большую часть наших материальных потерь.

Часть вторая.
Война в Средиземноморье В 1941-1945 годах

Глава 13.
Средиземноморье, 1941-1942 годы

10.06.1940 года. Вступление Италии в войну.

– 12.09.1940 года. Итальянское наступление (10-я армия Грациани) против Египта, остановленное на границе в районе Сиди-Барани.

– 8.12.1940 года. Британское контрнаступление.

– Между 17.12.1940 года и 8.02.1941 года. Эвакуация итальянских войск из Киренаики с использованием портов Соллум, Бардия, Тобрук и Бенгази и потеря ими 130 000 человек пленными.

– Февраль 1941 года. Создание немецкого Африканского корпуса под командованием генерала Роммеля.

– 24.02.1941 года. Контрнаступление Роммеля. – Март – апрель 1941 года. Возвращение Киренаики.

– 11.04.1941 года. Осада Тобрука.

– Июль 1941 года. Первое (безуспешное) британское контрнаступление в районе Соллума.

– Осень 1941 года. Удачные действия британских военно-морских и военно-воздушных сил по нарушению снабжения германско-итальянских войск в Северной Африке.

– 18.11.1941 года. Второе (успешное) британское контрнаступление в Северной Африке.

– 28.11.1941 года. Перевод германского 2-го воздушного командования в район Средиземноморья.

– 10.12.1941 года. Снятие осады Тобрука.

– Декабрь 1941 года – январь 1942 года. Отход Роммеля из Киренаики в район Эль-Агейла

Впервые я всерьез заинтересовался Средиземноморским театром военных действий, когда однажды в сентябре 1941 года мне позвонил Йесконнек и поинтересовался, как я смотрю на то, чтобы отправиться в Италию или Африку. Он был уверен, что нам в очень скором времени придется предпринимать на Африканском континенте гораздо более серьезные усилия, если мы не хотим допустить потери позиций Италии в Северной Африке. Однако шли недели, но подобные разговоры больше не возникали. Я же со своей стороны был слишком занят проблемами моего командования на Восточном фронте, чтобы раздумывать о той нашей беседе с Йесконнеком, и потому, когда генерал Хоффман фон Вальдау из главного штаба люфтваффе впервые предупредил меня о моем переводе, это известие застало меня врасплох. При том, что меня не могла не радовать

перспектива нового назначения в район с более солнечным и теплым климатом, мне было жаль покидать группу армий под командованием фон Бока и некоторые из моих частей в момент, когда их положение все еще было весьма неопределенным.

Я вылетел в Берлин, где явился в ставку Верховного главнокомандования и в главный штаб люфтваффе за инструкциями. Мне сообщили, что договоренность о моем переводе была достигнута с помощью Хоффмана фон Вальдау, который ранее был нашим военно-воздушным атташе в Риме, генерала фон Поля, сменившего на указанной должности фон Вальдау, и нашего военного атташе генерала фон Ринтелена – все они имели на этот счет беседы с представителями итальянского Верховного командования и командования итальянских военно-воздушных сил. Из этого можно было сделать вывод, что мое положение определено и что наиболее неотложные меры, связанные с подготовкой передислокации летных частей, в особенности на Сицилию, уже предпринимаются. Предложенная мне должность главнокомандующего Южного фронта казалась мне вполне логичной с учетом масштаба и сущности поставленных передо мной задач. Напоследок меня коротко проинструктировал Гитлер в присутствиии Геринга и Йесконнека. Мне было сказано, что неблагоприятная ситуация со снабжением войск в Северной Африке должна быть изменена в лучшую сторону путем нейтрализации опорной базы британских военно-морских и военно-воздушных сил – острова Мальта. Когда я возразил, заметив, что нам следует более серьезно подойти к этому вопросу и оккупировать Мальту, мои соображения были отметены в сторону под тем не слишком убедительным предлогом, что для этого у нас не хватает сил и средств. Не владея ситуацией, я не стал настаивать на своем, хотя позднее мне представился случай вернуться к этому вопросу.

Я прибыл в Рим 28 ноября 1941 года, опередив мой штаб. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять трудности, связанные с руководством войсками коалиции. Муссолини произвел перестановку в командовании военно-воздушных сил, назначив государственным секретарем моего старого друга маршала авиации Фужье, который прежде командовал итальянским военно-воздушным корпусом во Фландрии. Я отнесся к этому назначению с полным одобрением. Однако граф Кавальеро, итальянский начальник штаба, никак не мог примириться с тем, что ему придется передать в мои руки командование всеми итальянскими войсками – армией, флотом и авиацией, которые он намеревался бросить в новое наступление. Он стал протестовать, заявляя, что это равносильно потере

независимости в управлении войсками. Самая большая уступка, на которую он мог пойти,. – это предоставить в мое распоряжение находящиеся в его ведении военно-воздушные силы.

Полумерами мы ничего не смогли бы добиться; поэтому я, игнорируя указания Гитлера, не стал настаивать на передаче мне командования всеми войсками, но в обмен на это потребовал более тесного и конфиденциального сотрудничества со стороны итальянцев, чем то, которое предполагалось изначально. Кавальеро дал мне слово, что итальянское Верховное командование не отдаст ни одного оперативного приказа, касающегося Итальяно-Африканского театра военных действий, без моего устного или письменного согласия. И он сдержал свое обещание. Оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что эта уступка, касавшаяся национального престижа и национальной гордости, которым итальянцы придавали очень большое значение, была основным фактором, обеспечившим успех нашего сотрудничества. Я всегда отдавал предпочтение добровольному сотрудничеству, базирующемуся на взаимном доверии, а не на подчинении силой, которое может вызвать у союзника возмущение. Мы, немцы, во всех наших контактах с командованием итальянских ВМС, действовавших под умелым руководством контр-адмирала Риккарди и адмирала Сансонетти, с командованием ВВС Италии, а также с командованием ее сухопутных сил, да и вообще с командирами и офицерами частей всех трех видов итальянских вооруженных сил неизменно ощущали с их стороны товарищеское отношение и готовность прийти на помощь. На самом высоком уровне мое сотрудничество с графом Кавальеро было настолько же успешным и доверительным, насколько неудачно сложились мои отношения со сменившим графа на его посту после наступления 1945 года вероломным генералом Амброзио. Я лично подчинялся только королю и дуче.

В Триполитании я обнаружил четкую организацию войск по образцу вермахта. Силы армии, ВВС и ВМС были подчинены генерал-губернатору маршалу Бастико, как и Роммель. На бумаге такая структура выглядела идеально, однако на деле она неизбежно должна была пробуксовывать, поскольку Роммель и Бастико постоянно конфликтовали, причем Роммель демонстрировал нежелание идти даже на мелкие уступки самолюбивым итальянцам. Огромный авторитет Роммеля, который в то время находился в зените славы, мешал внесению каких-либо изменений в сложившуюся систему взаимоотношений, но в то же время помогал уладить некоторые деликатные ситуации.

Бросающейся в глаза особенностью боевых действий в конце ноября 1941 года было отсутствие стабильных коммуникаций между войсками, находящимися на разных берегах Средиземного моря. С каждым днем становилось все более очевидным превосходство британцев на море и в воздухе. В битве за Африку события фактически повернулись в невыгодном для Роммеля направлении. Он сдерживал давление противника к востоку от Дерны, но его действиям многое мешало, и прежде всего слабая боевая подготовка итальянских дивизий. В результате мы не могли исключать возможности того, что в конечном итоге нам придется эвакуировать наши войска из Киренаики.

Между тем Мальта приобрела решающее значение как ключевой в стратегическом отношении пункт, и поначалу моей первоочередной задачей было выкурить это осиное гнездо. Для того чтобы создать необходимую сеть наземных объектов на Сицилии и выдвинуть в район Средиземноморья наши военно-воздушные части, нужны были налаженные коммуникации, а для их создания, а также для обеспечения эффективного участия итальянских ВВС в наших наступательных операциях необходимо было уничтожить военно-морские и военно-воздушные базы противника на Мальте. На первом этапе для решения этой задачи возможно было сделать лишь одно – усилить воздушное прикрытие наших наиболее важных морских конвоев.

Войскам Роммеля также требовалась поддержка авиации. Прекрасные отношения, установленные главнокомандующим Южного фронта с верховным командованием итальянских ВВС, а также с командующим частями ВВС в Африке и руководством итальянской военно-воздушной группировки в Северной Африке, не могли снять с немецких летчиков тяжесть боев, которая в основном лежала на их плечах. Командование дислоцированной в пустыне танковой армии жаловалось на недостаток поддержки со стороны наших эскадрилий, хотя их действия и заслуживали всяческой похвалы. В то же время я должен заметить, что, если бы не отчаянная храбрость наших летчиков и присущий им дух победителей, войска Роммеля не смогли бы остановить свое отступление в Сирте (в Агебадии 24 декабря 1941 года, в районе Марса-эль-Брега с 13 января 1942 года).

Передо мной стояла еще одна важная, хотя и не первоочередная задача: маршал Кавальеро попросил меня ликвидировать главные причины частенько возникавших конфликтов и разногласий между представителями германского и итальянского командования.

Германские войска всех трех видов вооруженных сил были прекрасно подготовлены. Проблема, однако, состояла в том, что

их было недостаточно. Они были оснащены вооружением и техникой, по ряду характеристик превосходившими те, которые имелись в распоряжении противника. Однако лишь в редких случаях численность германских войск была достаточной для решения конкретных тактических задач. Помимо всего прочего, ручеек пополнения, весьма скудный в связи с острой потребностью в личном составе на других фронтах, почти совсем пересыхал из-за чрезвычайно больших потерь в ходе транспортировки войск морем.

В каждой кампании возникают новые, присущие только ей проблемы, обусловленные географическими факторами. В Северной Африке нашим войскам первым делом приходилось привыкать к особенностям местного климата, рельефа местности и характера растительности. Они были вынуждены адаптироваться как к чужой им природе, так и к тактике их нового противника. После завершения этого процесса наши солдаты и офицеры становились способными решать любые задачи.

В целом можно сказать, что между нашими войсками и итальянцами существовали вполне приемлемые отношения товарищества, хотя время от времени раздражение, вызываемое некомпетентностью наших союзников как в штабной работе, так и на поле боя, нарушало дружественную атмосферу.

Хотя военными действиями руководили из Рима, Италия, тем не менее, этого на себе не ощущала. У меня сложилось впечатление, что война не воспринималась итальянцами всерьез, как того требует ответственность солдат, участвующих в боевых операциях. Там, где нужно было действовать безотлагательно и с полным напряжением сил, они делали это спустя рукава.

Причины этого, на мой взгляд, коренились в том, что итальянцы не хотели полностью использовать свой военный потенциал. Отвечая на мои жалобы, Муссолини частенько говорил, что итальянский народ устал от долгих и изнурительных колониальных войн, в ходе которых было пролито слишком много крови. Возможно, каждый из нас был по-своему прав. Однако в 1944 году мне стало казаться, что итальянцы проявляют совершенно явное нежелание восполнять нехватку в живой силе за счет своих ресурсов.

Общаясь со мной, Кавальеро и Амброзио на все лады сетовали по поводу нехватки материальных ресурсов, используя это как предлог для оправдания своей неспособности соответствующим образом вооружить и оснастить итальянских солдат, а также с полной эффективностью использовать находящуюся в их распоряжении живую силу. Впрочем, вполне

может быть, что они говорили правду. Но кроме всего прочего, они проводили совершенно непонятную мне линию, суть которой состояла в утаивании и приберегании всевозможных ресурсов. Один тот факт, что после предательства Италии в 1943 году были обнаружены огромные залежи неиспользованного военного имущества, является красноречивым доказательством их скупердяйства.

Мобилизационная система итальянцев, не приспособленная к нуждам миллионной армии, была не в состоянии поддерживать боеготовность войск в течение длительного периода времени. У меня не раз имелась возможность убедиться в том, что даже в самые критические моменты войны эта система работала как в мирное время. И хотя Кавальеро согласился с принципом тотальной войны и были предприняты первые шаги к тому, чтобы гармонично вписать деятельность многочисленных гражданских организаций в скоординированные действия военной машины, машина эта очень быстро сломалась.

Мне всегда казалось, что итальянцы с самого начала не относились к войне как к битве не на жизнь, а на смерть. Думаю, впервые они осознали, что дело обстоит именно так, когда по мере развития боевых действий им пришлось столкнуться с налетами авиации противника и потерей территорий, в особенности в Северной Африке. Контраст между немецкими и итальянскими городами потряс меня настолько сильно, что я старался сделать все возможное, чтобы вычеркнуть эти впечатления из своей памяти. Именно поэтому, например, я старался как можно реже бывать в итальянских городах и поселках и посещал их только в тех случаях, когда это было совершенно необходимо по роду моей деятельности. Мне никогда не забыть, какую мирную картину представлял собой Рим в тот самый период, когда шли бои в районе Анцио и Неттуно. Если Муссолини был неспособен привить населению своей страны боевой дух, ему не следовало даже думать о том, чтобы ввязаться в схватку. В то же время война, которую развязали против вермахта итальянские партизаны, вынуждает меня с горечью признать, что было бы огромной ошибкой считать, будто все население Италии страдало отсутствием боевого духа.

Как и следовало ожидать от нации с южным темпераментом, итальянские вооруженные силы были куда лучше подготовлены для парадов, чем для войны. Их казармы были плохо приспособлены для обучения личного состава воинскому искусству; демонстрационные погружения их подводных лодок и фигуры высшего пилотажа, демонстрировавшиеся их летчиками, не имели никакого отношения к действиям в условиях реального

боя. Итальянцы не придавали достаточного значения ни боевой подготовке в рамках небольших подразделений, ни отработке боевых действий в рамках видов вооруженных сил – впрочем, последний недостаток характерен для армий большинства государств. Существенным пробелом была нехватка территориального пространства для проведения крупномасштабных учений. Еще более серьезные последствия для итальянцев имел тот факт, что в течение длительного периода военных действий они не располагали качественным вооружением и техникой. Нельзя требовать от солдата, чтобы он остановил тяжелый танк с помощью противотанковой пушки калибра 4 сантиметра и танковых макетов или же успешно атаковал современную армию противника, располагая танками со слишком слабой броней и вооружением; так же трудно ожидать, что корабли, не имеющие приспособлений для ночного боя или оборудования для обнаружения подводных лодок, окажутся в состоянии противостоять современному военному флоту, а истребители с низкой скоростью и недостаточным вооружением будут способны удачно атаковать боевые самолеты, оснащенные мощными двигателями.

То, что итальянцы оставили города под защитой одних лишь средневековых пушек, не создав мало-мальски серьезной противовоздушной обороны (имевшиеся системы ПВО не включали в себя ни радаров, ни соответствующих систем связи, ни удобных бомбоубежищ), означало, что они явно переоценивали личное мужество своих солдат и гражданского населения, а также их дисциплинированность.

Подобных примеров при желании можно было бы привести гораздо больше. Из этого вовсе не следует, что итальянские солдаты как человеческий материал не годились для длительных и упорных боевых действий. Ответственность за все описанное выше ложится на Муссолини и его государственных секретарей, занимавших этот пост в мирное время; если они знали обо всех упомянутых серьезнейших недостатках и проблемах, им не следовало принимать решение о вступлении в войну. Другой ошибкой наших союзников было то, что они полагались на вооружения и технику итальянского производства. Я помню бесконечные разговоры о том, что вот-вот появятся новые их типы, представляющие собой последнее слово в соответствующей области, но в итоге они так никогда и не сходили с конвейера. Между тем союзникам следовало бы заняться производством уже испытанных образцов немецкого оружия и изготавливать их по лицензии – например, новых разновидностей немецких танков и зенитного орудия калибра 9 сантиметров.

При том, что нехватка приспособлений для боевой подготовки личного состава в итальянских казармах была очевидной, мне, как немецкому офицеру, прежде всего бросалась в глаза весьма далекая от идеальной воинская дисциплина. Достаточно было понаблюдать за процедурой смены часовых, чтобы понять, что итальянские солдаты относились к своей профессии без энтузиазма. Возможно, что я, как человек иного, северного склада, подходил к этому вопросу с неверными критериями, но думаю, что события доказали мою правоту.

Все это неудовлетворительное положение вещей я прежде всего относил на счет недостаточно тесного контакта между офицерами и солдатами в армии союзников. Итальянский офицер вел жизнь, совершенно отдельную от жизни рядового состава; не зная нужд и потребностей своих подчиненных, он не мог удовлетворить эти нужды и потребности, когда возникала такая необходимость, а потому в критических ситуациях терял контроль над своим подразделением. Итальянский рядовой даже в полевых условиях получал совершенно иной рацион питания, нежели офицер. Чем выше было звание, тем больше был получаемый паек; естественно, что при такой системе все лакомые кусочки уходили наверх. Офицеры питались отдельно и зачастую даже не знали, чем и в каких количествах кормят их подчиненных. Все это подрывало чувство товарищества, которое должно существовать между людьми, которым предопределено судьбой вместе жить, сражаться и умирать. Система полевых кухонь, которая помогала сглаживать упомянутые различия, в итальянской армии была не в фаворе. Я часто указывал на это Кавальеро, говоря, что существующее положение может очень плохо повлиять на боевой дух войск, но мне так и не удалось окончательно убедить его в моей правоте. Кстати, я обнаружил, что при том, что немецкие полевые кухни едва ли не в буквальном смысле подвергались осаде со стороны итальянских солдат, в итальянской офицерской столовой, где меня угощали, кормили лучше, чем в столовой при моем штабе. В 1944 году маршалу Грациани приходилось предпринимать решительные действия для того, чтобы итальянские военнослужащие вовремя и в полном объеме получали денежное довольствие. То, что для этого требовалось особое вмешательство, на мой взгляд, как нельзя лучше характеризует ситуацию.

Я упомянул обо всем этом не для того, чтобы акцентировать внимание на недостатках и слабых сторонах итальянцев, а просто с целью объяснить частые поражения наших союзников. При этом я вовсе не подразумеваю, что отношения между итальянскими солдатами и офицерами не были хорошими. В подавляющем

большинстве случаев они были таковыми, несмотря ни на что. Тем не менее это лишь еще раз доказывает, что итальянским солдатам изначально были присущи хорошие качества и что из них можно было сделать прекрасных, стойких бойцов. Я видел очень много примеров героизма, проявленного итальянскими частями и подразделениями и отдельными солдатами и матросами, – например, военнослужащими парашютной дивизии «Фольгоре» в районе Эль-Аламейна, артиллеристами в битве за Тунис, экипажами крохотных военно-морских судов и торпедных катеров, летчиками частей торпедоносцев – и потому могу говорить об этом с полной ответственностью. Но исход боя решают не отдельные акты героизма, а степень обученности и боевой дух войск.

С другой стороны, итальянцы согласились со стратегическими принципами, принятыми центральноевропейскими военными державами. Во всех трех видах итальянских вооруженных сил мне доводилось встречать немало командиров, которые были первоклассными стратегами и тактиками. Система функционирования министерств видов вооруженных сил в Италии была похожа на аналогичные системы в других странах. Мне не приходилось сталкиваться с подтверждениями того широко распространенного мнения, что итальянские младшие офицеры плохо знают уставы. Я думаю, что скорее проблема состояла в том, что у младших офицеров было недостаточно практики применения этих уставов и что интуитивные решения Верховного командования итальянских вооруженных сил не всегда гармонично сочетались с практическими возможностями их выполнения, что и являлось причиной значительного числа неудач. Возможно, и административная работа в войсках при всей тщательности ее организации на практике проводилась неудовлетворительно. Несомненно, частично это можно объяснить южным темпераментом итальянцев. Что меня особенно поражало, так это необъяснимое пренебрежение союзников к организации береговой обороны на островах и даже на материке, а также бросающийся в глаза застой в разработке и производстве ими современных самолетов.

Разумеется, знакомясь с новым фронтом, я не терял времени. Я проинспектировал немецкие части и установил контакт с Роммелем и итальянским командованием. Первой моей поездкой был визит на Сицилию. Он оказался неудачным, так как фон Полю, с которым я должен был там встретиться, пришлось совершить вынужденную посадку в Тирренском море. Я изрядно поволновался, пока он наконец не был спасен. В то же время

помощь итальянских военно-морских и военно-воздушных сил в осуществлении поисково-спасательной операции произвела на меня весьма обнадеживающее впечатление.

Затем пришла очередь Северной Африки. Там я впервые услышал жалобы Роммеля и узнал о германо-итальянских разногласиях. Мне удалось помочь командующему ВВС в Африке опытному генералу Фроглиху, которому приходилось нелегко – он получал приказы из авиагруппы, штаб которой находился в Афинах, с большим опозданием. Мне также показалось, что маршал авиации Гайслер, весьма компетентный офицер, имел слишком незначительное влияние на Роммеля. Изучив ситуацию, я вскоре напрямую подчинил командующего ВВС в Африке командующему Южным фронтом. Визит к коменданту Крита маршалу авиации Андрае дал мне возможность ознакомиться и с проблемами, существовавшими на этом острове.

В результате этих ознакомительных полетов я убедился в правильности моей точки зрения, состоявшей в том, что угроза нашим коммуникациям с Мальты должна быть устранена. Они также помогли мне осознать решающее значение Средиземноморья в войне. Если бы я знал тогда, что адмирал Редер после отказа от операции «Морской лев» также пришел к мнению, что эпицентр войны против Англии находится в Средиземноморье, наши с ним совместные усилия, возможно, привели бы к пересмотру приоритетов и переносу наших основных усилий на этот театр военных действий. Увы, в данном случае курс Гитлера на сохранение строжайшей секретности сработал против нас.

В то время мы были еще не в состоянии нанести массированный воздушный удар по Мальте, поскольку наша военно-воздушная база, Сицилия, была еще не готова принять части, которые могли бы принять участие в проведении этой операции. Впрочем, тогда у нас не было и соответствующего приказа. Для начала нам следовало улучшить существующую ситуацию путем проведения серии рейдов в воздушное пространство Британского острова и усиления защиты наших конвоев. Благодаря энергичности действий и высокому уровню подготовки германских частей результаты предпринятых нами шагов оказались на удивление хорошими. В январе и феврале 1942 года я со статистическими выкладками на руках смог доложить рейхсмаршалу в Риме о том, что появилась положительная динамика – потери наших кораблей и судов снизились с 70-80 процентов до 20-30 процентов. Тем не менее, всем нам было ясно, что, хотя мы могли сколько угодно расхваливать себя за успехи, которые, кроме всего прочего,

облегчали Роммелю переход в наступление, во всем, что касалось Северной Африки, проблема снабжения по-прежнему продолжала оставаться ключевой.

Снова и снова, иногда при поддержке Верховного командования вооруженных сил Италии, я старался убедить Геринга и Гитлера стабилизировать наши позиции в Средиземноморье путем захвата Мальты. Я даже уговорил Роммеля оказать мне поддержку. Добиться одобрения моего плана мне удалось лишь в феврале 1942 года. Подходящий для этого случай мне представился во время встречи с фюрером в ставке Верховного главнокомандования. Обсуждение вопроса проходило весьма эмоционально. В конце аудиенции Гитлер схватил меня за руку и с австрийским акцентом сказал: «Будьте в полной готовности, фельдмаршал Кессельринг. Я собираюсь это сделать!» Это дает некоторое представление о том, какое напряжение царило в ставке.

***

Положение в Триполитании полностью зависело от снабжения. Рассмотрение вопроса о том, почему эта проблема так и не была решена, дает возможность подробно поговорить о ситуации в Средиземноморье.

Многим, наверное, представляется, что итальянцы с их мощным флотом, а также стратегически удачно расположенными Сицилией и Пантелларией могли контролировать свои территориальные воды (mare nostro) или, по крайней мере, пролив между Тунисом и Сицилией. Я и сам прибыл в Италию, веря в эту теорию. Однако вскоре я обнаружил, что между теорией и реальностью существует огромная разница. Для того чтобы морские конвои достигали намеченных целей и успешно выполняли свою миссию, нужно было соблюсти целый ряд условий. Первым делом необходимо было создать орган, который мог бы толково руководить морскими перевозками. Поначалу его не существовало, хотя нельзя сказать, что Кавальеро оставался глух к предложениям на этот счет. С конца 1941 года почти ежедневно проводились совещания с участием всех компетентных государственных секретарей и других глав департаментов. На них присутствовал и я, а в случаях, когда это было невозможно, генерал фон Ринтелен. Председательствовал на совещаниях Кавальеро. В итальянских ВМС был создан постоянный Совет по снабжению, состоявший из специалистов самого разного профиля. Теоретически был признан принцип, согласно которому

постоянные и временные склады всего того имущества, которое могло в любой момент потребоваться на фронте, следовало заполнить до отказа по обе стороны Средиземного моря; в действительности же это самое имущество никогда нельзя было получить в нужном количестве. В результате налетов авиации противника на порты и склады, особенно в Африке, в 1942-м и 1943 годах ситуация еще больше ухудшилась.

Положение итальянской службы снабжения было несколько лучше, чем у нашей. Итальянцы имели то преимущество, что они действовали в рамках своей сферы влияния; их источники снабжения находились сравнительно недалеко, и к тому же, что бы там ни говорили, им приходилось заниматься тыловым обеспечением боевых операций только на одном театре военных действий. В мирное время в Триполитании находились итальянские гарнизоны, и, следовательно, там имелись и склады. В связи с отсутствием развитой системы железнодорожного сообщения в этой колонии существовала эффективная система грузового транспорта и, соответственно, наличествовал парк автомобилей, работавших на дизельном топливе, что в условиях, когда главной проблемой было горючее, представляло собой дополнительный плюс. Серьезной трудностью являлось то, что не только для армии, но и для гражданского населения все, вплоть до древесины, приходилось возить морем. Местная промышленность хотя и переживала подъем, но все же была еще недостаточно развита.

К сожалению, вооружение, техника и военное имущество Германии и Италии были разными и не позволяли нам с союзниками обмениваться ими, если не считать исключительных случаев. Различия во вкусах затрудняли даже обмен продовольственными припасами. Немецкие солдаты лишь с большим трудом отвыкали от привычного обильного, обусловленного национальными традициями питания – их буквально силой приходилось приучать к рациону, более подходящему для жаркого климата.

Для морских перевозок мы могли использовать многочисленный, но весьма разнородный по своему составу итальянский торговый флот, а также некоторое количество добротных немецких судов, оказавшихся в Средиземноморье в момент объявления войны. Поскольку все морские маршруты были закрыты, в том числе навигация по Адриатическому морю и в направлении Греции и греческих островов, судов должно было быть довольно много, но, к сожалению, в действительности все оказалось иначе. На мой взгляд, главными причинами этого стали следующие: на итальянских судоремонтных заводах

работали по распорядку мирного времени; сырье и запчасти распределялись между верфями неправильно; итальянские судовладельцы не хотели рисковать и рассчитывали продержать свои суда на плаву до конца войны, вместо того чтобы проникнуться мыслью о том, что поражение Италии также может стоить им их флота; торговый флот не удалось сделать частью военно-морских сил; он был рассредоточен по портам, далеко отстоявшим друг от друга; трудности с составлением конвоев были вызваны разницей в скорости отдельных судов; и, наконец, следует вспомнить о нехватке нефти и угля.

Все эти недостатки могли быть исправлены только постепенно, причем полностью избавиться от них было невозможно. Концепция тотальной мобилизации была просто чужда итальянскому характеру.

Вскоре после того, как мы заняли позиции в районе Эль-Аламейна, стало ясно, что для того, чтобы в течение хоть какого-то времени обеспечивать снабжение наших войск, у нас слишком мало судов. Поскольку в тот момент условия, необходимые для оккупации Мальты, отсутствовали, использование портов Тунис и Бизерта в качестве баз снабжения было запрещено Верховным главнокомандованием из уважения к Франции, а недавнее открытие морского маршрута от Крита до Тобрука не принесло заметного облегчения, необходимо было предпринимать новые шаги. Они заключались в использовании для транспортировки не слишком громоздких грузов подводных лодок, канонерок и эсминцев, частей транспортной авиации и, наконец, в отдельных случаях даже парусников, пригодных для каботажных рейсов.

Кроме того, существовала весьма серьезная программа строительства маломерных и плоскодонных судов. Мы по опыту знали, что судам небольшого тоннажа с незначительной осадкой и скоростью в 15-16 узлов, а также маломерным судам со скоростью в 6-10 узлов, таким, как морские баржи и самоходные паромы Зибеля, не страшны торпеды. Оснащение судов небольшого тоннажа собственным вооружением небольшого калибра и включение в состав конвоев большого количества хорошо вооруженных самоходных паромов Зибеля позволяли нам значительно сократить наши потери. Все эти суда вполне можно было смело использовать при слабом и умеренном ветре, а в отдельных случаях даже при волнении в 5-6 баллов. Кроме того, их применение позволяло ускорить процесс разгрузки – ведь в случае необходимости они могли не заходить в порты, находившиеся под угрозой авиаударов противника, а разгружаться в любом месте вдоль побережья. Разумеется, было бы очень хорошо, если бы мы располагали скоростными судами,

способными осуществлять большую часть рейсов по снабжению войск в ночное время, но таковых у нас не было, и построить их в сжатые сроки не представлялось возможным.

Командование Южным фронтом сделало срочный заказ на строительство по меньшей мере 1000 маломерных судов (морских барж и самоходных паромов Зибеля), включая новый тип деревянных судов водоизмещением около 400 тонн и спецсудов водоизмещением 500-600 тонн. Но хотя осуществление этой программы было поставлено под особый контроль, бесконечные трения между немецкой и итальянской отраслями, связанными с производством вооружений и техники, не позволили обеспечить ее должное развитие.

С самого начала критической остроты достигла проблема танкерного флота. Поскольку танкеры представляли собой выгодные цели для атак противника, для них была совершенно необходима дополнительная защита. В связи с тем что применение камуфляжа лишь иногда давало положительный эффект, мы стали искать новые средства для достижения своей цели. Мы уже ощущали нехватку бензина, и уничтожение противником даже одного танкера водоизмещением 4000-6000 тонн означало для нас невосполнимую потерю. Для транспортировки топлива чаще всего использовались субмарины, канонерские лодки и эсминцы, однако более мелкие суда также привлекались к решению этой задачи, равно как и транспортное авиакрыло, способное в день перевозить от 200 до 500 тонн груза.

Следовало также принять в расчет нерациональное использование авиационного бензина танками и автотранспортом. Точно так же, как танкеры на море, наши наземные склады горючего и транспортирующие топливо моторизованные колонны были излюбленными целями противника на земле. Из-за этого и без того скудные поставки горючего в наши войска сокращались еще больше. Даже если бы мы не потерпели серьезных неудач до августа 1942 года, нехватка бензина все равно оказывала значительное негативное влияние на ход боевых действий, в результате чего нам зачастую не удавалось провести даже весьма важные боевые операции.

В то время как Германия не располагала свободными силами и средствами, которые можно было бы использовать для защиты морских конвоев, итальянский флот был достаточно многочисленным для того, чтобы взять на себя всю деятельность по решению этой задачи. Но только в конце 1942 года всего один эсминец, построенный на греческой верфи, был подготовлен к плаванию и укомплектован личным составом – кстати, он очень хорошо себя проявил. Немецкие подводные лодки, среди

командиров которых особенно прославился ас своего дела капитан-лейтенант Брандт, косвенно помогали нам, поджидая британские конвои в зависимости от обстановки либо в восточной, либо в западной части Средиземного моря, главным образом неподалеку от основных портов – Гибралтара и Александрии. Однако их редкие успехи не могли решающим образом изменить ситуацию.

Для сопровождения грузовых судов обычно использовались легкие боевые корабли, крейсерам эта задача поручалась лишь в исключительных случаях. Применение маломерных судов имело свои ограничения – при пятибалльном шторме они, как правило, действовать уже не могли. С учетом этого вырисовывалась следующая картина: при спокойном море, или, другими словами, в хорошую погоду британские ВМС и ВВС имели возможность стянуть в единый кулак все силы и средства из Гибралтара, с Мальты, из Египта и Сирии; таким образом транспортные суда, идущие без сопровождения и не имеющие достаточных средств противовоздушной и противолодочной обороны, оказывались практически беззащитными перед атакующим противником. Если капитан судна не обладал достаточным мастерством, чтобы, сманеврировав, уйти от торпедной атаки, а наши самолеты оказывались не в состоянии вовремя перехватить и достаточно большими силами атаковать противника в воздухе, одно или два судна из состава конвоя отправлялись на дно или получали повреждения. С другой стороны, в штормовую погоду, которая обеспечивала достаточный уровень защиты, а иногда и неуязвимость транспортов, конвои не могли выходить в море, потому что корабли сопровождения оказывались не в состоянии противостоять качке. Нам разрешалось запрашивать помощи крейсеров только в особых случаях для защиты скоростных конвоев. Что касается наших эсминцев и устаревших канонерских лодок, то они были постоянно заняты выполнением своих задач и им требовалось много времени для смены курса и встречи с конвоем. В результате все это приводило к тому, что количество кораблей сопровождения в конвоях было недопустимо малым. В то же время постоянное придерживание конвоев в портах означало задержки с доставкой грузов, которые были жизненно необходимы войскам.

Захватив суда, находившиеся в портах южной части Франции, и отремонтировав их, мы добились некоторого временного улучшения в особенно тяжелый, критический период (1942-1943 годы). Однако долгие споры об использовании трех больших быстроходных эсминцев и подводных лодок, стоявших у стенки в Тунисе и Бизерте, означали, что в их применении нам отказано. В

этом проявились недостатки коалиционного командования, при котором начальство подчас бывает больше озабочено вопросами престижа и послевоенного устройства, нежели проблемой наилучшего использования всех имеющихся военно-морских ресурсов.

Мы, тем не менее, все же предприняли отчаянную попытку восполнить дефицит средств морской транспортировки грузов и кораблей для обеспечения защиты морских конвоев, обратившись за помощью к германскому командованию. И она была нам оказана – топливом, сырьем и запчастями, а также путем оснащения итальянских судов современной навигационной аппаратурой, обучения артиллеристов, обслуживающих корабельные орудия, и предоставления немецких инструкторов. Однако все эти меры были предприняты слишком поздно.

Еще одной характерной чертой кампании на Средиземноморском театре военных действий было наличие у противника разветвленной и эффективно действующей шпионской сети, масштабы которой в то время не были известны ни мне, ни, по всей вероятности, адмиралам Риккарди и Сансонетти. Хотя мы так и не смогли это доказать, у нас были подозрения, что кто-то передавал противнику сведения о времени отправления наших конвоев.

В любом случае, наши контрмеры в целом оказались недостаточными. Теперь мы знаем, что предательство адмирала Маугери привело к потоплению многих кораблей и судов и гибели многих людей.

Итальянцы считали свой флот лакомым кусочком для противника и потому применяли его с большой осторожностью. Подобное положение вызывало специфические внутренние осложнения в нашей коалиции. Однако трижды нам удалось преодолеть подобный подход и добиться выхода итальянских кораблей в море. Еще одна трудность состояла в том, что силы флота союзников были разбросаны по разным гаваням и потому для того, чтобы сконцентрировать их в одном месте, требовалось потратить немало времени и топлива. В конечном итоге оказывалось, что то один, то другой итальянский боевой корабль либо не готов к выходу в море, либо не заправлен горючим, либо находится в доке. Маневры с участием значительных сил флота было невозможно проводить все из-за того же дефицита топлива. Учебные стрельбы корабельной артиллерии были редкостью. Помимо всего прочего, у итальянских кораблей то и дело обнаруживались какие-то необычные технические неполадки, из-за которых к военно-морским силам союзников прилипло заслуженное прозвище «прогулочный флот». Из-за их

сомнительных боевых качеств итальянским ВМС требовалась усиленная поддержка с воздуха, а это при ограниченной численности военно-воздушных сил Оси (имеется в виду Ось «Берлин – Рим – Токио»; однако при этом автор, употребляя слово «Ось», явно имеет в виду лишь союз Германии и Италии. – Примеч. пер.) в Средиземноморье приводило к чрезмерным требованиям, предъявлявшимся по отношению к германским ВВС, которые и без того были перегружены сверх всякой меры, защищая морские транспортные конвои. Немецким летчикам, которые совершали от 75 до 90 процентов всех боевых вылетов, приходилось работать на износ. Если итальянские корабли каким-то чудом случайно приближались на расстояние артиллерийского выстрела к кораблям британских ВМС и с обеих сторон выпускалось несколько снарядов, наши союзники в любом случае выходили из боестолкновения с наступлением сумерек из-за своей неспособности вести огонь в ночное время и ретировались в ближайший порт – Таранто или Мессину.

Еще одним поводом для раздражения была политика итальянцев в области судостроения. В то самое время, когда бесполезность их военного флота, и в первую очередь крупных боевых кораблей, проявилась со всей очевидностью, когда верфи и доки были переполнены людьми, а материалов для закладки и строительства новых кораблей и судов не хватало, было принято решение завершить строительство линкора «Рома». Забыв о том, насколько опасной была его политика в сфере производства вооружений, Муссолини, раздуваясь от гордости, принял парад этого «чуда техники» в Адриатическом море (линкор «Рома» был потоплен в 1943 году немецкой авиабомбой с дистанционным управлением во время своего бегства из Специи на Мальту). Насколько я знаю, другие заложенные крупные военные корабли также были достроены, а уже имевшиеся сохранены в составе итальянского флота. Между тем даже дилетанту было ясно, что в сложившейся ситуации с помощью грамотной политики в сфере судостроения можно было многое сделать для облегчения проблемы снабжения войск всем необходимым. Впрочем, к тому моменту я уже давным-давно перестал верить в то, что громкие заявления Муссолини о его готовности в решающий момент бросить в бой весь итальянский флот когда-либо материализуются.

В заключение хочу лишь выразить надежду, что я сделал все возможное для того, чтобы объективно обрисовать реальную ситуацию. У меня нет желания прибегать к обидной критике; я слишком глубоко ценю чувство товарищества, продемонстрированное по отношению ко мне итальянцами, и я

очень часто имел возможность видеть их самоотверженную работу. Моя дружба с государственным секретарем военно-воздушных сил Италии Фужье и с многими другими итальянскими офицерами-летчиками является подтверждением объективности моих критических замечаний в адрес ВВС наших союзников.

Итальянские истребители можно было применять только в оборонительных целях; для наступательных операций годились торпедоносцы и бомбардировщики союзников и в редких случаях пикирующие бомбардировщики и истребители-бомбардировщики. Я уже высказал со всей откровенностью свое мнение об их технической эффективности или, скорее, неэффективности.

Я пришел к выводу, что итальянские истребители можно было применять лишь в районах, где существовала наименьшая угроза со стороны противника, то есть в Тирренском море и вдоль береговой линии в районе Бенгази и Триполи, а также в некоторой степени в районе Адриатического моря и пролива Патрас. В опасных зонах Средиземноморья – на юге Сицилии и Крита, в районе Эгейского моря – действовали немецкие части и подразделения истребительной авиации, в том числе ночные эскадрильи «Ю-88» и «Ме-110», лишь частично приспособленных для выполнения боевых задач в темное время суток. Мы разделили с союзниками нелегкое бремя боевых действий на Африканском фронте. С весны 1942 года наши конвои дополнительно сопровождали от одного до трех истребителей-бомбардировщиков с глубинными бомбами на борту – в их задачу входило обнаружение вражеских субмарин и противодействие им, а также наблюдение и предупреждение конвоя Об опасности. Они действовали при поддержке торпедных катеров, также атаковавших подводные лодки противника с помощью глубинных бомб и иногда артиллерийского огня. Стрельба по всплывшим субмаринам из авиационной пушки калибра 2 сантиметра, по крайней мере, заставляла противника снова погрузиться.

Руководство боевыми действиями осуществлялось оперативным штабом 2-го воздушного флота, который отдавал приказы 2-й и 10-й авиагруппам и командованию ВВС в Африке, а в случае необходимости запрашивал поддержки у ВВС Италии.

Все немецкие самолеты были оснащены дополнительными баками. Вся наша спасательная авиация в любой момент была готова к взлету, все спасательные суда в местах стоянок тоже находились в полной готовности и могли по первому требованию выйти в море. В местах наиболее активных действий были установлены радары. Боевая мощь сопровождения транспортов

определялась в зависимости от степени угрозы со стороны противника, погодных условий, времени суток и скорости движения, а также размеров и важности конвоя. В сумерки вспомогательные истребители («Ю-88» и «Ме-110») осуществляли сопровождение самостоятельно, поскольку истребители общего назначения должны были до наступления темноты прибыть на свои аэродромы. Конвои сопровождали от двух до шестнадцати самолетов. В особо сложных условиях летчиками, пилотировавшими «Ю-88» и «Ме-110», применялась специальная навигационная аппаратура. Было несколько случаев, когда все остальные машины вел по курсу один самолет, оснащенный такой аппаратурой. При приближении авиации противника все истребители, находившиеся поблизости, старались перехватить вражеские самолеты до того, как они успеют атаковать конвой. Разумеется, эти боевые вылеты были связаны со значительным риском, поскольку наши истребители имели ограниченный радиус действия, а им приходилось преодолевать большие расстояния над морем. Но риск был частью нашей работы. Если на пути следования конвоев мы обнаруживали корабли противника, в воздух поднимались все имевшиеся в нашем распоряжении истребители-бомбардировщики, «штукасы» и торпедоносцы.

Поскольку, выполняя подобные миссии, нашим летчикам приходилось прорываться сквозь весьма эффективный заградительный огонь противника, такие боевые вылеты держали части наших ВВС в невероятном напряжении. Быть сбитым означало погибнуть в морской пучине, хотя иногда экипажи наших бомбардировщиков удавалось спасти. Время от времени летчиков, успевших покинуть сбитый самолет с парашютом, подбирали корабли противника и сообщали нам об этом. Однако при всей сложности выполнения таких боевых задач нам, по крайней мере, удавалось спасти многие конвои от атак авиации противника.

Подобного описания системы защиты конвоев достаточно, чтобы показать, с какой огромной нагрузкой приходилось действовать самолетам и экипажам военно-воздушных сил Оси, не говоря уже о повреждениях машин, ранениях личного состава и, наконец, прямых потерях. С точки зрения тактики использование авиации для охраны морских конвоев является непродуктивным, поскольку чаще всего приводит к бесполезной трате ценного летного времени. Однако с этим ничего нельзя было поделать, хотя действия по защите морских коммуникаций неизбежно затрудняли выполнение требования, в соответствии с которым определенное число самолетов следовало держать на

аэродромах для выполнения сугубо боевых задач. Поскольку нагрузка на летные части все время росла, соответственно сокращались периоды отдыха личного состава – и все это из-за сопровождения конвоев.

В конце 1941-го – начале 1942 года ни у Германии, ни у Италии не было специальных частей транспортной авиации, поскольку в каждой боевой эскадрилье имелись транспортные самолеты для решения локальных, тактических задач. Впервые эти самолеты были использованы для выполнения более масштабных функций в Норвегии и на Крите, а затем зимой 1941/42 года на русском фронте (можно сказать, что первым опытом такого рода была десантная операция против Голландии). С этого момента стали формироваться крылья транспортной авиации, имеющие собственных командиров. Два или три таких крыла я имел в своем распоряжении. Они должны были решать неотложные задачи своей многотрудной и неблагодарной службы в обширной зоне, охватывавшей Сицилию, Италию, Грецию, Крит и Триполитанию. Поскольку транспортники обычно не летали по ночам, им требовались истребители прикрытия. В крайних случаях их надо было хотя бы встретить на рассвете и затем тщательно охранять на аэродромах в пункте назначения. Они прекрасно себя зарекомендовали, а с появлением наших шестимоторных «гигантов» стали действовать еще лучше.

В течение длительного времени транспортной авиации удавалось избегать потерь. Так продолжалось до весны 1943 года, когда военно-транспортное крыло «Ю-52» и эскадрилья шестимоторных «гигантов» были атакованы истребителями противника неподалеку от Туниса и почти полностью уничтожены. Этот случай вызвал критические комментарии американских журналистов, однако наши потери были вызваны не беспечностью со стороны 2-го воздушного флота и не недостатками в его деятельности.

Несмотря на наличие так называемых мобилизационных запасов, которые, впрочем, в любом случае не соответствовали потребностям военного времени, Италия не располагала хоть сколько-нибудь достаточным количеством угля и нефти для собственных нужд. Германии приходилось помогать союзникам и тем и другим, хотя она сама испытывала острейший дефицит нефти, необходимой для ведения войны. В результате между двумя державами Оси сложилась система бартерной торговли, которая не удовлетворяла ни одну ни другую сторону и которая в конечном итоге продемонстрировала свою неэффективность. Другим неприятным следствием описанной ситуации являлось то, что скудные запасы топлива приходилось рассредоточивать по

складам, отстоявшим друг от друга на значительное расстояние. Это мешало в нужный момент быстро собрать нужное для конвоя количество горючего и приводило к потере времени. В особо острых случаях нехватки топлива мы были вынуждены обращаться на резервные склады итальянского флота, а раз или два нам пришлось сливать горючее из емкостей итальянских боевых кораблей, чтобы заправить корабли, готовившиеся к сопровождению транспортов. Все это также вызывало задержки, не говоря уже обо всем прочем. В целом следует признать, что адмирал Редер весьма щедро отзывался на просьбы итальянских ВМС о помощи, а 2-й воздушный флот точно так же оказывал содействие ВВС союзников.

Уголь не играл такой большой роли, и тут мы могли оказать помощь в значительно большем объеме, предоставляя этот вид топлива для нужд грузовых судов и транспортов.

Сейчас трудно сказать, можно ли было вообще исправить существовавшее тогда положение – тем более что есть риск быть обвиненным в «размахивании кулаками после драки». Наверное, это все же можно было сделать, но только за счет еще больших усилий немцев и более экономного отношения к имевшимся ресурсам со стороны итальянцев. Однако несомненно то, что из-за перечисленных выше трудностей не всегда удавалось обеспечить необходимый уровень защиты морских конвоев, а выгодные возможности для их перегона через Средиземное море оставались нереализованными.

Непосредственный контроль за погрузкой и разгрузкой судов не входил в мою компетенцию, но мне было известно о недостатках и упущениях в этой сфере от немецких офицеров морского десанта, которые в некоторой степени были подчинены мне. Побывав в портах, я убедился в справедливости их жалоб. Мои доклады в ставку Верховного главнокомандования побудили Гитлера в 1943 году послать Геринга, а позднее Деница в Италию, чтобы оказать мне поддержку, учитывая, что я постоянно надоедал итальянскому Верховному командованию и ВМС Италии всевозможными просьбами и требованиями. Геринг провел целый ряд долгих совещаний, предпринял несколько инспекционных поездок, вызвал к себе уполномоченного по делам строительства торгового флота и потребовал от него устранить наиболее вопиющие недостатки. Положение дел улучшилось, однако не настолько, насколько это было необходимо.

Погрузка и разгрузка производились чересчур неторопливо. Доставка и размещение грузов в трюмах были совершенно нескоординированными, что не могло не раздражать. Воздушные

тревоги были необоснованно длинными по времени. Разгруженное имущество немыслимо долго оставалось на причалах и по этой причине иногда уничтожалось в результате бомбежек.

Долгое время не удавалось наладить достаточно надежную противовоздушную оборону; когда же она наконец появилась, эта задача почти везде была решена за счет привлечения немецкой зенитной артиллерии. В результате была ослаблена ПВО аэродромов и танковых частей на фронте.

Должен отметить, что в порте Тунис, где командующий Южным фронтом создал временный штаб по контролю за снабжением и оставил старшего квартирмейстера службы снабжения люфтваффе, были побиты все рекорды. В то время как в Бенгази или Триполи погрузка одного транспортного судна занимала от двух до пяти дней, в Тунисе или Бизерте это могло быть сделано минимум за полдня, максимум – за два. Ввиду угрозы мощных авиаударов противника суда там отбуксировывались от причалов, после чего бросали якорь в гавани или за ее пределами. За счет этого удавалось избежать больших потерь. В качестве противоположного примера можно вспомнить одну тактическую ошибку. Она состояла в том, что крупному танкеру разрешили отплыть из хорошо защищенной гавани Тобрука. Танкер был уничтожен, а это в конечном итоге привело к тому, что ситуация, позволявшая Роммелю начать наступление из района Эль-Аламейна, кардинальным образом изменилась.

По мере того как опасность, которой подвергались крупнотоннажные суда, усиливалась, а несовершенство процессов погрузки и разгрузки становилось все более очевидным, я становился все более убежденным сторонником строительства малых и сверхмалых судов. Лишь очень немногие из них мы теряли в море, еще реже противнику удавалось уничтожить какое-либо из них в порту вместе с находящимся на борту грузом. В конце концов был издан приказ, согласно которому наиболее ценные грузы, такие, например, как танковая техника россыпью, следовало перевозить на самоходных паромах или плоскодонных судах, а на более крупных судах – в количестве не более шести. Наиболее эффективная защита от авианалетов состояла в использовании двух команд зенитчиков, ведущих огонь одновременно из нескольких зенитных орудий, количество которых могло колебаться между шестью и двадцатью.

Морским конвоям всегда должно было обеспечиваться надежное прикрытие и с воды, и с воздуха. Данные, полученные от агентов, с подводных лодок, с самолетов-разведчиков, а также

переданные по рации из других источников, обеспечивали нас обширной информацией, однако было ошибкой при принятии решений слишком полагаться на непроверенные сведения – это приводило к подавлению всяческой инициативы у нижестоящего звена командного состава. К сожалению, иногда такое случалось. Между тем для того, чтобы добиться успеха, необходимо было сочетать хорошую работу разведки, тактическую гибкость командиров и использование надежных судов.

Деятельность служб снабжения с декабря 1941 года по январь 1942 года можно объективно оценить, если не забывать о том, что немецкие и итальянские сухопутные войска и военно-воздушные силы были в это время сильно обескровлены потерями и дошли до Сирта, не располагая вообще никакими запасами чего бы то ни было. Их единственным источником снабжения было судно, сидевшее на мели в заливе Эль-Агейла.

Глава 14.
Мальта или Египет? Ноябрь 1941-го – Октябрь 1942 года

21.01.1942-30.01.1942 года. Роммель предпринимает контрнаступление в Киренаике и доходит до Эль-Газапы.

– 2.04.1942-10.05.1942 года. Германские воздушные удары по Мальте.

– 26.05.1942 года. Новое германо-итальянское наступление под командованием Роммеля.

– 11.06.1942 года. Захват Бир-Хашейма.

– 21.06.1942 года. Захват Тобрука.

– 23.06.1942 года. Роммель пересекает египетскую границу.

– 1.07.1942 года. Роммель в Эль-Аламейне, примерно в ста километрах юго-западнее Александрии.

– Замедление германо-итальянского наступления.

– 30-31.08.1942 года. Роммель безуспешно пытается возобновить наступление в районе Эль-Аламейна.

– 23.10.1942 года. Британское контрнаступление, начало битвы за Эль-Аламейн. – 5.11.1942 года. Роммель отступает

К моменту моего прибытия в Средиземноморье Роммель начал свое отступление из Тобрука и Сирта. После того как его войска отдохнули и восполнили потери, 21 января 1942 года он предпринял контрнаступление и дошел до Эль-Газалы. В обеих операциях Роммель показал себя с самой лучшей стороны. Мои впечатления на этот счет были особенно яркими, поскольку все мне было еще непривычно. В обоих случаях я выполнял роль посредника между Верховным командованием итальянских вооруженных сил и Роммелем. Определенная готовность идти итальянцам навстречу, даже такая вещь, как формальная корректность, могли бы сгладить очевидный антагонизм, сделать его менее острым или не столь бросающимся в глаза. Отступление Роммеля само по себе было ударом по итальянскому командованию в Африке и в Риме, и граф Кавальеро и маршал Бастико – имея на то определенные основания или без таковых – расценили его решение как неуважение к себе и увидели в нем угрозу сотрудничеству государств Оси.

Мы с Роммелем встретились на совещании в Берте 17 декабря 1941 года. Дискуссия была настолько острой, что перья летели во все стороны. В конце концов Роммель, отвергнув возражения итальянцев по поводу его мобильной стратегии, пообещал в будущем координировать маневры своих моторизованных частей

с действиями остальных войск. Я постарался снять напряжение, дав слово, что не сдам являвшуюся ключевым пунктом Дерну с примыкающими к ней аэродромами до тех пор, пока оттуда не отойдет итальянская пехота.

Фактически операция была завершена в соответствии с планом, без серьезных потерь. Как это всегда бывает при подобном отступлении, пехотные дивизии очень быстро оторвались от противника, и Роммель смог выровнять линию фронта, не внося серьезных изменений в свой первоначальный план. Само собой разумеется, что наши летчики и зенитчики сыграли свою роль в осуществлении этого маневра.

Решение Роммеля контратаковать 21 января 1942 года было детищем начальника оперативного отдела его штаба Вестфаля. Идея контрнаступления родилась у него, когда он летел в своем «шторхе» над линией фронта и смотрел на весьма слабо укрепленные позиции противника. Она была мгновенно принята. Подготовка к операции была проведена очень быстро и скрытно, а само контрнаступление развивалось стремительно. Роммель взял за правило держать свои планы в секрете от итальянцев до самого последнего момента, поскольку он им, мягко говоря, не доверял. Несомненно, первым условием успеха любой внезапной операции является полная секретность, и все средства обеспечения этой секретности, разумеется, можно считать оправданными. Но так же очевидно и то, что подобное поведение неизбежно вызывало дополнительные проблемы в командных инстанциях коалиции – ведь, в конце концов, Роммель должен был подчиняться Бастико и итальянскому Верховному командованию.

После того как Роммель начал свое контрнаступление, я, находясь в Риме, проинформировал о нем Кавальеро. Возможность еще одного поражения привела его в состояние необычайного возбуждения, и, последовав моему предложению, 22 января он вылетел со мной в Африку. Однако он не сразу встретился с Роммелем, а сначала, пока я решал проблемы люфтваффе и служб снабжения, отправился в итальянский штаб.

В январе 1942 года у нас было очень ясное представление о численности, диспозиции и боевых качествах британских войск. Я заверил Кавальеро, что наступление Роммеля, даже если бы противнику удалось его остановить, не являлось слишком рискованным. Распределение британских сил на фронте и явный дефицит ресурсов с их стороны оправдывали операцию, которая могла привести к захвату Бенгази, что, в свою очередь, могло бы обеспечить нам надежность снабжения и тыловых коммуникаций. После долгих споров совещание с итальянцами закончилось тем, что они согласились на наступление с ограниченными целями.

Тот факт, что в этих дискуссиях я играл примиряющую роль, вовсе не означает, как мне приходилось читать после войны, что я выступал против операции. Кавальеро в своем дневнике это подтверждает. Итальянское Верховное командование не хотело больше рисковать, чувствуя, что ему не следует покровительствовать действиям, которые могут привести к новым поражениям.

Несмотря на то что на совещании удалось прийти к соглашению, я знал, чего можно ждать от Роммеля.

Я предполагал, что, опьяненный успехом, он не остановится до тех пор, пока его не вынудит к этому сопротивление противника. И я оказался прав. Наступление, которое было начато нашими измотанными войсками с поразительной энергией и которое было блестяще поддержано командованием ВВС в Африке, к 30 января привело нас к так называемой линии Эль-Газалы. Все лавры, положенные за этот успех, заслужил Роммель, в то время являвшийся непревзойденным мастером дерзких танковых рейдов.

При всей своей слабости германо-итальянские военно-воздушные силы в Африке превосходили британские ВВС. Немецкие истребители имели превосходство в воздухе над районами боевых действий. Ужас, который наводили на британцев «штукасы», был столь же силен, сколь и теплые чувства, которые испытывали по отношению к этим машинам наши военнослужащие. На меня, однако, произвела большое впечатление «иллюминация», которую устроили британские самолеты с помощью осветительных ракет над подходами к Бенгази. Ракет было столько, что казалось, будто в воздухе действует мощная группировка бомбардировочной авиации, и потому все передвижения в освещенной зоне были прекращены.

Я упоминаю об этом не имеющем большого значения случае просто потому, что он был уникальным в своем роде. Я сам доставил Кавальеро на совещание 23 января в моем «шторхе», поскольку это был единственный самолет, находившийся на взлетно-посадочной полосе аэродрома, а Кавальеро настаивал на том, чтобы я отправился вместе с ним. Совещание продолжалась дольше, чем было запланировано, так что обратно мы вылетели на закате, когда солнце уже тонуло во мраке где-то в районе Эль-Агейлы. Немецкий фельдмаршал, сидя за штурвалом самолета, пилотировал неприспособленную для ночных полетов машину над пустыней и вез в качестве пассажира итальянского маршала. Должен сообщить, что я без всяких происшествий доставил своего изрядно нервничавшего спутника прямо в руки подчиненных ему многочисленных генералов. К сожалению, я не обладаю

достаточно развитым воображением для того, чтобы описать объятия и поцелуи после нашего приземления.

Когда контрнаступление Роммеля было остановлено на линии Эль-Газалы (это произошло в начале февраля 1942 года), германо-итальянские войска в Триполитании оказались примерно в том же положении, в котором находилась незадолго до этого британская 8-я армия в районе Бенгази. Продолжительность периода времени, в течение которого противник мог находиться в состоянии ошеломления после нашего успешного удара, зависела от того, как у него обстояли дела с пополнением и снабжением. Неблагоприятный для ведения активных боевых действий сезон заканчивался, а британские тылы все ближе подтягивались к боевым частям. Первым делом следовало привести в порядок гавани Бенгази и Дерны. Что касается Бенгази, то первые суда смогли разгрузиться там уже через несколько дней после того, как мы захватили этот порт. Нам очень повезло – немецкое военное имущество, находившееся на старых временных складах, оказалось нетронутым. Оно стало добавкой к тому, что доставлялось морем.

Несмотря на эту неожиданно благоприятную ситуацию, возникла настоятельная необходимость ускорить завершение подготовки к нанесению воздушного удара по Мальте. Ее затягивание ввиду положения в Африке заставляло меня нервничать, но в связи с нашими успехами я решил, что еще одна небольшая отсрочка оправдает себя.

На совещании, проводившемся в штабе 2-й авиагруппы на Сицилии, я убедил самого себя в том, что все поняли подробные инструкции, связанные с нанесением удара по Мальте. Проинспектировав боевые части, я убедился, что люди уверены в себе и рвутся в бой. Согласно приказу основной смысл действий 2-й авиагруппы должен был состоять в том, чтобы застать врасплох и нейтрализовать истребительную авиацию противника или, по крайней мере, сковать ее до такой степени, чтобы она не могла сорвать готовящийся бомбовый удар. Мы должны были атаковать три аэродрома противника ударами, следующими один за другим с короткими промежутками – тяжелыми бомбами, легкими осколочными бомбами и пулеметным огнем. Цель этих ударов состояла в том, чтобы уничтожить самолеты противника на земле и по крайней мере на некоторое время вывести из строя взлетно-посадочные полосы.

Последующие бомбовые удары должны были наноситься по аэродромам, портовым сооружениям и кораблям – бомбить сам город мы не собирались. Предполагалось, что налеты в дневное время будут массированными и непрерывными. При этом мы

рассчитывали, что наши бомбардировщики будут настолько плотно прикрыты истребительной авиацией, что она сможет удержать британские истребители на безопасном расстоянии от наших бомбовозов, обратить их в бегство и преследовать до тех пор, пока они не будут уничтожены.

В ночное время планировалось использование одиночных самолетов для проведения беспокоящих рейдов, которые создавали бы помехи расчистке обломков и ремонтным работам. Еще одной частью нашего замысла было потопление немногих находящихся в порту транспортных судов противника прямо в гавани атаками пикирующих бомбардировщиков, а также блокирование входа в гавань путем сброса мин.

Этот план ставил перед всеми участниками операции нелегкие задачи, но они были решены, причем со сравнительно небольшими потерями. Было несколько факторов, которые еще больше осложнили проведение и без того непростой операции против острова-крепости. По периметру аэродромов и гавани имелись естественные укрытия в виде ниш в скалах, где можно было разместить самолеты и склады военного имущества. Эти укрытия не могли быть полностью разрушены даже с помощью самых тяжелых бомб замедленного действия. Даже применение сверхмощных боеприпасов, доставляемых к цели истребителями-бомбардировщиками, не дало ожидаемого эффекта. Только прицельные и массированные атаки с применением бомб малого калибра (с контактным взрывателем) обещали дать неплохие результаты. Сильная, концентрированная британская противовоздушная оборона на побережье острова, действовавшая при поддержке зенитных орудий кораблей, защищающих гавань, вела такой заградительный огонь, что пробиться сквозь него могли только настоящие храбрецы, да и то ценой немалых потерь.

В действиях пикирующих бомбардировщиков было два момента, когда эти машины становлюсь наиболее уязвимы – это начало атаки и выход из пике. Для осуществления этих маневров летчикам приходилось сбрасывать скорость и ломать строй. Уменьшить потери в эти моменты можно было только за счет применения истребителей, пикирующих вместе с бомбардировщиками, а также поставив перед частью истребительной авиации конкретную задачу прикрытия бомбардировщиков в момент выхода из пике. Должен признать, что пилоты британских истребителей проявили храбрость и летное мастерство, особенно ярко проявившееся в те моменты, когда им приходилось пикировать с большой высоты (10-12 тысяч метров) прямо сквозь плотный строй немецких бомбардировщиков. Надо также отдать должное организации

разгрузочных работ в порту. За невероятно короткое время суда и танкеры, находившиеся в гавани, были разгружены, а грузы распределены по подземным, неуязвимым для бомб складам, расположенным вдоль причалов.

2-я авиагруппа, базировавшаяся в Мессине, прекрасно спланировала и провела свою атаку. Особая заслуга в этом принадлежала умному и изобретательному начальнику штаба, маршалу авиации Дейчману.

Паузы в нанесении воздушных ударов по Мальте были вызваны отвлечением сил авиации на операции против морских конвоев противника, потопление которых было необходимым условием успеха в действиях против острова. В тяжелых стычках эти конвои, за исключением небольшого количества судов, были уничтожены.

К выполнению основной части операции мы приступили 2 апреля 1942 года, а 10 мая у меня были все основания считать, что поставленная задача выполнена. Благодаря этому успеху мы обеспечили свое доминирование на морских и воздушных коммуникациях от Италии до Африки. После нанесения по Мальте удара с воздуха можно было бы легко захватить остров. То, что это не было сделано, является грубой ошибкой германо-итальянского командования, последствия которой проявились позднее. Тот факт, что в ходе операции удары наносились только по военным объектам, является заслугой люфтваффе – британская сторона признала это.

После успешной операции против Мальты Верховное командование сочло, что ситуация в Средиземноморье существенно улучшилась, и перебросила большую часть наших ВВС на Восточный фронт. Разумеется, в Средиземноморье были оставлены значительные силы, чтобы, не обращаясь за помощью к командованию ВВС в Африке, можно было присматривать за Мальтой, сдерживать действия транспортных судов противника и защищать наши собственные коммуникации. Однако со временем стало ясно, что этих сил недостаточно для того, чтобы нейтрализовать остров-крепость или отрезать ее от источников снабжения.

То, что Италия упустила возможность оккупировать остров в момент начала военных действий, останется в истории как фундаментальная ошибка.

Очень скоро в ставке признали огромную важность Мальты. Однако несмотря на то, что я неоднократно приводил аргументы в пользу ее оккупации, к которым впоследствии присоединились итальянское Верховное командование и Роммель, наше Верховное командование считало, что вполне достаточно действий по

нейтрализации острова-крепости с помощью бомбардировок с воздуха. Это очевидное нежелание исправить однажды уже совершенную ошибку стало вторым стратегическим промахом, который поставил наши войска в Средиземноморье в крайне невыгодное положение.

В отличие от командования Южного фронта итальянское Верховное командование занимало колеблющуюся позицию. На важном совещании маршалов в Сиди-Барани 26 июня 1942 года, после захвата Тобрука, представители союзников вопреки нашей согласованной стратегической линии согласились с предложением Роммеля продолжить наступление в направлении Нила. Это окончательно решило судьбу Северной Африки. Ниже я хочу коротко изложить причины, по которым я возражал против такого решения.

Вначале Роммель ознакомил нас с ситуацией. Он заявил, что противник практически не оказывает сколько-нибудь серьезного сопротивления и что через десять дней он со своими войсками будет в Каире. На это я ответил следующее:

«Даже если допустить, что Роммель способен более глубоко, нежели я, оценить положение сухопутных войск, я все же не могу не высказать свои опасения. Разумеется, я согласен с тем, что потерпевшего поражение противника следует преследовать столько, сколько возможно, – если существует уверенность в том, что нашим войскам не придется столкнуться с сопротивлением свежих вражеских частей. Но если наступление будет продолжено, даже при минимальном сопротивлении количество поломок и неисправностей у нашей бронетехники и автомобилей будет очень большим. Оно и до сегодняшнего момента было большим, что вызывает тревогу. Мы не сможем получить запчасти в необходимом количестве в течение долгого времени. Даже если в данный момент у британцев нет в Египте резервов, о которых стоило бы говорить, точно известно, что первые подкрепления, перебрасываемые с Ближнего Востока, уже в пути.

Я, однако, уполномочен говорить от имени люфтваффе. Когда мои летчики посадят свои машины на берегах Нила, они будут совершенно измотаны. Их самолеты будут нуждаться в капитальном ремонте – и это при совершенно не отлаженном снабжении. Моим людям будут противостоять свежие, активные части противника, которые в ближайшее время могут быть еще больше усилены. Как летчик я считаю безумием в этих условиях атаковать находящуюся в полном порядке, нисколько не потрепанную военно-воздушную базу противника. Ввиду того решающего значения, которое имеет взаимодействие сухопутных сил и авиации, уже по одной только этой причине я должен

отвергнуть предложение продолжить наше наступление на Каир».

Кавальеро попросил Роммеля пересмотреть свое мнение, но тот все же остался верен своему оптимистическому взгляду на обстановку и заявил, что гарантирует взятие Каира в течение десяти дней.

Бастико и Кавальеро дали свое согласие на продолжение наступления. Для того чтобы присутствовать при вступлении войск в Каир, в Африку приехал дуче.

Хотя в радиограмме Гитлера было сказано, что меня это больше не касается, я сожалел об этом решении – помимо прочего, еще и потому, что даже если бы взятие Каира и привело к облегчению наших трудностей со снабжением, то лишь к очень небольшому. Наши тыловые коммуникации можно было бы считать защищенными разве что при захвате Александрии, да и то только в том случае, если бы державы Оси располагали достаточными силами и средствами, чтобы отражать атаки из Адена и Сирии. В то время этих сил и средств у них не было и их неоткуда было взять{8}.

Весной 1942 года командование Южного фронта и Африканская танковая армия достигли согласия в том, что следующими оперативными целями должны были стать Мальта и Тобрук. Захвата Тобрука без оккупации Мальты было бы недостаточно. Морской маршрут из Афин на Крит и с Крита в Тобрук проходил в пределах радиуса действия британских военно-морских и военно-воздушных сил, дислоцировавшихся на базах в Египте. Это означало, что нам придется применять значительные силы и средства для сопровождения морских конвоев, что было нам не по силам ввиду необходимости защищать наши конвои, следующие из Италии. Кроме того, полному преодолению специфических проблем, связанных с отправкой военного имущества и пополнения через Грецию, мешали потребности Восточного фронта.

Между Роммелем и мной существовало только одно яблоко раздора: порядок, в котором следовало проводить две упомянутые операции. Защита морских коммуникаций и принимающих портов относилась к сфере моей компетенции, и потому я предложил Гитлеру план, согласно которому начинать следовало с Мальты, рассматривая эту операцию как подготовку к наступлению сухопутных войск на Тобрук. Хотя Гитлер поначалу согласился с такой последовательностью действий, позже он изменил свое мнение на этот счет. В конце апреля в Берхтесгадене он одобрил намерение Роммеля первым делом приступить к осуществлению наземной операции, развернув наступление из Эль-Газмы. Я достаточно хорошо разбирался в

тактике боевых действий на суше, чтобы понять соображения Роммеля. К тому же подготовка к атаке против Мальты была еще слишком далека от завершающей стадии, чтобы можно было говорить о немедленном начале операции. В итоге я пришел к выводу, что не произойдет ничего страшного, если я уступлю, потому что было очевидно: чем меньше времени мы дадим Англии для того, чтобы собраться с силами, тем быстрее мы достигнем нашей конечной цели – итало-египетской границы. После победы в Африке наша операция по захвату Мальты не могла потерпеть неудачу. Ко всему прочему, рассуждал я, мы сможем завершить подготовку к ней за то время, пока будет развиваться наступление на суше. Таким образом, в тот период расхождение во мнениях между Роммелем и мной не приобрело острого характера – это произошло после взятия Тобрука.

Гитлер и ставка Верховного главнокомандования должны разделить с Верховным командованием итальянских вооруженных сил вину за принятое неверное решение. Впрочем, у них, по общему признанию, было меньше возможностей для того, чтобы правильно оценить ситуацию, поскольку Роммель запустил свою пропагандистскую машину.

Германское высшее командование, привыкшее мыслить категориями континентальной войны, не сочло важным заморский театр военных действий и вообще не смогло понять значение Средиземноморья и специфические трудности войны в Африке. Оно не разработало никакого четкого плана, не следовало ясной стратегии, а действовало импульсивно и непоследовательно. Личная симпатия Гитлера по отношению к Муссолини удерживала его от вмешательства в ведение войны в Средиземноморье даже в тех случаях, когда это было необходимо, что привело к катастрофическим результатам. При этом в ходу был лозунг «Муссолини в Каире».

В описываемый мной период Роммель имел почти гипнотическое влияние на Гитлера, который был практически неспособен объективно оценить обстановку. Этот любопытный факт, несомненно, объясняет упомянутый мной выше приказ, который я получил, когда Гитлер, воодушевленный нашим успехом в районе Тобрука, сказал мне (скорее всего, по наущению доктора Берндта, который был своеобразным рупором Роммеля), чтобы я не вмешивался в оперативные планы Роммеля и оказал ему полную поддержку.

Впоследствии Гитлер, разумеется, обрадовался тому, что победа в районе Тобрука дала ему возможность отложить операцию по захвату Мальты, к которой у него не лежала душа, и при этом не потерять лицо. В этой своей позиции он нашел

верного сторонника в лице Геринга, который боялся второго Крита и «гигантских» потерь, хотя эти две операции просто нельзя было сравнивать. Я неоднократно говорил рейхсмаршалу, что после апрельских и майских воздушных налетов Мальту можно было оккупировать с минимальными потерями, используя минимум сил и средств, а также указывал ему на то, что при переносе операции на более позднее время оккупация Мальты потребует от нас гораздо больших усилий и обойдется нам гораздо дороже. Тем временем итальянское Верховное командование вынуждено было преодолевать колебания, вновь возникшие в рядах руководства итальянских военно-морских сил.

После того как было принято решение пробиваться вперед до Нила, планы операции по захвату Мальты были отправлены в архив. Впрочем, она в любом случае стала невозможной после катастрофического исхода нашей попытки наступления в глубь египетской территории и переброски в Африку сухопутных и военно-воздушных сил, которые предполагалось использовать для оккупации острова.

Все это представляет большой интерес для военных историков и психологов. Наша неудача определила все дальнейшее развитие кампании.

Крупный успех во время зимнего наступления 1942 года и накапливание сил в районе Эль-Газалы стали компенсацией за отступление в декабре 1941 года. Роммель почувствовал слабость британцев, и его вера в себя как военачальника и в его армию вновь взлетела до небес. Он был убежден, что время работает на противника и что в следующие шесть месяцев ему придется считаться с существенным укреплением британских вооруженных сил и с возрождением их боевого духа. Он также знал, что в условиях позиционной войны в пустыне ему не удастся сохранить на прежнем уровне способность подчиненных ему войск к стремительным действиям; понимал он и то, что для того, чтобы припереть противника к стенке, придется потерять немало людей и дорогостоящих техники и снаряжения. Промедление создало бы нежелательные трудности для запланированного наступления (с этим я был согласен). Между тем благодаря нашим успешным авиаударам по Мальте появилась возможность удовлетворить требования Роммеля, касающиеся пополнения и снабжения его частей и соединений. К началу мая войска под его командованием, включая итальянские части, получили все необходимое, а имеющиеся в его распоряжении резервы даже несколько увеличились.

Оперативный план наступления был разработан Роммелем и обсужден с маршалом авиации Хоффманом фон Вальдау,

командующим ВВС в Африке. В его обязанности входило согласовать все с итальянским командующим ВВС, которому я также полностью доверял. Для проведения операции потребовалось содействие ВМС – необходимо было ударить противнику в тыл с моря. Кроме того, помощь моряков была нужна для обеспечения бесперебойного снабжения войск. Все эти вопросы были решены с адмиралом Вайхольдом.

Важнейшим элементом операции была внезапность. Предполагалось нанести сокрушительный удар по британским войскам, который должен был сопровождаться одновременным охватом позиций противника с фланга и нанесением по ним удара из пустыни. Позже к этим действиям должна была добавиться высадка с моря небольших, но прошедших тщательный отбор групп десантников.

Вторая фаза наступления включала в себя окружение и взятие Тобрука. Роммель намеревался находиться в войсках на фланге, где должны были развернуться решающие бои, но при этом оставил руководство всей операцией за собой. Войсками, располагавшимися на линии фронта, командовал генерал Крювель.

План был прост и ясен. Хотя маршал Бастико его одобрил, мне не очень понравился тот вариант управления войсками, который должен был действовать во время операции. На мой взгляд, Роммель не мог эффективно руководить боевыми действиями, находясь на фланге. Следовало создать стационарный штаб.

Эффекта внезапности достичь удалось, но связь Роммеля с войсками была нарушена. Важные приказы, отдаваемые нашим летчикам и генералу Крювелю, не доходили до адресата. Путаница, возникшая на фронте из-за одновременных атак и контратак танков, которые зачастую двигались в неверном (а то и в прямо противоположном нужному) направлении, осложняла действия нашей воздушной разведки и приводила к тому, что наши самолеты сбрасывали бомбы наугад. С учетом того, что, несмотря на это, наши непрерывные воздушные удары не нанесли ущерба нашим собственным войскам, первый и второй день наступления можно считать праздничными для командования наших ВВС.

Рано утром 29 мая генерал Крювель посадил свой «шторх» за линией фронта на позициях противника и был взят в плен, в результате чего фронт остался без командующего. По настоянию командиров многих частей я согласился взять его обязанности на себя, поскольку майор фон Меллентин, начальник оперативного отдела штаба Крювеля, был не готов к тому, чтобы взвалить на

свои плечи такую ответственность, а поручить это кому-либо из командиров сухопутных частей и соединений, освободив его от его непосредственных обязанностей, не представлялось возможным. Вот тогда-то я и узнал, с какими трудностями приходится сталкиваться командующему, у которого связаны руки по той причине, что он обязан подчиняться штабу, а штаб не отдает приказов, связь с ним нарушена и добраться до него невозможно. Более того, стимулирующий эффект от присутствия Роммеля на фланге, где разворачивались решающие действия, оказался смазанным по той причине, что он тут же оказался втянутым в дискуссию и вынужден был живо реагировать на все перипетии битвы. Надо было услышать рассказ непосредственного свидетеля того, что происходило в штабе Роммеля в первый день танкового сражения, чтобы понять, что там творилось. Однако второй день решил эту проблему: это был день славы наших танкистов и их командира.

Я то и дело связывался с Роммелем по рации и по телефону и убеждал его, что нам необходимо побеседовать, оставляя за ним выбор времени и места. Мы встретились на южном фланге, в результате чего нам удалось скоординировать действия в центре и на флангах, что к тому моменту было уже крайне необходимо. Было одно удовольствие наблюдать за тем, как Роммель с поразительным умением руководил группировкой войск, действовавших в пустыне. Ситуация складывалась не такая уж безоблачная. В тот момент, когда я уже приготовился посадить мой «шторх» в расположении итальянского главного штаба, где должно было состояться совещание, меня внезапно обстреляли с земли из пулеметов и орудий 2-сантиметрового калибра. Огонь велся с территории, которая, по идее, должна была находиться в наших руках. Оставшись в воздухе и лично проведя визуальное наблюдение, я еще до наступления темноты вызвал наши самолеты, чтобы те нанесли удар по прорвавшейся в наш тыл группировке противника, которая могла уничтожить тыловые колонны Африканской танковой армии. Отправившись прямиком в одну из летных частей, я объявил тревогу и поднял в воздух «штукасы», «Ме-110» и истребители-бомбардировщики – практически все машины, находившиеся в тот момент на аэродроме. Наш воздушный налет оказался успешным. Противник понес чувствительные потери и был вынужден повернуть обратно. Когда наши машины совершили посадку в быстро наступающих сумерках, я обнаружил, что мы потеряли два из моих лучших, самых опытных и доблестных экипажей. Для меня это был тяжелый удар.

Позднее мы с Роммелем разошлись во мнениях по поводу

опорного пункта Бир-Хашейм, за который крепко уцепились французские нерегулярные войска под командованием генерала Кенига и который представлял собой серьезную угрозу. Роммель вызвал воздушную поддержку, и в конце концов пикирующие бомбардировщики нанесли по Бир-Хашейму несколько мощных ударов с применением зажигательных бомб. Однако отсутствие координации между действиями авиации и сухопутных сил привело к тому, что и воздушные налеты, и последующие атаки пехоты не дали нужного результата. Тем не менее, наш с Роммелем спор по этому поводу помог нам урегулировать разногласия, и вскоре я уже мог поздравить моего коллегу с захватом Бир-Хашейма.

То, что немедленно после захвата оазиса Бир-Хашейм и короткой беседы со мной Роммель со своими танковыми частями отправился в направлении Тобрука, который вскоре был полностью окружен, свидетельствует, что он был полон энергии.

Успехи, достигнутые нашими сухопутными войсками и военно-воздушными силами в описываемой мной операции, следует считать одним из наиболее выдающихся подвигов в военной истории, а череда сражений, имевших место в ходе нашего наступления, фактически была пиком карьеры Роммеля. Итальянские войска также сражались хорошо.

Во время наступления на Тобрук нам придавали дополнительные силы предыдущие успехи. Дерзкий план операции, разработанный Роммелем и Хоффманом фон Вальдау, был осуществлен блестяще. Я дополнительно вызвал из Греции и с Крита все пикирующие бомбардировщики, какие только там были. В последний вечер перед наступлением я облетел все части ВВС и выступил перед личным составом каждой из них с рекордно короткой речью.

«Господа, – сказал я, – если завтра утром вы выполните свой долг, завтра вечером радиостанции всего мира будут передавать новость: Тобрук пал. Счастливой охоты!»

Время начала наступления было выдержано с точностью до минуты. Как только последняя бомба, сброшенная нашими бомбардировщиками, коснулась земли, наши сухопутные войска, действуя при мощной поддержке пикирующих бомбардировщиков и артиллерии, прорвали оборону противника и продвинулись вперед на такую глубину, что гавань оказалась в пределах радиуса действия нашего артогня. Тем не менее, противник сопротивлялся отчаянно, и не раз ситуация складывалась так, что было неясно, кто в итоге одержит верх. Но победа осталась за нами. Тобрук был захвачен, и эта новость облетела мир. Хоффман фон Вальдау был награжден рыцарским орденом Железного

креста, а генерал Роммель, к возмущению итальянцев, произведен в фельдмаршалы. На мой взгляд, если бы его не повысили в звании, а удостоили высокой награды, это было бы правильнее. Наши потери были небольшими. Мы захватили большое количество пленных. Нашим войскам достались богатые трофеи в виде огромных запасов всевозможного военного имущества, включая продовольствие. Кроме того, обладание портом укрепило нашу систему тыловых коммуникаций и одновременно обострило проблему тылового обеспечения для противника. Британское командование действительно оказалось в отчаянной ситуации. Даже у военачальника менее опьяненного успехом, чем Роммель, это вызвало бы искушение продолжить давление на противника и преследовать его по пятам, поскольку в тот момент уничтожение всей британской группировки действительно казалось возможным. Но это было бы опрометчиво. Когда я 22 июня 1942 года посетил новоиспеченного фельдмаршала в его штабе в Тобруке, он отдавал своим офицерам инструкции, связанные с началом наступления на Сиди-Барани, к которому предполагал приступить в это же утро. Этот план совпадал с моим видением ситуации – за исключением того, что я, помимо прочего, считал необходимым еще и захват Мальты.

Хоффман фон Вальдау согласовал с Роммелем тактические детали операции, а фон Поль занялся выдвижением наземных служб ВВС в район Тобрука. Аэродромов там было более чем достаточно – их следовало разминировать, привести в порядок и обеспечить надежной системой ПВО. Должен отметить, все это было сделано с поразительной быстротой.

Тем временем адмирал Вайхольд и командование итальянских военно-морских сил отдали срочные приказы по поводу ремонта портовых сооружений и оборудования в Тобруке. Я считал очень важным как можно скорее превратить Тобрук в порт, способный принимать суда, даже если бы их пришлось разгружать не у линии причала, а с помощью лихтеров. Даже при том, что мы увеличили наши запасы горючего, а наш автопарк пополнился огромным количеством трофейных грузовиков, фронт находился слишком далеко от Бенгази или Триполи, чтобы можно было обеспечить гарантированный приток всего необходимого. Должен заметить, что, хотя после захвата Сиди-Барани мы стали использовать и этот крохотный порт, без оккупации Мальты невозможно было считать систему тылового обеспечения в Северной Африке надежной.

Захват Мальты должен был стать нашим следующим шагом – таков был план. Подготовка к операции, которая началась еще в феврале, близилась к завершению. В соответствии с замыслом

распределение сил было просчитано с такой точностью, что о неудаче не могло быть и речи. К участию в операции предполагалось привлечь две парашютно-десантные дивизии под командованием генерала Штудента, в том числе 2-ю парашютно-десантную дивизию итальянских вооруженных сил «Фольгоре»{9}. Было выделено необходимое количество транспортных и грузовых самолетов, а также «гигантов» для перевозки бронетехники. Помимо прочего, в нашем распоряжении были две-три итальянские штурмовые дивизии, боевые корабли (они должны были сопровождать транспорты с войсками и десантные баржи, а также атаковать артиллерийским огнем имевшуюся на острове систему укреплений) и части и соединения ВВС в гораздо большем количестве, чем во время первой операции против Мальты.

В общих чертах наш замысел был таков.

1. Атаковать и захватить силами парашютно-десантных войск южные высоты, а затем, использовав их в качестве трамплина, овладеть аэродромами к югу от города и портом Ла-Валетта. Перед атакой аэродромов предполагалось нанести бомбовый удар по ним самим и по позициям ПВО.

2. Основной удар военно-морских сил и морского десанта планировалось нанести по укрепленным пунктам обороны к югу от Ла-Валетты, а также, совместно с парашютно-десантными войсками, по самой гавани. Одновременно с этими действиями предполагалось нанести ряд ударов с воздуха по береговой артиллерии противника.

3. Была запланирована также отвлекающая атака с моря в заливе Марса-Сирокко.

Между тем первая фаза наступления в глубь территории Египта продолжалась в соответствии с планом, и ее успех доказывал правоту Роммеля. Однако вскоре сопротивление противника усилилось до такой степени, что нам пришлось всерьез думать о введении в действие свежих сил либо об ускорении процесса пополнения частей и соединений, принимавших непосредственное участие в операции. Бои становились все более упорными и наконец в районе Эль-Аламейна приняли настолько ожесточенный характер, что наши наступающие войска были остановлены и вынуждены перейти к обороне. Это был критический момент, преодолеть который можно было только с помощью смелых, даже дерзких действий подразделений танковой разведки и частей люфтваффе. Наши сухопутные и военно-воздушные силы выдохлись. Они нуждались в немедленном притоке пополнения, в обновлении и ремонте техники. Роммель же требовал все новых частей и соединений, и

ему их прислали из Греции и Италии, и среди них уже вторую немецкую пехотную дивизию и германо-итальянскую парашютно-десантную дивизию из тех, которые предполагалось использовать для вторжения на Мальту. Поскольку присланные части и соединения не имели своего транспорта, первым делом их пришлось им обеспечить, что еще больше ограничило мобильность всех наших сил. Кроме того, возникла необходимость в большом количестве моторизованных транспортных средств для зенитных и военно-воздушных частей. Все это, не говоря уже о том, что вновь прибывшие части и соединения надо было обеспечить питанием, заставляло нашу систему тыловых коммуникаций работать с огромной нагрузкой. Чтобы справиться с ней, нам была просто необходима Мальта. Однако отвлечение сил и средств, предназначавшихся для ее захвата, для выполнения других задач сделало вторжение на Мальту невозможным. Даже я в конце концов был вынужден отказаться от проведения этой операции, поскольку необходимые условия ее успеха исчезли. Отказ от оккупации Мальты был смертельным ударом для всей нашей военной кампании в Северной Африке.

Через несколько дней контратака противника тоже выдохлась. Было совершенно очевидно, что британская армия еще недостаточно сильна для того, чтобы развернуть решительное контрнаступление.

Таким образом, линия фронта стабилизировалась, причем в такой местности, где сильные позиции на флангах давали большое преимущество. Ширина фронта была весьма выгодной для наших войск, получивших подкрепление. Теперь уже я настаивал на возобновлении наступления так же энергично, как незадолго до этого призывал временно остановить его после взятия Тобрука. Как я и предполагал, положение в Средиземноморье и в Северной Африке стало весьма опасным. На востоке нам противостояла британская 8-я армия, сила которой значительно возросла благодаря увеличению мощи находящихся в ее составе частей ВВС и наличию надежной и хорошо обеспеченной базы снабжения. На западе события принимали угрожающий характер. Наши тыловые коммуникации оказались сильно растянутыми. В этих условиях восстановление противником разрушенного потенциала Мальты и укрепление его египетской базы привели к тому, что перед нами отчетливо замаячила перспектива катастрофы.

Если и была какая-либо возможность выжить в войне на два фронта, то она зависела от того, сможем ли мы нанести решительное поражение оппоненту, с которым уже сражались в

тот момент, когда появился второй. Учитывая все явно негативные аспекты, с которыми было связано проведение чисто оборонительной операции, ко всему прочему неспособной решить проблему наших тыловых коммуникаций, у нас не было другого пути, кроме как сделать выбор в пользу именно наступления, если у него были хоть какие-то шансы на успех. Наступая, державы Оси удерживали бы в своих руках инициативу; именно они принимали бы решение о времени нанесения удара. Все зависело от способности Роммеля нанести этот удар как можно скорее, до того момента, когда британские войска успеют в полной мере нарастить свою мощь. С моей точки зрения, крайним сроком был конец августа 1942 года.

Опасная растянутость нашей системы тыловых коммуникаций не позволяла нам твердо рассчитывать на то, что все требования войск в части снабжения будут выполнены. Я пообещал сделать все возможное, в том числе использовать свое влияние на Верховное командование итальянских вооруженных сил, чтобы снабжение было бесперебойным. В то время я уже был убежден, что ситуацию в Северной Африке можно будет стабилизировать только в том случае, если египетские и средиземноморские порты будут в наших руках. Угроза нашим коммуникациям сразу с двух сторон – с Мальты и из Александрии – означала, что они постоянно будут парализованными. Между тем Роммель без обиняков отказался отбросить свои планы взятия Каира, который был уже так близко. В то же время, несмотря на свою занятость планированием наступательных действий, он позаботился о том, чтобы укрепления в районе Эль-Аламейна позволяли остановить крупномасштабное британское контрнаступление, и неоднократно заверял меня в том, что они его остановят. Саперам пришлось проделать нелегкую работу, но зато Роммель мог сказать самому себе, что он сделал все, что было в человеческих силах, не забыв поставить себя на место противника и попытаться отыскать в укреплениях слабые места.

Британская 8-я армия тем временем без какого-либо ощутимого успеха продолжала проверять на прочность германский фронт. Тем не менее, для нас эти действия британцев создавали одну проблему: было ясно, что через какое-то время они изучат схему нашей обороны и расположение артиллерийских позиций. Кроме того, в этих коротких стычках мы теряли немалое количество техники, не говоря уже о человеческих жизнях. С другой стороны, прочность нашей обороны должна была убедить противника в том, что Роммель отказался от идеи продолжения наступательных действий. Это должно было еще больше усилить эффект неожиданности от его

удара.

К середине августа план наступления приобрел более или менее четкие очертания. Решение о начале наступления было принято лишь в самый последний момент, 29 августа. Наступление должно было начаться 30-31 августа с мощного удара танковых и моторизованных дивизий на правом фланге. Итальянское Верховное командование и командование Южного фронта из кожи вон лезли, чтобы создать необходимые для проведения операции запасы горючего. По крайней мере, на командующего Южным фронтом нельзя взваливать вину за потопление танкера вблизи Тобрука{10}.

После этой потери я, как начальник воздушного командования, хотел компенсировать утраченное топливо из своих собственных резервов. Однако, несмотря на мои заверения, что я предоставлю в распоряжение войск 500 кубических метров высококачественного авиационного бензина, проблема горючего оставалась весьма острой – помимо всего прочего еще и потому, что обещанный мной бензин по совершенно не поддающимся моему пониманию причинам так и не был доставлен. Я принимаю на себя ответственность за это, хотя узнал об этом только после окончания войны. Тем не менее, я не думаю, что этот случай сыграл решающую роль. Тот факт, что все наши моторизованные силы до 6 сентября были задействованы в более или менее мобильных операциях, используя имевшееся у нас в то время горючее, является достаточно красноречивым доказательством того, что бензина вполне хватило бы для продолжения наступления – тем более что мы имели все основания предполагать, что, как это уже бывало раньше, наши запасы горючего удастся пополнить за счет трофейного. Наше поражение скорее можно объяснить действием факторов, имевших отношение к психологии. В то время я был убежден, что подобное сражение не представляло бы никакой проблемы для «прежнего» Роммеля. Если бы он не испытывал недомогания, ставшего результатом долгого непрерывного руководства боевыми действиями в Африке, он ни за что не отдал бы приказ к отходу в тот момент, когда уже полностью окружил противника и за счет искусного маневрирования добился преимущества над британцами, оказавшимися на рубеже «последней надежды», как его тогда называли. Сегодня я знаю, что войска Роммеля, получив от него приказ отходить, не могли поверить в происходящее.

Роммель, как всегда, находился на передовой, на том самом фланге, где разворачивались главные события. В первые несколько часов продвижение вперед было не таким быстрым, как мы ожидали, из-за того, что на нашем пути оказались

установленные противником плотные минные поля. Кроме того, непрерывные и удивительно эффективные действия военно-воздушных сил британцев привели к потерям с нашей стороны и оказывали сильный беспокоящий эффект. Все это заставило Роммеля прекратить наступление между 6 и 7 часами утра. После некоторого раздумья, прежде чем в дело успел вмешаться я, он еще до полудня отдал приказ возобновить наступательные действия. Разумеется, трудно сказать, чем бы закончилось наступление, если бы оно было непрерывным. Ясно, однако, одно – победа Роммеля была близка, а перерыв в продвижении вперед предоставил в распоряжение противника лазейку и соответственно сократил шансы на успех танковой армии.

Наличие плотных минных полей в этой части фронта свидетельствовало о том, что Монтгомери все же ждал от Роммеля удара со стороны пустыни. Предположения британцев на этот счет подкреплялись тем фактом, что территории, примыкавшие к немецким оборонительным порядкам в центре и на левом фланге, были щедро заминированы. Это говорило о том, что наступление в этих зонах маловероятно. Соответственно, нашей обороне, что совершенно очевидно, необходимо было сосредоточить основные силы против левого фланга британцев. Британские саперы дали 8-й армии время, необходимое для принятия контрмер, и способствовали тому, что наступающие германские части скопились в узком коридоре и стали хорошей целью для британских ВВС. Если бы мы, несмотря на все это – я сейчас не говорю о том, правильно бы это было или нет, – продолжали наступать, эту горловину следовало бы пройти одним броском, чтобы окончательно развернуться в боевые порядки в менее опасной зоне и избежать ударов с воздуха. В рядах наших войск отсутствовала твердая решимость продолжать начатое дело; в такой ситуации, учитывая, что мы полностью осознавали всю рискованность своих действий, наступление вообще не надо было начинать.

То, что в принципе операция могла закончиться успешно, лучше всего видно из того, как Монтгомери оценивал перспективы германского наступления в августе 1942 года. Когда наступление провалилось, я понял, что судьба кампании в Северной Африке решена. Я больше не видел никаких решений, которые могли бы серьезно изменить положение, – мы еще могли в течение какого-то времени удерживать позиции в Африке в сравнительно небольшом районе, но не более того. С этого момента я заботился только о том, чтобы закрепиться на позициях и как можно дольше не давать войскам противника, задействованным на Южном фронте, вмешаться в ход событий,

происходящих на Европейском театре военных действий.

Следовало признать, что нашу систему тыловых коммуникаций больше нельзя было считать сколько-нибудь надежной. На юге, как и в других местах, время стало работать на наших противников.

Планировавшаяся в течение долгого времени десантная операция британско-американских войск, которая, по моему мнению, должна была последовать в Северной Африке, означала бы, что мы будем взяты в клещи. Даже при том, что армии альянса разделяли бы тысячи километров, это привело бы к распылению сил Оси и оказало бы огромное негативное моральное воздействие на наши войска на Африканском континенте, находившиеся в изоляции.

В любом случае, Монтгомери одержал над Роммелем победу, последствия которой были куда более масштабными, чем ее непосредственный результат. В то же время германская сторона обнаружила слабости, которые британцы могли использовать в своих будущих операциях.

Королевские ВВС явно находились на подъеме. Теперь они могли более эффективно поддерживать действия британских войск на море, а Мальта стала практически неуязвимой. Располагая более мощной поддержкой с воздуха, 8-я армия приобрела способность решать более сложные задачи, в особенности после того, как ее войска приобрели уверенность в себе в результате успешных оборонительных действий.

Было ли в этих обстоятельствах правильным решение дожидаться британского наступления в районе Эль-Аламейна? Поскольку в послевоенной литературе вина за него была возложена на мои плечи, я хочу первым делом совершенно недвусмысленно заявить, что, хотя я являлся начальником воздушного командования и командующим Южным фронтом и обладал правом участия в выработке и принятии решений, Роммель мне не подчинялся. В то время Роммель был подчинен маршалу Бастико, а тот, в свою очередь, итальянскому Верховному командованию; в то же время Роммель нес ответственность перед германской ставкой Верховного главнокомандования, с которым он поддерживал тесный контакт, принесший результаты, которые нельзя недооценивать. Этим простым изложением фактов я вовсе не пытаюсь снять с себя свою долю ответственности как человек, с которым Роммель советовался – разумеется, если исходить из того, что он вообще был способен прислушиваться к чьим-либо советам. Гинденбург как-то сказал, что он лишь в редких случаях пожинал лавры в случае побед, но зато на него всегда возлагали ответственность в

случае поражений. Эти слова вполне можно применить ко мне как в данном, так и во многих других случаях. Я очень хорошо помню один эпизод, который произошел в мае 1943 года, после окончания боевых действий в Тунисе. Двое руководителей моего штаба настаивали на том, чтобы я опроверг несправедливые и недопустимые измышления по поводу моего поведения во время кампании. Я отказался это сделать, отметив, что кто-то должен взять на себя вину в глазах общественности и что в любом случае правда одержит верх, когда история войны будет написана. Ничто не может уязвить человека, который чист перед собственной совестью. Кроме того, эта позиция сослужила мне хорошую службу, когда меня подвергли суду.

Прояснив мою позицию, я считаю необходимым добавить, что ни германская ставка Верховного главнокомандования, ни итальянское Верховное командование не стали бы очень сильно возражать, если бы Ромме ль высказал серьезное намерение отвести войска далеко назад. Во всяком случае, до описываемого момента Роммель всегда находил способ добиться того, чего он хотел. Но он верил в надежность линии Эль-Аламейна. Его войска были хорошо обученными и, если исходить из прежних африканских стандартов, имели немалую численность. Кроме того, поначалу наши тыловые коммуникации действовали вполне исправно. Исходя из всего этого (мне бы не хотелось, чтобы обо мне думали, будто я в оценке ситуации полагался на авось) я был склонен считать, что на линии Эль-Аламейна можно было остановить и удержать наступающего противника.

Оглядываясь назад, я понимаю, что оставаться там было ошибкой. Было не так уж важно, где произойдет решающее сражение – на линии Эль-Аламейна или несколькими милями к западу или к востоку от нее – и будет ли вообще удар Монтгомери встречен жесткой обороной или же мы прибегнем к вяжущим, сковывающим действиям. Главное состояло в том, что 8-ю армию нужно было остановить, а нашим войскам необходимо было сохранить за собой максимально обширную базу для снабжения, которая, по возможности, должна была протянуться от Триполи до Тобрука. Однако следует помнить, что германские и итальянские сухопутные войска и части ВВС в большинстве своем не имели автотранспорта или же имели его в недостаточном количестве. Это означало, что они не только были неспособны к проведению длительной мобильной операции, но и, более того, сковывали действия своего командующего. Кроме того, благодаря своему превосходству в воздухе британцы имели возможность совершать сокрушительные налеты на войска, находящиеся на марше. Предыдущие бои не давали возможности

более или менее обоснованно судить о том, какой будет стратегия Монтгомери – осторожной или отчаянной; наши впечатления о нем, сложившиеся до описываемого момента, свидетельствовали, что он будет тщательно взвешивать все риски. Самым значительным неизвестным фактором были время и цель вторжения альянса в Западное Средиземноморье. В любом случае, события не оправдывали абсолютной уверенности Роммеля и его заместителя Штумме в прочности позиций в районе Эль-Аламейна. Вполне возможно, что Роммель, применив мобильную стратегию в ограниченном районе, смог бы добиться большего, чем Штумме, который, к сожалению, был убит утром того самого дня, когда противник начал свое наступление. Однако, учитывая все факторы, нам было бы лучше отойти под прикрытием арьергарда на позиции, где нам было бы легче удерживать оборону – для этого подошла бы горловина в районе Халфайя; или же следовало, сделав вид, будто мы собираемся дать решительный отпор противнику на линии Эль-Аламейна, на самом деле сделать это примерно в двадцати милях западнее, в районе Фука – он располагал всеми теми преимуществами, что и зона Эль-Аламейна, но на левом фланге был лучше защищен благодаря особенностям рельефа местности.

В любом случае для этого мы должны были начать действовать раньше – я имею в виду, что нам следовало заранее разведать позицию и не тратить в решающий момент время на ее укрепление. Однако ни Роммель, ни Штумме никогда не говорили мне о подобном плане. Для принятия решения вовсе не нужны были длительные размышления и приготовления, поскольку ход всех дальнейших операций должен был определяться ходом вторжения альянса в Западном Средиземноморье. Мы с Роммелем в конце лета часто подробно обсуждали будущие события, раздумывая над идеей эвакуации из Северной Африки и переброски немецких войск на Апеннины или в Альпы. Взвесив все политико-стратегические за и против, я пришел к выводу, что этого делать не стоит, и прямо сказал Роммелю об этом. Позже я еще вернусь к этому.

Так или иначе, решение, правильное или ошибочное, было принято. Итальянское Верховное командование и командование сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил союзников, Бастико со своими генералами и адмиралами, Роммель и командующий Южным фронтом сделали все, что было в человеческих силах, для подготовки к решающей битве. Роммель взял отпуск и отправился домой, чтобы поправить здоровье, а тем временем Штумме, опытный командир-танкист, доказавший свою доблесть в России, беспристрастно оценил наши позиции и

произвел в них ряд существенных улучшений. Будучи человеком более спокойного и добродушного нрава, чем Роммель, он много сделал для того, чтобы сгладить напряженность, существовавшую между офицерами и их подчиненными, и, кроме того, установил вполне терпимые отношения с итальянским командованием. Однако и он находился не в лучшей физической форме.

Пока все те, кого это касалось, напрягали все силы, чтобы повысить пропускную способность портов Триполи, Бенгази, Тобрука, Сиди-Барани и Марса-Матрук, обеспечить их надежной зенитной обороной и защитой истребителей с воздуха, найти дополнительные транспортные средства и аккумулировать как можно больший объем военного имущества в итало-греческой зоне, бои на наших морских коммуникациях и таких же коммуникациях противника продолжали бушевать с удвоенной яростью. В этой борьбе обе стороны понесли тяжелые потери, но в то же время достигли поставленных целей. Войска Оси в Африке были сыты, вооружены, оснащены и обеспечены пополнением в полном соответствии с их потребностями. С другой стороны, британцам удалось полностью восстановить ударную мощь Мальты. Тот факт, что наши конвои все чаще беспокоила авиация противника, свидетельствовал о том, что невозможно обеспечить свободное передвижение по Средиземному морю благодаря одним лишь оборонительным действиям; нам приходилось учитывать возможность того, что налеты вражеской авиации в сочетании с ожидавшимся крупномасштабным англо-американским вторжением в Средиземноморском регионе в случае, если бы это вторжение оказалось успешным, могли частично или полностью парализовать наши морские тыловые коммуникации. В довершение всего начались весьма эффективные акты саботажа на наших военно-воздушных базах в Африке и на Крите.

Я не мог примириться с этим медленным разрушением всего достигнутого и сидеть сложа руки. К середине сентября мне стало ясно, что для того, чтобы хотя бы частично облегчить ситуацию со снабжением наших войск, нужно провести воздушную операцию против Мальты. Я достаточно хорошо знал, с какими трудностями это было связано; остров был вполне способен себя защитить и имел в своем распоряжении значительно большее, чем прежде, количество истребителей. Мы ничего не могли противопоставить переброске в район Мальты частей британской истребительной авиации, в том числе машин, стартующих с палуб авианосцев. Даже при том, что наши радары были способны обнаружить авиацию противника, наши самолеты всегда появлялись в нужном месте слишком поздно – нам никак не удавалось преодолеть

трудности, связанные с доставкой в наш регион скоростных истребителей. Вследствие этого соотношение сил в воздухе сложилось не в нашу пользу – и это при том, что германо-итальянские конвои отчаянно нуждались в поддержке авиации. Кроме всего прочего, британцы в конце концов извлекли урок из первой воздушной битвы над Мальтой – они расширили свои базы на острове и обеспечили им максимальную защиту от бомбовых ударов.

Главнокомандующий люфтваффе оказал значительную поддержку готовящейся операции, но полностью удовлетворить все связанные с ней требования было невозможно. Впрочем, это компенсировалось высоким уровнем боевой выучки наших частей. В истребительной авиации были собраны проверенные летчики, уже успевшие повоевать с британцами, а экипажи бомбардировщиков имели за плечами боевой опыт, измерявшийся годами. В то же время трудно было возлагать большие надежды на пилотов итальянской бомбардировочной и истребительной авиации, поскольку они летали на устаревших машинах, а экипажи бомбардировщиков к тому же не были в достаточной степени обучены действиям в ночное время.

Острием удара снова стала 2-я авиагруппа. Однако атака Мальты с воздуха, предпринятая в октябре, не была столь успешной, как мы ожидали; на третий день я прервал операцию, так как наши потери были слишком велики – особенно в свете того, какими они должны были быть по нашим расчетам.

Застать противника врасплох не удалось, а наши бомбардировщики не сумели нанести удар по вражеским военно-воздушным базам. Вместо этого нам пришлось сражаться с истребителями противника в воздухе и атаковать вполне надежные бомбоубежища на земле. Британцы впервые использовали трюк, состоявший в сбросе в воздух полосок фольги. Это создавало помехи работе наших радаров, затрудняло действия наших истребителей и мешало им прикрывать наши бомбардировщики. Что ж, противник действительно существенно усовершенствовал методы обороны.

Массированное наступление на наши позиции в районе Эль-Аламейна началось 23 октября 1942 года. После гибели заместителя командующего в штабе сухопутных сил до возвращения Роммеля царило замешательство. Любой, кто знает, насколько важное значение имеют первые приказы в оборонительном бою, без труда поймет, как сильно повлияла потеря генерала Штумме на исход всей битвы. Наше невезение выразилось еще и в том, что Роммелю так и не удалось окончательно выздороветь. К тому же превосходство британцев в

воздухе было более очевидным, чем когда бы то ни было. Кстати, так называемые «сады дьявола» – минные поля, расположенные в определенном порядке, – не оправдали надежд, которые на них возлагались.

3 ноября 1942 года, когда события в районе Эль-Аламейна уже почти вступили в свою решающую фазу, я решил еще раз навестить Роммеля, чтобы обговорить с ним складывавшуюся ситуацию. Из-за неисправностей двигателя моего самолета я, находясь над Средиземным морем на полпути к Эль-Даба, был вынужден изменить курс и ближе к вечеру совершить посадку на ближайшем аэродроме на Крите. Когда на рассвете 4 ноября я посадил свой самолет в Африке, меня встретил генерал Шейдеман, новый командующий ВВС на Африканском континенте, и немедленно проводил меня к Роммелю.

Роммель обрисовал мне ситуацию и пояснил, что она виделась ему настолько тяжелой, что он отдал приказ об отступлении. На правом фланге наши войска уже начади отход со своих весьма выгодных позиций. Получив от Роммеля оперативный отчет, Гитлер отправил ему по рации сообщение, в котором говорилось, что он не согласен с этим «трусливым бегством» и что линию обороны надо удержать{11}. Придя от этого в состояние вполне понятного возбуждения, Роммель отменил приказ об отступлении, готовый драться и умереть в соответствии с полученными инструкциями. Я сказал ему в присутствии начальника оперативного отдела его штаба, что о подобном безумии не может быть и речи и что приказ Гитлера следует проигнорировать, поскольку результатом его выполнения стало бы уничтожение германских войск в Африке и окончательная потеря Триполитании. Я также заявил ему, что готов разделить с ним ответственность за неподчинение приказу и немедленно отправлю Гитлеру сообщение об этом. Я сказал, что Гитлер, скорее всего, исходил из неверных представлений о сложившемся положении, то есть не знал о том, что наши войска уже не занимают укрепленную линию обороны, а находятся в пустыне, на открытой местности, что уже само по себе, помимо других причин, не давало возможности выполнить его приказ.

Я передал фюреру радиограмму, в которой кратко изложил обстановку и последствия, к которым привело бы выполнение его распоряжения, и тут же добавил к этому просьбу о том, чтобы Роммелю предоставили карт-бланш. Роммель также сумел отправить аналогичное сообщение{12}. В тот же день – еще до того, как я вылетел обратно, – санкция, о которой я просил, была получена. Вот каким оказался результат потери нескольких бесценных часов. Почему именно во время того памятного

перелета меня подвел двигатель моего самолета, чего раньше почти никогда не случалось? То, что я сумел сделать 4 ноября, всего за день до этого, 3 ноября, имело бы огромное, возможно, даже решающее значение. У нас была бы надежда на то, что под умелым руководством Роммеля и благодаря беспримерной дисциплине нашим войскам удалось бы выйти из трудного положения, нанеся противнику тяжелые потери.

После того, что произошло, я получил возможность уделять больше внимания решению неотложных задач в западной части Средиземноморья и борьбе за бесперебойное снабжение наших войск. Это было начало очень напряженного периода, ставшего невыносимым из-за поведения Роммеля и его чрезмерных требований.

Благодаря опыту наших солдат, уже давно принимавших участие в боевых действиях на Африканском континенте, угрозу катастрофы от войск Оси удалось отвести. Я наблюдал за развязкой издалека. Самые яркие мои воспоминания о тех временах – это картина отступления парашютно-десантной дивизии Рамке, которая передвигалась на транспортных средствах, отбитых ее солдатами у преследовавшего их противника, невероятная сутолока, созданная нашими частями и войсками противника вдоль Виа-Бальбия, и некоторые другие эпизоды. На наше счастье, авиация противника еще не научилась уничтожать отступающего противника – для этого было много возможностей, таких, например, как в горловине в районе Халфайя.

Глава 15.
Вторжение войск альянса в Северную Африку и битва за Тунис

8.11.1942 года. Высадка британских и американских войск в Марокко и Алжире. – 9.11.1942 года. Высадка первых германских частей в Тунисе.

– Укрепление плацдарма в Тунисе.

– Декабрь 1942 года – январь 1943 года. Роммель сдает всю итальянскую Северную Африку.

– Наступление британской 8-й армии с востока на запад.

– Февраль 1943 года. Германское контрнаступление с тунисского плацдарма против британской 1-й армии и против американцев на алжирско-тунисской границе.

– Провал контрнаступления и неудача попытки перехватить инициативу у британской 8-й армии.

– Март – апрель 1943 года. Войска альянса берут тунисский плацдарм в клещи с запада и юга.

– 12 мая 1943 года. Окончание боевых действий в Тунисе, капитуляция последних германских частей

Перед вторжением

Вторжению войск альянса в Северную Африку предшествовала интенсивная «война нервов». Неделями в мой штаб поступили противоречивые сообщения и слухи. Цель высадки противника, численность группировки вторжения и ее составные части – все эти сведения менялись и варьировались с поразительной быстротой. Передвижения ВМС противника вблизи побережья Западной Африки свидетельствовали о возможности высадки там войск альянса и их марша через весь континент. С другой стороны, скопление войск и кораблей противника в районе Гибралтара указывало на то, что он намерен действовать в Средиземноморье, а внезапное появление вражеских авианосцев, казалось бы, подтверждало вероятность того, что основные силы вторжения попытаются высадиться где-то неподалеку от Гибралтара, Мальты, Александрии или Сирии. Многочисленные проходы кораблей и судов через Гибралтар в Средиземное море лишь еще больше запутывали ситуацию. Критически оценив все разведданные, имевшиеся в моем распоряжении, я сделал следующий вывод.

Вторжение будет стратегически скоординировано с передвижениями британской 8-й армии в Северной Африке, а следовательно, высадка на западном побережье Африки является маловероятной. Это была бы беспрецедентная операция, а американские войска не обладали достаточным опытом ведения боевых действий.

Альянсу наверняка было известно, что в Италии и на принадлежащих ей островах имелись весьма существенные силы ВВС, которые невозможно было нейтрализовать с помощью истребителей, действующих с авианосцев. Следовательно, вероятность высадки войск противника поблизости от упомянутых островов или от итальянского побережья также была невелика. По той же причине десантная операция в проливе между Сицилией и Тунисом тоже казалась практически невозможной.

Если бы противник высадился на северном побережье Африки, его отделяло бы от аэродромов на Сицилии и Сардинии такое расстояние, что нашим бомбардировщикам и торпедоносцам для нанесения ударов по вражеским войскам приходилось бы совершать боевые вылеты максимально возможной дальности, на пределе их радиуса действия. Это обеспечило бы судам, на которых осуществлялась бы высадка, определенную степень безопасности. Кроме того, на столь большом удалении от баз итальянских военно-морских сил противнику не нужно было бы опасаться атаки итальянского флота. Поэтому наиболее вероятным местом высадки представлялся Алжир и прилегающие территории. Открытым оставался вопрос о том, насколько серьезным окажется сопротивление французов в указанном районе. Но даже чисто символические действия с их стороны могли бы быть нам на руку.

Весьма соблазнительно с точки зрения альянса, должно быть, выглядела высадка на Сицилии. Она давала возможность перерезать коммуникации между Италией и Африкой и перенести военные действия в район, вплотную примыкающий к Апеннинскому полуострову. Однако, хотя подобная операция могла бы оказать решающее влияние на исход кампании, она была маловероятной из-за того, что корабли и суда, которые участвовали бы в высадке, подверглись бы слишком большому риску.

Высадка на Сардинии и Корсике дала бы противнику серьезные преимущества, обеспечив ему плацдарм для последующей высадки в Италии или на юге Франции. Захват войсками альянса этих островов привел бы также к тому, что Италия оказалась бы в зоне действия авиации противника.

Однако с учетом всех обстоятельств мне показалось, что подобные действия были уж слишком амбициозными в стратегическом плане, и потому я счел их маловероятными.

Южная часть Франции также представляла собой соблазнительное место для десантной операции, однако, несмотря на свою многочисленность, флот вторжения был слишком слабым для проведения независимой акции такого масштаба.

Основываясь на приведенных выше расчетах, я приступил к принятию необходимых контрмер. Главнокомандующий люфтваффе отдал распоряжение о безотлагательном выделении запрошенных мной подкреплений для 2-го воздушного флота, среди которых было несколько эскадрилий, имевших опыт боевых действий в районах, находящихся на большом удалении от Германии. Военно-воздушные базы на Сицилии и Сардинии были реконструированы, укреплены и обеспечены всем необходимым. Аналогичные мероприятия были проведены в Гроссетто, где традиционно располагалась база бомбардировщиков-торпедоносцев. Были разработаны планы взаимодействия с германскими дивизиями ВВС на юге Франции, а также установлена необходимая связь с итальянскими ВВС, хотя, к сожалению, итальянцы могли помочь нам лишь небольшим количеством бомбардировщиков-торпедоносцев. Мы активизировали деятельность наземной и воздушной разведки. Немецкие подводные лодки заняли позиции, с которых они могли атаковать крупные конвои, входящие в Средиземное море. С итальянскими ВМС был согласован план действий на тот случай, если флот альянса все же внезапно появится вблизи побережья Италии.

Затем я потребовал от Верховного главнокомандования отдать приказ об отправке хотя бы одной дивизии на Сицилию, где ее следовало держать наготове либо для переброски в Тунис, либо для оказания сопротивления в случае высадки противника на самой Сицилии, береговая оборона которой находилась в невероятно запущенном состоянии. Однако мне было отказано. Для того чтобы на крайний случай я располагал хоть чем-то, кроме местного батальона, в мое распоряжение предоставили усиленный парашютно-десантный батальон, находящийся в полной боевой готовности. Я провел подробную инспекцию итальянской системы обороны на острове и в самой Италии. То, что я там увидел, открыло мне глаза, и я вызвал из Германии саперные и инженерно-строительные части.

За день до высадки противника в Северной Африке я пообщался с Герингом. Будучи выразителем мнения фюрера – я,

кстати, понятия не имел, что Гитлер в то время находился в Берхтесгадене, – Геринг заявил мне, что моя оценка ситуации совершенно неверна, что в ставке фюрера полностью убеждены в том, что атака последует на юге Франции, и что я обязан проследить за тем, чтобы весь воздушный флот мог быть отправлен в бой для противодействия противнику.

Мои части и соединения в самом деле занимали весьма удобные позиции для того, чтобы нанести по противнику удар в тот момент, когда его корабли и суда будут еще в открытом море. В качестве следующего шага нужно было отправить на Корсику, в Центральную и Северную Италию наземный обслуживающий персонал, техников, инженеров и запасы всего необходимого. Это надо было сделать с помощью транспортных самолетов. Однако в целом я не верил в операцию противника во Франции.

Наши агенты и экипажи подводных лодок продолжали сообщать о том, что флот вторжения отбыл из Гибралтара и прошел пролив. Нам были точно известны его численность, состав и прочие детали – в частности, то, что его корабли везут самолеты-разведчики с большим радиусом действия. Дальнейшие сообщения подтвердили, что корабли и суда противника следуют в восточном направлении – следовательно, Францию и Италию как вероятные места высадки войск альянса можно было исключить.

Роммель к этому времени уже вовсю отступал. За исключением нескольких отдельных итальянских постов и гарнизонов, боевых частей в Триполитании не было. Трудности со снабжением «существенно усугубились, и было очевидно, что при сохранении взятых темпов отступления значительные запасы военного имущества придется списывать как утраченные. В Тунисе ни немцы, ни итальянцы не предприняли никаких приготовлений к тому, чтобы встретить противника, а ввиду взаимной ненависти, которую испытывали друг к другу французы и итальянцы, можно было сказать наверняка, что любые меры по подготовке к возможным боям столкнулись бы с упорным сопротивлением. Для командующего Южным фронтом французские колонии являлись табу. Существовало запрещение входить во все их порты, запасы военного имущества нельзя было направлять через порты Тунис и Бизерта, и, разумеется, о переброске немецкого гарнизона в порт Тунис для его защиты от внезапного нападения не могло быть и речи. Хотя все это можно было понять, поскольку здесь была замешана большая политика, у меня совершенно не укладывалось в голове, как можно было отказать мне в проведении сугубо военного мероприятия – отправки хотя бы одной дивизии на Сицилию. Предприняв лишь

ограниченные меры по укреплению нашей ударной мощи в воздухе, нельзя было ни предотвратить высадку противника в районах, находящихся за пределами радиуса действия наших ВВС, ни остановить или уничтожить высадившиеся вражеские войска без помощи парашютно-десантных сил или поддержки сухопутных войск.

Я никогда не мог отчетливо понять логику Гитлера и оперативного отдела штаба вермахта. Их фундаментальная ошибка состояла в том, что они совершенно неправильно оценивали значение Средиземноморского театра военных действий. Они не понимали или не хотели понимать, что с конца 1941 года колониальная война приобрела совершенно иной аспект и что Африка превратилась в театр военных действий, где зрели решения, жизненно важные для Европы.

Второй их ошибкой была неспособность верно угадать цель вторжения войск альянса. Возможно, Гитлер думал, что эта операция противника не создаст непосредственной угрозы Европейскому театру военных действий и потому для противодействия ей не потребуется серьезных усилий. Я не верю, что он хотел отдать инициативу итальянцам. Скорее я склоняюсь к мысли о том, что он доверял французам.

Если бы вторжению альянса не противостояли свежие германские войска, это означало бы полную потерю германо-итальянской группировки в Африке. Не было бы никакой надежды вызволить ее оттуда, если бы ей нечем было остановить совместные действия британской 8-й армии и группировки вторжения, располагающих мощной поддержкой с воздуха и полным превосходством на море. В результате нам пришлось бы отдать всю Триполитанию, позволить противнику без боя занять французские колонии; дислоцированные там наши войска были бы вынуждены капитулировать без сопротивления. Противник получил бы в свое распоряжение идеальный плацдарм для будущей высадки на Сицилии и в Италии в начале 1943 года, которая вполне могла привести к тому, что Италия перестала бы существовать как наш союзник по Оси.

Напрашивался вывод, что необходимо сделать все возможное, чтобы оттянуть вторжение, которое в перспективе могло решить исход войны. Поскольку ставка Верховного главнокомандования и итальянское Верховное командование не предприняли никаких подготовительных мер, необходимо было быстро осуществить ряд шагов по преодолению наметившегося кризиса, одновременно думая о выработке окончательного плана действий. Больше всего меня заботил вопрос о том, как оттянуть высадку альянса и его продвижение вперед, захватив порты и аэродромы между портами

Алжир и Тунис, а также защитить сам порт Тунис. Не менее важно было создать плацдарм для прикрытия Бизерты и города Тунис, где решающим могло оказаться поведение французских войск и бея. Кроме того, нужно было приложить все усилия для создания надежной базы снабжения войск.

На мой взгляд, британское наступление в Египте позволило мне достаточно хорошо понять стратегию Монтгомери. Если говорить коротко, он был весьма осторожен и методичен, что для отступающего Роммеля имело свои плюсы – он располагал возможностью быстро и достаточно далеко отрываться от противника, выигрывая время для выработки более или менее стройного плана действий.

В то же время следовало помнить о том, что даже армия, одержавшая победу, не может непрерывно преследовать противника на протяжении тысяч километров; чем многочисленнее и мощнее эта армия, тем труднее обеспечивать ее всем необходимым. Предшествующие операции преследования, проводившиеся британцами, провалились именно по этой причине. С помощью неторопливого отступления, уклоняясь от столкновений, их можно было надолго лишить возможности пользоваться портовыми сооружениями Тобрука, Бенгази и Триполи. К тому же у британцев не было хорошо организованной системы снабжения с помощью транспортной авиации. Тактическая поддержка, которую могли оказывать их войскам Королевские ВВС, действуя на малых высотах, также была ограниченной. Если бы Монтгомери решил продолжить двигаться вперед сравнительно небольшими силами или с помощью мобильных войск преследования, идя по центру или заходя во фланг, действия этих войск можно было бы отбить, выиграв время для отступления нашей основной группировки.

Это была нелегкая задача, но Роммелю она была по плечу. Несмотря на все трудности, он выполнил бы ее, если бы в глубине души не противился самой этой идее. Он хотел вернуться обратно в порт Тунис, а если представится возможность, то пойти еще дальше. Он выдавал желаемое за действительное, и это было слабым местом в его стратегическом мышлении.

Разумеется, группировка вторжения под командованием Эйзенхауэра была наилучшим образом вооружена и оснащена; его войскам не терпелось начать действовать, но у них не было боевого опыта. Поскольку британская 8-я армия находилась далеко, некому было оказать им поддержку. На сложной пустынной и гористой местности с таким противником вполне могли бы потягаться даже не обладающие большим опытом, не привыкшие к африканскому климату германские части, но их

следовало быстро и в достаточном количестве перебросить к месту боевых действий.

В нашей оценке возможностей группировки вторжения мы, союзники по Оси, придерживались одного мнения. Однако в том, что касалось, стратегии боевых действий в Африке, мнения расходились. На Роммеля не действовали ни аргументы, ни приказы. Цель, которую он перед собой ставил, лучше всего сформулировать его собственными словами; он считал, что его единственной задачей – в начале 1942 года – является «не допустить ликвидации его армии». Это привело, как я прочел в исследовании, проведенном офицерами танковой армии Роммеля, к тому, что «отступление разбитой танковой армии от Эль-Аламейна до Брега рассматривалось – если не считать действий арьергарда – как „марш“ в условиях небольшого давления наземных и военно-воздушных сил противника, проводимый до прибытия подкреплений из тыловых районов».

Здесь я не стану выражать свое мнение по поводу того, следовало ли рассматривать независимое поведение Роммеля как политическое трюкачество или же как «губительное нарушение субординации». Могу сказать только одно – то, что командование оставили в руках Роммеля, конечно же было ошибкой. При нем в руководстве нашими войсками всегда чувствовалась некая дисгармония, от которой невозможно было избавиться и которая сказывалась на ходе боевых действий. Основной стратегический план, а также политические и тактические соображения не позволяли итальянскому и германскому Верховному командованию понять и принять его взгляды. К тому же распределение полномочий в руководстве войсками было таким, что не позволяло облегчить ситуацию. Я отвечал перед ставкой Верховного главнокомандования исключительно за осуществление операций против группировки вторжения, в то время все остальные, не задействованные в этих операциях сухопутные и военно-морские силы подчинялись итальянскому Верховному командованию. Я добросовестно информировал обо всем происходящем графа Кавальеро и дуче, и ни одно решение, касающееся Африканского театра военных действий, не принималось без консультаций со мной. Но в любом случае существовавшая схема руководства была далека от идеальной – мне постоянно приходилось действовать, выбирая из двух зол меньшее.

Северная Африка, ноябрь 1942-го – январь 1943 года

Боевые действия начались с воздушных ударов по кораблям вражеской группировки вторжения. Хотя эти удары осуществлялись с максимально далеко выдвинутых на запад аэродромов, то есть с Сардинии и с Сицилии, боевые вылеты совершались на пределе радиуса действия боевых машин. Результаты их, несмотря на отчаянную храбрость наших летчиков, оказались менее значительными, чем мы ожидали.

Что касается самого процесса высадки войск противника, то, согласно сведениям, имевшимся в моем распоряжении, она не встретила явно обозначенного сопротивления французов. 11 и 12 ноября порты и аэродромы в Бужи и Боне уже были в руках противника.

Только утром 9 ноября Гитлер, возбужденный транслировавшимся по радио выступлением адмирала Дарлана, лично переговорил со мной по телефону и предоставил мне полную свободу действий в Тунисе – правда, позже он ограничил эту свободу, запретив мне самому отправиться туда. Мои весьма скромные требования, связанные с осуществлением первоочередных мер, были отклонены из-за вмешательства оперативного отдела штаба вермахта, который как раз в тот момент был сделан независимым от Гитлера. Все мероприятия пришлось притормозить в ожидании согласия Петена на интервенцию в Тунис.

Оккупация страны была начата силами парашютно-десантного «полка неполного состава и моего штабного батальона, действовавших при поддержке истребителей и „штукасов“. Дипломатические переговоры были закончены полковником Харлингаузеном и генералом Лерцером 9 ноября. Ожидалось, что переговоры с французским резидент-генералом, адмиралом Эстева, приведут к тому, что французские сухопутные и военно-морские силы присоединятся к нам или хотя бы будут сохранять нейтралитет.

Переговоры начались хорошо, да и отношения между французскими и германскими войсками были прекрасными. Наши парашютисты отправлялись на патрулирование на французских броневиках. Однако ситуация совершенно неожиданно изменилась, когда эскадрилья итальянских истребителей в нарушение всех договоренностей и без моего ведома приземлилась неподалеку от порта Тунис. Друзья моментально превратились во врагов. После моего вмешательства Кавальеро немедленно отозвал эскадрилью на Сардинию, но это ничего не изменило. Я уверен, что, если бы не этот инцидент, пришедший несколько позднее приказ Петена, суть которого сводилась к тому, что французским колониальным войскам

следует выступить на нашей стороне, был бы выполнен. Но, поскольку этого не случилось, мне надо было принимать какое-то решение в отношении дивизий, находившихся под командованием генерала Барре. Намерения этого господина были настолько неясными, что я не мог позволить себе продолжать тратить драгоценное время. После того как энергичные усилия нашего консула Мюльхаузена, направленные на то, чтобы перетянуть хитрого генерала на нашу сторону, не дали никакого результата, мне пришлось покончить со сложившейся недопустимой ситуацией, отправив «штукасы» нанести удар по французским дивизиям. На войне не имеет смысла пытаться договариваться с ненадежными союзниками.

Вопреки всем ожиданиям, силами германской дивизии неполного состава, действовавшей при поддержке зенитчиков, нам удалось создать небольшой плацдарм. 15 ноября командование в Тунисе принял на себя генерал Неринг. В его контактах с французским адмиралом Деррьеном ему оказывали неоценимую помощь доктор Ран, позже занявший пост посла в Италии, и его коллега Мюльхаузен, а также адмирал Меендсен-Болькен. Неринг столкнулся с задачей невероятной сложности, но в то же время чрезвычайно интересной для молодого генерала. Его назначение было расценено как свидетельство моего безграничного и необоснованного оптимизма. Мне никогда не приходило в голову преуменьшать возможности противника, хотя, признаюсь, в данном случае я действительно продемонстрировал явно оптимистический настрой. Но оптимизм – это одно, а недооценка противника – совсем другое. В качестве примера приведу случай, который в послевоенный период много раз совершенно неверно комментировался в прессе: я имею в виду внезапное нападение шестидесяти бронемашин противника на аэродром в Джедерде, где находились «штукасы», 26 ноября 1942 года. Неринг, находившийся в состоянии вполне понятного возбуждения, позвонил мне и в разговоре сделал самые мрачные выводы из этого рейда. Я, не пожелав разделить его худшие опасения, посоветовал ему успокоиться и сказал, что приеду на следующий день.

Итак, основная часть вражеской группировки вторжения высадилась на берег и преодолела незначительное сопротивление французской обороны. Теперь альянсу требовалось некоторое время для того, чтобы сгруппировать свои войска и договориться с французами. В то же время противник не хотел, чтобы вокруг высадки поднимался слишком большой шум, и старался не терять времени. Отношение к войскам противника со стороны тунисских французов и арабов следовало считать настороженным и даже

враждебным – по крайней мере потенциально. В то же время противник, зная о том, что германские войска в целом сильно ослаблены, наверняка испытывал искушение предпринять внезапный рейд на порт Тунис. Однако существовала одна неясность – она была связана с характером местности и способностью техники по ней передвигаться. Противнику предстояло совершить 800-километровый марш по территории неизвестной, опасной, гористой страны. Даже если бы железные дороги оказались в удовлетворительном состоянии, они не были рассчитаны на перевозку крупных войсковых группировок, не говоря уже о том, что они проходили в зоне действия германских пикирующих бомбардировщиков. В общем, ситуация складывалась так, что мы не слишком опасались немедленного проведения противником крупной войсковой операции, но по вполне понятным причинам ожидали от него разведывательных вылазок и рейдов.

Эти и многие другие соображения привели меня к осознанию того, что в сложившихся исключительных обстоятельствах нашу небольшую группировку должны возглавить представители сухопутных войск. Высказанная мной соответствующая просьба была удовлетворена в начале декабря 1942 года, когда прибыл генерал фон Арним, возглавивший 5-ю танковую армию. Гитлер прикомандировал к фон Арниму молодого генерала Зиглера, который, исполняя роль своеобразного «министра без портфеля», должен был стать для своего усталого и измотанного начальника другом и советником, а также, в случае необходимости, толковым заместителем. Эффективность этого кадрового решения зависела от взаимопонимания между двумя генералами, и их союз выдержал экзамен.

***

Тем временем Роммель продолжал отступать, бомбардируя меня невыполнимыми требованиями о предоставлении ему подкреплений, которые я не мог удовлетворить даже частично. Наши старые тыловые коммуникации оказались перерезанными, на территории Туниса они еще не были налажены, а использовать для этого имевшиеся в моем распоряжении части транспортной авиации было бы недальновидно. Мальта, которая все еще находилась в руках британцев, бросала тень на все вокруг. Из поступающих донесений становилось все более очевидно, что даже там, где можно было бы организовать успешное сопротивление, войска под командованием Роммеля

отказывались от боя. В своих докладах итальянскому Верховному командованию маршал Бастико без колебаний называл вещи своими именами. Кавальеро и мне было совершенно ясно, что, если этот «марафон» обратно в порт Тунис будет продолжаться, от итальянских дивизий скоро ничего не останется, порты Бенгази и Триполи попадут в руки британцев, причем в таком состоянии, что их можно будет немедленно начать использовать, а боевой дух измотанных германских войск серьезно пострадает. Использовать для восстановления равновесия «линию Марета» (оборонительную позицию далеко на юге, на тунисской границе) мы не могли, поскольку работы по ее укреплению были еще далеки от завершения.

Между тем нестабильные отношения между Бастико и Роммелем грозили перерасти в открытую вражду. Кавальеро попытался урегулировать этот вопрос на совещании в Арко-Филене в конце ноября 1942 года. Там антагонизм удалось смягчить, но не устранить. Кавальеро изложил точку зрения итальянской стороны, состоявшую в том, что в пределах имеющихся возможностей Триполитанию следует защищать и что нельзя предъявлять чрезмерные требования к стойкости итальянских пехотных дивизий. Эти два условия являлись принципиально важными для создания укрепленной оборонительной линии на южной границе Туниса, где в лихорадочном темпе велись соответствующие работы, и вскоре появилась возможность отправлять через тунисскую территорию больший объем грузов, предназначавшихся для войск Оси.

К концу ноября вражеская группировка вторжения постепенно начала продвигаться вперед. 25 ноября первая, не слишком большой численности, колонна американских войск вышла к Меджес-эль-Баб. Тем временем прибытие в район боевых действий германских и итальянских подкреплений, состоявших из сухопутных и военно-воздушных частей, привело к стабилизации положения на фронте. Переброска эскадрильи истребителей и небольшого количества пехоты в Габес открыла маршрут для снабжения войск Роммеля в Триполитании. Восьмидесяти англо-американо-французским дивизиям противостояли пять дивизий держав Оси, причем около половины от их общей численности составляли итальянцы. Части зенитной артиллерии были сведены в отдельную дивизию под командованием генерала Нейфера. Частями и подразделениями пикирующих бомбардировщиков, истребителей и самолетов-разведчиков, которых было достаточно для решения стоящих перед нашими войсками непосредственных тактических задач, командовал генерал Кош, в прошлом австрийский пилот.

Протяженность Западного фронта составляла более 400 километров. Хотя казалось, что о том, чтобы удержать его столь ограниченными силами и средствами, не могло быть и речи (особенно не хватало артиллерии – поначалу у нас едва-едва набиралось 100 орудий), я все же надеялся не только удержать его, но и продвинуться достаточно далеко вперед, используя партизанские методы ведения боевых действий. Тем самым мы ушли бы из опасного положения, при котором противник мог, проведя успешную наступательную операцию, отбросить нас к морю. Характер местности благоприятствовал моему замыслу – негустая сеть шоссейных и железных дорог имелась лишь в северной трети Западного фронта. В серединной трети местность осложняла маневры противника. Кроме того, этот участок отделяла от прибрежной равнины гряда холмов всего с несколькими проходами между ними, что позволяло занять там выгодную оборонительную позицию. Подходы к южной трети затрудняла пустыня. Я исходил из того, что, не обладая опытом ведения боевых действий в пустынной местности, необстрелянные войска альянса не станут сразу же пытаться быстро продвинуться на большое расстояние. Фронт, обращенный к югу, был выделен для армии Роммеля, и его я не учитывал в своих расчетах, поскольку в тот момент на этом направлении не существовало никакой угрозы. В центральном секторе в качестве охранного гарнизона вполне хватало итальянских дивизий, хотя было ясно, что, если противник прорвется, туда придется перебрасывать немецкие войска. Мой план состоял в том, чтобы, постоянно атакуя противника на разных участках в северном и серединном секторах с использованием разного количества сил и средств, ввести его в заблуждение относительно нашей численности и возможностей, не дать ему почувствовать нашу слабость и затруднить ему процесс концентрации сил для решительного наступления.

Таким образом, 5-я танковая армия под командованием генерала фон Арнима должна была занять основную линию обороны, которая проходила приблизительно по рубежу Аброд – Бежа – Тибурсук и далее вдоль Силианы в направлении линии Сбейтла – Гафса. В качестве отдаленной цели я наметил рубеж Бона-Сук и далее Арас – Тебесса – Фериана – Гафса – Кебили. Это была первая позиция, которая могла позволить нам начать контрнаступление. Она находилась приблизительно в 240 километрах от побережья. Позиция была удачной с точки зрения рельефа и других особенностей местности, давала возможность быстро построить укрепления и имела полезные коммуникации, которых противник был лишен во всех южных районах (впрочем,

в этом смысле и на севере районы, занимаемые войсками Оси, были куда более удобными, чем те, которые находились под контролем противника). Насколько упростилась бы наша задача, если бы мы располагали хотя бы одной немецкой дивизией в момент начала вторжения альянса или если бы французы не проявили свой гонор! Имея вдвое меньше сил и средств, мы могли бы добиться вдвое или даже вчетверо больших результатов.

По прошествии первых нескольких недель стремительное продвижение британцев, преследовавших наши войска в Триполитании, замедлилось. Наступлению Монтгомери помешали проливные дожди в Египте, и, когда в конце ноября 1942 года Роммель дошел до горловины в районе Эль-Агейла, наша Африканская армия оказалась вне непосредственной опасности. Безводная пустыня Сирта и надежная линия укреплений в районе Буэра, за которую можно было зацепиться, позволяли взглянуть в будущее с несколько большим оптимизмом. В том, что в войсках люди думают именно так, я имел возможность лично убедиться, слетав туда незадолго до Рождества и еще раз перед наступлением Нового, 1943 года. Я не заметил у солдат ни малейших признаков подавленности – только отвращение по поводу того, что им не давали возможности сражаться так, как они это умели, а также отчаянную и вполне естественную тоску по нормальному снабжению.

15 января нами была отбита вражеская атака на позиции в районе Буэра, в то время как в районе Зем-Зема наша Африканская армия избежала контакта с войсками альянса, двигающимися с юга и пытающимися соединиться с другой группировкой противника. Тот же тактический прием применялся нашими войсками снова и снова до момента взятия противником Триполи. Приведу всего один пример: с 16 по 22 января, то есть за семь дней, наши отступающие части и соединения покрыли расстояние в 350 километров, то есть проходили в среднем по 50 километров в день (иными словами, двигались со скоростью летящей вороны). Не надо обладать подготовкой офицера Генерального штаба, чтобы догадаться, что при таких темпах движения о боях нечего было и думать. Совещание, проведенное 24 ноября 1942 года,, явно не дало никаких практических результатов. Могу прямо сказать, что Кавальеро и я были против вступления в крупномасштабное сражение, которое могло бы привести к уничтожению африканской группировки или значительной ее части. Однако мы оба были убеждены в том, что возможности для контратак, преследующих реальные, достижимые цели, следовало использовать в полной мере. Боевой

дух у наших частей присутствовал. При наличии умелого руководства войсками даже того, увы, тоненького ручейка тылового снабжения, которым мы располагали, хватило бы для решения этой ограниченной задачи. Мы везде были вынуждены вести «войну бедных». Оставалось лишь удивляться, как здорово это удавалось Роммелю в 1941 году.

После ухода из Триполи, где мы были вынуждены оставить много ценного военного имущества, битва за итальянские колонии фактически закончилась. В результате итальянцы стали действовать с еще большей неохотой, чем до этого. Тем не менее, принятое Роммелем 25 января решение отправить на Южный тунисский фронт три дивизии, сформированные в результате реорганизации семи итальянских дивизий, было естественным, и его одобрили итальянское Верховное командование и командующий Южным фронтом.

В отличие от действий Роммеля стратегия штаба 5-й танковой армии под командованием фон Арнима в первые месяцы полностью соответствовала ситуации. Если бы вместо итальянских войск у нас имелось в наличии больше сильных немецких частей, цель, состоявшая в продвижении линии фронта вперед вплоть до алжирской границы, была бы достигнута. Тем не менее, удары, один за другим наносившиеся по противнику 5-й танковой армией силами 10-й танковой дивизии, ведомой ее прославленным командиром – генералом Мюллером, медленно, но верно продвигали Западный фронт вперед. При этом немецкие солдаты снова и снова демонстрировали свои высокие боевые качества. На правом фланге Тунисского фронта, хотя он и был ослаблен в результате отвода оттуда наших ударных сил, действовали германские части, поэтому противник так и не проверил его на прочность. Все атаки войск альянса направлялись исключительно на позиции, которые удерживали итальянцы.

В то время как нанесение ударов по позициям итальянцев неизменно приводило к оставлению ими защищаемых рубежей, а иногда и к прорыву противника на значительных участках фронта, контратаки немецких войск бывали успешными – к примеру, 25 января 1943 года в результате такой операции мы захватили 4000 пленных. Однако это не могло скрыть того факта, что над нашим планом атакующих действий, несмотря на методичное его выполнение, нависла серьезная угроза. Нельзя было не принять во внимание происшедшее в конце месяца стремительное выдвижение войск альянса из района Фаида в направлении Сфакса. Оно свидетельствовало о начале наступления, которое вполне могло бы решить судьбу Туниса, если бы в американском командовании нашлись достаточно

волевые офицеры, а американские войска проявили бы боевые качества, необходимые для того, чтобы найти выход из весьма запутанной ситуации и одержать верх. Однако этого не произошло, и упомянутый эффектный тактический маневр привел лишь к увеличению протяженности линии фронта и распылению сил противника. Если бы германское командование не сумело воспользоваться этим временным преимуществом, это означало бы, что оно состоит из дилетантов.

Немецкие летчики все еще контролировали воздушное пространство над Тунисом, и их атаки с малых высот нередко имели самые плачевные последствия для необстрелянных американских войск. Да и вообще стратегия люфтваффе в Западном Средиземноморье была небезуспешной. Однако наша авиация была слишком малочисленной в отношении к размерам территории, на которой разворачивались боевые действия. В ситуации, когда каждый день многое решал, Верховное командование вермахта уделяло слишком мало внимания фактору времени. Это заставило меня вылететь в ставку фюрера.

В разговоре с Герингом я сделал особый упор на необходимость увеличения поставок горючего, более мощного вооружения для самолетов, более эффективных действий легкой (калибра до 5 сантиметров) и тяжелой зенитной артиллерии, большего количества дециметровых радаров и радаров Фрейа, а также поисковых радаров для самолетов глубокой разведки.

В ставке фюрера я обрисовал ситуацию так, как я ее видел, указав, что возможность перетащить французов на нашу сторону была упущена, а наступать германские войска не могли по причине нехватки сил и средств.

«Мы добились успеха, – сказал я, – в решении невыполнимой задачи по созданию плацдарма и продвижению вперед линии фронта, которую, при том что на ней нельзя остановить крупное наступление противника, можно стабилизировать. Для этого потребуются свежие подкрепления. Две или три итальянские дивизии, имеющиеся в нашем распоряжении, практически в счет не идут. На фронте длиной более 400 километров безнадежно пытаться продвинуться к рубежам, на которых мы могли бы закрепиться, располагая лишь тремя с половиной немецкими дивизиями, которые включают в себя всего одну танковую – 10-ю, а также всего-навсего сотней орудий. Пока еще у нас есть время, но скоро оно истечет. Как только установится хорошая погода, Эйзенхауэр попытается захватить инициативу и начать наступление. Будучи атакующей стороной, именно он будет выбирать время и место для боя. Это даст ему возможность, перебросив части с второстепенных участков фронта, собрать в

кулак такое количество сил и средств, которое обеспечит ему успех, поскольку мы не сможем вовремя сконцентрировать количество войск, нужных для отражения атаки.

5-я танковая армия еще не взяла под свой контроль ключевые пункты, которые гарантировали бы нам удержание Туниса в наших руках в случае, если дела будут складываться для нас неудачно. Для этого также чрезвычайно нужны подкрепления.

Мы работаем, как бобры, укрепляя «линию Марета» и позиции на ее флангах, но эти работы могут быть закончены не раньше чем через шесть – восемь недель. Уже по одной этой причине я считаю быстрое отступление германо-итальянских войск под командованием Ромме-ля недопустимым. В то же время я полагаю принципиально важным не допустить соединения британской 8-й армии с группировкой вторжения, а также не дать командованиям ВВС двух этих группировок противника проводить скоординированные операции в воздухе над тем сравнительно небольшим районом Туниса, где находятся укрепления. В противном случае ход погрузочно-разгрузочных работ в портах Тунис и Бизерта, которому до сих пор ничто не мешало, окажется нарушенным.

Нашей стратегической целью должно быть недопущение соединения группировок противника, нанесение ударов по ним и одержание победы поочередно над каждой из них в результате действий из районов, находящихся между ними. Я против немедленного отвода армии Роммеля, поскольку это противоречило бы основному плану действий по обороне Туниса, но выступаю за выведение из боя и переброску на запад определенных ее частей – при условии, что Роммель не воспользуется этим в качестве предлога для еще большего ослабления сопротивления и еще более быстрого отступления. Должен со всей прямотой заявить, что после Эль-Аламейна он не оказывал противнику того стойкого и решительного сопротивления, которое я, зная его, вправе был от него ожидать».

Продолжая свое выступление, я объяснил, что, учитывая темпы работ по строительству укреплений в приграничной зоне, наши бронетанковые части не должны отходить за тунисскую границу ранее начала или середины февраля. Далее я отметил необходимость введения новой системы командования и управления войсками – в частности, создания общего командования группировки, на пост главы которого рекомендовал назначить Роммеля, и верховного командования группировки, руководство которым, на мой взгляд, по соображениям престижа следовало предложить итальянцам. Эта система должна была быть готова к действию к началу февраля. В

довершение всего я попросил предоставить мне две-три дивизии, несколько артиллерийских и минометных батарей и значительное количество огнеметных и противотанковых батальонов. Свое выступление я закончил требованием укрепить систему тыловых коммуникаций, чтобы улучшить снабжение войск всем необходимым.

Стратегический план был одобрен, и мне было твердо обещано, что подкрепления вскоре прибудут. Предложение Роммеля использовать две моторизованные дивизии из состава его группировки я воспринял как его попытку создать предлог для увеличения темпа отступления и в итоге его отклонил. В конце концов мы сошлись на том, что он выделит мне одну дивизию, приняв все меры для того, чтобы это не нанесло никакого ущерба действиям его войск. Что касается заверений и обещаний Гитлера на этот счет, то о них со временем забыли, сочтя, по всей видимости, что подачки в виде одной-единственной дивизии Роммеля будет достаточно для того, чтобы я успокоился. Я прекрасно понимал все трудности, с которыми сталкивалось Верховное командование, и уверен, что в моем отношении к его представителям не было ни панибратства, ни высокомерия. Но человек, который командует войсками, действующими на целом театре военных действий, должен твердо стоять ногами на земле, поскольку в противном случае его будет легко опрокинуть. Во время моих личных бесед с Гитлером он лишь в редких случаях отказывался от своих обещаний, но, как только я исчезал из поля его зрения, его интерес к Средиземноморскому театру военных действий угасал. Для него Средиземноморье казалось слишком далеким. Впрочем, так же думали многие компетентные люди, а для некоторых из них оно вообще не существовало.

Тунис, февраль-май 1943 года

Характерной чертой февральских боев на подступах к «линии Марета» было то, что наши оборонительные действия осуществлялись не с переднего края, а из глубины оборонительных порядков. Мы очень активно использовали артиллерию и «штукасы», но то, что бои в указанном районе, непосредственно прикрывающем тунисскую крепость, продолжались в течение всего февраля, – заслуга главным образом 15-й танковой дивизии, действовавшей в арьергарде. Когда 20 февраля британская 8-я армия вышла к «линии Марета», германо-итальянские войска были зажаты в некоем подобии

просторной цитадели. Прибывшие морем и по воздуху подкрепления нисколько не изменили эту ситуацию.

Окончательное соединение двух группировок альянса еще не произошло. Не наблюдалось также никаких признаков координации их действий в воздухе. С другой стороны, противник явно активизировал операции против нашего морского и воздушного транспорта. Им были нанесены первые авиаудары по нашим портам с применением четырехмоторных бомбардировщиков, действовавших с высоты в 10 тысяч метров и более, что означало переход к новой фазе войны в воздухе. С этого момента нам постоянно приходилось ломать голову над тем, как отразить вражеские авиарейды с помощью истребителей и зенитной артиллерии.

С октября 1942 года британская 8-я армия прошла половину Северной Африки – около 2500 километров. Худшие зимние месяцы ее войска провели на марше в пустыне, где были вынуждены преодолевать всевозможные трудности и лишения. Из-за недостаточного количества дорог они не могли двигаться параллельными курсами, и потому походные порядки частей и соединений армии оказались сильно растянутыми. Следовательно, были основания полагать, что на ее участке фронта в течение по меньшей мере нескольких недель будет царить затишье.

На Западном фронте стратегическая концентрация войск вторжения значительно продвинулась и шла полным ходом. В этом плане Эйзенхауэр опережал Монтгомери, но в том, что касалось боевой мощи, оценивать две группировки следовало наоборот. Это неизбежно приводило к мысли о том, чтобы атаковать противников по очереди, начав с запада, и за счет нанесения серии ударов оттянуть момент наступления войск альянса по крайней мере на несколько недель или даже месяцев. Чтобы достигнуть этой цели, необходимо было нанести противнику настолько тяжелый урон в живой силе и технике, чтобы у него возникла необходимость в подкреплениях, которые пришлось бы перебрасывать издалека. Дерзкий удар по противнику, который нарушил бы весь ход его приготовлений к наступательной операции, сулил наибольший успех, хотя подходящий момент для того, чтобы перехватить инициативу у 8-й армии, еще не наступил. В то время как на Южном фронте все еще сохранялась возможность без особого риска избегать столкновений с войсками противника, наша задача на Западном фронте, помимо нанесения силам альянса максимально возможных потерь, состояла в том, чтобы продвинуть линию фронта вперед на том участке, на котором мы были бы в

наибольшей степени гарантированы от неизбежных в любой войне неприятных случайностей и который легче всего было бы оборонять. Рассчитывать на успех в неизбежных лобовых столкновениях мы могли только в том случае, если бы нам удалось сковать передовые части противника и использовать все возможности для улучшения собственных тактических позиций. Больших результатов можно было ожидать в случае захода противнику во фланг. Местность в центральной части фронта (Сбейтла, Кассерин) была вполне удобной для такого рода маневра и давала нам следующие преимущества.

Бросок в северо-западном направлении мог иметь большое стратегическое значение. Ближайшим объектом атаки могла бы стать Тебесса, важный узел шоссейных и железных дорог, средоточие огромных складов самого разнообразного характера. Прорыв в этом районе дал бы возможность провести рейд по коммуникациям противника и тем самым создать опасную ситуацию для его неопытных, необстрелянных войск.

Моторизованные части Роммеля могли бы достичь плацдарма, передвигаясь короткими рывками; благодаря низкой плотности населения в местности, где происходили описываемые события, высокий уровень скрытности маневров был им обеспечен.

Для частей под командованием фон Арнима, действовавших на Западном фронте, расстояния, которые им предстояло покрыть, также не представляли никакой проблемы. Поскольку американский фронт еще не стабилизировался, им было нетрудно совершить маневр, который мог оказаться решающим.

Внезапную решительную атаку нужно проводить, не теряя темпа. Важен был каждый день. Нужно было включить в состав ударной группировки каждого солдата, которого можно было снять с позиций в обороне. Любой возможный прорыв противника на Западном фронте был бы компенсирован успешным рейдом по тылам противника. Операция должна была позволить нам приобрести свободу маневра, необходимую для массированного наступления против войск Монтгомери с участием всех имеющихся в нашем распоряжении сил и средств. Вероятность того, что в критический момент британцы опередят нас, начав наступление на «линию Марета», была невелика, но, если бы наши удары по войскам Эйзенхауэра побудили Монтгомери предпринять атаку раньше, чем мы ожидали, нам пришлось бы срочно перебросить обратно 90-ю легкую дивизию. Любая контратака подобного рода должна была в качестве цели ставить захват плацдарма для наступления Монтгомери и только в случае ее достижения могла считаться успешной – такую

крупную операцию, как наступление на Марет, нельзя было начинать без подготовки. Позиции в районе Марета представляли собой линию естественных укреплений, усиленных блокгаузами и долговременными огневыми точками. При этом даже успешный фронтальный удар по этим укреплениям не мог дать длительного стратегического эффекта, поскольку наступление с «линии Марета», даже приведя к прорыву обороны в районе Акарит, увязло бы в солончаковых болотах Чотт-эль-Джерида. При всей слабости нашего передового рубежа обороны – «линии Марета» – она все же была достаточно прочной для того, чтобы дать возможность в случае необходимости выбить противника с захваченного плацдарма, что и было продемонстрировано, когда британцы в самом деле стали ее штурмовать. Слабым местом этих укреплений было то, что их можно было обойти с правого фланга; но даже это не представляло собой непосредственной опасности, поскольку сама местность затрудняла противнику маневр, и это давало германским войскам вполне достаточно времени для перегруппировки. Обходной маневр британцев невозможно было бы скрыть. В то же время его можно было замедлить с помощью контратак и ударов с воздуха. И наконец, суровая и негостеприимная пустыня, разделявшая две группировки войск альянса, также делала условия благоприятными для оборонительных действий.

Существовало много моментов, мешающих реализации этого простого плана. Система командования и управления войсками не была приспособлена к условиям театра военных действий. Верховное командование вермахта заявило о своем согласии на создание общего командования группировки, но предприняло все меры для того, чтобы все руководство войсками было полностью отдано Роммелю. Несмотря на то что план операции против группировки вторжения альянса был зафиксирован на бумаге и обговорен на словах и при том что не существовало никаких сомнений по поводу шагов, которые следовало предпринять для подготовки к осуществлению наших замыслов, единое ответственное командование так и не было сформировано. К сожалению, в течение двух решающих в этом смысле дней меня не было в ставке фюрера, и потому я не смог вовремя поправить положение. Мой начальник штаба пытался добиться от итальянского Верховного командования обнародования приказа об изменениях в высшем эшелоне командования африканской группировки, которые были предусмотрены договоренностями, но его усилия оказались тщетными. Таким образом, 5-я танковая армия должна была действовать в соответствии с собственным оперативным планом, считая само собой разумеющимся, что

остальные войска будут согласовывать с ним собственные маневры. С другой стороны, Роммель чувствовм, что ему удалось сохранить свободу действий.

Планом предусматривалось, что Роммель, обладавший большим опытом ведения боевых действий в пустыне, нанесет мощный удар по британской 8-й армии одновременно с наступлением других частей наших войск на позиции группировки Эйзенхауэра. 22 февраля 1943 года я имел длительную беседу с Роммелем в его боевом штабе неподалеку от Кассерина и обнаружил, что он находится в подавленном состоянии. Казалось, что он не проникся ощущением важности стоящей перед ним задачи и не очень верил в успех предстоящей операции. Меня особенно поразило его плохо скрываемое стремление как можно Скорее и с как можно меньшими потерями Отойти назад к южным оборонительным рубежам, где с начала февраля войсками командовал маршал Мессе. Явная апатия Роммеля свидетельствовала о его нежелании или неспособности понять значение проводившегося в тот момент рейда в направлении Тебессы. Мой разговор с командующим 5-й танковой армией, которому я приказал встретить меня на аэродроме, понравился мне еще меньше. Он был очень односторонним и в конце концов привел к тому, что я, еще раз оценив ситуацию в моем штабе во Фраскати, отдал войскам, продвигавшимся в направлении Тебессы, приказ отойти назад.

Учитывая упрямство обоих командующих армиями – Роммеля и фон Арнима, – я ввел в действие новую схему командования и управления войсками, надеясь, что таким образом создал наиболее благоприятные предварительные условия для наступления Роммеля против 8-й армии. Я нарочно решил воздержаться от вмешательства в его план операции, чтобы позволить ему почувствовать свою независимость. Из двух вариантов, выработанных к тому времени, Роммель выбрал тот, который предусматривал рейд большими силами по гористой местности. Этот вариант был основой его собственного плана – прикомандированный к штабу 5-й танковой армии генерал Зиглер, заместитель фон Арнима, предлагал атаковать противника поблизости от побережья. У обоих замыслов имелись свои плюсы и минусы. Каждый мог и должен был привести к успеху, если бы осуществлялся толково и был неожиданным для противника.

К сожалению, добиться эффекта неожиданности не удалось. Поняв, что войска Монтгомери готовы отразить его удар, Роммель совершенно обоснованно прекратил наступление. Выяснять, кто в той ситуации был прав, а кто виноват, бесполезно, поскольку

возможность предательства, о которой мне говорили тогда, теперь, судя по тому, о чем мне довелось прочитать после войны, представляется мне вполне реальной. Если все и в самом деле было так, то командующего итальянскими сухопутными войсками Мессе следует считать соучастником предательства адмирала Маугери из военно-морских сил.

Начиная с середины февраля все наши попытки наступательных операций (в том числе в направлении Тебессы и Мединина) не принесли нам успеха, на который мы рассчитывали. О том, что возможность одержать стратегическую победу над противником существовала, говорят огромные трудности, с которыми столкнулась группировка вторжения. Успехи же тактического характера не могли переломить общий ход военных действий. Наступление 1-й германо-итальянской танковой армии на Мединин дорого обошлось скорее партнерам по Оси, нежели противнику, и сделало очевидной слабость нашего командования и боевых частей. Мне стало ясно, что войска Оси утратили инициативу. Было ясно, что группе армий, за действия которой отвечал новый командующий, фон Арним, придется отступить и окончательно перейти к обороне.

В начале марта 1943 года Роммель получил давно заслуженный отпуск и уехал из Туниса. Я с радостью рекомендовал его в кавалеры Рыцарского креста с бриллиантами, но, к сожалению, мои усилия, направленные на то, чтобы заслуги этого доблестного солдата были отмечены высшей итальянской наградой, ни к чему не привели.

Шансы на успешную оборону «тунисской крепости» были не так уж малы при условии, что нам удалось бы не допустить соединения двух группировок альянса и координации действий их авиации. Наш правый фланг удерживали опытные германские войска, занимавшие хорошо укрепленные и оборудованные позиции. Левый фланг нашей обороны также проходил по местности, хорошо укрепленной на большую глубину. Части группировки Оси, расположившиеся в центральной зоне защитных порядков, были гораздо слабее, поскольку на отдельных участках там держали оборону одни итальянцы. Даже при том, что стоявшие там части и соединения, такие, как дивизия «Центауро» и бригада «Империал и», по итальянским меркам представляли собой первоклассные войска, будучи предоставленными сами себе, они были не в состоянии сдержать наступление альянса. Если бы у нас не было в резерве трех германских моторизованных дивизий (10-й, 21-й и 15-й танковой), нам бы ничего не оставалось, как, стараясь избегать прямых столкновений с противником, отступить на заранее

намеченные, но еще не приведенные в должное состояние позиции в районе «линии Энфи-давилля». Это было бы реализацией любимой идеи Роммеля. Преимущества этого маневра были очевидными: длинный фланг, проходящий параллельно линии побережья, был бы сжат, а уменьшение длины защитных рубежей помогло бы нам укрепить оборону, сделав ее глубоко эшелонированной, и тем самым в определенной степени компенсировать слабость наших защитных порядков, прикрывающих порт Тунис.

С точки зрения теории ведения наземных военных действий все это было правильно, но, не вдаваясь в подробности, такие, например, как недостаточная глубина района обороны и угроза обоим внешним флангам со стороны британских военно-морских сил, я подчеркну только решающий негативный фактор – а именно то, что под массированными ударами противника с моря и с воздуха по портам и аэродромам наши тыловые коммуникации и, соответственно, вся наша оборона были бы разрушены в течение нескольких дней. В этом случае противник получил бы полную свободу выбора в решении вопроса о том, что ему делать дальше – атаковать наши обескровленные боевые порядки с прекрасными шансами на успех или же ограничиться их окружением, которое дало бы ему время для того, чтобы подготовиться к вторжению в Италию или в Грецию своими основными силами или даже приступить к этой операции.

То, что альянсу не удалось использовать свой шанс, как и то, что наше собственное вынужденное отступление было проведено без чрезмерных потерь, – все это результат контратак германских войск против группировки вторжения. Благодаря моему рассказу историки поймут, что наши операции в Тунисе были оправданными, хотя они и не привели к решительной победе, которая могла быть достигнута.

Наступление альянса, решившее судьбу сил Оси в Тунисе, началось 20 марта 1943 года с удара британской 8-й армии по «линии Марета». Хотя первоначальный успех британцев в итоге трансформировался в блестящую победу германского оружия в результате контратаки 15-й танковой дивизии, победа эта была достигнута слишком дорогой ценой. Фланговая угроза «линии Марета» с юго-запада и охват противником наших позиций со стороны пустыни и Матматских холмов не встретили своевременного и решительного отпора наших сухопутных сил и люфтваффе – они все еще не могли избавиться от идеи о том, будто пустыня является неподходящей местностью для крупномасштабных передвижений войск, таких, как бросок новозеландцев из Фоум-Хатауина. Мы также узнали, что после их

неудачного фронтального наступления на Мединин дивизии 8-й армии продвинулись дальше к западу через Халлуф. В конце концов нам стало известно и о том, что немецкие передовые отряды не смогли остановить продвижение новозеландцев и что батальоны генерала Манерини при всей их боеспособности оказались не в состоянии противостоять на своих плохо укрепленных позициях между Джебель-Табагой и Джебель-Мелабом ударной группировке современных войск альянса.

Решение о защитных мерах, которые слишком долго не предпринимались нами из-за чрезмерной уверенности в прочности «линии Марета», нужно было принимать раньше и реализовывать его более оперативно. Кроме того, наши действия в воздухе не соответствовали требованиям момента. Когда боевые действия сместились к рубежу Макнасси – Гафса – Эль-Геттар, возник очень неприятный кризис, который потребовал моего немедленного личного вмешательства. В районе Макнасси, например, германо-итальянским войскам удалось выйти из окружения только благодаря военному искусству полковника Ланга. В целом решающим для серединных участков нашей обороны, находившихся на стыке между двумя группировками Оси, стал период с 21 по 27 марта. Он ясно продемонстрировал отсутствие энергии и активности в руководстве нашими войсками. Я достаточно часто просил изменить это положение, но так ничего и не добился.

27 марта нарастающее давление 8-й армии в районе Эль-Хамма, перед которым наши спешно собранные в кулак зенитные части создали вполне надежный противовоздушный барьер, а также все более тревожные события дальше к северу вынудили нас оставить «линию Марета» и отвести войска, действовавшие на Южном фронте, на позиции в районе Чотта. Когда 7 апреля наша оборона в этой зоне рухнула, что произошло удивительно быстро, если учесть, что там у нас были прекрасные, господствующие над местностью позиции (итальянцы вновь продемонстрировали, что на них нельзя было полагаться), стало ясно, что конец Тунисской кампании уже близок. Тем не менее, германские войска, испытывавшие сильное давление в центре и с фланга и беспрерывно атакуемые с воздуха, сумели пройти около 200 километров до «линии Энфидавилля», сохраняя порядок, и тем самым продемонстрировали свою дисциплину и выносливость.

Когда начался наш отход с позиций в районе Чотта, наши возможности для маневра резко сократились. Многочисленные штабы, тыловые службы и тому подобное теперь не столько помогали, сколько мешали продолжать сопротивление. Многие из их представителей пополнили список потерь, что было

неизбежно. Моя очередная просьба эвакуировать часть личного состава была, как и предыдущие, отклонена Гитлером, который опасался, что это нанесет ущерб боевому духу наших войск. Поэтому мне пришлось удовлетвориться эвакуацией из зоны боев нескольких весьма ценных военных специалистов. Почти все авиационные части и суда с малой осадкой тоже были эвакуированы, поскольку их собирались использовать для подготовки к обороне Сицилии. Мне и моим штабным работникам конечно же следовало расширить категорию военнослужащих, подпадающих под действие аналогичного приказа, касавшегося сухопутных сил.

Первые бои за «линию Энфидавилля» начались 16 апреля 1943 года. С помощью контратак 21 и 22 апреля мы добились таких успехов в сдерживании противника, что войска Монтгомери больше не возобновляли наступление в том секторе, где оно было предпринято. Попробовав на прочность разные участки фронта, командование альянса изменило направление главного удара, нацелив его в сектор, который с самого начала был самым важным, поскольку прикрывал прямой выход к порту Тунис. Дивизии Эйзенхауэра с 7 апреля вели бои с целью захвата высоты под названием Лонг-Стоп-Хилл, но лишь 27 апреля она окончательно перешла в руки британской 1-й армии. Надо отдать должное и наступавшим войскам противника, и прежде всего британской 78-й дивизии. Захватив упомянутую высоту, противник получил возможность выйти на оперативный простор тунисской равнины; с 5 по 8 мая четыре с половиной дивизии, тесно взаимодействуя между собой, после артиллерийской подготовки невиданной мощи и ковровых бомбардировок нанесли нам сокрушительный удар. Ширина фронта наступления мощной атакующей группировки была практически равна глубине ее боевых порядков. С правого фланга ее действия прикрывали французские дивизии, а с левого – четыре американские дивизии, которые, приобретя некоторый боевой опыт в предыдущих, не слишком удачных для них стычках, теперь продвигались вперед вдоль побережья в направлении Бизерты.

К 9 мая 1943 года, когда после прорыва противник захватил порт Тунис, лишь отдельные части войск Оси продолжали сопротивление. Последние из них сложили оружие 12 мая. До этого момента я поддерживал радио – и телефонную связь с германским командованием в Тунисе из Рима. Последние донесения армейского генерала фон Верста, который дрался до последнего снаряда, командира зенитчиков Нейфера и маршала авиации Кехи, под руководством которого последняя эскадрилья люфтваффе поднялась в воздух, чтобы дать бой противнику,

свидетельствовали о героизме защитников порта.

Поскольку войска противника все еще сражались на двух разных фронтах, воздушная поддержка со стороны люфтваффе, особенно в отношении 5-й танковой армии, была удовлетворительной. Пилоты наших истребителей на Южном фронте действовали просто блестяще, успешно сбивая самолеты противника. «Штукас» и истребители-бомбардировщики также работали прекрасно – до того момента, когда стало ясно, что они не могут больше противостоять современным пикирующим бомбардировщикам противника, а также его истребителям, превосходившим их в вооружении. После этого их пришлось вывести из боев. Части бомбардировочной авиации 2-й авиагруппы, которые временно перебросили из Италии для противодействия британскому 10-му корпусу, когда он начал маневрировать в пустыне с целью охвата наших войск, а также для нанесения ударов по аэродромам противника, оказались не в состоянии восстановить баланс сил – главным образом потому, что у экипажей, не обученных ведению боевых действий в условиях пустыни, возникли трудности с навигацией и ориентировкой на местности. Поскольку сужение зоны военных действий вынудило нас перебросить большинство авиационных частей из Туниса на Сицилию, количество и эффективность наших боевых вылетов снизились. Противник же, наоборот, получил возможность наносить массированные авиаудары по нашим морским коммуникациям и по портам Тунис и Бизерта с использованием тяжелых бомбардировщиков силами обоих своих воздушных командований, в то время как все его легкие самолеты были задействованы для оказания поддержки с воздуха его сухопутным войскам – и это в условиях почти полного отсутствия в воздухе нашей авиации. Эта картина все время стояла у меня перед глазами, когда я надоедал Верховному командованию вермахта просьбами о подкреплениях и улучшении снабжения войск, а Роммеля и фон Арнима убеждал максимально использовать их якобы недостаточные ресурсы.

Эту главу я закончу кратким резюме.

По моему мнению, все, что произошло в Тунисе, стало результатом изначально неверной стратегии. Как я уже говорил, главная, на мой взгляд, ошибка состояла в полном непонимании важности Африканского и Средиземноморского театров военных действий.

Вторая ошибка состояла в недостаточной защите наших морских транспортных перевозок, что впоследствии привело к развалу системы тыловых коммуникаций.

Третьей нашей проблемой, как мне кажется, были трудности,

связанные с ведением войны в коалиции с союзниками. Было одинаково вредно проявлять как излишнюю уступчивость, так и чрезмерную непримиримость. Когда Кавальеро на посту начальника Генерального штаба сменил генерал Амброзио, до этого занимавший пост командующего сухопутными войсками, положение стало совершенно невыносимым. Доверительные отношения, существовавшие между Кавальеро и мной, сменились прямо противоположными. Перед этим назначением я предупреждал дуче о возможных последствиях, а поскольку мои соображения остались без внимания, попросил освободить меня от моих обязанностей. К сожалению, я уступил уговорам дуче и его заверениям в том, что он будет «верить каждому из нас как брату». Уже тогда я заподозрил – а теперь в этом уже нет сомнения, – что в правящих кругах в Риме в глубокой тайне обсуждался вопрос о будущем выходе Италии из коалиции.

Четвертая и, возможно, самая катастрофическая ошибка состояла в нашем отношении к Франции. Ее африканские колонии по непонятным причинам были для Гитлера неким табу, и он требовал, чтобы мы занимали в данном вопросе такую же позицию.

Суммируя причины наших неудач, не следует закрывать глаза на тот факт, что мы совершали стратегические ошибки. Эти ошибки (у них также были свои причины, которые можно понять) частично объясняют сравнительно быструю потерю нами Туниса и тот факт, что альянс уже в 1943 году смог создать новый, Южный фронт в Европе со всеми негативными для нас последствиями этого события в смысле общей ситуации. Эти ошибки вызывают тем большее сожаление, что их в значительной степени можно было избежать.

Альянс одержал полную победу. Последние бои оставили у противника ощущение превосходства, что оказало чрезвычайно сильное положительное воздействие на его боевой дух. Потеря Туниса, последовавшая за потерей Триполитании, была особенно тяжелым ударом для итальянского командования и личного состава вооруженных сил союзников. Погребальный звон по их колониальным устремлениям разбудил итальянцев и заставил их осознать опасность, которой подвергалась их родина, до того момента почти не знавшая последствий войны.

Германия, будучи ведущей державой Оси, отнеслась к неизбежному распространению войны на важные районы Средиземноморья с некоторой апатией и упустила возможность нанести смертельный удар Англии в жизненно важном для последней регионе. Раз и навсегда была упущена возможность масштабного стратегического планирования и всеобъемлющего

пересмотра политических целей. В конце этой фазы войны Ось утратила стратегическую инициативу.

Великобритания, классическая средиземноморская держава, с помощью американцев сумела создать плацдарм для прыжка в Европу с юга.

Глава 16.
Прыжок на Сицилию

11-12.06.1943 года. Сданы итальянские острова Пантеллария и Лампедуза. – 10.07.1943 года. Высадка войск противника на Сицилию (первоначально силами группировки численностью в 160 000 солдат и 600 танков).

– 12.07.1943 года. Потеря Сиракуз и Аугусты.

– 22.07.1943 года. Сдача Палермо. – 17.08.1943 года. Эвакуация войск с последних германских плацдармов в районе Мессины, сдача Сицилии

Благодаря уничтожению и захвату в плен войск Оси в Северной Африке альянс получил свободу маневра в Средиземноморье. Несмотря на всю сложность форсирования водного пространства между Тунисом и итальянскими островами Пантеллария, Сицилия и Сардиния, эту операцию командование сил альянса могло рассматривать как достаточно безопасную ввиду явной пассивности итальянского военного флота. Что же касается военно-воздушных сил Оси, то их влияние на обстановку становилось все менее значительным.

Следующий шаг альянса должен был показать, каковы дальнейшие цели противника. Продолжение войны против Италии могло иметь целью как уничтожение ее войск и нанесение ей поражения, так и захват новой базы для наступательных действий на Восточном и Западном германских фронтах, а также против территории самой Германии.

Возможную высадку войск противника на юге Франции или на Балканах, при одновременном укреплении мощи альянса в Средиземноморье, можно было бы рассматривать как прелюдию к операциям с далеко идущими стратегическими и политическими целями.

С января 1943 года я серьезно задумывался над этими проблемами. Благодаря информации, собранной мною лично, а также поступавшей в ходе совещаний с представителями итальянского командования на островах, у меня сложилось ясное понимание обстановки, и я получил от Верховного командования вермахта и итальянских вооруженных сил добро на осуществление первых неотложных мер, которые необходимо было принять в складывавшейся ситуации. Мешкать ни в коем случае не следовало. В результате тщательного изучения реального положения дел оптимизм, который продемонстрировали командующие войсками,

дислоцированными на островах, оказался безосновательным. На картах все было в порядке. Все планы были тщательно продуманы, иногда даже слишком. Однако проведенные работы по строительству укреплений оказались не более чем очковтирательством. Острова не были соответствующим образом защищены. Подготовленные позиции отсутствовали, а противотанковые укрепления, не прикрытые войсками и никем не охраняемые, скорее могли помешать обороняющейся стороне, чем остановить наступающего противника – словом, представляли собой бесполезную мишуру.

Проинспектированные мной дивизии, дислоцировавшиеся на побережье, были под стать системе укреплений. При таких войсках и такой системе обороны нечего было и надеяться оказать серьезное сопротивление противнику. Впрочем, положение не везде было одинаковым: лучше всего дела обстояли на Корсике, за ней следовала Сардиния; Сицилия и побережье Калабрии оставляли желать много лучшего. В апреле я приступил к осуществлению неотложных мер, что, учитывая враждебное отношение генерала Амброзио, стало возможным только благодаря тактичному сотрудничеству с соответствующими ведомствами. Я добился того, что командующие войсками, дислоцированными на островах, охотно проводили в жизнь мои предложения в рамках материальных и прочих возможностей, которыми они располагали. Снабжение Верховное командование вермахта постепенно наладило, но предоставляемое имущество, несмотря на его немалое количество, не соответствовало требованиям момента, да и распределять его следовало исходя из предполагаемых стратегических намерений противника. Вкратце я определил сложившуюся ситуацию следующим образом.

Оккупацию северного побережья Африки нельзя было рассматривать как окончательную цель противника. Военное поражение Оси в Африке представляло собой предпосылку для дальнейших действий альянса, в частности для реализации плана «Касабланка», о котором в то время у нас не было подробной информации. Объединенные действия британских и американских вооруженных сил в Тунисе в первую очередь свидетельствовали о том, что альянс намерен продолжать операции в Западном Средиземноморье. Расстояние, отделявшее войска противника от Сицилии, вполне позволяло нанести по ней удар; захват острова мог стать важным шагом на пути, ведущем в Италию. В то же время следовало учитывать вероятность отвлекающего удара по Калабрии, который мог стать дополнением к оккупации Сицилии. Поскольку Пантеллария была неспособна оказать сколько-нибудь серьезное

сопротивление, ее захват, скорее всего, имел для противника второстепенное значение. Если бы его цель состояла в скорейшем захвате Рима, он выиграл бы куда больше, проведя операцию против Сардинии и Корсики. Воздействие, которое оказало бы на войска Оси успешное наступление противника на этих островах, нельзя было недооценивать. С другой стороны, альянс не мог сбрасывать со счетов угрозу его флангу со стороны Сицилии, серьезность которой трудно было точно оценить. Обладание же островами, в особенности Корсикой, которую можно было бы использовать в качестве «авианосца», облегчило бы противнику наступление на юге Франции.

Для проведения операции в Восточном Средиземноморье силы альянса, находившиеся в Тунисе, располагались слишком далеко. Но трудности можно было преодолеть. Балкан можно было достичь через материковую Италию; моторизованные части можно было отправить по шоссе до Триполи, Бенгази или Тобрука, а оттуда перебросить в район Эгейского моря. Командование альянса знало, что ему не следует опасаться слишком сильного сопротивления на море. С другой стороны, военно-воздушные части Оси, дислоцированные на острове Крит и вокруг Афин и Салоников, при всей их слабости на тот момент, могли быть усилены и в этом случае были бы способны создать потенциально вполне эффективную оборону, которой альянс лишь с большим трудом мог бы противопоставить соответствующие силы. Но если бы войска альянса высадились на Балканах и нанесли удар с тыла по германским войскам, действовавшим на Восточном фронте, с целью соединиться с русскими, успешное осуществление этой операции повлияло бы не только на военную ситуацию: оно имело бы по меньшей мере столь же серьезные политические последствия.

Таким образом, существовало много вариантов продолжения боевых действий. Опыт изучения стратегии альянса, применявшейся до этих пор, облегчал мне анализ этих вариантов и определение наиболее вероятных из них.

Высадку альянса в Алжире из-за отсутствия на побережье этой страны какой-либо обороны, которая заслуживала бы упоминания, можно было приравнять к маневрам, проводившимся в мирное время. Любой мог предположить с почти стопроцентной степенью уверенности в правильности своих догадок, что противник выберет такую задачу, которую, с его точки зрения, ему наверняка удастся решить при его возможностях и ограниченной обученности его войск проведению операций по высадке с моря. Наши оппоненты придавали большое значение прикрытию сухопутных сил с воздуха, а оно не

могло быть обеспечено с помощью одних только авианосцев. Это означало, что противник, скорее всего, отдаст предпочтение проведению операции в районе, куда без труда сможет добраться его истребительная авиация, действующая со стационарных баз.

Эти соображения исключали возможность проведения противником операции на юге Франции, на севере Италии и на Балканах (если не считать того варианта, что он мог бы подобраться к указанным районам со стороны мыска «сапога», который напоминал своими очертаниями Апеннинский полуостров). С точки зрения военно-морских и военно-воздушных сил альянса имело смысл нанести удар по Сицилии, причем в этом случае основная операция могла бы сопровождаться отвлекающей акцией противника в виде атаки в Южной Калабрии. Нельзя было также исключать возможность того, что противник, действуя с дальним прицелом, обойдет Сицилию и начнет наступление в направлении Сардинии и Корсики, клюнув на такую соблазнительную приманку, как Рим. Но это было бы связано с не поддающимися заблаговременному учету трудностями, что делало этот вариант маловероятным. Повторюсь, высадку войск противника в Северной Африке можно было бы считать учениями, поскольку она не встретила сколько-нибудь серьезного сопротивления. Германской авиации пришлось наносить удары по атакующему противнику с большого расстояния, что значительно снизило их эффективность. В результате мы не смогли приобрести сколько-нибудь значительного практического опыта противодействия крупным операциям по высадке морского десанта; правда, при желании можно было теоретически определить наиболее явные уязвимые места противника при осуществлении им акции такого рода.

В то время как передвижение в открытом море большого количества кораблей и судов обещало большое количество выгодных целей нашим ВМС, в том числе подводным лодкам, а также бомбардировщикам, сама операция по высадке десанта, с учетом неизбежного скопления на небольшом участке значительного количества десантных барж, должна была стать уязвимой для ударов с воздуха и действий частей, держащих оборону на берегу. Эта оборона могла бы быть существенно усилена за счет минирования прибрежной полосы как со стороны моря, так и со стороны суши. Батареи береговой артиллерии, стоящие открыто, даже при наличии оборудованных огневых позиций, защищенных бетоном и броней, не смогли бы выдержать массированных обстрелов из корабельных орудий. В то же время, будучи установленными на закрытых, хорошо замаскированных позициях для продольного огня, с крупными калибрами,

выдвинутыми в первый эшелон обороны, они могли бы сокрушить наступающего противника и по меньшей мере нейтрализовать истребители альянса.

С учетом всех этих возможностей, а также имеющихся в нашем распоряжении средств нам предстояло выработать план действий и провести подготовительные мероприятия, необходимые для организации обороны островов и побережья в районах, где существовала угроза атаки противника.

По истечении очень короткого периода времени вызванные немецкие специалисты в области военно-инженерных работ прибыли на место и принялись инструкти – ровать итальянцев относительно наиболее современных способов организации пассивной обороны. За ними появились немецкие инженерно-саперные войска и строительные материалы. В ожидании прибытия вновь сформированных, свежих дивизий полного состава на Сицилии были в спешном порядке созданы 15-я панцер-гренадер-ская дивизия{13} (точнее было бы назвать ее мотопехотной в связи с наличием в ее составе большого количества грузовиков) и танковая дивизия «Герман Геринг», а также военно-воздушные и зенитные части. В то же время была предпринята попытка усилить боевую мощь итальянских частей и соединений, снабдив их дополнительным вооружением и боеприпасами. Боеприпасы складировались в хранилищах, способных выдержать налеты вражеской авиации, и в количествах, позволяющих пережить временные нарушения тылового снабжения.

Когда противник овладел Тунисом, на Сицилии, как и в других местах, перспективы развития ситуации оценивались как весьма мрачные. Я исходил из того, что альянс не остановится на достигнутом и продолжит активные действия – если не сразу, то по крайней мере после очень короткой передышки. Один его исключительно неприятный воздушный удар по Марсале стоил мне трагической потери половины моих сопровождающих. Однако каждый день, прошедший без серьезных действий со стороны противника, играл нам на руку, и постепенно мы собрали сильную группировку. Фельдмаршал фон Рихтгофен, новый командующий 2-м воздушным флотом, быстро вошел в курс дел и уяснил для себя специфические проблемы нашего театра военных действий.

К началу июля, то есть по прошествии двух месяцев после падения Туниса, острова располагали обороной, которая уже исключала возможность того, что противник сможет овладеть ими в результате не слишком хорошо подготовленного наскока, но все же была неспособна противостоять крупномасштабному,

тщательно спланированному вторжению. На Сицилии были дислоцированы две германские дивизии, одна усиленная германская дивизия была размещена в Южной Калабрии, еще одна – на Сардинии. На Корсике находилась германская бригада неполного состава. Вокруг побережья Сицилии и Сардинии, а также в Западной Калабрии были развернуты сильные части противовоздушной обороны. На Сицилии были собраны довольно значительные силы истребительной авиации, в то время как на Сардинии их было меньше. Части тяжелой бомбардировочной авиации дислоцировались в Апулии, в Северной Италии, а также в непосредственной близости от Рима. Основная мощь сил ПВО была сконцентрирована в районе Мессины.

План оборонительных действий был тщательно обсужден на специально созванном совещании с генералом Гуццони, командующим итальянской 6-й армией, и командирами частей, развернутых на островах. Тогда же всем были поставлены их непосредственные задачи. Отдавая последние инструкции командирам германских дивизий, я вбивал им в головы один важный момент, по поводу которого мы с Гуццони придерживались одной и той же точки зрения.

«Независимо от того, – внушал им я, – получите вы соответствующие приказы от итальянский армии в Энне или нет, вы должны немедленно вступить в бой с противником, как только установите, куда именно направляется его военно-морская группировка вторжения».

Я до сих пор помню, как генерал Конрат из танковой дивизии «Герман Геринг» пробурчал в ответ: «Если вы имеете в виду, что мы должны задать ему трепку, фельдмаршал, то можете полностью на меня рассчитывать».

После окончания инструктажа я был совершенно уверен, что все идет как надо.

Пока армейские части занимались отработкой будущих действий, 2-й воздушный флот сконцентрировал свое внимание на загруженных североафриканских портах. Фон Рихтгофен, который был подчинен мне, удовлетворил все мои требования, касающиеся воздушной разведки, и старался отражать налеты авиации противника, который с середины мая до середины июня ежедневно наносил все более мощные удары с воздуха по нашим военно-воздушным базам и по коммуникациям в Мессинском проливе. К сожалению, именно в этот весьма неподходящий момент наш ведущий пилот-истребитель, генерал Ос-теркамп, был отстранен от своих обязанностей другим германским асом-истребителем, инспектором генералом Галландом. С этим ничего нельзя было поделать. После отъезда Остеркампа мы лишились

возможности использовать его неоценимый опыт боевых действий именно на данном театре военных действий. Те части германских ВВС, которые не были переброшены в Калабрию и Апулию, а остались на Сицилии, были выведены из строя еще до начала вторжения противника. Даже на материковой части Италии наша авиация понесла значительные потери, в результате чего у нас осталось слишком мало истребителей для того, чтобы восстановить равновесие сил в воздухе. Наши зенитные части также оказались неспособными защитить аэродромы, порты и железнодорожные объекты, поскольку не успели накопить достаточную для этого мощь. Впрочем, никакая наземная ПВО не может сдерживать массированные безжалостные атаки с воздуха в течение длительного времени; преимущество в таких случаях на стороне атакующего, особенно в ситуации, когда зенитный огонь обороняющегося не слишком плотен. Наши зенитчики успешно действовали только в зоне пролива, где за счет высокой концентрации огневых средств, применения дальнобойных зенитных орудий и блестящей тактической организации всех действий им удалось отразить воздушные налеты противника. Но это не повлияло на общую картину происходящего.

С помощью морских барж, легких инженерно-штурмовых судов и самоходных паромов Зибеля адмиралу Меендсену-Болькену удалось неплохо наладить сообщение в Мессинском проливе. С другой стороны, у нас было слишком мало подводных лодок, и к тому же они не могли в полной мере проявить себя из-за малой площади района, в котором им приходилось действовать. Что касается итальянского флота, то я нисколько не верил в то, что он выполнит план, предусматривавший различные варианты развития событий. Учитывая, что итальянские ВМС возглавлял Амброзио, наше сотрудничество с союзниками на море катилось к краху.

Я нередко думал о том, что германским вооруженным силам было бы легче вести неравный бой с противником, нежели связывать себя какими-то обязательствами с итальянцами – союзниками, которые испытывали отвращение к войне, не умели толком вести боевые действия и вызывали подозрение в нелояльности.

После захвата противником 11-12 июня 1943 года островов Лампедуза и Пантеллария (эти дни для наших союзников стали одними из самых мрачных в истории войны) последние сомнения относительно того, что именно должно стать главной целью вторжения, отпали. Проведя последнюю проверку подготовительных мероприятий на Сицилии, я совершенно осознанно, если можно так выразиться, ушел за кулисы, считая,

что защита итальянской территории – это в первую очередь дело самих итальянцев.

Между тем силы и средства, имевшиеся в нашем распоряжении, были явно недостаточны для удовлетворения даже минимальных потребностей обороны – во всяком случае, исходя из опыта первой операции альянса по высадке десанта с моря.

Военно-морская группировка вторжения состояла из крупных транспортных судов и кораблей сопровождения. Среди транспортов были торговые суда самых разных размеров, десантные баржи и даже танкеры. Их охраняли и линкоры, и авианосцы, и эсминцы.

Высадка была проведена одновременно в разных точках с десантных судов, которые доставили также тяжелое вооружение, включая танки. Их было прекрасно видно с берега, как и медленное передвижение широко рассыпавшихся групп множества небольших судов. Места высадки противник явно выбрал с учетом характера местности и течений. В наиболее удобных гаванях происходила выгрузка тяжелого вооружения и запасов военного имущества. Летчики истребительной авиации были поразительно быстро переброшены на аэродромы.

Несмотря на принятое мной ранее решение, я все же вмешался в события в ранние утренние часы 10 июля, в день вторжения, отдав по рации приказ танковой дивизии «Герман Геринг» немедленно начать действовать. Я сделал это только для того, чтобы как-то исправить последствия имевшего место недосмотра. Поскольку местонахождение противника было заранее точно установлено, всем дивизиям, которые должны были нанести контрудар по вражеским частям, высадившимся на побережье, следовало добиться полной боевой готовности самое позднее к полуночи. Однако этого сделано не было. Бесценные часы, которые ничем нельзя было компенсировать, тратились впустую, совершались другие грубейшие ошибки, задерживавшие начало контратаки; тем не менее, несмотря на это, дивизия «Герман Геринг» едва не добилась решительного успеха, действуя против войск противника, высадившихся в районе Гелы.

Одно разочарование следовало за другим. Итальянские дивизии, дислоцировавшиеся на берегу, потерпели полное фиаско – ни одна из них не начала контратаковать противника вовремя, а некоторые не сделали этого вообще. Дивизия «Неаполь», развернутая в юго-западной оконечности острова, просто куда-то исчезла, словно растворилась в воздухе. Комендант крепости в Аугусте сдался еще до того, как его начали атаковать. Что это было – трусость или предательство? Я так никогда и не узнал, состоялся ли военный суд, который

Муссолини обещал устроить по этому поводу. И все это происходило в момент наступления противника, располагавшего десятью дивизиями и имевшего подавляющее численное превосходство, действовавшего при поддержке мощного воздушного десанта и нескольких тысяч самолетов, да еще при отсутствии какого-либо противодействия со стороны германской авиации.

11 июля я понял, что справиться с неразберихой в руководстве действиями наших войск, отдавая приказы по телефону, не удастся, тем более что мне лишь в редких случаях удавалось связаться с генералом фон Зенгером, находившимся в штабе итальянских сухопутных войск. Поэтому 12 июля я вылетел на Сицилию, предварительно приказав отправить туда же 1-ю парашютно-десантную дивизию. В сопровождении фон Зенгера я побывал на всех передовых позициях и уже в тот же вечер мог наблюдать, как первые части парашютно-десантной дивизии высаживаются к югу от Катании. Высадка продолжалась еще несколько дней – британские истребители действовали по жесткому графику, в котором нам удавалось на-. ходить сравнительно безопасные промежутки.

Мой полет на Сицилию меня лишь еще больше расстроил. Я собственными глазами увидел полный развал в итальянских дивизиях и тактический хаос, ставший результатом невыполнения итальянскими войсками согласованного плана оборонительных действий. Западная часть Сицилии больше не имела никакой тактический ценности, и ее нужно было покинуть. Но даже при этом восточную часть острова и довольно большой плацдарм вокруг Этны можно было удерживать лишь в течение короткого времени. Двух германских дивизий, выдерживавших на своих плечах всю тяжесть битвы, было уже мало – чтобы быстро консолидировать «линию Этны», срочно требовалась третья. В то же время стало ясно, что мне не нужно было больше беспокоиться по поводу высадки противника в Калабрии, которой я особенно опасался.

К утру 13 июля я уже договорился с Гитлером и Муссолини почти по всем пунктам, причем Гитлер еще только приступил к принятию мер, необходимых для срочной переброски на Сицилию всей 29-й панцер-гренадерской дивизии, – это было промедление, за которое нам предстояло расплачиваться в последующих боях. Только 15 июля первые подразделения дивизии начали переправляться через пролив.

В ночь с 15 на 16 июля я вылетел на север Сицилии, в Милаццо, на самолете-амфибии, поскольку к тому моменту совершить посадку на суше было невозможно, и

проинструктировал на месте генерала Хубе, командующего 14-м танковым корпусом. Его задача состояла в том, чтобы закрепиться на местности и создать прочную линию обороны, даже если для этого поначалу придется отступить. В нарушение аксиом, действовавших в командовании люфтваффе, я передал под командование Хубе тяжелую зенитную артиллерию. Хубе вряд ли мог рассчитывать на какую-либо поддержку с воздуха в дневное время, поэтому, чтобы как-то компенсировать его положение, я старался сделать все возможное, чтобы ускорить прибытие 29-й панцер-гренадерской дивизии. Я также сообщил ему, что обдумываю возможность эвакуации войск с Сицилии, которую он действиями находящихся под его командованием войск должен был оттягивать как можно дольше. Оборонительные приготовления по обе стороны Мессинского пролива шли полным ходом, и теперь ими руководил он. Я добавил, что ему не следовало беспокоиться о защите Калабрии и Апулии, поскольку в тот момент вероятность того, что они станут целью крупномасштабных операций противника, была небольшой.

Следующий день я также посвятил посещению передовой линии фронта. Встретившись с Гуццони, я ликвидировал все элементы недопонимания и уговорил его немного оттянуть войска назад – сделать это было необходимо. В итоге мне удалось убедить его, что наши шансы сдержать британскую 8-ю армию не совсем безнадежны. Бортовые залпы британского флота, которые я тогда имел возможность наблюдать, произвели на меня очень сильное впечатление; после боя в районе Салер-но, где мне также довелось увидеть работу корабельной артиллерии противника, я изменил свои взгляды на береговую оборону.

Я находился в передовом штабе генерала Шмальца из танковой дивизии «Герман Геринг», когда, к моему огромному облегчению, ко мне явился с докладом полковник Хайльман, командир 1-го парашютно-десантного полка, который я в глубине души уже списал со счетов. Парашютисты высадились перед британскими войсками, не вступив при этом в контакт с германскими частями ни на одном из флангов. В ходе боя они были окружены наступающими частями Монтгомери, но, к счастью, все же сумели прорваться к своим. Идея выброски десанта с воздуха в тылу британских войск была расценена как чрезмерно рискованная, поскольку тактический принцип, гласящий, что нельзя допускать слишком большого численного превосходства со стороны противника, сохранял свою актуальность даже для парашютистов. В то же время случайная высадка нашего воздушного десанта в нашем собственном тылу совершенно неожиданно позволила нам добиться успеха: когда

вскоре там же высадились британские парашютисты, нам удалось их уничтожить. Этот наш весьма ограниченный успех в значительной степени расстроил план наступления Монтгомери. В целом я был удовлетворен. Хубе был, что называется, человеком на своем месте. Ему помогал его блестящий начальник штаба фон Бонин. Меня, однако, беспокоила медлительность Верховного командования вермахта, которое все еще удерживало отдельные части 29-й панцер-гренадерской дивизии в Калабрии и слишком поздно ввело в действие в той же Калабрии 26-ю панцер-гренадерскую дивизию.

Хотя, как и на ранних фазах войны в Средиземноморье, руководство операциями формально находилось в руках итальянцев, на практике оно осуществлялось командованием 14-го танкового корпуса и командующим Южным фронтом. Наши совместные усилия, направленные на то, чтобы внешне все выглядело пристойно и взаимное уважение союзников друг к другу было сохранено, привели к тому, что на описываемом этапе нам удалось избежать личных раздоров с итальянцами. Что касается взаимоотношений с Хубе, то они были совершенно идеальными. Тот факт, что в течение долгого времени я был persona grata по той причине, что по собственной инициативе принял решение эвакуировать войска с Сицилии, не слишком меня волновал, поскольку с военной точки зрения эта операция была проведена успешно.

Хубе вывел свою дивизию из боя с исключительным искусством, до последнего момента сдерживая наступающего противника. То, как ему удалось переправить ее через пролив, стало завершающим штрихом в его замечательных действиях в качестве командира дивизии.

Остается лишь сказать, что при всех выпавших на его долю несчастьях командованию войск Оси невероятно повезло. Больше всего ему помогла методичность, с которой осуществляли наступательные действия войска альянса. Кроме того, концепция наступления, которой следовал противник, предоставляла нам достаточно большие возможности для противодействия. То, что он не провел крупномасштабной операции по блокированию острова и не нанес удара по побережью Калабрии, дало нам несколько недель, в течение которых мы смогли организовать оборону, располагая очень незначительными силами и средствами. Медленное продвижение наступающих войск противника и удивительное распыление его сил позволяли стягивать значительные подкрепления для обороны отдельных районов по мере того, как угроза им становилась реальной. То, что противник не сумел использовать последнюю возможность

помешать германским войскам пересечь Мессинский пролив путем нанесения по ним мощных и тщательно скоординированных ударов с моря и с воздуха, было едва ли большим подарком с его стороны, чем то, что он не смог сразу же, 17 августа, также форсировать пролив и приступить к операции преследования. Несомненно, войскам обеих сторон досталось – им пришлось действовать с невероятным напряжением, под палящими лучами летнего солнца, в скалистых и почти лишенных растительности горных районах. Однако взятая альянсом передышка, которая продолжалась до 3 сентября и отнюдь не была продиктована обстановкой, также стала для Оси подарком.

Захват Сицилии противник осуществлял медленно, преодолевая глубоко эшелонированную оборону, при мощной поддержке корабельной артиллерии и авиации. Это означало, что еще не пришло время, когда нам следовало начать беспокоиться по поводу возможности проведения противником операций в районах, удаленных от военно-морских и военно-воздушных баз. Опасность скорее таилась в тех огромных количествах боеприпасов, техники и военного имущества, которые войска альянса могли расходовать практически без счета.

Уроки, полученные на Сицилии, привели меня к следующим выводам: глубоко эшелонированные оборонительные порядки являлись обязательным дополнением к береговым укреплениям, поскольку разрушительное воздействие огня корабельной артиллерии по находящимся на расстоянии прямой видимости фортификациям делало оборону «в линию» бесполезной. Несмотря на сокрушительное фиаско береговой обороны итальянцев, массированный огонь по наиболее уязвимым целям, другими словами, по разгружающимся транспортным судам, приближающимся к берегу десантным баржам и только что высадившейся живой силе противника был и остался лучшей оборонительной тактикой. При действиях в условиях глубоко эшелонированной обороны локальные резервы должны быть настолько сильными и располагаться так близко друг к другу, чтобы у них была возможность в случае необходимости нанести противнику ответный удар и выравнять положение. Части первого эшелона основных резервов нужно располагать как можно ближе к побережью, чтобы они могли в темное время суток выдвинуться как можно дальше вперед и в максимальной степени занять боевые позиции на линии фронта.

Глава 17.
Свержение Муссолини и отступничество Италии

24.07.1943 года. Сессия Фашистского совета, принятие резолюции о недоверии Муссолини.

– 25.07.1943 года. Арест Муссолини. Бадольо поручают сформировать новое правительство.

– 12.08.1943 года. Италия начинает тайные переговоры о перемирии с альянсом. – 22.08.1943 года. Штаб 10-й армии обосновывается в Южной Италии.

– 3.09.1943 года. Заключение сепаратного перемирия между Италией и альянсом. – 3.09.1943 года. Высадка британской 8-й армии на юге Калабрии.

– 8.09.1943 года. Эйзенхауэр и итальянское правительство предают гласности соглашение о перемирии.

– 12.09.1943 года. Операция по спасению Муссолини

Предварительные переговоры

Когда 31 января 1943 года итальянский маршал граф Кавальеро был смещен со своего поста, я, естественно, попросил Муссолини освободить меня от моих обязанностей командующего. Мы с Кавальеро были больше чем товарищами по оружию, и я думаю, что он разделял мои чувства. Я защищал Кавальеро и предупреждал Муссолини о возможных негативных последствиях замены его на Амброзио, которого в моем присутствии неоднократно резко критиковали итальянские офицеры и который, по моему мнению, не обладал способностями, необходимыми для командующего столь высокого уровня. Муссолини умолял меня забрать обратно мой рапорт, в очередной раз заверил меня в своем «братском доверии» по отношению ко мне и в стремлении к более тесному личному сотрудничеству в будущем. К сожалению, должен признаться, что, вопреки доводам рассудка, я дал ему себя уговорить.

Изменения в атмосфере, царившей в итальянском Верховном командовании, я почувствовал сразу же. Я отказался от предложения Амброзио возглавить командование всеми войсками Оси в Тунисе, предположив, что он просто хочет избавиться от меня как от неприятного и авторитарного немецкого командира и наблюдателя, а также лишить меня моего влияния в Риме.

Договоренность, согласно которой ни один приказ не мог быть издан без моего одобрения, оставалась в силе. Реализовывать ее было нетрудно, поскольку большинство приказов разрабатывалось и составлялось моими штабными работниками или офицерами связи. Несмотря на временами невыносимое высокомерие Амброзио, я сохранял лояльность по отношению к нему. Единственным изменением обычной процедуры с моей стороны стало то, что я прекратил лично бывать на совещаниях и стал отправлять туда в качестве своего представителя моего начальника штаба. С Муссолини я теперь встречался лишь изредка, да и то только для обсуждения самых неотложных вопросов. Поначалу я думал, что неприкрытая враждебность Амброзио по отношению ко мне вызвана чувством соперничества, но вскоре произошел целый ряд событий, после которых стало ясно, что он стремится к изменению существующей системы, а возможно, и к чему-то гораздо большему. Поскольку адмирал Риккарди и генерал Фужье остались на своих постах командующих соответственно военно-морскими и военно-воздушными силами Италии, а новый командующий сухопутными войсками, генерал Рози, был хорошо воспитанным и порядочным человеком и держался по отношению ко мне по-дружески, я честно попытался преодолеть мое недоверие к Амброзио, исходя из абсолютного взаимного доверия, существовавшего между Муссолини и мной. Мри изначальные опасения по поводу того, что, заменяя Кавмьеро на Амброзио, Муссолини сам роет себе могилу, на какое-то время рассеялись в результате изменений в правительстве, происшедших 8 февраля 1943 года. В то время ни я, ни наш посол фон Макензен, ни наш военный атташе фон Ринтелен не верили в наличие непосредственной угрозы существующему режиму{14}. 24 июля даже Муссолини все еще чувствовал себя крепко сидящим в седле.

В тот день я в одиночку отправился повидаться с Муссолини, чтобы обсудить кое-какие вопросы. Поскольку у него шло важное политическое совещание, он уговорил меня немного подождать. – Когда через полчаса я вошел к нему, на лице его сияла улыбка. Он сердечно поприветствовал меня.

«Вы знакомы с Гранди? – спросил он. – Он только что ушел. У нас с ним была очень откровенная беседа. Наши взгляды полностью совпадают. Он мне очень предан».

Я с пониманием отнесся к его восторгу; но когда бук-вмьно на следующий же день я узнал, что этот самый Гранди возглавил мятеж против Муссолини в Высшем фашистском совете, я был вынужден задать самому себе вопрос, что является более удивительным – доверчивость Муссолини или коварство Гранди.

За день до этого, 24 июля, фон Макензен сказал мне, что располагает точной информацией о том, что никакой опасности нет и что Муссолини все еще полностью контролирует ситуацию.

Период между изменениями в составе кабинета и падением Муссолини был плотно заполнен совещаниями представителей Оси на самом высоком уровне военного и политического характера, которые, ввиду меняющейся ситуации на фронтах, проходили очень по-разному.

Позвольте мне вкратце изложить ход событий. Первым делом замечу, что Роатта, главнокомандующий сухопутных войск, всячески пытался добиться увеличения численности германских войск в Италии, которую Муссолини и Амброзио по совершенно непонятным причинам старались ограничить; постоянно шли споры по поводу диспозиции германских и итальянских частей; отмечу также, что начиная с 21 июня Италия с удивительной настойчивостью требовала как можно больше оружия, причем подчас заявляемые ею потребности казались преувеличенными. Итальянцы хотели получить семнадцать танковых батальонов, тридцать три артиллерийские батареи, восемнадцать дивизионов противотанковых и штурмовых орудий и две тысячи самолетов. На совещании, организованном Бастианини, заместителем главы итальянского министерства иностранных дел, я высказался против удовлетворения этих требований, подразумевавших решительное изменение курса, которым мы следовали до этого. Хотя несколько итальянцев поддержали мою точку зрения, Амброзио без обиняков отказался пересмотреть изложенные им цифры. Это давало определенную пищу для размышлений. Невозможность удовлетворить упомянутые требования встревожила также и Верховное командование вермахта, которое в середине июля 1943 года их отвергло.

На встрече Гитлера и Муссолини в Фельтре 19 июля проблему урегулировать не удалось. Гитлер не стал высказывать свои далеко идущие претензии на германское лидерство, Муссолини же скрыл свои сомнения по поводу того, стоит ли продолжать войну.

Переговоры по военной тематике между Кейтелем и Амброзио привели к достижению соглашения о том, что германские и итальянские дивизии следует перебросить в южные районы Италии, но ни немецкая, ни итальянская сторона не желали первыми приступать к его реализации.

Между тем на фронте отношения между германскими и итальянскими командирами были отличными. Представлявшие все три вида вооруженных сил итальянские офицеры, служившие

в моем штабе, ощущая дружеское расположение немцев, платили нам тем же – за исключением моего итальянского адъютанта, который меня порядком разочаровал. Он был при мне не первый год, и я всегда совершенно искренне относился к нему по-дружески. Хотя мне пришлось похлопотать, чтобы найти ему новое подходящее назначение, я чувствовал, что его отношение ко мне и к Германии как к союзнику изменилось.

Мои первые действия после ареста Муссолини

Сессия Высшего фашистского совета и последовавшие за ней события показали, что наши предположения по поводу дальнейшего развития обстановки были совершенно неправильными. На сессии Муссолини был свергнут, а вместе с ним и фашистский режим. Точно так же, как Гитлер в 1945 году был потрясен направленным против него мятежом его друзей по партии, так и дуче был буквально парализован предательством его самых верных сторонников, которым он доверял больше, чем кому бы то ни было. Возможно, его падение или по крайней мере его арест удалось бы предотвратить, если бы он собрал вокруг себя верные ему военные части, в том числе германские. Но его гордость и самоуверенность оказались его худшими врагами.

Когда 25 июля я узнал, что Муссолини арестован (это было поздно вечером), я тут же попросил аудиенции у короля. После долгих колебаний мне сообщили, что его величество не сможет принять меня в тот же вечер, но пообещали мне аудиенцию на следующий день. Прежде чем отправиться к королю, я повидался с Бадольо, который в ответ на все мои вопросы лишь сообщил мне о том, что я и так уже знал из королевского воззвания.

Суть его рассказа сводилась к тому, что новое правительство будет полностью соблюдать свои обязательства по договору о союзе и что дуче для его же собственной безопасности содержат под домашним арестом. Бадольо продемонстрировал мне письмо Муссолини, в котором тот признавал новый режим, но он не мог сказать мне, где находился дуче – по его словам, это знал только король. Он попросил меня не создавать на его пути никаких политических трудностей. Это заставило меня напомнить, что я несу личную ответственность перед Муссолини и потому мой интерес по поводу его местонахождения вполне закономерен, не говоря уже о том, что Гитлер еще больше, чем я, обеспокоен судьбой своего друга.

У меня сложилось впечатление, что мой собеседник был по отношению ко мне холоден, скрытен и неискренен.

Позднее мне пришлось столкнуться с тем, что граф Монтесемоло, имевший звание полковника и служивший у Бадольо адъютантом, оказался руководителем партизанского движения, действовавшего против Германии.

Моя аудиенция в королевском дворце длилась почти час и проходила в атмосфере удивительного дружелюбия. Его величество заверил меня, что в смысле ведения войны никаких изменений не будет; наоборот, сотрудничество между союзниками упрочится. Король сказал мне, что ему пришлось сместить Муссолини, потому что на этом настаивал Высший фашистский совет, а также по той причине, что Муссолини утратил симпатии общественности. Его величество заявил, что пошел на этот шаг с большой неохотой. Он сказал, что не знает, где находится Муссолини, но заверил меня, что считает себя лично ответственным за его благополучие и за то, чтобы с ним обращались соответствующим образом. По словам короля, о том, где находится дуче, знал только Бадольо (!). Его величество заявил, что глубоко восхищается фюрером и завидует его непререкаемому авторитету, который не идет ни в какое сравнение с его собственным.

Во время этой встречи у меня также сложилось впечатление, что под маской преувеличенного дружелюбия скрывались холодность и неискренность.

Король и Бадольо рассказали примерно ту же историю нашему поверенному в делах, доктору Рану, который в тот момент замещал посла фон Макензена и позднее сменил его на этом посту. Они заверили его в своей лояльности в качестве союзников, а также в том, что Италия безусловно продолжит свое участие в войне. Ран, приведенный этой новостью в восторг, сообщил о ней мне. Служивший в моем штабе итальянский офицер связи, капитан Руска, передал мне также, что со мной хотел бы чаще встречаться кронпринц. Правда, это свое желание он осуществил один-единственный раз.

Первая реакция Гитлера

Свержение и арест Муссолини отравили отношения между высшими чиновниками германского и итальянского внешнеполитических ведомств. Гитлер увидел в этом столь внезапном повороте событий не обычный правительственный кризис, а решительный отход Италии от прежней политики с целью как можно более быстрого выхода из войны на выгодных для нее условиях, даже если бы это означало принесение в жертву

ее союзника – Германии. Недоверие фюрера, которое до этого момента было направлено только против королевской семьи и ее сторонников, теперь усилилось до предела и распространилось на всех итальянских государственных деятелей и военных лидеров. Промахи и пассивность итальянской стороны в ведении боевых действий, имевшие место в прошлом, теперь расценивались как саботаж и даже предательство со стороны итальянского Верховного командования. Подготовка итальянцами позиций в Альпах теперь была квалифицирована как свидетельство их намерения повернуть оружие против немцев. Чувствуя себя преданным, фюрер был полон решимости защищаться.

В качестве первого шага, по мнению Гитлера, следовало «разделаться» с королевской семьей и Бадольо – сделать это было бы нетрудно. К счастью, фюрер отказался от этой идеи, возникшей у него в момент первоначальной вспышки гнева.

Альтернативный план, состоявший в том, чтобы при первом же видимом признаке подготовки Италии к выходу из войны упредить развитие событий, взяв под стражу членов королевской семьи и ведущих итальянских политиков и военных деятелей, весьма тщательно прорабатывался, но мне о нем не сообщили.

К счастью, для реализации этого плана также не представилось случая. Он был для Гитлера второстепенным, главным же являлось его желание спасти Муссолини, чтобы получить возможность вместе с ним пересмотреть общую политику. Чувство солидарности заставило Гитлера отдать приказ выручить Муссолини любыми доступными средствами – в том числе с помощью операции под командованием майора СС Отто Скорцени, служившего под началом генерала Штудента. Хотя этот безрассудный замысел держали от меня в секрете, я, естественно, не мог не узнать о нем, поскольку держал в руках все нити управления войсками.

Что касается предложения Бадольо о встрече с Гитлером, то было с самого начала ясно, что Гитлер его отвергнет, потому что он был убежден, что эта встреча ничего не даст. Я вынужден был согласиться с этим мнением фюрера, но это не смогло помешать дальнейшему обострению разногласий между мной и Гитлером, а также между мной и его верноподданной свитой. Меня считали «италофилом», а следовательно, для работы в Италии я подходил только до тех пор, пока мое присутствие там помогало поддерживать дружественные отношения с королевским домом. На тот случай, если в какой-то момент придется заговорить с итальянцами на другом языке, был подобран другой человек, а именно Роммель, чья группа армий, штаб которой находился в Мюнхене, уже стояла наготове в моих «тылах». Те, с кем я

сотрудничал в Италии, также утратили доверие Гитлера – прежде всего посол фон Макензен и фон Ринтелен, а также фон Поль, фон Рихтгофен и занявший место фон Макензена Ран. Все мы поверили данному королем слову и официальным заверениям видного государственного деятеля Бадольо. В том, что поведение итальянских солдат на фронте не изменилось и осталось дружеским, мы видели гарантию того, что король сдержит свое обещание, хотя действия Амброзио и новых главнокомандующих видов вооруженных сил давали определенные основания для опасений.

Борьба Роатты за увеличение численности германских войк в Италии велась им весьма искусно, но его требования, с моей точки зрения, были чрезмерными. Мне нравилось работать с ним, потому что он был единственным человеком, который время от времени брал на себя хоть какую-то ответственность. Даже сегодня я не могу понять, было ли всеобщее осуждение Роатты как врага и предателя справедливым или ошибочным.

Адмирал де Куртен с виду был самым любезным, но впоследствии стал для меня самым большим разочарованием.

Новый государственный секретарь, отвечающий за воздушный флот, генерал Сандалли, еще раньше делал весьма показательные признания фон Рихтгофену. Теми немногими беседами, которые происходили между ним и мной, я остался крайне недоволен. И все же, если не считать Амброзио, у меня не было причин для недоверия по отношению к руководству итальянских вооруженных сил. Фон Ринтелен был согласен с этой моей точкой зрения. Но мои настойчивые попытки рассеять огульное отвращение Гитлера ко всем итальянцам лишь приводили фюрера в бешенство. Однажды он сказал обо мне: «Кессельринг слишком честен для всех этих прирожденных предателей».

Переломный момент наступил в три часа утра 23 августа, когда Гитлер заявил мне в присутствии Геринга, что он получил неопровержимое доказательство предательства Италии. Он всячески убеждал меня прекратить быть простофилей и позволять итальянцам водить меня за нос и требовал, чтобы я приготовился к серьезным событиям. Эта его откровенность связала мне руки. Я не мог не поверить фюреру, но в то же время очень сожалел о том, что он не раскрыл мне источник полученной им информации. С тех пор, что бы я ни делал, меня все время мучили сомнения.

Недоверие Гитлера лично ко мне несколько ослабло, но продолжало сказываться на наших отношениях. Поэтому и я, и итальянское правительство были в равной мере удивлены, когда

на аэродроме в Риме высадилась 2-я парашютно-десантная дивизия Рамке. Я давно требовал подкреплений, и-это событие было более чем кстати со всех точек зрения, хотя я предпочел бы, чтобы оно произошло с более строгим соблюдением установленных порядков и процедур. Внезапное появление в зоне итальянской столицы германской дивизии хотя и вызвало некоторое возмущение, в то же время явно укрепило наш контроль за ситуацией, поскольку с этого момента итальянское правительство не могло не понимать, что его двуличие для нас больше не является секретом.

Когда вскоре после этого германские дивизии и штабы хлынули в Северную Италию, итальянцы еще больше приуныли. Основания, опираясь на которые Гитлер предпринял этот шаг, были ясны каждому солдату – мы должны были исходить из самого худшего, то есть из предположения, что Бадольо хочет использовать укрепления в районе северной границы страны против нас и заблокировать железные дороги, ведущие в Германию, перерезав таким образом тыловые коммуникации немецких дивизий, защищающих Италию, а затем и вовсе сдать эти дивизии противнику. Тот, в чьих руках оказался бы контроль над Бреннером и шоссейными и железными дорогами, ведущими на восток в Австрию, на Балканы и на запад во Францию, мог бы с полным основанием сказать, что он держит Германию за горло. Таким образом, хотя переброска в северные районы Италии группы армий В очень расстроила итальянцев, причиной ее было зловещее поведение наших союзников. Хотя в целом германские войска с уважением относились к чувствам итальянцев, было совершено несколько грубых ошибок, которые оказали негативное влияние на мой авторитет по другую сторону Альп. Перед фон Ринтеленом стояла незавидная задача. В любом случае у Бадольо не осталось больше возможностей для осуществления его дьявольских идей – я не могу подобрать другого определения для его замыслов, которыми он отплатил нам за нашу верность и пролитую нами кровь. Оглядываясь назад, я думаю, что он действительно хотел реализовать описанный выше план. Это ясно подтверждается чрезвычайно настойчивыми требованиями перебросить германские дивизии, дислоцировавшиеся в центральной части и на севере Италии, в Калабрию и Апулию. Выдвигая эти требования, итальянцы уже вели с альянсом переговоры о сдаче.

Так или иначе, правительство Италии и Верховное командование итальянских вооруженных сил в устной и письменной форме выразили протест против «недопустимого нарушения» суверенитета их страны и со своей стороны

предприняли кое-какие военные приготовления.

Мы же увеличили численность наших войск в непосредственной близости от Рима, постепенно доведя ее до пяти с лишним дивизий за счет танковых частей, которые, несмотря на требования военного времени, до этого момента спокойно дожидались своего часа в резерве.

6 августа Риббентроп и Кейтель встретились с Амбро-зио и фельдмаршалом Гуарильей в Таврисе, но эти переговоры не дали осязаемого результата. Это никого не удивило, поскольку антагонизм уже стал слишком явным. Стороны безуспешно требовали друг от друга уступок, которые в обычных условиях вряд ли вызвали бы какие-либо споры. Кейтель хотел, чтобы итальянцы отправили в бой свои дивизии, развернутые в центральной и северной части страны, а Амброзио настаивал на том, чтобы все германские дивизии, переброшенные в Ломбардию, были подчинены итальянскому командованию, которое должно было бы также взять на себя охрану железных дорог. Разногласия по этим вопросам помешали обсуждению других.

Провести вторую встречу (она состоялась 15 августа, на этот раз с участием генерала Йодля) предложил Роатта. С самого начала на переговорах царила крайне напряженная атмосфера. Йодль явился на встречу в сопровождении Роммеля, которого он представил как главнокомандующего группы армий В, теперь уже дислоцированной в Италии. У Йодля были четкие директивы от Гитлера. Генерал, в частности, потребовал, чтобы командующий Южным фронтом со всеми германскими войсками, находящимися в центральной и южной части Италии, был подчинен королю, а все германские и итальянские войска в Северной Италии – командованию группы армий В, которая, в свою очередь, по-прежнему подчинялась бы Верховному командованию вермахта. Роатта повторил предложение Амброзио, состоявшее в том, чтобы все германские дивизии на севере Италии были подчинены итальянскому командованию, а также предложил отозвать итальянскую 4-ю армию с юга Франции. Последняя инициатива была принята, поскольку присутствие дивизий 4-й армии в Северной Италии теперь полностью компенсировалось бы присутствием там же группы армий В, которая контролировала все ключевые позиции. По всем прочим вопросам достичь соглашения не удалось. Фактически после свержения Муссолини командующий Южным фронтом и так оказался подчиненным только королю. Формулируя свои требования, Йодль, должно быть, преследовал некую скрытую цель. Я в то время был убежден, что он заранее знал, что выдвигает неприемлемые для

итальянцев требования, дабы заставить их показать свое истинное лицо.

Несмотря на отчуждение, царившее в отношениях между представителями высшего эшелона руководства, я, будучи командующим Южным фронтом, продолжал мою совместную деятельность с представителями итальянской стороны, стараясь проявлять дружелюбие и беспристрастность. Даже встреча с Амброзио в ставке итальянского Верховного командования, куда были приглашены командующие всеми тремя видами вооруженных сил, прошла внешне корректно. Меня сопровождал мой начальник штаба генерал Вестфмь. После обсуждения планов на будущее Амброзио потребовал перебросить еще одну германскую диизию на Сардинию. Я ответил отказом, исходя из чисто военных соображений. Даже тогда я не знал, что Амброзио – это было доказано – был в курсе, что переговоры о сдаче уже начались. Его требование настолько не соответствовало обстановке, что я невольно заподозрил, что за этим стоит некий тайный мотив.

Таким образом, когда 23 августа Гитлер заявил, что может доказать факт предательства союзников, это не было таким уж сюрпризом. Цель Амброзио могла состоять только в оказании помощи альянсу путем ослабления германской группировки войск в центральной и южной части Италии. Я совершенно уверен, что он с огромным удовольствием избавился бы от 2-й парашютно-десантной дивизии, чтобы облегчить высадку воздушного десанта противника в Риме, а затем, заключив с альянсом союз, нанести нам смертельный удар в спину со стороны Кампаньи.

Мои усилия, предпринимавшиеся с целью поправить ситуацию

Постепенное обострение отношений с союзниками уже давно заставило меня задуматься над тем, какие шаги мне следует предпринять, если Италия сдастся. Основные мои усилия были направлены на то, чтобы удерживать твердый контроль над итальянскими войсками, а также над итальянским командованием.

Первым делом я попытался примирить германские взгляды на продолжение войны с точкой зрения представителей итальянских сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил путем личных бесед или через моих штабных работников. Итальянские офицеры связи старательно помогали мне в этом. Однако тот факт, что незадолго до сдачи итальянцы согласились

перебросить свои войска в Калабрию и Апулию, заставил меня задуматься. Может быть, Йодль был все-таки прав в своем отношении к Роатте? Не было ли это всего лишь уловкой? Разумеется, можно было допустить возможность того, что Роатта не знал о ведущихся переговорах с альянсом и просто слишком поздно получил соответствующую санкцию от Амброзио и Бадольо, но все же это было мало вероятно.

В течение нескольких недель я лично контактировал с командирами итальянских частей в Южной Италии, а также на Сардинии и Корсике и обнаружил с их стороны понимание и готовность помочь, а также удовлетворение по поводу того, что их немецкие братья по оружию им доверяют. Несмотря на то что нас пытались заставить относиться к итальянским боевым частям с подозрением, мы никогда не меняли своего мнения о них и об их готовности выполнить свой долг. Со своей стороны, до момента объявления об отступничестве Италии мы делали все для того, чтобы выполнить наши союзнические обязательства.

В тот период у меня было очень мало личных контактов с действующими адмиралами союзников. Итальянские военно-морские силы были очень заняты операциями в районах морских портов Сицилии, однако при этом предприняли определенные меры (в немалой степени продиктованные паникой) для того, чтобы защитить Таранто и Бриндизи на тот случай, если войска альянса высадятся в Калабрии. Кроме того, у итальянских моряков было достаточно времени, чтобы как следует подготовиться к крупной морской операции против высадки сил противника на полуострове дальше к северу, которая к тому времени стала неизбежной. Беспрерывно проводились совещания между командующим Южным фронтом и командованием итальянских ВМС, посвященные вопросу о том, что следует предпринять итальянскому флоту. В день, когда Италия сдалась, я должен был встретиться и побеседовать с адмиралом де Куртеном (морякам союзников пора было наконец начать действовать против ВМС противника в районе Неаполя), то есть с тем самым человеком, под флагом которого итальянский флот сдался противнику.

Фон Рихтгофен и его штаб работали с представителями итальянских военно-воздушных сил. ВВС союзников могли предложить нам немногое, но тем не менее их аэродромы и наземные службы были предоставлены в наше распоряжение, а итальянские экипажи бомбардировщиков и пилоты истребителей проходили переобучение на немецких самолетах под руководством немецких инструкторов и обучались немецкой тактике. В этом виде вооруженных сил наиболее ярко

проявлялось взаимное уважение – среди летчиков существует братство, которое очень трудно разрушить. Однако в целом итальянские ВВС не были готовы к проведению боевых операций, и потому на тот момент можно было смело сбросить их со счетов.

Я вкратце описал состояние дел во всех трех видах итальянских вооруженных сил, чтобы показать, что у меня как у ответственного представителя немецкого командования не было никаких причин сомневаться в доброй воле и энтузиазме личного состава их боевых частей на фронте.

Операция «Ось»

К сожалению, в тылу все обстояло совершенно иначе. Были все основания для того, чтобы подозревать итальянское руководство в намерениях отказаться от своих союзнических обязательств. Исходя из этого Верховное командование вермахта издало приказ о мерах по защите германских войск в Италии, которые стали обозначать кодовым словом «Ось».

Поскольку было неизвестно, когда, где и как итальянцы сложат оружие, данных для разработки контрмер у нас было очень немного. В связи с тем что наиболее важным моментом была готовность к любому развитию событий, я не стал издавать письменных приказов, касающихся тактики действий (например, о том, какие шаги следует предпринять в Риме), а ограничился обсуждением соответствующих вопросов с компетентными офицерами. Этот метод себя оправдал – впоследствии наши войска действовали четко и точно. К тому же он позволил нам как нельзя лучше решить столь важную для нас задачу сохранения наших планов в тайне.

Основными принципами моего замысла были следующие.

Нам следовало эвакуировать войска, находившиеся на тех участках фронта, где опасность была наиболее реальной, в том числе изолированные островные гарнизоны. Все склады должны были быть по мере возможности замаскированы, причем их следовало использовать в качестве козыря, ведя переговоры с итальянским командованием и добиваясь от него, чтобы оно дало нам возможность уйти. Там, где при решении этих вопросов были возможны трудности, следовало принять все возможные меры для того, чтобы незаметно увести германские части и вывезти военное имущество.

На островах и на Калабрийском фронте мы должны были отступить без боя, там же, где итальянские части попытались бы нам помешать, следовало всеми доступными средствами добиться

устранения всех препятствий для отступления по железным дорогам. В зоне предполагаемого вторжения противника и в районе столицы бои были почти неизбежны, и нам следовало вести их до того момента, когда ситуация прояснится.

Нашим офицерам связи, работавшим при итальянских штабах, следовало внимательно наблюдать за их деятельностью; эти люди были глазами своих командиров, от их докладов зависела безопасность последних вместе с их штабами.

В целях самозащиты следовало также эвакуировать всех наших людей из городов, а там, где это было практически невозможно сделать, нужно было собрать их в зданиях, которые было бы удобно оборонять.

Роль командования ВВС в операции «Ось» состояла в том, чтобы разом взять под свой контроль все исправные самолеты и зенитные орудия. Командование ВМС должно было помешать итальянскому флоту выйти в море, чтобы впоследствии его можно было использовать для решения определенных задач в интересах Германии.

Захват всех важных с военной точки зрения пунктов связи должен был стать заключительным шагом в комплексе мер, направленных если не на полную парализацию, то по крайней мере на сдерживание действий итальянского командования в случае перехода его на сторону противника.

Идею взятия в плен всех итальянских частей в моей зоне ответственности я отверг с самого начала, поскольку, с одной стороны, это было бы трудно сделать, а с другой – это могло бы не столько пойти нам на пользу, сколько навредить.

Отдельные армейские и зенитные подразделения, приданные моему штабу и штабу 2-го воздушного флота во Фраскати, были усилены, а расположенные там же бомбоубежища расширены.

Период, предшествовавший отступничеству Италии, для моих командиров и меня был периодом исключительного нервного напряжения. Для меня как для солдата необходимость лгать и притворяться, навязанная мне нашими союзниками и Гитлером, была невыносимой. Я не мог увязать воедино действительно существовавшую вероятность того, что наши союзники ведут нечестную игру, с моим твердым доверием по отношению к моим итальянским соратникам и моей верой в слово, данное королем и Бадольо. Связанное с этим беспокойство, а также мои далеко не самые приятные контакты со ставкой фюрера, бремя служебных забот, распространение войны в воздухе на всю территорию Италии и мрачные перспективы, маячившие впереди, – все это постепенно подтачивало мои нервы. Тем не менее, в день, когда Италия сдалась, принесший с собой еще и бомбовый удар по

моему штабу, высадку войск альянса в заливе Салерно и бегство королевской семьи и правительства из Рима на самолете, я почувствовал радость от того, что сделал все, что было в моих силах, и для того, чтобы удержать итальянцев от совершенного ими шага, и для того, чтобы уберечь Германию от тех неприятностей, которых можно было избежать.

День сдачи Италии – 8 сентября 1943 года

Утро 8 сентября не таило в себе никаких признаков того, что наступающий день станет роковым для нашей кампании на Средиземноморском театре военных действий. У меня были назначены встречи с Роаттой и де Куртеном. Когда зенитные батареи открыли огонь по бомбардировщикам противника, появившимся в небе над Фраскати, я проводил совещание, на котором обсуждались оборонительные мероприятия. Когда я покидал мой штаб, несколько бомб упало рядом с его застекленной верандой. Во время последующих налетов немало бомб разорвалось неподалеку от моего бомбоубежища. Бомбардировка противником моего штаба нанесла ущерб не столько военным учреждениям и сооружениям, сколько самому городу и его жителям. Я немедленно попросил все войска об оказании помощи в ликвидации его последствий. Этот воздушный удар оказался очень показательным, поскольку в одном из сбитых бомбардировщиков обнаружили карту, на которой было помечено местонахождение моего штаба и штаба Рихтгофена, что говорило о том, что итальянцы явно помогли противнику. Как бы то ни было, работа моего штаба была прервана лишь на очень короткое время. Это стало возможно благодаря хорошей организации связи. Было очевидно, что король и Бадольо дали разрешение на эту атаку, хотя я не мог бы и не стал бы возражать, если бы меня попросили переместить мой штаб в какое-нибудь не столь густонаселенное место. Когда через несколько минут после воздушного рейда противника я покинул мое бомбоубежище, подразделения ПВО и пожарные из Рима уже въезжали в городок – это ясно говорило о том, что им было заранее известно о налете.

Я был вынужден считаться с возможностью проведения противником десантной операции в ночь с 8 на 9 сентября, а также открытого сотрудничества итальянцев с альянсом.

Но даже после описанного утреннего воздушного налета поведение итальянского командования не изменилось. Я приказал моему начальнику штаба и генералу Туссену,

сменившему Ринтелена на его посту, посетить совещание с Роаттой на Монте-Ротондо. Я также еще раз переговорил со всеми командирами боевых частей, приказал им находиться в полной готовности и отдал распоряжение перевести штаб военно-морских сил из Рима в район Фраскати. Уже после полудня позвонил Йодль и поинтересовался, соответствует ли действительности переданное по радио сообщение о том, что Италия сдалась. Поскольку я ничего об этом не слышал, мы договорились созвониться позднее. На мои вопросы по поводу радиосообщения я получил от итальянской стороны поразительный ответ, будто бы это отвлекающий маневр и что война будет продолжена. Тогда я в категорической форме потребовал немедленно дать официальное опровержение этой опасной фальшивки. Но оно так и не прозвучало, а тем временем итальянскому правительству пришлось публично во всем признатьсяд Первым мне сообщил об этом тот же Йодль, от которого я узнал о соответствующем сообщении по рации, только что полученном в ставке фюрера. Я сообщил эту информацию Туссену и Вестфалю, которые пытались выяснить, что происходит, и которым Роатта заявил, что все разговоры о сдаче – инспирированная «утка».

Совещание, в котором участвовали генералы, продолжилось, и Вестфаль доложил мне о возвращении только поздно вечером. Он уже начал опасался, что его и Тус-сена арестуют в Монте-Ротондо. Между восемью и девятью часами вечера мне позвонил Роатта и торжественно заверил меня, что новость, о которой объявили по радио, застала его врасплох и что он не пытался меня обмануть. Тем не менее, я убежден, что Бадольо и Амброзио старались держать меня в неведении, чтобы помешать мне принять немедленные контрмеры. Когда ситуация окончательно прояснилась, мне было уже слишком поздно что-либо предпринимать; королевская семья и правительство улизнули.

Хотя я еще мог связываться с Йодлем и командирами моих боевых частей, Верховному командованию вермахта пришлось бросить нас на произвол судьбы; в ставке фюрера на командующем Южным фронтом поставили крест. Передав кодовый сигнал «Ось», я коротко изложил командирам моих частей то, что в течение нескольких последующих дней волновало меня больше всего. Поскольку поздно вечером наша воздушная разведка сообщила, что вражеский флот вторжения все еще находится в море неподалеку от Неаполя, мы могли считать, что главная опасность нам пока не грозит, но приближение флота противника увеличивало, ответственность 10-й армии за события в Южной Италии, а также, между прочим, и мою ответственность, поскольку я не мог ожидать помощи от группы армий В. Между

тем донесения из Рима, которые я получил ночью, сделали ситуацию еще более критической, чем она была до этого, – немецкие дипломаты и вообще все немцы в соответствии с указанием нашего посла отправлялись в Германию.

Можно ли было избежать этих печальных событий? Я задавал себе этот вопрос тогда и продолжаю размышлять над ним до сих пор.

Во-первых, я должен признаться в том, что, когда ситуация прояснилась, у меня словно камень с души упал. Этому способствовало еще и то, как именно она прояснилась. Теперь я видел врага и мог действовать соответствующим образом. Выход из войны итальянских вооруженных сил, которые не хотели больше сражаться, был не такой уж большой потерей. По крайней мере, было понятно, что в последующих битвах мы должны будем драться как черти. Но все равно Италия, хотя она и вступила в войну вопреки желанию Германии, была картой, которую вынули из колоды и которой в этой колоде не хватало. Этого, возможно, не произошло бы, если бы на театре военных действий находилось такое количество германских войск всех трех видов вооруженных сил, которое позволило бы не дать противнику захватить плацдарм в материковой части Италии или в крайнем случае сбросить его части обратно в море. Но время было упущено, и решать первую из этих задач было уже поздно, а для решения второй мы не располагали достаточными силами и средствами.

Но даже с учетом идиосинкразии Гитлера я полагаю, что наша цель могла быть достигнута путем прямых, честных шагов и мер. Прежде всего с Муссолини, который был другом Гитлера, ни в коем случае нельзя было обращаться так, как с ним обращались. Возможно, Муссолини сумел бы убедить. Гитлера в том, что Италия устала от войны, поскольку фюрер и без того прекрасно знал, что боевые возможности итальянских вооруженных сил в тяжелой борьбе, которую мы вели, были очень невелики. Если бы можно было исключить Италию из стратегических расчетов противника, Гитлер, может быть, и согласился бы на мирное расторжение пакта с союзниками. Это был бы исключительно благоприятный вариант для Италии, который неизмеримо сократил бы для этой страны ущерб от войны. Более важный и сложный вопрос состоит в том, как бы отнеслись к предложению о капитуляции Италии на такой основе, при всех его пропагандистских и практических выгодах, государства альянса.

Последние дни Кабальеро

Только после того, как итальянские части в Риме и вокруг него, находившиеся под командованием генерала Карбони, сложили оружие, я приказал освободить всех взятых под стражу фашистских лидеров, включая графа Кавальеро. Кавальеро в компании еще одного или двух итальянцев побывал у меня в гостях. Все они прибыли ко мне в состоянии, которое было мне непонятно. Теперь, сам побывав в тюрьме, я знаю, что они чувствовали. Кавальеро обнял меня и расцеловал, что было незнакомой мне формой приветствия.

Стараясь не волновать их, я лишь указал, что для их собственной безопасности необходимо временно перевезти их в Германию и что они будут переправлены туда по воздуху в течение ближайших нескольких дней. Кавальеро очень переживал по поводу своей жены, которая была серьезно больна и находилась в госпитале. Он умолял меня разрешить ему навестить супругу на следующий день. Разумеется, я охотно уступил его просьбе. Он провел несколько часов у постели супруги и столько раз после этого выражал мне свою благодарность, что даже несколько меня этим утомил. На второй день за ужином я дал ему понять, что намерен лично гарантировать безопасность его жены и проследить за тем, чтобы ее письма в течение всего периода его пребывания в Германии, который, как следовало надеяться, должен был оказаться недолгим, отправлялись без задержки. Я также намекнул, что Гитлер относится к нему с особым уважением и что Муссолини наверняка предложит ему пост военного министра в своем новом правительстве.

Во время еды Кавальеро был на редкость мрачен; я решил, что это вызвано нервными перегрузками последних недель и разлукой с женой. Он рано отправился спать, пожелав мне спокойной ночи, и был препровожден в его покои одним из моих офицеров. На следующий день рано утром меня потрясло известие о том, что его обнаружили сидящим в саду. Он был мертв, взгляд его был устремлен на Вечный город. Я немедленно потребовал вскрытия и расследования обстоятельств его смерти. Вердикт был однозначным: он покончил жизнь самоубийством. В процессе опроса его итальянских друзей, помимо прочего, выяснилось, что он провел значительную часть ночи, шагая взад-вперед по своей комнате, и вышел в сад очень рано утром.

Что касается причин поступка Кавальеро, то, насколько мне удалось разузнать, он был замешан в заговоре против Муссолини, о чем последний, возможно, знал. Поездка в Германию и план Гитлера по сформированию нового итальянского правительства в изгнании неизбежно заставили бы его вступить в контакт с дуче,

а этого Кавальеро, вероятно, не смог бы вынести. Пребывая в отчаянии, он не нашел лучшего выхода из положения, чем самоубийство. Жаль, что он не открылся мне.

Я рассказал об этом трагическом эпизоде, потому что мне доводилось слышать, как в Венеции еще до того, как меня подвергли суду, поговаривали о том, что я либо сам застрелил Кавальеро, либо приказал это сделать. Я также встречал аналогичные намеки в газетах. Что ж, повторю здесь почти те же самые слова, которые я произнес перед трибуналом в Венеции:

«Я уважал графа Кавальеро и безоговорочно поддерживал его, потому что знал его как убежденного друга Оси, видевшего огромное благо в защите и продвижении наших совместных интересов, которым – как бы ему ни мешали – он посвятил без остатка всю свою жизнь. Глубоко одаренный человек, обладавший незаурядными способностями солдат, он сочетал в себе огромную энергию и тонкое искусство дипломата. По моему мнению, он в свое время был единственным человеком, который мог бы обеспечить соответствие военных усилий Италии возможностям ее военной промышленности. Я говорю об этом открыто, полностью отдавая себе отчет в свойственных ему слабостях и явно негативном отношении к нему среди определенной части офицерского корпуса итальянской армии».

Король Виктор-Эммануил, Муссолини и Гитлер

Муссолини, конечно, был абсолютным диктатором, но он умел выполнять свой долг перед королевским домом. В конце концов, однако, стало совершенно ясно, что в течение всех долгих лет совместной деятельности никакой гармонии между ними не было и в помине. Это тем более поразительно, что Муссолини стремился к расширению и укреплению государственной власти, что совпадало с устремлениями короля. Оба они были неискренни в отношениях друг с другом и таким образом способствовали собственному краху.

И Муссолини, и Гитлер начинали жизнь в весьма скромных условиях. Долгие годы невзгод и борьбы дали им силу для того, чтобы в конце концов взлететь вверх и одержать победу над своими оппонентами. Оба были в известном смысле самоучками, оба испытывали амбициозное и неудержимое стремление завершить свое политическое и культурное образование, однако при этом оба сохраняли верность простому образу жизни, дававшему им возможность свободно общаться с массами, эмоциями которых они могли управлять благодаря своему

блестящему ораторскому искусству. Оба создали общенациональные партии с оригинальными программами, оба ставили перед собой конкретные цели, которых добивались всеми правдами и неправдами, используя при этом даже опасные и не всегда этичные методы. И оба откусили больше, чем были в состоянии прожевать. Их кажущаяся непохожесть была скорее результатом сугубо национальных различий и не имела глубинного характера.

Социалистическая журналистика была для Муссолини политической школой, и он оставался политиком до самого конца. Он стал мастером дипломатических формулировок и концепций, знал, где и как их можно применить, и делал это в первую очередь для продвижения вверх самого себя и своих людей. Он прекрасно умел использовать в своих собственных политических целях требования об укреплении и модернизации армии, флота и военной авиации и сам культивировал и поощрял соответствующие настроения. Однако уровень его военной подготовки был недостаточным для того, чтобы трезво оценить некоторые факты, что сводило на нет все его блестящие качества. Будучи чисто по-человечески и в идеологическом плане другом Гитлера, он завидовал мощи созданной фюрером военной машины и его успеху, и это было не последней причиной того, что он ввязался в военные авантюры, которые привели его карьеру к трагическому концу.

В тот период, когда мне довелось находиться в достаточно тесном контакте с Муссолини, его лучшие времена были уже позади – как в смысле здоровья, так и в смысле власти и влияния. Его абсолютная уверенность в своих последователях таяла, он не обладал больше физической энергией, необходимой для решительных действий, а его решения все чаще подсказывали ему советники; и в конце концов, вернувшись наверх, но с сильно ограниченными полномочиями, он стал все больше и больше погружаться в летаргию философских размышлений на берегу озера Гарда. Он был уже не диктатором, а всего лишь человеком, который благодаря причудам судьбы сумел на короткий миг увидеть сверкающие горные вершины и который уже хотя бы поэтому не заслужил постигшего его ужасного, позорного конца.

Гитлер как лидер немецкого народа родился во время Первой мировой войны и полного тревог послевоенного периода. С 1921-го по 1945 год он чувствовал себя солдатом и находился в расцвете политических сил. Именно поэтому его политические организации были одеты в униформу, и именно поэтому он создал вермахт, столь внушительный внешне и столь эффективный по своим практическим качествам. При поддержке

блестяще организованной пропаганды он действительно стал идолом масс. Неудивительно, что со временем он поверил в собственную уникальность и незаменимость, в то, что по воле судьбы он должен посвятить всего себя созданию великой Германии и обеспечению ее безопасности на все обозримое будущее. Эту миссию надо было успеть выполнить в отмеренные ему годы – Гитлер никогда не верил, что проживет долго. При этом нельзя не отметить, что тот самый человек, который на раннем этапе своего восхождения доверял своим соратникам и приближенным и предоставлял им огромную свободу действий, в годы войны буквально преобразился. У него все чаще стали появляться мысли о том, что его советники не служат ему так, как нужно. Позже, когда большинство из них перестали его понимать, у него возникло чувство, что они предали и покинули его. Интересным с точки зрения психологии моментом является то, что Гитлер, чье превосходство во многих областях было бесспорным, страдал комплексом неполноценности, из-за которого любое свободное выражение чьего-либо мнения приводило его в возмущение и который заставлял его безжалостно преследовать любого реального или мнимого оппонента. Сконцентрировав в своих руках все полномочия и всю ответственность, Гитлер взял на себя слишком много, и вызванное этим перенапряжение стало причиной его знаменитых вспышек ярости и поспешных решений, которые зачастую имели ужасные, недопустимые с точки зрения гуманности последствия. Столь похожие и в то же время столь глубоко различные, Муссолини и Гитлер были жертвами своей жажды власти и не поддающейся контролю склонности к диктаторству. В свое время Гитлер намеревался создать сенат – контролирующий орган, который стоял бы над фюрером. Этого было бы недостаточно. Контроль даже за такими великими деятелями должен существовать с самого начала, и они сами должны создавать его для собственного блага и для блага своих народов. Диктатура, под какой бы личиной она ни скрывалась, не может существовать долго. Если правящий режим не подчиняется внешним или внутренним законам, он неизбежно разрушает сам себя.

Глава 18.
Битва за Салерно и борьба за создание линии обороны к югу от Рима

9.09.1943 года. Высадка американской 5-й армии под командованием генерала Кларка в Салерно.

– 9-16.09.1943 года. Битва за Салерно.

– Разоружение итальянских частей в германской зоне начиная с 9.09.1943 года.

– 10.09.1943 года. Оккупация Рима.

– 16.09.1943 года. Прекращение германского контрнаступления в районе Салерно. – 20.09.1943 года. Германские части завершают эвакуацию с Сардинии.

– 27.09.1943 года. Противник захватывает важную военно-воздушную базу в Фодже. – 30.09.1943 года. Германские войска уходят из Неаполя.

– 5.10.1943 года. Германские войска окончательно эвакуируются с Корсики.

– Октябрь 1943 года. Битвы за линию Вольтурно и ущелье Миньяно, сражения на Адриатике

После предательства Италии сугубо военные интересы приобрели для Германии первостепенную важность. В первое время казалось, что все остальное вообще не имеет никакого значения. Недостаточная плотность наших оборонительных порядков была постепенно устранена за счет переброски 76-го танкового корпуса и 10-й армии. Последняя в основном была сформирована генералом фон Витингофом из частей находившейся под его командованием группы армий{15}.

Вторжение противника на Сицилию и ее захват ясно показали, как альянс будет действовать в Средиземноморье в дальнейшем – можно было почти наверняка сказать, что он продолжит наступление и попытается развить его на территории самой Италии. Ее выход из Оси давал противнику новые возможности, о которых он ранее не подозревал: альянс мог активизировать воздушную войну против Германии, нанести удар по южному флангу германо-русского фронта и по Франции. Как командующий Южным фронтом, я должен был быть готов ко всем этим вариантам развития событий.

Когда противник не стал сразу же форсировать Мессинский пролив, что на первый взгляд казалось необъяснимым, меня вдруг на короткое время охватили сомнения. Может быть, противник задумал использовать Сицилию с ее просторными гаванями в

качестве плацдарма для крупномасштабной операции на Бмканах? В конце концов я отбросил эти предположения, поскольку подобный план нельзя было осуществить, не имея в своем распоряжении военно-морских и военно-воздушных баз в Апулии. Возможность вторжения в центральные районы Италии к северу от Рима или со стороны Адриатики, взвесив все за и против, я тоже исключил; и та и другая операция была бы связана с невероятными трудностями, для преодоления которых в то время альянс не располагал в Средиземноморье достаточными силами и средствами. Высадка в Апулии должны была бы сопровождаться наступлением через Калабрию с целью овладения горными ущельями в районе Абруцци. Тем не менее, в любом случае нельзя было упускать из виду возможность наступательной операции противника на юге Италии – в качестве главного или вспомогательного удара – до того момента, когда расположение его сил, особенно военно-морских, укажет на то, что у него иные намерения.

Рим, в связи с его политическим и стратегическим значением, занимал важное место в моих рассуждениях о возможных вариантах развития событий. Для того чтобы добраться до него по суше, потребовалось бы много времени, однако можно было гораздо быстрее решить эту задачу путем вторжения со стороны Тирренского моря. Самым очевидным местом возможной высадки, действительно идеально подходившим для этой цели (если исключить выброску воздушного десанта в непосредственной близости от столицы), был залив Салерно.

3-4 сентября противник сделал первый ход. Войска Монтгомери пересекли Мессинский пролив и развернули наступление в горах Калабрии. Однако их продвижение вперед было медленным. Если не считать высадку в Пиццо, предпринятую британцами в пять часов утра 8 сентября, они, к нашему большому облегчению, не предприняли крупномасштабных десантных операций, которые могли бы представлять серьезную угрозу для 29-й панцер-гренадерской и 26-й танковой дивизий, которые выдвинулись на север в направлении Салерно и тем самым ослабили нашу оборону в Калабрии. Значительная часть флота вторжения противника находилась в Тирренском море в состоянии боевой готовности с 8 сентября, то есть с того самого дня, когда мощная группировка вражеских бомбардировщиков среди бела дня нанесла удар по моему штабу во Фраскати.

Теперь главный вопрос состоял в том, где высадятся войска альянса. Тот факт, что флот вторжения находился в Тирренском

море на широте Неаполя, вовсе не обязательно означал, что целью противника является именно Неаполь. С таким же успехом он мог нацеливать острие своего удара на Рим или Кампанью, где дислоцировались пять боеспособных итальянских дивизий, которые могли бы поддержать операцию по высадке войск альянса, а местность прекрасно подходила для выброски десанта с воздуха.

Я считал, что в случае высадки противника в районе Неаполя уводить наши части из Центральной Италии не будет необходимости. Разумеется, ситуация в этом случае была бы весьма серьезной, однако ее можно было бы контролировать – особенно, если бы Верховное командование вермахта удовлетворило мои многочисленные просьбы и послало на юг, к нам на помощь, одну или две дивизии из армии Роммеля, бездействующей на севере, и если бы эти дивизии прибыли вовремя. Могли возникнуть некоторые сложности с итальянскими войсками, но я мог положиться на генерала фон Витингофа, которому в самом деле удалось наладить дружеские отношения с генералом, командовавшим 7-й итальянской армией в Калабрии. Я также верил в то, что командование германских частей на Сардинии и Корсике сумеет договориться с итальянцами или в крайнем случае сможет пробиться к своим.

В целом ситуация, в которой я оказался, была весьма сложной. Я до сих пор не могу понять, почему Гитлер решил списать со счетов и не принимать во внимание восемь первоклассных германских дивизий (шесть на юге Италии и две неподалеку от Рима) и обладавшие весьма значительной мощью зенитные части и не послал мне на помощь одну или две дивизии, уже сгруппированные на севере страны. Я достаточно часто объяснял Верховному командованию вермахта, насколько важным для битвы за Германию является обладание военно-воздушными базами в Апулии, а также то, что ее равнины ни в коем случае нельзя просто так отдавать противнику. Но, как бы то ни было, не был сделан даже такой очевидный шаг, как соединение дивизий Роммеля, дислоцировавшихся в Северной Италии, и подчиненных мне войск, находившихся неподалеку от Рима или севернее его. Идея Роммеля, состоявшая в отводе всех войск из южных и центральных районов Италии и обороне только севера страны, явно настолько прочно укоренилась в голове Гитлера, что он оставался глух даже к тем предложениям, необходимость реализации которых была тактически очевидной. Но раз уж Гитлер настолько проникся планом Роммеля, оставалось сделать только одно – улучив подходящий момент, вывести из Южной Италии германские сухопутные дивизии и

части ВВС и ВМС.

Было уже далеко за полдень, когда Йодль сообщил мне, что итальянцы перешли Рубикон. У меня было мало времени на раздумья. Собственно, предаваться долгим размышлениям не было необходимости, поскольку кодовый сигнал «Ось» уже привел весь механизм в действие. Только ситуация в Риме еще требовала отдачи последних распоряжений. К счастью, мне больше не нужно было препираться с итальянцами, а поскольку линии связи были перерезаны, я избавился от вмешательства Гитлера.

Полученное мною вечером того же дня донесение о том, что флот вторжения все еще находится неподалеку от Неаполя, снял с моих плеч двойную тяжесть: это означало, что можно не опасаться высадки противника на побережье в Кампанье, а угроза того, что 29-я панцер-гренадерская и. 26-я танковая дивизии окажутся отрезанными в Калабрии на узком перешейке, практически сошла на нет. Теперь противнику практически ничего не оставалось, кроме как высадиться на пляжах Салерно.

Это означало, что мы должны ускорить продвижение к северу двух дивизий, находившихся в Калабрии, и одновременно задержать продвижение войск Монтгомери. В выполнении последней задачи нам должна была помочь го_ристая местность. Ситуацию в Риме следовало прояснить, а находившиеся в районе столицы войска отправить на юг в помощь 10-й армии; наши дивизии нужно было развернуть в районе Салерно. Дивизию «Герман Геринг», находившуюся на отдыхе в районе Казерты, следовало как можно скорее вернуть и снова ввести в действие. Генералу Гейдриху и находившимся под его командованием основным силам 1-й парашютно-десантной дивизии, дислоцировавшимся в Апулии, предстояло действовать по обстановке на свой страх и риск.

2-й воздушный флот приступил к действиям против флота вторжения. В то же время зенитным частям, сконцентрированным вокруг Рима и поблизости от аэродромов люфтваффе, был отдан приказ находиться в полной боевой готовности к отражению воздушных ударов противника. Тот факт, что альянс упустил возможность провести высадку воздушного десанта, снизил напряжение в Риме; предоставленные самим себе, итальянские дивизии не представляли для нас серьезной опасности, хотя в численном отношении превосходили нас втрое. Можно было предвидеть, что без столкновений с нашими бывшими союзниками дело не обойдется. Однако, в отличие от вероломного поведения итальянского руководства, в целом в итальянских войсках все еще преобладало дружеское отношение к

нам, и серьезные стычки произошли только в Риме и на Корсике.

Первые донесения из Рима были не слишком обнадеживающими, даже если сделать скидку на то, что в них могла присутствовать некоторая доля преувеличения. 2-я парашютно-десантная дивизия быстро подошла к южной окраине города и была остановлена у железнодорожной линии, чтобы избежать вооруженных столкновений в городе. Как только мне сообщили о попытках с боем пересечь линию и продолжить движение, я тут же приказал их прекратить. Атака парашютистов на главный штаб итальянских сухопутных войск, хотя и оказалась более трудным делом, чем я ожидал, закончилась полным тактическим успехом. Оперативный отдел штаба во главе с генералом Роаттой попросту удрал. Что же касается 3-й танковой дивизии, двигавшейся от озера на юг, к северным окраинам города, то ни с каким серьезным сопротивлением она не столкнулась.

9 сентября один человек, давно состоявший в фашистской партии и служивший в одной из итальянских дивизий, сообщил мне, что итальянцы не станут больше сопротивляться и готовы вступить в переговоры. Вскоре после этого итальянское командование отдало своим войскам приказ сложить оружие. Генерал Кальви ди Берголо, имевший титул графа, и полковник Монтесемоло, тоже граф, прибыли ко мне под белым флагом. После краткой беседы я поручил завершить переговоры и согласовать детали Вестфалю, не сомневаясь, что он прекрасно справится с этим делом. Я потребовал от итальянской стороны немедленной демобилизации всех видов вооруженных сил и согласился на то, чтобы их солдаты разошлись по домам. Роммель связался со мной по рации и приказал мне отправить всех итальянских военнослужащих в Германию в качестве военнопленных, хотя до этого мне ни разу не приходилось слышать о его назначении моим начальником. Я решил не обращать внимания на упомянутую радиограмму и телеграфировал Гитлеру, что, находясь в безвыходном положении, вынужден настаивать на том, чтобы мне не отдавали приказов, выполнить которые заведомо не представляется возможным.

Я должен был иметь возможность действовать так, как считал нужным. Отмечу, что больше мне подобных указаний не давали. Роммелю, кстати, тоже следовало добиться демобилизации итальянцев на севере и распустить их по домам. Поскольку он этого не сделал, это привело к массовому дезертирству с их стороны, а дезертиры сформировали ядро партизанских отрядов. Причиной того, что мои многократные и вызванные

необходимостью просьбы о подкреплении были отвергнуты, стало существование в Италии двоевластия между мной и Роммелем и то, что Гитлер проявлял чуть ли не. подобострастную готовность во всемˆ идти навстречу последнему. К сожалению, разоружение итальянцев и складирование в безопасных местах оружия, боеприпасов и военного снаряжения потребовало больше времени и людей, чем я собирался выделить для выполнения этих задач, учитывая тактическую обстановку в районе Салерно. Если бы только в Рим была переброшена хотя бы одна дивизия!

Бои на пляжах Салерно, несмотря на подавляющее превосходство противника в воздухе, его шквальный артиллерийский огонь и немногочисленность наших войск, мы вели с гораздо большим успехом, чем я осмеливался надеяться. Нам улыбнулась удача, когда 11 сентября первые подразделения 29-й панцер-гренадерской дивизии, прибывшие из Калабрии, сумели, несмотря на нехватку горючего, предпринять контратаку на левом фланге. Вскоре к ним присоединились основные силы этого соединения и 26-я танковая дивизия. На правом фланге в контратаку пошли 15-я панцер-гренадерская дивизия и те части и подразделения дивизии «Герман Геринг», которые были готовы двинуться в прорыв следом за машинами 15-й танковой. Брешь в центре была прикрыта, хотя и не слишком надежно, силами 16-й танковой дивизии, первоначально находившейся в резерве, и полком 1-й парашютно-десантной дивизии, которая все еще оставалась в этом районе. Машины 16-й танковой дивизии, которые 11 сентября начали контратаку с хорошими шансами на успех, потеряв темп, увязли в местности, изрытой траншеями, и превратились в легкую мишень для корабельной артиллерии противника; с другой стороны, наши войска на левом фланге, являвшемся зоной ответственности 76-го танкового корпуса, 13 или 14 сентября с успехом провели собственную контратаку – ближе к вечеру мне доложили, что есть надежда на то, что они сбросят противника обратно в море. Мы с Витинго-фом были настроены гораздо более скептически и, к со-жмению, оказмись правы. Как легко этот критический период времени, который даже англичане называли «переломной неделей», мог закончиться решительной победой Германии, если бы Гитлер уступил моим весьма скромным требованиям.

По окончании этого исключительно важного периода ситуация практически мало изменилась. Левый фланг группировки наших войск, оборонявшей Салерно, был прикрыт от осторожно продвигавшихся вперед войск Монтгомери арьергардом 76-го танкового корпуса, а также естественными и искусственными препятствиями. Со стороны Апулии серьезной

угрозы не было – нам существенно помогло то, что мы, в отличие от британской 8-й армии, не стали распылять свои силы.

10 сентября я уже нарисовал на карте наши новые оборонительные позиции на случай отступления из Южной Италии; когда впоследствии нам пришлось отойти, мы заняли оборону приблизительно в тех местах, которые я обозначил. В первые два дня у меня складывалось впечатление, что мы должны быть готовы пойти на значительные территориальные жертвы, но что в то же время все еще существует возможность занять оборону к югу от Рима по линии, проходящей через Монте-Миньяно (позже – «линия Рейнхарда») или же по линии Гарильяно – Кассино (позже – «линия Густава»). Однако для того, чтобы можно было сохранить надежду остановить там противника, на этих позициях следовало как следует закрепиться, направив туда боевые и инженерно-саперные части. Обеспечить нам передышку, необходимую для решения этих задач, должен был фон Витингоф и его 10-я армия.

Я решил твердо придерживаться этой основной идеи. 12 сентября я провел свое первое совещание с Витингофом. Переговоры с Верховным командованием вермахта о предоставлении нам всего необходимого для того, чтобы создать прочный оборонительный рубеж, прошли достаточно гладко. Я держал руку на пульсе событий и внимательно следил за развитием ситуации, ежедневно совершая облеты местности и посещая расположение боевых частей. Эти визиты не всегда были приятными. Постоянно проверяя, как идут инженерно-строительные работы по возведению укреплений в тылу наших войск, я, должно быть, был настоящей головной болью для руководившего этими работами генерала Бесселя.

Располагая точной информацией о положении на фронте и о состоянии нашей обороны, я имел возможность разработать стратегический план действий на предстоящие месяцы, который в целом соблюдался без всякого вмешательства со стороны Гитлера. 16 сентября, чтобы не подставлять наши войска под весьма эффективный обстрел корабельной артиллерии альянса, я отдал им приказ выйти из-соприкосновения с противником на побережье с обязательным условием, что «линия Вольтурно», за которую собиралась зацепиться 10-я армия, будет удерживаться, как минимум, до 15 октября. Из Неаполя наши войска ушли 1 октября, когда оттуда были вывезены все склады. Витингоф и его талантливый начальник оперативного отдела штаба Вендель осуществили отход в образцовом порядке и сражались, удерживая противника на «линии Вольтурно» до 16 октября. Только через два дня после этого войска альянса начали форсировать реку. Так

как я надеялся, что к началу ноября у меня будут еще три свежие и отдохнувшие дивизии (94-я, 305-я и 65-я пехотные), я приказал, чтобы наши войска на «линии Рейнхарда» были приведены в состояние полной готовности к оборонительным действиям к 1 ноября.

4 ноября в районе «линии Рейнхарда» были замечены передовые дозоры противника. Я был уверен в прочности наших позиций, развернутых в очень удобной для обороняющейся стороны местности, и надеялся, что нам удастся удерживать их довольно долго, возможно, до Нового года. Это дало бы нам возможность укрепить «линию Густава» настолько, чтобы британские и американские войска обломали на ней зубы.

Тем временем Гейдрих, которого преследовал по пятам британский 13-й корпус, отдал своим измотанным парашютистам приказ выйти из соприкосновения с противником и получил временную передышку. 22-23 сентября в районе Офанто он столь же искусным маневром ушел от британской 78-й дивизии, высадившейся в Бари. 27 сентября после ожесточенных боев мы потеряли военно-воздушную базу в Фодже. 1-ю парашютно-десантную дивизию противник оттеснил сначала за Форторе, а затем за Биферно. В конце концов ей пришла на помощь 29-я панцер-гренадерская дивизия, закрывшая брешь, зиявшую перед канадской дивизией, и прикрывшая с фланга основные силы 10-й армии, дислоцировавшейся слева от нее. Я могу лишь согласиться с комментарием одного англичанина, который, описывая наступление британских войск в горах, заметил: «Стоило ли использовать кувалду для того, чтобы расколоть орех?»

Отказ Верховного командования вермахта выделить хотя бы одну дивизию из состава группировки, находившейся в северных районах Италии, для обороны военно-воздушных баз в Апулии привел к тому, что мы их потеряли. Это был страшный удар. Тем не менее, в целом ситуация стабилизировалась. Отчаянно сражаясь за каждую пядь земли, 10-я армия создала пусть слабую и нестабильную, но все же линию фронта от Тирренского моря до Адриатического – На Адриатическом побережье Апеннинского полуострова положение было сложнее; 3 октября британский 13-й корпус внезапно большими силами высадился в районе Термоли и сумел захватить весьма значительный плацдарм. Когда пришло сообщение об этом, я находился в штабе 10-й армии. Я тут же отдал приказ 16-й танковой дивизии совершить бросок в район высадки противника и сбросить его обратно в море.

Поскольку приказ был отдан без малейшего промедления, я был крайне удивлен, когда между 10 и 11 часами вечера того же дня Вестфаль доложил мне, что командующий 10-й армией все

еще колеблется, не решаясь отправить 16-ю танковую к месту высадки группировки альянса. А я-то считал, что наши танки уже мчатся по направлению к Термоли! Поскольку, в отличие от командующего 10-й армией, я не испытывал неуверенности в правильности своих действий, я отдал указание исполнить приказ вдвое быстрее. Дивизия прибыла в нужный район с опозданием, 4 октября, и была введена в действие не сразу, а по частям. Штаб 10-й армии сработал плохо и упустил верную возможность добиться успеха. Мы могли компенсировать свою малочисленность только за счет умения предвидеть развитие событий, интенсивных подготовительных мер, быстрого принятия решений и высокой мобильности. Описанный выше эпизод послужил уроком как мне, так и войскам. Впоследствии, когда противник начм высаживаться в Анцио, мы показали, что урок пошел нам впрок.

Как я уже отметил, я возлагал большие надежды на «линию Рейнхарда». Возможность ее удержания полностью зависела от того, удастся ли нам удержать Миньянское ущелье, которое, в свою очередь, противник не мог взять, не выбив нас с высоты 1170. Но, как это часто случается на войне, наши надежды рухнули. Тактический просчет, допущенный подразделениями пан-цер-гренадерской дивизии, позволил противнику внезапно овладеть ключевыми позициями в горах, и мы не смогли выбить их обратно, контратакуя силами единственного парашютно-десантного батальона, имевшегося в моем распоряжении.

За два дня до этого наступления противника, в конце ноября, я вместе с Вестфалем побывал в штабе 65-й пехотной дивизии. Генерал фон Зильберг помог нам изучить местность и объяснил диспозицию с помощью карты. На правом фланге и на его стыке с центральным участком линии обороны все было в идеальном порядке. Местность, система укреплений, сами войска – все это вселяло надежду, а овладение горнострелковыми батальонами блок-постом Маджелла обеспечило бы правому флангу дополнительное прикрытие. Левый фланг обороны, однако, был слабее, причем слабость эта проявлялась все более отчетливо по мере приближения к побережью Адриатики. Оборонительным порядкам не хватало глубины, места для артиллерийских наблюдательных пунктов были выбраны неудачно, и к тому же держать оборону на этом участке предстояло части, не обладавшей достаточным боевым опытом. С другой стороны, тактические аванпосты были расположены хорошо – вдоль реки, а осуществлять наблюдение за артогнем с основной позиции было очень удобно. Но вопрос состоял в том, как долго наши солдаты смогут ее удерживать.

Возможно, бой сложился бы иначе, если бы командиры дивизии и полка, расположенного на левом фланге, не были в самом начале серьезно ранены, а 1-я парашютно-десантная дивизия сменила 65-ю пехотную на Адриатике (я собирался произвести эту замену, но у меня не хватило времени это сделать). Ситуация также была осложнена целым рядом неудачных совпадений: в момент, когда все решалось, меня не было на месте событий – я находился в штабе 51-го горнострелкового корпуса в районе Зеленой линии (в Апеннинах), а для того, чтобы добраться туда, нужно было потратить целый день. Затем совершенно неожиданно 44-я пехотная дивизия опоздала на соединение с 26-й танковой дивизией, которая должна была сгруппироваться в тылах 65-й пехотной дивизии, и в результате потенциал наших резервов был ослаблен. Наконец, 90-ю панцер-гренадерскую дивизию, которая была переброшена с Сардинии через Корсику и находилась в резерве Верховного командования вермахта, нельзя было немедленно задействовать, и к тому же она была не готова сразу же вступить в бой. Как неизменно происходит в таких случаях, когда дивизия наконец прибыла в зону боевых действий, ее бросили вперед раньше, чем следовало, и потому ее контратака оказалась, увы, безуспешной. В течение следующих нескольких дней новый командир дивизии, полковник Бааде, развеял неприятное впечатление от этого неудачного старта.

После исключительно упорных боев с 6 по 13 декабря 1943 года на этом фланге наступило затишье.

Глава 19.
Кассино, Анцио-Неттуно и Рим. Осень 1943-го – начало лета 1944 года

21.11.1943 года. Кессельринга назначают командующим Юго-Западным фронтом.

– 22.01.1944 года. Войска альянса высаживаются в Анцио – Неттуно.

– Февраль 1944 года. Безуспешные германские контратаки в районе Анцио – Неттуно.

– Январь, февраль, март 1944 года. Германские войска успешно держат оборону в боях за Кассино.

– 12.05.1944 года. Массированное наступление противника в районе Кассино, прорыв обороны в районе Гарильяно и Кассино.

– 22.05.1944 года. Наступление противника с плацдарма в Анцио – Неттуно, прорыв на левом фланге 14-й армии.

– Отход германских 10-й и 14-й армий.

– 4.06.1944 года. Войска противника входят в Рим, ранее объявленный германским командованием открытым городом

Плацдарм и Кассино

Отлет королевской семьи и итальянского правительства из Рима в военном смысле упростил ситуацию, но в политическом сделал ее еще более запутанной. Доктор Ран и наш консул Мюльхаузен, однако, покончили с хаосом и навели порядок, быстро и весьма успешно создав сильную администрацию. Набор трудовых батальонов и снабжение населения продовольствием осуществлялись итальянскими чиновниками под германским контролем. Тот факт, что удовлетворительные результаты достигались лишь в исключительных случаях и что рабочие, о которых хорошо заботились, все же оставались ненадежными, свидетельствовал об общей усталости от войны. Постепенно я пришел к выводу, что, воюя в Италии, можно было бы добиться больших успехов без посредничества непопулярного местного правительства. Между тем именно этот вопрос был единственной причиной принципиальных разногласий между германским посольством и военными.

Я с большим напряжением следил за эвакуацией наших войск с Сардинии и Корсики и испытал облегчение, когда она завершилась. Нам удалось почти без боя вывести наши силы с

Сардинии благодаря умелым действиям генерала Люнгерхаузена и миролюбивому настрою итальянского командования на острове. Генералу фон Зенгер унд Эттерлину в конце концов удалось переправить все находившиеся там войска численностью около 40 000 военнослужащих на Эльбу, в Леггорн и Пиомби-но вместе с оружием и снаряжением. Мои особые сожаления вызвало то обстоятельство, что на Корсике нашим войскам пришлось вступить в бой с итальянским гарнизоном под командованием генерала Магли, о котором у меня сложилось особенно высокое мнение в тот период, когда он работал под началом Кавальеро. Кроме того, мне пришлось изрядно понервничать несколько часов, в течение которых продолжалась схватка за Бастию и за морской транспорт, который был необходим нашим силам для переправки оттуда на материк.

Мои постоянные призывы к созданию единого командования в Италии, с которыми я, нисколько не заботясь о том, как это может сказаться на моей личной судьбе, постоянно выступал и которые в конце концов лично озвучил в ставке фюрера, наконец-то были услышаны – 21 ноября меня назначили командующим Юго-Западным фронтом и группой армий С. Я старался компенсировать запоздалость этого решения и взялся за дело с удвоенной энергией. Наши руки больше не были связаны, и работы по созданию глубоко эшелонированной обороны в тылу «линии Густава», центром которой должен был стать Монте-Кассино, а также строительство укреплений, осуществлявшееся по приказу Роммеля, теперь были приспособлены к моим планам.

Пожалуй, здесь будет уместно уделить немного внимания двум весьма интересным моментам. Как я уже отмечал, Роммель настаивал на эвакуации наших войск из Африки. В Италии же мы, по его мнению, должны были какое-то время сдерживать противника, а затем дать ему настоящий бой в Апеннинах или Альпах. С подобными воззрениями на ведение боевых действий на суше я был категорически не. согласен. Овладение побережьем Северной Африки давало противнику возможность с помощью бомбардировщиков дальней авиации наносить удары по южным районам Германии и вторгнуться в Европу с юга практически в любой точке. По мере продвижения войск противника к северу его способность бомбить юг Германии лишь увеличивалась бы. На мой взгляд, экономить силы для того, чтобы занять оборону в Апеннинах, да, пожалуй, и в Альпах, вовсе не следовало. Более того, нам надо было опасаться того, что, если наши войска займут оборону в Апеннинах, они могут оказаться отрезанными от тыловых коммуникаций. А уж в Альпах-то это произошло бы наверняка.

Зарубежные авторы часто обвиняли меня в том, что я чересчур тревожился по поводу возможности вторжения противника, и даже называли это «фобией». Однако ввиду того, что силы альянса на море и в воздухе неуклонно росли, для подобных опасений имелись все основания. Могу лишь сказать, что, если бы я был главнокомандующим сил противника, я бы, по крайней мере, попытался сократить по времени Итальянскую кампанию, осуществив несколько десантных операций тактического значения в тылу группы армий С. Даже при том, что противнику не хватало десантных судов, эти операции принесли бы ему успех. Разумеется, концентрация войск вблизи береговой линии имела целый ряд очевидных минусов, лишь частично компенсировавшихся ощущением относительной безопасности. Однако она давала то преимущество, что части, еще не успевшие приобрести достаточный боевой опыт, могли ознакомиться с обстановкой и с местностью, в тб время как дивизии, измотанные боями, получали возможность отдохнуть и набраться сил, находясь в резерве. В конце 1943-го – начале 1944 года стало ясно, что прилегающий к Риму район от Сивитавеччии до Гаэты, в котором ключевое значение имела Кампанья, особенно уязвим. Соответственно, моей главной заботой было создать резервы и, сконцентрировав их на побережье, быть готовым в нужный момент использовать их для отражения крупных десантных операций противника. Были предприняты все необходимые меры (вплоть до согласования кодового слова, являвшегося сигналом к началу действий) с целью концентрации в местах вероятного вторжения всех имевшихся в нашем распоряжении мобильных сил из всех уголков Италии.

Однако, как бы тщательно мы ни готовились к отражению удара противника, мы прекрасно понимали, что соотношение сил складывается не в нашу пользу. Я вспоминаю спор, возникший между мной и одним из лучших моих дивизионных командиров, командующим 29-й пан-цер-гренадерской дивизией генералом Фрисом. В ходе этого спора, происходившего в боевом штабе его дивизии, мой оппонент разразился целой тирадой, обильно сдобренной ссылками на невыносимость его положения. Он жаловался, что его измотанные и обескровленные части вынуждены противостоять двум свежим, хорошо отдохнувшим дивизиям противника; что даже одна дивизия противника вдвое превосходит его дивизию по численности, что у противника вдвое больше оружия и вдесятеро больше боеприпасов. Высказав мне все это в присутствии своих штабных офицеров, командир дивизии явно облегчил свое состояние. Я же с улыбкой ответил, что сам я баварец, но вынужден напомнить ему, уроженцу

Пруссии, что пруссаки никогда не спрашивают, насколько силен противник, а интересуются лишь тем, где он находится. Я сказал, что если командование группы армий поручило его дивизии выполнение труднейшей задачи в районе Монте-Лунго в середине декабря, то это комплимент и выражение доверия по отношению к нему и к его солдатам. Я также посоветовал моему собеседнику продолжать действовать так, как он действовал до этого, и верить в свое командование, и заверил его, что в этом случае все будет в порядке. Разумеется, мы в подобных случаях нередко шли на немалый риск. Трусость и малодушие в командующем звене, тем более на таком театре военных действий, как Италия, были неприемлемы. Помимо того что противник располагал численным перевесом в сухопутных силах, он еще и обладал превосходством в воздухе, которое не приводило к катастрофическим для нас последствиям только потому, что его авиация действовала чересчур систематически, по определенному графику и к тому же, с нашей точки зрения, не слишком усердно.

После короткой передышки на рубеже 1943-го и 1944 годов начмась завершающая фаза боев за позиции, расположенные непосредственно перед «линией Густава». Она стартовала 3 января 1944 года и закончилась взятием Сан-Витторе (6 января), Монте-Троччио (15 января) и Монте-Санта-Кроче (также 15 января) французскими войсками. Наши новые дивизии лишь постепенно приспосабливались к необычным условиям Итальянского фронта. Поражения наших войск зачастую были связаны с нехваткой теплой одежды, необходимой в горах, тем более в зимнее время, а также разногласиями в нашем командовании относительно способов ведения боевых действий в горной местности, покончить с которыми мне удалось лишь через некоторое время.

Тяжелые бои последних месяцев убедили меня в том, что использование противником столь значительного количества войск говорит о наличии у него неких намерений, которые он пытается от нас скрыть. Для наступления, целью которого было «припереть к стене» наши войска, альянсом были задействованы явно слишком большие силы. Я не верил в то, что Александер надолго удовлетворится медленным и стоящим ему больших потерь продвижением вперед. Рано или поздно противник должен был предпринять десантную операцию, которая, учитывая характерную для действий альянса систематичность, могла быть осуществлена только в районе Рима. Соответственно, становилось ясно, что такая десантная операция будет каким-то образом скоординирована с наступлением на Южном фронте. Для того чтобы оказать противодействие замыслу противника, нам были

необходимы сильные моторизованные резервы на обоих направлениях. Я отдал приказ от отводе четырех моторизованных дивизий с линии фронта в надежде, что они снова понадобятся мне не слишком скоро.

Наступление альянса в районе Гарильяно было начато 17-18 января превосходящими силами британского 10-го армейского корпуса; 20 января, переправившись через Рапидо, его поддержал американский 2-й армейский корпус. Наша 94-я пехотная дивизия была сформирована совсем недавно и потому не смогла сдержать наступающие вражеские войска; противник прорвался в районе Кастельфорте, и 10-я армия, вынужденная действовать с учетом возможности продолжения его наступления через долину Лири в направлении горного массива Кассино, оказалась не в состоянии прикрыть брешь своими небольшими резервами. Я увидел, что правый фланг 10-й армии повис на ниточке. В этой ситуации – может быть, излишне положившись на доклад адмирала Канариса, главы военной разведки, – я уступил настойчивым просьбам командующего 10-й армией и послал ему на помощь 11-ю авиагруппу под командованием Шлемма, а также 29-ю и 90-ю панцер-гренадерские дивизии. При этом я отдал командующему 10-й армией приказ как можно быстрее выправить положение на участке фронта 94-й пехотной дивизии. Вопрос состоит в том, насколько оправданным было это решение, особенно с учетом полученного мной ранее еще одного доклада от Канари-са о количестве кораблей и судов противника, находившихся в гавани Неаполя (согласно содержавшимся в докладе сведениям, их было вполне достаточно для того, чтобы составить военно-морскую группировку вторжения).

Я совершенно ясно видел оперативные возможности противника. Было очевидно, что наступление на наши позиции севернее Монте-Кассино, предпринятое 20 января американским 2-м корпусом и французским Экспедиционным корпусом, было четко скоординировано с наступлением альянса в районе Гарильяно и увеличило его шансы на успех. О возможности десантной операции можно было только гадать – не было никакой информации о том, где и когда она могла быть проведена. Если бы я не поддержал командующего 10-й армией, его правый фланг оказался бы прорванным и никто не был бы в состоянии сказать, как далеко продвинется противник, прежде чем мы сможем его остановить. В то время я предвидел события, которые в самом деле произошли в ходе майского наступления противника. Если бы во время этого беспорядочного отступления наших войск альянс провел десантную операцию, далее уже ни за что нельзя было бы ручаться. Какую реакцию это вызвало бы в Риме с его

миллионным населением? Я не верил, что американская 5-я армия наступает только для того, чтобы отвлечь внимание от десантной операции; я считал, что противник хочет дождаться того момента, когда развитие наступления на юге не только создаст подходящие условия для высадки с моря, но и сделает возможным координацию действий на двух направлениях, что, в свою очередь, позволит ему окружить наши войска. В любом случае я был убежден, что не слишком ошибаюсь, полагая, что Кларк или Александер используют первоначальный успех в районе Гарильяно, чтобы смять правый фланг 10-й армии, если мы не предпримем контрмеры и не заставим их остановить наступление. При защите от такой угрозы полумеры ничего бы не дми – контрудар нужно было нанести быстро и эффективно. Необходимо было сначала ликвидировать возникшую опасность, а потом уже готовиться к отражению новых выпадов.

Между тем угроза десантной операции продолжала существовать, причем время и место ее проведения по-прежнему оставались для нас загадкой – воздушной разведки на тот момент уже почти не существовало, а те редкие сообщения, которые мы время от времени все же получали, были неточны и лишь вводили нас в заблуждение. В течение трех суток, предшествовавших вторжению противника, я каждую, ночь отдавал приказ о приведении наших частей и соединений в полную боевую готовность по всей Италии. И если я послушался настойчивых уговоров работников моего штаба, опасавшихся, что войска раньше времени устанут, и в ночь с 21 на 22 января отменил этот приказ, то мне некого винить за это, кроме самого себя.

Первые часы 22 января 1944 года – дня, когда противник осуществил вторжение в районе Анцио – Неттуно, – были полны волнений и забот. Утром у меня возникло ощущение, что главную угрозу нам удалось отвести. Мы смогли сделать это главным образом благодаря фон Полю, который, следуя моим прямым указаниям, окружил береговой плацдарм противника кольцом своих батарей, сквозь которое было трудно пройти вражеским танкам. Кроме того, высадившиеся на берег войска противника вообще продвигались вперед с большой осторожностью. Между тем наши войска прибывали батальон за батальоном и тут же поступали под командование генерала Шлеммера, в задачу которого входила переброска всех частей и подразделений по мере их прибытия как можно дальше на юг с тем, чтобы помочь зенитным частям задержать или остановить вражеское наступление. Для меня был важен каждый метр территории. К сожалению, описанный порядок действий, как я обнаружил уже днем, был по непонятным мне причинам и без

каких-либо оснований изменен, что расстроило выполнение моего плана, предусматривавшего немедленное осуществление контратакующих действий. Тем не менее, после того, как я проехался вдоль фронта, у меня возникла уверенность, что противник упустил единственную благоприятную возможность взять Рим и пробить себе брешь в районе Гарильяно. Я был уверен в том, что время работает на нас.

В те дни на фронте царила невероятная неразбериха. В этом беспорядке сражались плечом к плечу части и подразделения разных дивизий. Помимо 11-го парашютно-десантного корпуса, я передал приказ о переброске частей в район захваченного противником плацдарма в штабы 76-го танкового корпуса, дислоцировавшегося на Адриатике, и 14-го армейского корпуса, развернутого в Северной Италии, – это было необходимо для создания прочной оперативной основы. Когда 23 января фон Макензен, командующий 14-м армейским корпусом, появился в моем штабе в Монте-Соратте и доложил о прибытии его соединения, я получил возможность с полным основанием сообщить ему, что считаю нашу оборону достаточно прочной и что мы можем больше не опасаться каких-либо крупных перемен к худшему. Я поставил перед ним две задачи: укрепить оборонительные порядки вокруг плацдарма и приступить к принятию мер по его сужению и полной ликвидации. Исключительно настойчивые атаки, предпринятые американским 6-м корпусом 25 января в районе Систерны и 31 января в районе Систерны и Камполеоне, доказали мою правоту – локальные продвижения вперед на небольших участках фронта стоили противнику больших потерь. Таким образом, фон Макензен получил возможность, не боясь серьезного кризиса, формировать, инструктировать и отправлять в бой подкрепления, которые продолжали прибывать вплоть до конца месяца. Среди них были 65-я и 362-я пехотные дивизии из состава 14-й армии, 715-я (частично моторизованная) дивизия с Западного фронта, 114-я стрелковая дивизия с Юго-Восточного фронта, а также прибывшие из Германии, из резерва Верховного командования вермахта, пехотный учебно-демонстрационный полк, 1027-й и 1028-й панцер-гренадерские полки, учебно-демонстрационный артиллерийский полк, батальон «Тигр» и другие части и подразделения.

22 января я уже отдал 10-й армии приказ вывести из боя 26-ю танковую дивизию, чтобы иметь резервы на будущее и ввести определенную ротацию частей и соединений на линии фронта.

При том что меня больше всего беспокоил захваченный противником береговой плацдарм, не меньше внимания

требовала ситуация, в которой оказался 14-й танковый корпус, действовавший в районе Кассино. Медленно, но верно прекрасно подготовленные войска французского Экспедиционного корпуса продвигались в направлении Колле-Бельведере и Терелло и 31 января овладели ими. Угрозу с этой стороны могли отвести только отборные германские части под командованием опытных, проверенных военачальников – Гейдриха и Бааде, а также отлично подготовленный 211-й полк из состава 71-й дивизии. И они решили эту задачу; 6 февраля кризис был преодолен, а 12 февраля на этом направлении наступило затишье. Об этом эпизоде фельдмаршал Александер написал: «В этом сражении успех был на стороне немцев».

Даже наступление, предпринятое противником позднее, в период с 15 по 19 февраля, в ходе которого 4-я индийская дивизия и дивизия, состоявшая из новозеландцев, попытались захватить Кассино и находящийся в нем монастырь, не изменило положение на этом участке, хотя противник подверг монастырь массированному артобстрелу и нанес по нему бомбовый удар с воздуха, в котором не было никакой необходимости и который в дальнейшем лишь осложнил действия противоположной стороны. Мне хотелось бы особо подчеркнуть тот факт, что монастырь не был занят нашими войсками и не являлся частью наших оборонительных порядков; военная полиция закрыла его для несанкционированных посещений. Его сокровища и библиотека задолго до начала боев были переданы на хранение в Ватикан. Однако большие потери среди гражданского населения причинили много горя мирным жителям, и нам была очень хорошо понятна печаль настоятеля монастыря, вызванная этим обстоятельством.

Тем временем бои в зоне плацдарма все еще продолжались. Американский 6-й корпус пытался прорваться к Албанским высотам, а Макензен, со своей стороны, стремился, прежде чем начинать наше главное контрнаступление, надежно закрепиться в Апулии. В ходе отражения атак альянса обе стороны несли тяжелые потери. Проведенный нами контрвыпад позволил нам 8-9 февраля занять Апулию, а 9-10 февраля захватить Корросе-то. Ответные удары противника не принесли ему успеха. Поняв, что наступление не удалось, командование американского 6-го корпуса приняло единственно возможное решение и перешло к обороне, начав создавать на плацдарме глубоко эшелонированные защитные порядки. Даже при том, что 14-я армия не забывала об обороне, главной проблемой, стоящей перед ней, все же была атака. Группа армий получила свежие части и соединения, а также военное снаряжение в более чем

достаточном количестве. 2-е воздушное командование также делало все, что было в его силах, и добилось весьма внушительной концентрации зенитной артиллерии. Командованию удалось также, как в старые добрые времена, собрать достаточно сильную группировку авиации.

Я лично был убежден в том, что даже с учетом мощи корабельной артиллерии противника и его подавляющего превосходства в воздухе, с имеющимися в нашем распоряжении силами и средствами мы обязательно должны добиться успеха и сбросить противника обратно в море. Я постоянно учитывал психологический эффект, который оказывала на штаб и войска американского 6-го корпуса ситуация, в которой они оказались. Должно быть, им было несладко на расположенном в низине участке побережья с явно нездоровым климатом, да еще в окружении вражеских войск; наша тяжелая артиллерия, а также зенитные орудия и бомбардировщики люфтваффе делали все для того, чтобы даже во время «отдыха» солдаты противника не отдыхали. В численном отношении группировка, развернутая на плацдарме, была ограниченной; высадка на берег слишком большого контингента привела бы к неоправданно высоким потерям, а слишком малочисленного – к утрате плацдарма. Ротация была связана с определенными трудностями и требовала времени. Мне казалось чрезвычайно важным, чтобы мы атаковали как можно быстрее, пока противник не успел восполнить потери, понесенные в ходе недавних боев, а также как следует укрепить промежуточные оборонительные позиции на плацдарме. С другой стороны, значительной части наших войск нужно было время для акклиматизации.

Мы оба – и Макензен, и я – отвергли так и напрашивавшуюся идею, состоявшую в том, чтобы попытаться уничтожить плацдарм фланговым ударом вдоль побережья к северу от Анцио – для этого нам пришлось бы осуществлять концентрацию сил и средств и атаковать под огнем всей корабельной артиллерии противника, не имея в то же время возможности должным образом использовать наши орудия; кроме того, покрывавшие побережье густые леса и плотные минные поля не позволили бы нашим мощным танковым частям оказать нам поддержку. Поскольку сильно пересеченная и заболоченная местность на южном фланге автоматически исключала возможность нанесения нами удара оттуда, для атаки оставался только один сектор – между Апулией и Систерной. Я принял план Макензена, состоявший в том, чтобы атаковать либо с одной, либо с другой стороны от Апулии и поддержать главный удар двумя отвлекающими.

Макензену пришлось доложить о своем плане Гитлеру. С согласия генерала фюрер приказал атаковать силами пехотного учебно-демонстрационного полка, причем на очень узком участке фронта, чтобы добиться максимального эффекта от нашей артподготовки. Нам пришлось заплатить за обе эти ошибки (я не могу снять с себя часть вины). Хотя пехотный учебно-демонстрационный полк был представлен мне как ударная часть, мне не следовало принимать это утверждение на веру. Я должен был понимать, что часть, находившаяся до этого на территории Германии и не обладающая боевым опытом, была не в состоянии хорошо проявить себя в крупной операции. Еще одним неверным решением стало то, что начало атаки было назначено на 6.30 вечера 16 февраля, то есть на слишком позднее время – полк, незнакомый с местностью, мог более или менее успешно осуществить запланированную операцию только в светлое время суток. Так или иначе, он был с позором отброшен противником.

Я твердо убежден, что 29-я панцер-гренадерская или 26-я танковая дивизии провели бы наступательную операцию удачно. Первая из них продемонстрировала свой закаленный боевой дух в наступлении, предпринятом 18 февраля, которое было начато из сложной позиции и не являлось внезапным для противника. Тем не менее, наши атакующие войска дошли до условного 82-го маршрута, ведущего к последней линии обороны плацдарма противника (это был оборонительный рубеж, созданный войсками противника вскоре после высадки).

Неудача второго наступления, предпринятого по указанию самого Гитлера, подтверждает мою правоту. Хотя я не ждал никакого иного результата от повторения атаки на другом участке, я не мог отменить приказ фюрера и был вынужден считаться с политическими и военными факторами, влиявшими на решения Верховного командования вермахта. У нас в самом деле был шанс добиться определенного успеха, выйдя на исходный рубеж обороны противника и тем самым сократив площадь плацдарма. Если бы эта цель была достигнута, 14-я армия смогла бы сберечь свой личный состав, а у командования альянса возникли бы сомнения относительно того, можно ли вообще удержать захваченный участок побережья.

На этот раз мы должны были атаковать со стороны противоположного конца плацдарма, из района Систерны. Первый эшелон состоял из трех дивизий неполного состава. Уроки первого наступления были учтены – мы более серьезно подошли к вопросу о маскировке и предприняли отвлекающий маневр, хотя я был не уверен, что это необходимо на столь узком участке фронта. Первоначально наступление было назначено на

25 февраля, однако нам пришлось перенести его на более поздний срок из-за плохой погоды; даже 28 февраля все еще временами шли проливные дожди. В тот день, побывав в войсках (я всегда делал это накануне крупной операции), я уже собирался снова отложить наступление, но личный состав выделенных для него частей был настолько уверен в успехе, что я пошел навстречу пожеланиям солдат и офицеров и не стал менять дату и время атаки. Фактически неблагоприятные погодные условия были больше на руку нам, нежели противнику, поскольку позволяли добиться хоть какой-то внезапности, если это вообще было возможно. Противник в этом случае лишался танковой поддержки, а действия его корабельной артиллерии и авиации были бы существенно затруднены. Однако в день операции, 29 февраля, погода улучшилась, и все эти преимущества, на которые мы рассчитывали, были сведены на нет. Грунт подсох, и это позволило танкам противника преодолеть сложные участки местности. Поскольку наше наступление забуксовало, днем 1 марта я приказал нашим частям отойти на прежние позиции.

15 марта противник предпринял новое наступление в районе Кассино и Монте-Кассино, пытаясь ослабить нашу оборону путем сбрасывания на наши позиции беспрецедентно большого количества бомб и массированных артобстрелов. В бой были брошены лучшие британские штурмовые дивизии – 27-я, 4-я индийская и Новозеландская. Тем не менее, наши войска устояли. 1-я парашютно-десантная дивизия удержала свои позиции, а в ночь с 23 на 24 марта британское наступление было прекращено.

2-й воздушный флот под энергичным командованием фон Рихтгофена еще не успел полностью оправиться от серьезных потерь, понесенных им в битве за Сицилию, когда высадка противника в районе Салерно взвалила новый тяжелый груз на плечи наших летчиков. Однако, поскольку у нас не было больше нужды осуществлять мой изначальный замысел (а он предусматривал, что в случае вторжения противника южнее Рима наша авиация будет применена против итальянских дивизий, дислоцированных неподалеку от столицы), воздушное командование получило возможность сосредоточиться на действиях против военно-морской группировки вторжения. В результате был потоплен ряд кораблей и судов противника. Правда, это не нанесло существенного ущерба десантной операции. Эпизодическое использование нами подводных лодок и торпедных катеров вообще не дало никакого результата.

Во время боев, начавшихся после высадки противника, я, находясь как в воздухе, так и на земле, имел возможность собственными глазами увидеть, насколько наша авиация уступала

противнику в численности и в технической оснащенности. Мне была вполне понятна критика сухопутных войск в адрес ВВС, хотя она и была незаслуженной. Временами наши летчики могли добиться локального успеха, но проводить тщательно спланированные военно-воздушные операции, имея 300 машин против 4000-5000 самолетов противника, было невозможно. В то же время не подлежит сомнению тот факт, что в ходе боев вокруг вражеского плацдарма поддержку с воздуха, которую обеспечивала авиация нашим сухопутным силам, ни в коем случае нельзя назвать ничтожной, а действия зенитчиков были весьма полезными. Рекомендация Рихтгофена о переносе боевого штаба люфтваффе в район Албанских высот, под крыло фон Поля, оказалась на редкость удачной. Благодаря ей командование ВВС получило хороший обзор всего района боевых действий до самого моря; с помощью офицеров связи оно имело возможность держать руку на пульсе событий и в случае необходимости быстро высылать на помощь нашим войскам части и подразделения непосредственной поддержки, а также уничтожать очень досаждавших нам корректировщиков огня вражеской артиллерии.

Перед битвой за Рим

Ситуация, сложившаяся к марту 1944 года, была далеко не обнадеживающей. Обе стороны понесли тяжелые потери, и можно было с большой степенью вероятности предположить, что перед тем, как противник предпримет решающее наступление, на некоторое время наступит затишье. Чтобы выстоять под новым натиском противника, нам небходимо было использовать эту передышку для того, чтобы стянуть в район боевых действий побольше резервов. Было совершенно очевидно, что если альянс еще не добился соединения своего Южного фронта с силами, высадившимися на побережье, то твердо намерен это сделать. Следовало ожидать новых попыток осуществления этого замысла – при условии, что противник не решит пойти по более простому пути и высадиться в районе Сивитавеччии или Леггорна. За последнее время возможности альянса дать решительный бой возросли, поскольку ряд его дивизий превратился в по-настоящему боеспособные соединения.

Я считаю, что подобное развитие событий стало результатом кардинальной ошибки германской пропаганды, которая без конца издевалась над противником, упрекая его в отсутствии инициативы, и в конце концов побудила его изменить свои оперативные принципы. Если раньше войска альянса

предпочитали продвигаться вперед осторожно, в соответствии с разработанным планом, рассчитывая каждый свой шаг и не ставя перед собой далеко идущих целей, то теперь их командование стало все чаще импровизировать, причем его стратегия совершенствовалась из месяца в месяц до самого окончания войны. В свое время я предпринял энергичные меры для того, чтобы положить конец упомянутой глупости нашей пропагандистской политики, но, увы, эта глупость уже дала вредные для нас плоды. Чтобы объяснить Гитлеру и Верховному командованию вермахта ограниченность своих возможностей, я отправил моего начальника штаба в ставку фюрера для обсуждения стоящих перед нами проблем. Эти проблемы можно было свести к двум основным моментам: при скоординированных действиях противника, силы которого превосходили наши и на земле, и на море, и в воздухе, невозможно было сдержать его наступление, даже обладая хорошо укрепленными позициями на побережье, но не создав при этом глубоко эшелонированной обороны; во-вторых, наши контратаки, как правило, успешно отражались противником при помощи плотного артиллерийского огня. При доминировании противника в воздухе на земле можно успешно действовать только при наличии особых погодных условий или исключительно благоприятного рельефа местности.

Можно было считать, что пока боевые действия завершились вничью. Как политические, так и стратегические проблемы остались прежними. Зато теперь мы столкнулись с вызванной экономическими причинами необходимостью сделать наш театр военных действий способным к самообеспечению.

Все эти моменты были учтены при проведении фортификационных работ, начатых еще в сентябре 1943 года. В результате «линию Густава» еще больше укрепили в местах вероятного наступления противника; ее глубина была настолько увеличена за счет бронированных и бетонных конструкций, а также промежуточных и передовых линий обороны, что позволяла сорвать даже очень крупную наступательную операцию противника уже на подступах к фортификационным сооружениям. Зная, что с помощью системы укреплений, вытянутых в одну линию, невозможно в течение долгого времени сдерживать наступление современной войсковой группировки и что в этом случае даже глубоко эшелонированная оборона может не выдержать, мы не прекращали работы на так называемой «линии С», расположенной к югу от Рима. Она проходила через Авеццано и тянулась к побережью Адриатического*моря, рельеф которого мы уже давно изучали. Эта линия укреплений плавно переходила в наши позиции, охватывавшие береговой плацдарм

противника и район обороны, непосредственно примыкавший к столице с южной стороны.

Наличие всех этих укреплений существенно развязало нам руки в выработке нашей стратегии; тем не менее, нас все же сковывали превосходство противника в воздухе и очевидная слабость «линии С». Нам пришлось примириться с тем фактом, что мобильные операции на местности, контролируемой авиацией противника, при ясном небе, в горах или на равнине, при наличии негустой, но легко просматривавшейся с воздуха дорожной сети и при том, что ночи были короткими и лунными, могли привести к успеху только при условии исключительного везения. Фортификационные работы на «линии С» находились еще только в начальной фазе, а за этой линией, совсем неподалеку от нее, находились реки Тибр и Аньен и Рим. Длина линии укреплений также вызывала озабоченность. Правда, озерный участок между позициями 10-й и 14-й армий был вполне надежно защищен с помощью технических средств (к тому же в случае необходимости у нас была возможность вызвать наводнение). На соседних участках побережья, примыкающих с севера, была создана линия обороны, соответствующая их уязвимости. Самым неотложным вопросом было создание оборонительных позиций в Апеннинах – сооружение там системы укреплений, обладающей достаточной надежностью, требовало бы еще многих месяцев работы.

Хотя командующий Юго-Западным фронтом не располагал необходимыми данными воздушной разведки, нам все же удалось более или менее точно установить расположение частей и соединений противника, что позволило нам сделать соответствующие выводы по поводу его возможных намерений. С весьма высокой степенью вероятности, граничащей с уверенностью, мы могли исключить из наших расчетов Адриатический фронт. С другой стороны, напрашивалось предположение, что Гарильяно с его горными пиками позади Кассино и береговой плацдарм в Анцио станут зонами упорных боев, а к ним, возможно, добавятся места проведения противником отвлекающих высадок с моря севернее Рима и в районе Сивитавеччии, а также долина Фрозиноне, где альянс вполне мог сбросить десант с воздуха. Я рассчитал, что американская 5-я и британская 8-я армии начнут наступление с атаки широким фронтом и на большую глубину против правого фланга нашей 10-й армии. Эта атака, по моим предположениям, должна была развиваться в направлении Маджо, Петреллы и горного массива Монте-Кассино с одновременным продвижением в направлении долины Лири. Роль французских экспедиционных

сил, их состав и направление возможного удара до четвертого дня вражеского наступления составляли весьма серьезный и опасный неизвестный фактор. То, как следовало действовать в ходе сражения, я ясно изложил в моей директиве «Оборона» и постарался убедить самого себя в том, что ее содержание было до конца понято всеми штабами и дивизиями. Части и соединения, державшие оборону, ранее уже доказали, что умеют драться. Если бы противнику удалось смять на правом фланге боевые порядки 94-й пехотной дивизии, которая в предыдущих боестолкновениях меня разочаровала, прорыв мог быть блокирован за счет глубины нашей обороны. Долину Лири можно было удержать при условии, что в наших руках останутся имевшие ключевое значение Монте-Маджо справа и Монте-Кассино слева. Горный массив Монте-Кассино удерживала 1-я парашютно-десантная дивизия, так что можно было сказать, что этот участок вверен нашему лучшему соединению. На левом фланге, не представлявшем интереса для противника, сосредоточение сил было весьма незначительным.

Наши позиции вокруг берегового плацдарма противника почти идеально подходили для оборонительных действий. У 14-й армии было достаточно резервов, включая зенитные части. С помощью этих резервов она была способна отразить атаку войск альянса самостоятельно, без посторонней помощи. Но если бы противнику удалось прорвать нашу оборону на стыке двух армий, положение группы армий стало бы очень опасным.

Части люфтваффе подчинялись непосредственно Герингу. Но даже в этой непростой ситуации фон Поль, под началом которого находились зенитные части, прекрасно с нами взаимодействовал. В основном зенитная артиллерия была сконцентрирована в долине Лири, в Вальтомонтоне и в Риме.

Система связи также была способна удовлетворить самые жесткие требования; генерал Якоби был, что называется, человеком на своем месте.

Наше военно-морское командование получило инструкции активизировать поставки всего необходимого морем и укрепить нашу береговую оборону с помощью артиллерии и боевых кораблей. Адмирал Меендсен-Болькен справился с этой задачей, продемонстрировав, как обычно, энергичность и деловитость. По сравнению с предыдущими периодами работу службы снабжения, включая обеспечение личного состава питанием и организацию временных полевых складов, можно было назвать удовлетворительной.

Я мог спокойно ожидать дальнейшего развития событий, потому что во всех областях мы сделали все возможное для того, чтобы достойно встретить ожидавшееся крупное наступление

противника.

Большая весенняя битва

Четыре неизвестных фактора держали командование наших войск в Италии в напряжении:

1. Когда альянс начнет наступательные действия с плацдарма?

2. Где и какими силами будет атаковать французский Экспедиционный корпус?

3. Будет ли наступление противника поддержано высадкой воздушного десанта в долине Лири?

4. Предпримет ли противник новое вторжение в районе Рима или к северу от него?

Предварительный артиллерийский обстрел и бомбардировка наших позиций, включая воздушный удар по боевому штабу 10-й армии, позволили нам примерно оценить, что нас ждет, когда американская 5-я и британская 8-я армии начнут свое наступление. Утром 12 мая я имел возможность своими глазами увидеть, как штабы 10-й армии и 14-го корпуса практически перестали функционировать; и тот и другой потеряли своих начальников, обязанности которых в полном объеме пришлось взять на себя их заместителям, прилагавшим все усилия для того, чтобы с ними справиться. Тем не менее, в первые дни наступления противника стало очевидно, что мои опасения по поводу возможности выброски воздушного десанта или нового вторжения были безосновательными; в результате перемещение и использование наших стратегических резервов стали более упорядоченными.

В первые дни битвы подтвердились также наши предположения относительно направления главных ударов противника. Бои были жестокими и кровопролитными; к большому сожалению, наша группа армий не смогла получить ясного представления о составе американской 5-й армии и особенно французского Экспедиционного корпуса. В то время как линия обороны, проходившая к югу от Лири до Монте-Каиро, в ходе очень тяжелых, проходивших с переменным успехом боев была упорядочение отодвинута к хорошо укрепленной «линии Зенге-ра», перемещения 14-го танкового корпуса вышли из-под контроля нашего командования. 34-я и 71-я пехотные дивизии храбро сражались, но их сил и средств было явно недостаточно для того, чтобы сдержать превосходящие силы противника. Помимо того что наша группа армий не обладала сведениями,

которые должны были послужить основой для принятия важных решений 14 или 15 мая, возникли неожиданные трудности с переброской к месту боевых действий 26-й танковой дивизии и отправкой ее в бой. Когда вдобавок ко всему 94-я пехотная дивизия в нарушение моих четко и ясно сформулированных приказаний сконцентрировала свои резервы не в районе горного массива Петрелла, а вблизи побережья, стало ясно, что бреши, возникшие в нашей обороне в зоне упомянутого горного массива, закрыть невозможно. Это означало, что перед горнострелковыми войсками французского Экспедиционного корпуса лежит открытая дорога.

В то время как ситуация на правом фланге 14-го танкового корпуса становилась все хуже и хуже, сопротивление войск, сражавшихся на его левом фланге, и 51-го горнострелкового корпуса постепенно становилось все более жестким, они все крепче цеплялись за свои позиции; 1-я парашютно-десантная дивизия и не думала сдавать Монте-Кассино. Чтобы поддерживать контакт с 14-м танковым корпусом, я был вынужден лично отдать приказ об их отходе, чем вызвал недовольство их командования корпуса. Эта ситуация может служить примером того, какие минусы таит в себе наличие сильных личностей в нижестоящем звене командования. Именно в этом состоит причина того, что резервы 1-й парашютно-десантной дивизии не были переброшены правее, чтобы прикрыть обнаженный фланг 90-й панцер-гренадерской дивизии, а 51-й горнострелковый корпус отступил с большим опозданием.

Чтобы не дать противнику рассечь свои оборонительные порядки, 14-му танковому корпусу пришлось удерживать промежуточные позиции дольше, чем это диктовала тактическая ситуация. Вследствие этого удержать правый фланг «линии Зенгера» было невозможно. При отсутствии подкреплений судьба 10-й армии была бы решена, а это, скорее всего, не смогла бы компенсировать даже победа, одержанная в результате удачных оборонительных действий в районе плацдарма 14-й армией. Любое дальнейшее продвижение вперед американской 5-й армии неизбежно привело бы к прорыву оборонительных порядков нашей 14-й армии. Таким образом, 19 мая я был вынужден в срочном порядке передать 29-ю пан-цер-гренадерскую дивизию 10-й армии. Отдавая соответствующий приказ, я имел все основания полагать, что дивизия сможет занять нужную позицию и закрепиться на ней к утру 20 мая и таким образом закроет образовавшуюся брешь.

Причиной того, что этого не произошло, стало несогласие с приказом о переброске дивизии командующего 14-й армией.

Первое известие о том, что приказ не выполнен, дошло до меня вечером 20 мая, когда я вернулся в мой боевой штаб. Мне было вполне понятно нежелание командующего 14-й армией расставаться со своими резервами, но в сложившейся ситуации я не мог допустить, чтобы мои приказы оспаривались, особенно тогда, когда американская 5-я армия, продвигаясь к северу, могла прорвать наше кольцо вокруг плацдарма. Чтобы открыть генералу, командовавшему 14-й армией, глаза на угрозу его южному флангу и убедить его в том, что мое решение было продиктовано необходимостью, я отдал приказ об изменении зон ответственности в районе боевых действий и сделал его ответственным за зону, простиравшуюся до линии Сперлонга – Фонди – Фрозиноне – Вальмонтоне. К несчастью, прибыв 21 мая в штаб 29-й панцер-гренадер-ской дивизии, я обнаружил, что она вышла на заданные рубежи с опозданием и была вынуждена дать бой противнику на неподготовленных позициях. Это привело к очень печальным последствиям, масштабы которых в тот момент еще нельзя было оценить в полной мере. Мы лишились прекрасного района обороны. Противник получил в свое распоряжение неуязвимые позиции между Терраци-ной и Фонди, в результате чего американцы одержали победу.

В итоге ситуация в целом осложнилась, но она еще не была непоправимой. Наступление с плацдарма все еще не началось; за счет быстрой перегруппировки 14-я армия все еще могла сосредоточить резервы на наиболее опасных направлениях своего участка обороны. К сожалению, к 23 мая, когда противник начал наступательную операцию с плацдарма, сделано было слишком ммо. Командующий 14-й армией оказался явно неспособным вырваться из плена собственных преждевременно сформированных представлений о том, как будет развиваться это наступление. Между тем не подлежит сомнению то, что положение американского 6-го корпуса, сконцентрированного на весьма ограниченном участке местности, было не самым выгодным, и этим нужно было воспользоваться.

После долгих и весьма неприятных споров неспособность 14-й армии закрыть бреши в нашей обороне привела к смене ее командующего. Фактически разрыв в наших боевых порядках, который поначалу можно было прикрыть одним батальоном, неуклонно расширялся, и в конце концов 31 мая противнику удалось обойти нас с фланга, в результате чего перед ним открылась прямая дорога на Рим. То, что дивизии, с образцовой храбростью сражавшиеся на правом фланге и в центре обороны, не имели столь же самоотверженного партнера слева, было катастрофой. Между тем 10-я армия отступала, ведя упорные бои

с противником, и в конце концов соединилась с частями 14-й армии и сумела пробиться к горной дороге, ведущей в Субиако и Тиволи.

Большая битва, продолжавшаяся с 12 мая по 4 июня, закончилась тем, что Рим был сдан без боя. Операции, проводившиеся в указанный период, были связаны с огромными трудностями; то, что, если не считать нескольких печальных исключений, наши войска вышли из них с минимальными потерями, говорит об их высоком боевом духе и храбрости. В любом случае, противник одержал крупную победу, а 14-я армия очень сильно пострадала.

То, что даже перед лицом надвигающейся катастрофы я сдержал свое обещание сохранить за Римом статус «открытого города», свидетельствует, что независимо оттого, чем я руководствовался – точным знанием обстановки или интуицией, – я в любом случае не расценивал положение как безнадежное.

Глава 20.
Оборонительные действия в Италии. Лето 1944-го – весна 1945 года

6.06.1944 года. Высадка войск альянса в Нормандии.

– 17.06.1944 года. Вывод войск с острова Эльба.

– Июнь и июль 1944 года. Отступление группы армий С и стабилизация новых фронтов обороны.

– 26.06.1944 года. Вывод войск из Пизы.

– 12.08.1944 года. Сдача Флоренции.

– 15.08.1944 года. Вторая высадка противника на юге Франции.

– 21.09.1944 года. Потеря Римини.

– 30.08.1944 года. Начало британского наступления на Адриатическом фронте.

– Сентябрь 1944 года. Стабилизация германского фронта на «Зеленой линии» (юго-восточнее района Специя – Апеннины).

– Декабрь 1944 года. Британское наступление на равнине По.

– 5.12.1944 года. Сдача Равенны

Июнь – середина августа 1944 года

1 июня стало началом периода пугающего ухудшения положения 14-й армии. Ударная мощь дивизионных боевых групп, отходящих за Тибр и Аньен, сократилась до минимума.

10-я армия находилась в лучшем положении. Благодаря своим упорным и изобретательным действиям в обороне севернее Петреллы она серьезно задержала продвижение противника и была все еще полна сил. Однако возникли трудности другого рода: во-первых, дорог, по которым можно было осуществлять отступление, было очень мало, и к тому же отходящие по ним войска могли стать объектом воздушных ударов вражеской авиации; во-вторых, части 10-й армии оказались так далеко оттеснены от Рима и Тибра, что им трудно было быстро сконцентрироваться в районе к западу от реки.

Я не стал отказываться от своего решения сделать так, чтобы Рим не превратился в поле боя. Это обусловило наш отход с линии обороны, проходившей вдоль Тибра до моря, а также с той, которая. шла вдоль Аньена до Тиволи. Эти две прекрасные оборонительные позиции были просто отданы противнику, как только он вошел в Рим, выбрав его в качестве отправной точки

для дальнейших операций. Если до этого мы рассчитывали удержать войска альянса на рубеже упомянутых рек в течение нескольких дней, теперь нам оставалось надеяться лишь на то, что нам удастся хотя бы ненадолго задержать их неподалеку от столицы – севернее или на каком-либо другом направлении от нее.

Какими бы трудными и напряженными ни были для противника бои последних месяцев, взятие Рима стало для него очевидной победой. Я пытался убедить себя в том, что после многих недель кровопролитных сражений вражеские войска, оказавшись в итальянской столице, поддадутся деморализующему воздействию города и расслабятся – ведь только наличие в них жесткой и безжалостной дисциплины могло заставить их немедленно продолжить наступательные действия. Однако я сам не верил собственным доводам такого рода и не стал строить на них мои дальнейшие планы. К счастью, войска альянса, противостоявшие 10-й армии к востоку от Тибра, проявляли исключительную осторожность. Местность была не столь неподходящей для сдерживающих действий, как мне показалось при первом взгляде на карту. Прежде всего дороги севернее Рима в непосредственной близости от столицы и участки местности, лежащие между ними, например к югу от Витербо и около Сиви-та-Кастельяна, можно было легко блокировать, а это должно было-существенно задержать продвижение моторизованных сил противника. От этого зависело все остальное. Нам нужно было создать вязкую оборону, чтобы выиграть время для перегруппировки и пополнения боевых частей; кроме того, нам нужно было время, чтобы отвести измотанные части в тыл и перебросить в район боевых действий свежие резервы. В тот момент не было нужды заниматься разработкой стратегических замыслов. Опасные маневры противника было легко обнаружить, а из них неизбежно проистекали наши контрмеры. Американская 5-я армия опередила британскую 8-ю, хотя и понесла меньшие потери. Перед ней теперь лежала местность, удобная для действий моторизованных сил и танков; если бы ее командование решило продолжить наступление широким фронтом, в его распоряжении были ведущие на север дороги. С другой стороны, на участке, где наступала 8-я армия, продвижение англичан сдерживалось характером местности.

Поведение противника во многом совпадало с моими предположениями на этот счет. Если бы 4 июня он немедленно развернул наступление на обширном участке фронта и направил свои танковые дивизии вперед по шоссейным дорогам, наша

группа армий к западу от Тибра оказалась бы в почти безнадежном положении, и мне пришлось бы спешно перебрасывать моторизованные дивизии 10-й армии через Тибр, чтобы создать новую линию обороны к югу или к северу от озера Тразимена. Но вечер 4 июня и следующий день показали, что начинать эту судьбоносную операцию не было необходимости; я решил оставить свой штаб в Монте-Соратте, севернее Рима, хотя тыловые службы приказал рассредоточить. На мой взгляд, то, что я оставался на линии фронта, придавало нашим войскам уверенности – 6 и 7 июня я все еще напрямую контактировал с частями, занимавшими оборону в районе Витербо.

Перед 14-й армией стояла сложнейшая задача, но при использовании всех имевшихся возможностей ее можно было решить, хотя в штабе армии по этому поводу присутствовали пессимистические настроения. Формально для подобного пессимизма были основания – 14-й армии, силы которой едва дотягивали до двух дивизий, противостояли три танковые и девять пехотных дивизий американской 5-й армии. Командующий 14-й армией был слишком зациклен на этом соотношении и не учитывал того, что американцам предстояло развертываться в атакующие порядки из узкого прохода, в результате чего лишь небольшая часть их сил могла одновременно пред – принять наступательные действия. Вместо того чтобы беспокоиться по поводу численного превосходства противника, следовало предпринять все возможное для того, чтобы задержать его продвижение через упомянутый проход. Это можно было сделать в районе, непосредственно примыкающем к Риму с севера, а также в других зонах, расположенных еще Дальше к северу. То, что проход в районе Сивита-Кастельяна оставили без защиты, было грубой тактической ошибкой. Овладев им, противник получил возможность развернуть свои мобильные силы и двинуться веером на север и северо-восток.

Командование 14-й армии, а в еще большей степени командование группы армий постоянно беспокоил вопрос о том, как быть с дивизиями, сконцентрированными в тыловых районах, – следует ли отправить их вперед, в район озера Брачиано, а затем в район озера Больсена, или же оставить в тылу (после высадки противника в Нормандии появилась возможность избавиться от них с наименьшим риском). Преимущества второго решения были очевидными; степень обученно-сти некоторых дивизий делала второй вариант просто необходимым. Однако, если бы остаткам 14-й армии не удалось сдержать наступление противника, это привело бы к прорыву нашей обороны, уничтожению дивизионной группы и спешной переброске в район

боевых действий свежих, не понесших потерь дивизий, которые, даже будучи развернутыми в районе озера Боль-сена, вряд ли смогли бы достичь нужного уровня боевой подготовки. В этом случае все могло закончиться катастрофой.

Наша общая стратегическая идея с 7 июня оставалась без изменений: она состояла в том, чтобы обе наши армии, отходя, но при этом не уступая противнику ни пяди территории без боя, собирали резервы, прибывающие из тыловых районов и с фланга, закрывали бреши в обороне и прочно удерживали позиции на внутреннем стыке боевых порядков. Главная задача состояла не в том, чтобы отдать противнику как можно меньше территории, а в том, чтобы преодолеть нашу временную слабость, вывести с передовой наши измотанные дивизии, дать им возможность отдохнуть и снабдить их новым снаряжением. Командование противника помогло нам реализовать наш оперативный план. Равномерное распределение сил альянса по фронту, которое 6 июня стало уже очевидным, ослабило угрозу концентрации его войск на стыке боевых порядков наших двух армий. Удивительно медленное продвижение противника вперед и ставшие следствием этого колебания французского Экспедиционного корпуса также облегчили ситуацию. Впрочем, это отнюдь не давало оснований предполагать, что командование войск альянса, полностью отдавая себе отчет в том, какова общая обстановка, намерено играть в поддавки; по нашим сведениям, сил и средств у Александера было более чем достаточно. Разумеется, воздушная разведка не могла полностью ликвидировать кое-какие неясности, но в целом утверждение о том, что в боевых порядках противника якобы образовался «вакуум», не соответствовало действительности. На самом деле дороги и населенные пункты в районе боевых действий были буквально забиты вражескими войсками. Обозы и дивизии второго эшелона, двигавшиеся по направлению к линии фронта и по рокадным коммуникациям, то и дело встречались с войсками, перемещавшимися с передовой в тыл.

Бои 4 июня и в еще большей степени те, которые произошли в последующие дни, продемонстрировали, что боевой дух даже наиболее сильно потрепанных частей и подразделений 14-й армии не сломлен. Чтобы избежать неприятных сюрпризов, противник был вынужден продвигаться вперед с большой осторожностью, причем то, что степень этой осторожности оказалась гораздо большей, чем мы ожидали, стало для нас большой удачей.

Войска альянса явно упустили свой шанс. Их авиация не получила приказа уничтожить ничем не прикрытые цели на поле

боя и особенно в наших тыловых районах, а действия партизан не были подкреплены высадкой воздушного десанта за линией фронта. Фактически противник вообще не предпринял никаких попыток высадки тактического десанта в нашем тылу.

Как только наши войска вышли на линию озера Боль-сена, я отдал приказ возобновить оборонительные действия в районе озера Тразимена. Предпринимая этот шаг, я, естественно, понимал, что было бы ошибкой пытаться форсировать ситуацию в этой зоне, однако нам нужно было выиграть время для того, чтобы завершить формирование оборонительных порядков на Апеннинском фронте.

Хотя я неоднократно получал инструкции Верховного командования вермахта не отдавать противнику слишком много территории, мне приходилось действовать главным образом так, как я считал нужным, руководствуясь моим собственным, более точным знанием обстановки. Далеко не всегда прислушиваясь к подсказкам вышестоящего командования, я обычно оценивал наши шансы путем изучения ситуации на месте и отдавал приказы в соответствии со своими оценками. В некоторых случаях я приказывал войскам отступить, обсудив вопрос в моем боевом штабе с его начальником и руководителем оперативного отдела, а иногда еще и побеседовав по телефону с командующим армией, о которой шла речь. Я не помню ни одного случая, когда бы меня вызывали на ковер за «самовольные» действия, если не считать вывод войск с Сицилии. Когда в конце июня и начале июля Гитлер стал категорически требовать прекратить отступление и снова приступить к оборонительным действиям, я вылетел в его ставку, чтобы согласовать мои взгляды со взглядами Верховного командования. На этот раз меня сопровождал мой начальник оперативного отдела штаба полковник Билиц. Я около часа объяснял руководству, как развивается ситуация, и в конце своего выступления настоятельно потребовал, чтобы мне по-прежнему была предоставлена свобода действий в Италии. В своем ответном выступлении, которое было столь же длинным, Гитлер попытался заставить меня согласиться со стратегическими принципами, являвшимися верными для действий против России. Начиная терять терпение, я ответил фюреру коротко и весьма горячо. Ниже я привожу свое заявление – если не слово в слово, то по крайней мере передавая его суть: «Главное не в том, сражаются мои армии или бегут. Я могу заверить вас, что они будут сражаться и умрут, если я им прикажу. Мы говорим совершенно о другом, речь идет о гораздо более важном вопросе: можете ли вы после Сталинграда и Туниса позволить себе потерять еще две армии? Прошу вас, подумайте об этом – тем

более что, если я изменю свои планы и соглашусь с вашей точкой зрения, рано или поздно перед противником откроется дорога на Германию. С другой стороны, я гарантирую – при условии, что у меня не будут связаны руки, – что смогу существенно задержать наступление альянса, остановить его по крайней мере в Апеннинах и таким образом создать условия для ведения боевых действий в 1945 году, планы которых могут быть вписаны в вашу общую стратегическую схему».

Гитлер не сказал больше ничего – он лишь пробормотал себе под нос несколько слов, которые, если верить Билицу, не были для меня нелестными. Так или иначе, мне удалось отстоять свою точку зрения.

После этой встречи я продолжал действовать так же, как и раньше, то есть по собственной инициативе, не дожидаясь инструкций Верховного командования вермахта. Я мог бы привести на этот счет много примеров, но приведу лишь один: когда 1-й парашютно-десантный корпус сражался севернее Флоренции, Гитлер прислал в его штаб радиограмму, в которой резко критиковал две дивизии, пытавшиеся отступить. Я в это время объезжал фронт. Мне стало известно, что, получив упомянутое сообщение, Шлемм уже готов был бросить в бой все свои резервы. Я прервал свою поездку, отправился прямо в штаб Шлемма, запретил ему жертвовать его последними резервами и приказал действовать так же, как раньше, поскольку в сложившейся ситуации это было куда более уместно. Об этом было доложено в ставку, но там и не подумали усомниться в правильности моих действий. Начальство к тому времени знало, что я делаю все, что в моих силах, чтобы выправить положение.

Я с особым напряжением следил за боями с танками противника к западу от озера Тразимена. Наши дивизии в том районе держались дольше, чем я имел право ожидать. Весь левый фланг 10-й армии не требовал к себе внимания. Однако действия 14-й армии даже после того, как генерал Лемельсен сменил фон Макензена на посту командующего, требовали особого контроля. Теперь уже нельзя было сказать, что 10-я армия располагает лучшими дивизиями или что благоприятная местность облегчает ее действия; группировки противника, противостоящие обеим армиям, были одинаково сильны. Но я замечал, что мои директивы выполняются 10-й армией более энергично и с меньшими колебаниями. Интересно, что, когда дивизии люфтваффе оказались практически не у дел, у Геринга не хватило храбрости использовать военнослужащих наземных авиационных служб в качестве пополнения для сухопутных частей. Удивительно, как Гитлер примирился с таким непррфессионализ-

мом – ведь он-то знал, как следовало поступить в этой ситуации.

Используя гибкую тактику, мы сумели создать линию фронта, которая постепенно приобретала все большую жесткость. Передо мной стояла задача организовать длительное сопротивление на узких и наиболее удачно расположенных участках фронта, в то время как с растянутых и менее благоприятных участков войска следовало отводить, но не слишком быстро, чтобы не сорвать весь план, смысл которого состоял в задержке продвижения противника. Мои усилия, направленные на то, чтобы отвести войска к Апеннинам, не давая противнику возможности сделать рывок вперед, не всегда совпадали с желаниями и стремлениями моих генералов.

В течение всей битвы за Италию сухопутные войска получали прекрасную поддержку от зенитчиков. С другой стороны, в ходе описываемой мною фазы боевых действий наши войска были практически лишены поддержки авиации и у нас даже не было возможности должным образом осуществлять воздушную разведку.

Между тем серьезным фактором неизвестности была угроза, постоянно нависавшая над нашим левым флангом. После начала вторжения противника в Нормандию (6 июня 1944 года) альянс уже не располагал десантным флотом достаточного тоннажа для того, чтобы предпринять крупномасштабную операцию вторжения в Италию, и было ясно, что такое положение будет сохраняться в течение еще какого-то периода времени; с другой стороны, существовала возможность десантных операций тактического характера. Признаки соответствующих приготовлений на острове Эльба, который противник захватил 17 июня, свидетельствовали о том, что эта угроза снова становится весьма актуальной. В противном случае чего ради войскам альянса было занимать остров? Однако, когда уникальная возможность провести операцию подобного рода была противником упущена, я смог на какое-то время перестать беспокоиться по этому поводу. Так или иначе, в случае необходимости наши отдохнувшие дивизии были готовы вступить в бой на участке побережья, где войска альянса могли попытаться осуществить десантную операцию.

Наименее вероятной можно было считать тактическую десантную операцию противника на Адриатическом побережье. Никаких явных признаков того, что такая операция готовится, не было. Я также исключил из моих расчетов проведение альянсом воздушно-десантных операций, поскольку было очевидно, что все силы и средства, необходимые для этого, нужны противнику в Нормандии. Верховное командование вермахта издало особые приказы, касающиеся обороны Леггорна и Анконы, однако я

руководствовался ими лишь настолько, насколько необходимость обороны упомянутых портов вписывалась в мои общие планы. В нужный момент наши войска были выведены из них. Исходящие от Верховного командования особые приказы подобного рода, которые в значительной мере были продиктованы паническими настроениями, лишь наносили ущерб авторитету нашего военного руководства.

Сосредоточение частей французского Экспедиционного корпуса и британской 8-й армии в глубоко эшелонированные боевые порядки по обе стороны от озера Тразиме-на и упорные бои в этом районе с середины июня до начала июля ясно свидетельствовали о том, что войска альянса все еще пытаются пробиться к Флоренции. Нас нисколько не ввели в заблуждение завязанные противником бои на флангах, приведшие к жестоким стычкам вокруг Анконы, равно как и атака американского 4-го корпуса в районе южнее Чечины, а также направленная на саму Чечину. Я не считал, что целью противника будет ведение изнурительных боев на нашей линии обороны в Апеннинах; я скорее ожидал мощного рывка через Апеннины за Флоренцией или, если бы горы оказались слишком трудным препятствием для войск альянса, попытки обойти наши защитные порядки в Апеннинах с фланга в самом уязвимом месте нашей обороны, которым являлось побережье Адриатики.

Во время этой фазы боевых действий я еще раз проверил, как идут строительные работы на «Зеленой линии» в Апеннинах, и нашел, что оборонительные позиции уже лучше организованы и достаточно хорошо укреплены.

Мои общие впечатления от состояния нашей линии обороны в Апеннинах на этот раз заставили меня сделать вывод, что противник вряд ли сможет немедленно продолжить методично развивать свое наступление; его войска были серьезно измотаны и понесли значительные потери, и, если бы командование альянса решило двигаться дальше, у него было бы не много шансов на успех.

В связи с этим я отдал войскам приказ продолжать сдерживать продвижение противника в местности, непосредственно примыкающей к Апеннинам, еще какое-то время удерживать Арно и обойти Флоренцию, которую я хотел сохранить в целости; я также надеялся более рационально использовать силы и средства моих дивизий, перегруппировав их, снабдив их новым снаряжением и пополнив их состав свежими подразделениями. При этом моей целью было развернуть на «Зеленой линии» гарнизон, способный отразить неожиданную атаку противника.

Бои в районе озера Тразимена, проходившие с середины июня до середины июля, позволили мне осуществить мой тактический замысел. Однако к востоку от дороги, соединявшей Сиену и Флоренцию, лучшие германские моторизованные дивизии оказались растянутыми, словно Нитка жемчуга, хотя в спорадических столкновениях с противником им все же удалось постепенно затормозить наступление американского 6-го корпуса. Сковав эти весьма ценные германские силы на не представлявшем большого интереса фланге, американский 4-й корпус внес значительный вклад в успех мощного броска войск альянса от Сиены до Флоренции.

20 июля и итальянский театр военных действий

Вечером 20 июля Геринг позвонил мне в мой штаб. До этого момента мне ничего не было известно о заговоре. В 1942 году Герделер попытался вступить со мной в кок-такт, но безуспешно – тогда до меня невозможно было добраться. Никаких волнений и беспорядков в частях – ни на передовой, ни в тылу – не было. За исключением нескольких офицеров, которых впоследствии мне пришлось защищать, известие о заговоре было полной неожиданностью и для сухопутных войск, и для военно-морских сил, и для люфтваффе, и для войск СС. Я был от всей души рад тому, что дело обстояло именно так.

В Италии мне никогда не приходилось слышать, чтобы в каком-либо из штабов или в какой-либо из частей обсуждались вопросы политики. Слишком много сил отнимала у людей война, солдаты слишком хорошо осознавали обязательства, которые накладывала на них военная присяга, слишком ясно ощущалось влияние личности Гитлера. К тому же о его преступных действиях было известно слишком мало для того, чтобы против него мог возникнуть заговор. Однако я считаю исторически важным поразмыслить над тем, что случилось бы в Италии, если бы заговорщики одержали победу. Если для большей ясности использовать обобщение, то можно сказать, что под моим началом находились «республиканская» армия, «империалистические» военно-морские и «национал-социалистические» военно-воздушные силы. Взятые в кавычки прилагательные достаточно ясно отображают явное отсутствие единства в позициях видов вооруженных сил. В свете всего этого, а также с учетом фанатичной преданности многих Гитлеру объявление о гибели фюрера и призыв заговорщиков к армии, ВМС и ВВС поддержать их спровоцировали бы острейший

антагонизм, мятеж против отступников и предателей, обосновавшихся в верхах, и, по всей вероятности, кровавые столкновения. Даже при том, что, несмотря на военную присягу, в армии в 1939 году существовала определенная питательная среда для антигитлеризма, в 1944 году ситуация определенно была иной. По мере того как в армию, ВВС и ВМС приходило все больше горячих сторонников Гитлера из молодежного национал-социалистического движения, атмосфера во всех частях и подразделениях менялась. Поскольку эти молодые люди составляли большинство в каждом подразделении, выражений недовольства действиями Верховного командования было немного. Эти люди были совершенно искренне преданы Гитлеру; они дали фюреру клятву и были готовы отдать за него жизнь. Хотя заговорщикам удалось увлечь идеей смещения Гитлера некоторых генералов и небольшое число представителей интеллигенции, дальновидных или просто недовольных, переворот требовал более серьезной психологической подготовки. К тому же лидеры заговорщиков были отнюдь не уверены в том, что альянс проявит по отношению к ним сочувствие. Напоминанием об этом может служить Касабланка!

Со времени заговора прошло немало лет, которые для нашего народа были годами страданий. Однако до сих пор подолжаются оживленные споры по поводу этого события. Одни считают людьми чести заговорщиков, другие – тех, кто отказался участвовать в заговоре. Предатели они или нет, я слишком уважаю его участников, которых, за редким исключением, лично знал или знаю, чтобы сомневаться в том, что они руководствовались самыми благородными побуждениями.

При том что наша группа армий достаточно успешно использовала сдерживающую стратегию там, где противник шел на прорыв особенно рьяно, – в районах, примыкающих к Флоренции, и на Адриатике (я имею в виду период до середины августа), ее усилия сберечь дивизии для битвы в Апеннинах оказались безуспешными; высвобождать-их для этой цели удавалось лишь в исключительных случаях.

Я придерживался той точки зрения, что после двух высадок противника на севере и на юге Франции, которые могли повлиять на ход всей войны, отвод находящихся под моим командованием войск с театра военных действий, отныне имевшего второстепенное значение, был неизбежным. Происшедшее недавно ухудшение ситуации на обоих основных театрах военных действий – на востоке и на западе – и напряженность, существовавшая на нашем Южном фронте, означали, что командованию потребуется изрядная уверенность в себе для того,

чтобы вдохновить войска и дать им возможность проявить свое мужество. В этой критической ситуации приказы, смысл которых сводился к выведению тех или иных частей из боя с целью сберечь их для будущих сражений, вызывали у солдат впечатление, будто их командование действует наобум, без определенного плана.

В августе я еще раз проверил, как идет строительство укреплений на нашей линии обороны в горах, и остался удовлетворен проделанной работой. Больше всего в выполнении фортификационной программы удалось продвинуться на участке между Этрусскими Апеннинами и Адриатикой, где чувствовалось влияние Гейдриха. Благодаря этому я, предвидя, что возможный удар противника на левом фланге наверняка будет очень сильным, испытывал перед лицом этой опасности определенную уверенность. Все зависело от того, сможем ли мы вовремя перебросить к месту действия дивизии, которые должны были участвовать в предстоящей великой битве.

Мы в штабе группы армий придавали большое значение согласованию наших взглядов и оценок со взглядами командования Западного фронта на случай вторжения со стороны Генуэзского залива. Я попросил Верховное командование вермахта выработать общую стратегию для войск, действующих на стыке двух театров военных действий, но наверху вместо того, чтобы издать соответствующую директиву, мешкали и теряли время. Мы с Гра-циани были информированы о состоянии береговых укреплений, а также о силах и средствах 19-й армии на юге Франции, но совершенно не представляли себе, что она будет делать в случае высадки противника. Обладая большим опытом по части противодействия десантным операциям, я очень сильно сомневался в том, что 19-я армия сможет отразить удар, если он будет нанесен на ее участке. Береговая оборона не была организована соответствующим образом, а войска не обладали опытом участия в серьезных боях – и при этом надо было еще учитывать, что противник располагал превосходством в воздухе. Было ясно, что в случае успешной высадки войск альянса 19-я армия будет оттеснена назад на Альпийский фронт и в дело придется вступить группе армий С. Я считал, что противник не станет предпринимать массированного наступления в Альпах, поскольку это противоречило бы стратегической идее высадки на юге Франции. Но это означало, что нам тем более следует ожидать, что войска альянса попытаются закрепиться на итальянском фланге и, возможно, именно оттуда начнут наступление.

Эта оценка ситуации оказалась верной. Но когда вторжение

противника началось, а Верховное командование вермахта, вероятно слишком оптимистично оценивая обстановку, так и не издало соответствующей директивы, я, поскольку связь с 19-й армией отсутствовала, предпринял все возможное для того, чтобы связаться с частями, расположенными на ее фланге, и со 157-й горнострелковой дивизией, рассеянной в горах. Нам удалось наладить контакт с 48-й пехотной дивизией, дислоцированной на побережье, и с этого момента она вошла в состав группы армий под командованием Грациани. В то же время с помощью разведывательных вылазок нам удалось наладить связь лишь с отдельными частями и подразделениями 157-й горнострелковой дивизии. Я счел, что решающим для проведения последующих операций в северо-западной части Италии является обладание горным перевалом в Альпах, представлявшим собой естественный рубеж/Захват этой доминирующей позиции войсками альянса позволил бы им, собрав мощный кулак, внезапным ударом проникнуть на возвышенную часть итальянской равнины. Это означало бы, что части противника соединятся с партизанскими отрядами, действовавшими в районе Турина – Милана, и прорвут наши позиции йа Лигурийском побережье, что, в свою очередь, если заглядывать далеко вперед, вполне могло привести к окружению наших войск в долине реки По. При этом не имело значения, когда этот удар будет нанесен. Альпийский перевал следовало удерживать до начала зимы, когда помехой планам противника станут погодные условия. Все эти соображения заставили меня бросить в бой 90-ю панцер-гренадерскую дивизию, чтобы подкрепить положение в Альпах и вывести из затруднительной ситуации остававшиеся там подразделения 157-й горнострелковой дивизии. Даже если бы я предложил использовать 90-ю панцер-гренадерскую дивизию в течение короткого периода времени, а затем как можно скорее заменить ее горнострелковыми частями, это все равно означало, что мне пришлось бы временно задействовать имевшиеся в моем распоряжении резервы.

Теоретически с начала августа моя группа армий была готова к перегруппировке сил противника на Апеннинском фронте. Однако, когда август перевалил за середину, стало совершенно ясно, что британская 8-я армия готовится к решающему наступлению на Адриатическом фронте с целью охвата и окружения наших войск. Хотя мы не знали, где и когда наступление будет начато, необходимо было сделать все возможное для того, чтобы завершить наши приготовления к его отражению. Как я уже отмечал, нами предпринимались большие усилия для создания необходимых резервов, но из-за постоянного

вмешательства Верховного командования вермахта эти резервы таяли, словно снег на солнце в весеннее время.

Главный удар противника пришелся на 71-ю пехотную дивизию и был нанесен в тот момент, когда ее выводили с передовой в тыл. Это случилось ночью с 25 на 26 августа. Британским войскам удалось добиться эффекта внезапности. 26-я танковая дивизия прибыла на место слишком поздно и вступила в бой неудачно, что повлияло на положение на всем фронте. В ночь с 30 на 31 августа нам пришлось сдать первый рубеж «Зеленой линии», за которым на всей глубине Адриатического сектора не было равноценного второго рубежа.

Чтобы высвободить свежие части для Адриатического фронта, уже давно проводилась перегруппировка сил в Западных Альпах, вдоль побережья Генуэзского залива и по всей ширине Апеннин. Большие расстояния, превосходство альянса в воздухе и определенная нерасторопность в работе штабов в сочетании с вполне оправданными задержками, связанными с действиями противника, привели к тому, что передвижения наших войск оказались замедленными. Однако в начале сентября фронт в Западных Альпах и в Лигурии был укреплен, и началось насыщение войсками находившегося под особенно сильной угрозой левого фланга 14-й армии к северу от Флоренции – перед «Зеленой линией», но на большом удалении от нее. Левый фланг 10-й армии на Адриатическом побережье также был укреплен благодаря своевременному прибытию туда обладавших значительным боевым опытом 29-й и 90-й панцер-гренадер-ских дивизий и вновь переформированной 98-й пехотной дивизии. Я надеялся, что с этими силами мне удастся задержать наступление противника. Мои надежды оправдались: после боев, состоявшихся 17, 21 и 29 сентября, на фронте в районе Римини наступило затишье.

Наступление, предпринятое противником в начале сентября, после нескольких недель относительного спокойствия, на стыке 10-й и 14-й армий, привело к тому, что наши войска в соответствии с планом отошли на заранее подготовленные позиции на «Зеленой линии». Фронт наступления расширился, и в середине сентября бои на указанном направлении приняли упорный и масштабный характер – к счастью, это произошло не раньше, чем ослабление наступления в районе Римини стало очевидным. В то время как до этого момента я считал совершенно необходимым, чтобы 76-й танковый корпус избегал контакта с противником, и санкционировал уклонение его от прямых боестолкновений, в последние десять дней месяца я отдал его войскам приказ оказывать упорное сопротивление. Я надеялся,

что это заставит командование сил альянса остановить наступление, что помогло бы нашей группе армий получить свободу действий, необходимую для того, чтобы поправить положение в районе Болоньи.

Тем не менее, противнику удалось весьма точно нащупать уязвимые участки на стыке 10-й и 14-й армий и использовать наши слабые места. В те недели, о которых идет речь, наше командование неоднократно передвигало стык между боевыми порядками двух армий, руководствуясь как сугубо географическими, так и тактическими соображениями. Начиная с середины октября положение южнее Болоньи стало давать основания для серьезной озабоченности. Если бы мы потеряли контроль над тем или иным сектором местности в долине По между Болоньей и Адриатикой, это не имело бы решающего значения; однако если бы нам не удалось удержать фронт южнее Бо-лоньи, тогда оборона всех наших позиций в долине По автоматически стала бы невозможной – а в этом случае наши войска следовало вовремя вывести оттуда, чтобы, по крайней мере, сохранить их и военное снаряжение. Следовательно, все наши наиболее боеспособные дивизии следовало сосредоточить именно в этой части Апеннин.

23 октября с четырех часов утра до семи вечера я занимался тем, что посещал штабы 10-й армии и почти всех дивизий, находившихся на передовой. У меня сложилось впечатление, что кризис миновал и что при слаженных действиях наши боеспособные части и соединения все еще могли нанести противнику поражение. Именно это и произошло 25-26 октября. Мой начальник штаба часто говорил, что то, что нам удалось удержать северные отроги Апеннин, было чудом. Бои продолжались восемь недель, из них в течение четырех – шести недель это были активные и крупномасштабные боевые действия, происходившие в местности, в которой очень трудно было проводить наступательную операцию. Погодные условия часто менялись, что было весьма типично для осени в Северной Италии. Потери были очень большими, снабжение недостаточным и подчас нерегулярным. Мы большей частью оказывали упорное сопротивление противнику. На тех участках, где оборону держали обладавшие высокой боеспособностью дивизии, усилия, предпринимавшиеся противником с целью продвижения вперед, и потери, которые он при этом нес, совершенно не соответствовали результатам, которых ему удавалось добиться. Октябрь истек, успехи войск альянса становились все менее впечатляющими, а их потери – все более серьезными. Противник действовал, используя оружие и технические средства, о которых мы не могли

даже мечтать, а его солдаты воевали очень умело; тем не менее, их вера в быструю победу шла на убыль, симптомы усталости становились все более очевидными, а их удары слабели.

Битву в Апеннинах можно считать одной из славных страниц германской военной истории.

Северная Италия после боев в Апеннинах

Мои надежды на то, что нам удастся отразить решающее наступление противника, которое, по нашим оценкам, должно было начаться по всему фронту в Апеннинах весной 1945 года, рухнули. Но и альянсу не удалось достичь его далеко идущих целей. Однако время в большей степени работало на противника, чем на нас. Какие уроки нам следовало извлечь из непрерывных боев, которые нам приходилось вести в течение последних шести месяцев, и к каким выводам мы должны были прийти?

Жестокость сражений и то, что противник использовал в них большое количество живой силы и техники, свидетельствует, что Итальянский театр военных действий имел важное значение для альянса, которое нисколько не уменьшилось после высадки войск противника на юге Франции. В то время как участвовавшие в ней части и соединения были заменены иностранными дивизиями (бразильскими, итальянскими), действия авиации противника по непосредственной поддержке сухопутных войск после временного ослабления вновь приобрели былой уровень интенсивности; между тем военно-морские силы альянса, как ни странно, не предпринимали активных действий и чего-то выжидали. А тем временем партизанская война становилась все более активной по мере расширения партизанской организации.

Стратегия альянса значительно усовершенствовалась. Правда, противнику не удалось осуществить свои изначальные далеко идущие планы, поскольку он явно недостаточно использовал военно-морские силы и авиацию и применял танки лишь на узких участках фронта. Однако сами по себе его операции стали четко продуманными и организованными; командование противника ставило перед своими войсками соответствующие их силам и средствам задачи, а наступательные действия частей противника были концентрированными и проводились на значительных участках фронта и на большую глубину.

Дивизии альянса, давно принимавшие участие в боевых действиях на Средиземноморском театре военных действий, укрепили свою боевую мощь и отточили тактическое мастерство. Теперь противник стал не только оказывать своей пехоте

поддержку артиллерией и танками, но и использовал данные авиаразведки, осуществлял целеуказание с воздуха, а также практиковал непосредственную поддержку наземных войск силами ВВС, доведя уровень координации действий до образцового. Части и соединения альянса с высокой степенью эффективности использовали технику. С другой стороны, уровень инициативы командиров отдельных частей и подразделений противника не претерпел существенных изменений к лучшему, и этот недостаток не могла компенсировать даже отлично налаженная система связи, позволявшая отправлять сообщения с помощью самых разнообразных беспроводных технических средств (впрочем, зачастую они не столько помогали, сколько мешали). Нам также было на руку то, что противник продолжал придерживаться обычного графика ротации частей, находившихся на передовой, не делая при этом никаких скидок на ситуацию, сложившуюся на том или ином участке фронта. Войска противника действительно очень нуждались в отдыхе, поскольку частям, прибывавшим на смену, требовалось время для акклиматизации и обучения действиям в местных условиях. Правда, они со своей стороны все больше стремились сократить периоды отдыха германских войск и старались помешать нашим военнослужащим восстанавливать силы, а также не допускать накопления нами большого количества боеприпасов и топлива.

Ситуация, сложившаяся после боев на Адриатике и в районе Болоньи, давала основания предполагать, что в ходе предстоящего наступления противник попытается взять основные силы германских войск в клещи. Было ясно, что, учитывая важность мостов через реку По и водные преграды перед ней, авиация альянса наверняка постарается сделать все возможное для того, чтобы разгромить наши тыловые коммуникации. Это могло бы иметь фатальные последствия для снабжения наших войск всем необходимым и для наших планов проведения операций весной 1945 года. Координировать наши действия на западном и восточном флангах Апеннинского полуострова было трудно из-за весьма серьезных различий в сложившейся ситуации. Западный фланг сильно отличался по конфигурации от восточного, где противник вот-вот должен был нанести свой главный удар; его прямоугольная форма таила в себе множество проблем. Запоздалый выход из боя в районе Генуи мог привести к уничтожению действовавшей там нашей группировки. К тому же силы, вполне достаточные в горах, могли стать легкой добычей для противника на равнинах с хорошо развитой дорожной сетью, а «Тессинская линия» укреплений находилась слишком далеко. Если же учесть, что во всей западной части Северной Италии

действовали партизанские отряды, становилось ясно, что отступление будет для наших войск вдвойне опасным маневром. В то же время, при том что стратегическая важность всего западного фланга была очень мала, наличие там предприятий военной промышленности исключало возможность немедленной эвакуации оттуда наших частей. У нас действительно не было оснований предполагать, что в зимние месяцы в западной части Северной Италии возникнет какая-либо угроза нашим силам с моря или со стороны Западных Альп, хотя, разумеется, следовало ожидать воздушных ударов противника по заводам и фабрикам, тыловым коммуникациям и особенно по мостам. Однако германо-итальянская группировка в этом районе была небольшой (по численности она составляла примерно четыре дивизии), и, конечно, ее нельзя было оставлять без поддержки в качестве аванпоста, расположенного на значительном удалении от основных сил. Более того, входящие в нее части и соединениния, особенно германские (включая прекрасно подготовленную 5-ю горнострелковую дивизию), были нужны для обороны «Тессинской линии» укреплений, а позднее – «Альпийской линии». К* тому же без этих дивизий оказался бы под угрозой правый фланг 14-й армии. Между тем, если бы для его прикрытия пришлось выделять части 14-й и 10-й армий, столь серьезное сокращение численности личного состава этих соединений не позволило бы им удержать их участок фронта. Следовательно, мы должны были спланировать операцию, которая учитывала бы все эти весьма разнообразные соображения и могла быть начата в кратчайшие сроки по получении нашими войсками кодового сигнала «Осенний туман». Если бы нам удалось это сделать, у нас осталась бы лишь одна проблема: правильно выбрать момент для проведения такой операции с психологической точки зрения.

Восточная часть Итальянского фронта, во всяком случае та, что находилась к востоку от Исонцо, не была непосредственно связана с районом, где противник мог развернуть наступление. Зона к востоку от Гориции могла приобрести важное значение в случае, если бы в результате отступления правого фланга группы армий Е (Лер) оказалась оголенной Югославия и войска Тито или русских получили бы возможность проникнуть в район действий группы армий С. Если бы это произошло, возникла бы необходимость защищать этот фланг и создавать линию обороны, обращенную на восток. Однако без частей и соединений группы армий Е это было бы невозможно. Но даже если бы группа армий С отодвинула свой левый фланг назад в направлении Виллача, могли возникнуть обстоятельства, которые заставили бы ее сражаться одновременно на двух фронтах, а это было бы

слишком. Группа армий Е действовала на Балканах автономно, то и дело вступая в стычки с партизанами Тито, пока в зоне ее операций не возникла угроза со стороны русских. В то время как командующий Юго-Западным фронтом начиная с 1943 года был озабочен защитой Триеста, Истрии и Фиуме от возможных морских десантных операций противника, перспективы защиты Югославии и Италии от наступления с востока и юга сознательно игнорировались. Когда осенью 1944 года угроза Югославии со стороны русских войск стала очевидной, по моей инициативе была проведена разведка местности по обе стороны от Любляны с целью создания там оборонительных рубежей. Местность оказалась очень подходящей для оборонительных действий, и в указанных районах, несмотря на значительную активность партизан, началось строительство укреплений.

Между тем назрела необходимость упростить систему командования и управления войсками в южной зоне. Я не возражал против передачи всего восточного Адриатического района группе армий Е при условии, что будет создано общее командование южного района, главной обязанностью которого станет контроль за положением на стыке между группами армий. В противном случае следовало сохранить прежнюю систему, несмотря на все ее недостатки.

Эти соображения были увязаны с планом действий группы армий С. 10-я и 14-я армии должны были, сражаясь с противником, в случае необходимости отступить за реку По и далее к «Альпийской линии».

Я верил, что эта тактика покажется приемлемой Верховному командованию вермахта и Гитлеру, поскольку иначе создание оборонительных позиций к югу и северу от По, которое весьма успешно продолжалось в течение всего лета, было бы пустой тратой времени.

В течение последних шести месяцев германские дивизии продемонстрировали настоящую воинскую доблесть. Боевые традиции и опыт компенсировали многие недостатки, и, если ряду командиров и младших офицеров нужно было пройти дополнительное обучение, были основания полагать, что они пройдут его в зимние месяцы. Нашим основным слабым местом оставалось отсутствие оперативной и непосредственной поддержки с воздуха. Этот недостаток нельзя было восполнить даже за счет выделения значительных сил зенитной артиллерии, а также использования прожекторов и других технических средств. Угроза нашим тыловым коммуникациям усиливалась по мере того, как площадь района боевых действий сокращалась и узкие проходы (например, проход Бреннера) становились все

более опасными. Открытым также оставался вопрос о том, удастся ли нам ликвидировать нехватку оружия, боеприпасов и в первую очередь горючего.

В сложившейся ситуации нашему командованию нельзя было не придавать должного значения предстоящей битве, недооценивать ее возможную жестокость и масштабы и культивировать в войсках необоснованный оптимизм. Однако не следовало и слишком замыкаться на собственных трудностях и проявлять чрезмерный пессимизм. Вопрос стоял следующим образом: раз мы не смогли удержаться в Апеннинах, следовало ли нам отвести свои войска за По немедленно, или же лучше было сделать это непосредственно перед началом наступления противника? А может быть, имело смысл принять решающий бой на занимаемых позициях, на которых мы оказались не столько по собственному выбору, сколько под давлением обстоятельств?

Я решил, что поздней осенью 1944 года нам даже под прикрытием сильного арьергарда не следует выходить из непосредственного соприкосновения с противником и отходить. Наши маневры, предпринимаемые с целью избежать контакта с войсками альянса, невозможно было утаить от вражеской разведки и наблюдения с воздуха. Несмотря на сложный характер местности и непростые погодные условия, противник мог быстро продвинуться вперед следом за нами и к началу весны получить возможность развить хорошо подготовленное наступление на оборонительные рубежи в районе реки По. Мы в этом случае просто подарили бы ему большой участок труднопроходимой местности, который все еще имел огромное значение со всех точек зрения – и с чисто тактической, поскольку предоставлял значительные возможности для защиты от ударов с воздуха, и по сугубо экономическим причинам. Придя к такому мнению, я не стал отдавать приказ о начале операции «Осенний туман».

Я также решил, что нам не следует встречать противника на занимаемых нами в тот момент позициях; это означало бы поставить все будущее Итальянского театра военных действий на одну заведомо проигрышную карту. Поэтому, раз в наших оборонительных порядках имелись бреши, наличие которых нельзя было не учитывать, нам оставалось действовать, применяя в том или ином виде «стратегию сдерживания». Я специально употребляю в данном случае слова «в том или ином виде», поскольку только конкретная ситуация могла определить преимущественный характер наших действий – жесткая оборона или постепенное сдерживающее отступление. Если бы группа армий приняла такое решение, то вставал вопрос о том, как пережить зиму, сохранив как можно больше сил и средств.

«Нервным центром» всего фронта был участок к югу от Болоньи. Если бы противник атаковал нас или улучшил свои собственные позиции где-нибудь еще, это имело бы лишь локальное значение. Но, поскольку местность восточнее Болоньи была весьма благоприятной, налицо были выгодные условия для наступления с юга, из Апеннин. Серьезное поражение в этой зоне могло оказать губительное воздействие на положение на всем фронте, особенно на левом фланге 10-й армии. Ситуация еще больше осложнялась моим решением обойти Болонью и не допустить ее разрушения в ходе боевых действий.

Как относились ко всему этому Верховное командование вермахта и Гитлер?

Когда Гитлер высказался против операции «Осенний туман» в октябре, меня это не удивило. Собственно говоря, я предвидел, что так и будет, и мое первое предложение на этот счет было пробным шаром, пущенным мной с тем, чтобы заблаговременно проинформировать Верховное командование вермахта о развитии ситуации и возможных последствиях. Приступить к реализации моего плана немедленно означало бы пойти наперекор моему глубокому убеждению, состоявшему в том, что такую сложную операцию следовало тщательно Продумать и зафиксировать ее замысел на бумаге с указанием точного временного графика. Поэтому октябрьский отказ не был воспринят мной как знак того, что мое предложение отвергнуто раз и навсегда, и я был уверен, что мне удастся добиться его одобрения в случае, если положение станет критическим. Вопреки мнению моих критиков, я по-прежнему считаю, что шесть месяцев непрерывных боев от Гарильяно до Апеннин были не просто борьбой за каждый метр территории, что мне всегда удавалось убедить Гитлера согласиться с моими предложениями и добиться выхода моих войск из самых сложных ситуаций без больших потерь. По этой причине я был настроен достаточно оптимистично и верил, что в решающий момент мой план будет осуществлен.

В зимние месяцы я не ждал активного вмешательства в наши действия со стороны Верховного командования вермахта, в котором мне очень помогал Йодль; он с одобрением относился к тому, как я действовал в сложившейся ситуации (в данном случае тоже), и имел возможность постепенно, преподнося Гитлеру горькую правду в гомеопатических дозах, подготовить фюрера к неизбежному. Это, впрочем, нисколько не спасало меня от периодических выговоров и замечаний. Однако Гитлер знал, что я сделаю все для выполнения его директив, если мне будет ясно, что они продиктованы необходимостью. Впрочем, он также знал и то, что приказ стоять насмерть не свяжет мне руки, если я приду

к иному решению, принятому в соответствии с моей личной оценкой обстановки, произведенной главным образом благодаря изучению ее на месте. Я не раз демонстрировал собственную независимость. Гитлер вынужден был соглашаться с моими соображениями, когда задачи, которые он передо мной ставил, со временем переставали соответствовать силам и средствам, имевшимся в моем распоряжении. Хотя Верховное командование вермахта очень хотело сделать как можно больше для снабжения всем необходимым наших войск на Итальянском театре военных действий, с учетом того, какие огромные ресурсы поглощали главные фронты – Восточный и Западный, командование группы армий С было очень скептически настроено по поводу возможностей ставки реализовать эти свои намерения и стало со своей стороны принимать самые разнообразные меры для решения проблемы. Однако результат этих мер трудно было предсказать.

В течение осени и зимы Верховное командование вермахта отдало приказы о переброске с нашего фронта на другие следующих дивизий: сентябрь 1944 года – 71-й пехотной дивизии; октябрь – ноябрь – 44-й пехотной дивизии; декабрь – 356-й и 710-й пехотных дивизий; январь – февраль 1945 года – 16-й панцер-гренадер-ской дивизии СС; март 1945 года – 715-й (частично механизированной) дивизии и трех парашютно-десантных полков, по численности равных одной дивизии.

Всего получается семь дивизий. Это весьма красноречиво свидетельствовало о том, какова ситуация на других фронтах.

Здесь мне хотелось бы повторить, что я считал ослабление Итальянского фронта после высадки войск альянса во Франции правильным решением и даже предлагал перебросить с нашего на более важные направления больше сил и средств, чем было предписано ставкой. Однако, с моей точки зрения, нельзя было придерживаться старых стратегических планов, не учитывая изменений в распределении наших сил по фронтам и трудностей со снабжением. В последний раз я сказал об этом Гитлеру 10 марта 1945 года.

Зимний период 1944/45 года

21 октября я имел весьма подробную и продолжительную беседу с министром Шпеером по поводу мер, способных дать нашим войскам в Италии некое подобие экономической самостоятельности. В тот вечер после долгих и бесполезных ссылок на Верховное командование мы пришли к соглашению.

22 октября я снова встретился с министром Шпеером в штабе 10-й армии и обсудил с ним критическое положение дел на участке фронта этого соединения. Кстати, было весьма интересно услышать от него, что во Франции ему никогда не доводилось видеть столь плотного артиллерийского огня по нашим позициям и столь мощных бомбардировок с воздуха.

23 октября, немного отдохнув ночью, я с пяти часов утра принялся объезжать одну дивизию за другой, начав с правого фланга. Меня везде встречали очень тепло, а я имел возможность дать тот или иной совет, подбодрить личный состав или оказать помощь, выделив подкрепление из резерва. У меня сложилось впечатление, что критический период миновал и что нам удастся удержать северные склоны Апеннин. Весь день, пока я колесил по фронту, меня то и дело беспокоили британские самолеты. Ближе к вечеру, когда я ехал по шоссе, ведущему из Бо-лоньи в Форли, чтобы посетить две последние дивизии, моя машина, обгоняя колонну войск, столкнулась с длинноствольным орудием, неожиданно появившимся на перекрестке. Больше всех в аварии пострадал я, получив серьезное сотрясение мозга и глубокую рану на левом виске.

Вскоре после этого инцидента распространились слухи, что фельдмаршал чувствует себя хорошо, но пушку пришлось пустить на переплавку. Между тем я был окольными путями доставлен -в Феррару, где пролежал без сознания до утра следующего дня. Тем временем ко мне были вызваны два специалиста, профессоры Бюркле де ла Камп и Тоеннис. Сделав мне укол, капитан Нисен, мой штабной медик, который сопровождал меня до больницы, строго заметил: «И не вздумайте щупать голову руками. Это приказ!» Видимо, его слова произвели на меня впечатление – я до нее ни разу не дотронулся.

На второй день меня навестила фрау фон Ортцен, возглавлявшая Красный Крест. Мое лицо представляло из себя безобразную маску. Войдя в палату, посетительница, по всей видимости, была поражена тем, как я выглядел. Это заставило меня смутиться. «Вы знаете, что такое настоящая доброта? – спросил я и, поскольку фрау фон Ортцен не отвечала, продолжил: – Это когда человек может без содрогания смотреть на меня такого».

Гитлер и Верховное командование были серьезно обеспокоены тем, что я попал в список потерь, и в течение нескольких дней профессор Бюркле де ла Камп регулярно посылал в ставку бюллетень о состоянии моего здоровья. Меня погрузили в «шторх» и перебросили по воздуху сначала из Феррары в Риву, а затем из Ривы в Мерано.

15 января 1945 года, после двухнедельного отпуска, который я провел дома, я отправился в Бад-Ишль, чтобы пройти обследование в расположенной там клинике черепно-мозговой медицины, а затем вернулся в свой штаб в Рекоаро. Меня не было почти три месяца. Я полностью доверял замещавшему меня фон Витингофу, но все же очень неприятно лежать в кровати и бездействовать, когда твой фронт находится совсем неподалеку. Интерес к тому, как идут дела, который человек проявляет в подобных случаях, является чем-то вроде тонизирующего средства, но в то же время причиняет много беспокойства. Как-то, уже находясь в тюрьме, я спросил у профессора Бюркле де ла Кампа, который пришел меня навестить, не лучше ли было ему тогда, в Ферраре, сделать так, чтобы я заснул. С характерной для него прямотой он ответил: «С учетом того, как повернулось дело, – да».

Вернувшись в штаб, я обнаружил, что противник, как и ожидалось, постоянно предпринимал изматывавшие нашу оборону выпады. Хотя в результате ему удалось добиться лишь локальных и ни в коей мере не решающих успехов, эти выпады снизили боевой настрой наших войск. Помимо потери дивизий, переброшенных на другие фронты, о которых я уже упоминал, произошли кадровые перестановки, обусловленные дефицитом старшего офицерского состава. 12 января генерал Герр сменил фон Витингофа по просьбе последнего на посту командующего 10-й армией. Хотя его тяжелое ранение в голову вызывало у меня некоторые опасения, Герр пользовался моим полным доверием, и я надеялся, что он хорошо сработается с начальником штаба Билицем, который обладал исключительными способностями, разделял мои оценки и одобрял мои действия. За период с конца января по середину февраля я, еще не вполне выздоровев, побывал в армейском и дивизионных штабах и побеседовал почти со всеми командирами дивизий. Я старался собрать максимально точные данные для принятия дальнейших решений до начала критической фазы кампании. В ходе этих весьма подробных бесед я выяснил примерно следующее.

Ожидавшееся зимнее затишье нарушалось в Западных Альпах, являвшихся зоной ответственности лигурийско-го командования, лишь небольшими вылазками противника, не давшими ему никакого результата. Даже после схода снега крупномасштабного наступления ожидать не следовало, поскольку общая ситуация на западе и на юге делала его невозможным.

На участке фронта 14-й армии, который удерживал 51-й горнострелковый корпус, явно царило спокойствие; отвлекающая

атака, санкционированная командующим 14-го армейского корпуса (фон Типпельскирш) в рождественский период и проведенная в верхней части долины Серчио, выявила непрочность вспомогательных фронтов войск альянса. Важность пика Монте-Бельведере высотой 2000 метров для удержания линии обороны к востоку от него была очевидна. Наши позиции в зоне ответственности 14-го танкового корпуса имели жизненно важное значение с точки зрения возможностей овладения Болоньей и системой коммуникаций на ее севере и северо-востоке. Коротко говоря, это был участок, требующий к себе особого внимания. В зоне 10-й армии в. последние месяцы выявилось опасное место к югу от озера Коммаччио. Противник также успешно провел разведку боем вдоль Виа-Эмилия. Если бы британской 8-й армии удалось прорвать наши боевые порядки и сравнительно небольшими силами сковать наши части южнее, это затруднило бы отход 14-го танкового корпуса и 1-й парашютно-десантной дивизии. С другой стороны, северные секторы района обороны 10-й армии на озере Коммаччио, расширившиеся в результате сильных наводнений и очень густо заминированные, наступающим войскам противника было бы особенно трудно преодолеть.

Характер позиций за водной преградой придал новую конфигурацию нашим оборонительным порядкам. Эти позиции имели большую глубину, что позволяло снизить эффективность артобстрелов противника, и давали больше возможностей для применения танков в тактических целях.

Что касается флота, то ему пришлось временно приспосабливаться к условиям наземной войны, и адмирал Левиш в радостью поддержал мое предложение о создании сухопутных частей и подразделений из моряков и обучении их с помощью армейских офицеров.

Миссия командования люфтваффе в Италии в основном состояла в том, чтобы, помимо защиты узловых тыловых коммуникаций и важных проходов, прикрыть с воздуха районы сосредоточения войск и места возможного скопления транспорта в секторах, которые должны были стать ключевыми. Возможности нашей службы наземной разведки и авиации были очень ограниченными, что не позволяло ей эффективно действовать на большую глубину. Служба воздушной разведки была подобна скелету без плоти на костях. И все-таки несколько современных разведывательных самолетов «Арадо-234», превосходящих все аналогичные самолеты противника, добыли полезную информацию и совсем немного приподняли занавес, скрывавший все, что происходило в глубине позиций противника и на море

вблизи линии фронта. Внезапное появление подразделений истребительной авиации из скоростных немецких машин, которые пилотировали итальянские экипажи, стало приятным сюрпризом, хотя и не имело серьезного значения. Они успешно атаковали тяжелые бомбардировщики противника, теперь уже постоянно совершавшие налеты на южные районы Германии и Австрии, когда те, сбросив бомбовый груз, возвращались обратно.

Поддержание итальянской военной промышленности на севере страны в рабочем состоянии приобрело для нас большое значение, поскольку ее продукция тут же поглощалась нашим весьма ограниченным по территории театром военных действий. Тем не менее, когда осенью во время встречи со Шпеером я стал настаивать на том, чтобы Итальянскому фронту была предоставлена автономия в этом отношении, мой собеседник не смог скрыть своего скептицизма на этот счет; между тем система распределения продукции военного производства, созданная гауляйтером Хофером, совершенно не соответствовала требованиям момента.

Боевой дух наших солдат и офицеров был высок – гораздо выше, чем я себе представлял. Даже в приватных разговорах никто ни словом не упоминал о том, что нам следует выбросить полотенце на ринг; люди просто понимали, что они должны держаться во что бы то ни стало. Я был в целом доволен степенью боеготовности частей, хотя уровень подготовки некоторых из них заставил меня задуматься.

Хуже обстояло дело с оружием, боеприпасами и горючим, а самой большой нашей проблемой была авиация.

Все было готово для решающей битвы. Какую бы тактику ни избрали наши войска – сдерживания противника или постепенного отхода, – по крайней мере, они были защищены от сюрпризов благодаря наличию в наших оборонительных порядках особым образом укрепленных секторов и позиций, в достаточной степени насыщенных живой силой. Это не позволяло нам принять решающий бой к югу от По. Между тем переброска дивизий с нашего театра военных действий на другие продолжалась, а положение со снабжением войск самым необходимым в большинстве случаев оставляло желать лучшего. Несмотря на все это, Гитлера поначалу никак не удавалось уговорить скорректировать свои приказы, приспособив их к изменившейся ситуации. Но шли недели, а вето на мои планы все еще не было наложено; это заставило меня поверить, что в критический момент, как это уже бывало раньше, я смогу действовать так, как того потребует обстановка.

Гитлер также – на этот раз к сожалению – никак не мог

определиться по вопросу об объединенном командовании. Этот вопрос постоянно изучался Верховным командованием вермахта, поначалу его обещали решить положительно, но по причинам, недоступным моему пониманию, ничего не происходило. У меня даже стало складываться впечатление, что Гитлер боялся концентрации слишком больших полномочий в руках одного человека на достаточно удаленном театре военных действий.

К моему удивлению, исключительно хорошо подготовленная американская 10-я горнострелковая дивизия по глубокому снегу атаковала левый фланг «неподвижной» 232-й пехотной дивизии, что привело к быстрой потере нами господствующих высот на Монте-Бельве-дере. Это дало нам представление о направлении предстоящего удара противника, который готовился взять нас в клещи и тем самым мог сорвать все наши оперативные планы на весенний период. Это была та самая экстренная ситуация, в которой, чтобы удержать проход к долине По на участке южнее Болоньи, представлявшем наибольшую опасность для группы армий С, нам ничего не оставалось, как бросить в бой 29-ю танковую дивизию, которая уже в течение нескольких недель находилась на отдыхе. Это было тяжелое, но неизбежное решение. В результате целого ряда скоротечных и жестоких стычек наступление противника удалось остановить. 29-я танковая дивизия участвовала в боях три недели и понесла такие серьезные потери, что утратила свою ценность как стратегический резерв.

9 марта меня вызвали к Гитлеру, который назначил меня главнокомандующим войск, действующих на Западном театре военных действий, с 10 марта. В конце апреля мне предстояло вновь «пересечься» с группой армий С – это произошло, когда Итальянский фронт вместе с другими был передан под мое начало.

Итоги Итальянской кампании

При любой переоценке итогов Итальянской кампании по прошествии нескольких лет необходимо ответить на вопрос, было ли оправданным с военной точки зрения удержание нами глубоко эшелонированной обороны в Италии в течение двух лет и привели ли стратегические принципы, которые мы проводили в жизнь, к достижению наилучшего из возможных результатов.

В приводимых ниже размышлениях я намерен игнорировать все политические соображения. Ранее я ясно дал понять, что плохо рассчитанное по времени вступление Италии в войну было

весьма нежелательным шагом, о котором руководство этой страны никто не просил. Наоборот, Германия была глубоко заинтересована в том, чтобы Италия сохраняла нейтралитет. Любое ненужное расширение театра военных действий таило в себе негативные последствия, состоявшие в первую очередь в чрезмерной нагрузке на наш военный потенциал и в трудностях снабжения и стратегического планирования. Однако, рассматривая сугубо военный аспект этой проблемы, мы должны найти ответ на вопрос, была ли сдача противнику всей или части территории Италии на более ранней стадии лучшим военным решением, нежели то, в пользу которого был сделан выбор.

Если бы было принято решение вывести войска из всей Италии и защищать рейх, заняв позиции в Альпах, это не привело бы к экономии людских ресурсов, живой силы; в то же время это дало бы противнику неограниченную свободу для продвижения в направлении Франции и на Балканах; кроме того, совершив этот шаг, мы пожертвовали бы важной с военной точки зрения и обширной территорией и дали бы противнику возможность начать войну в воздухе над всей Южной Германией и Австрией.

Точно так же вывод войск из Южной и Центральной Италии и удержание позиций только в Апеннинах и Альпах не позволили бы нам сохранить больше живой силы и техники и не привели бы к существенному ослаблению угрозы морских и воздушных десантных операций или распространения зоны действий вражеской авиации на упомянутые выше районы.

В обоих случаях угроза, нависавшая над нашими тыловыми коммуникациями, усилилась бы.

Для отвода войск с определенными видами на дальнейший успех необходимо было начать приготовления к этой операции значительно раньше, еще в 1942-1943 годах. Однако в тот период это было невозможно по политическим соображениям.

Из всего этого я заключаю, что битва за Италию была не только оправданной, но и совершенно необходимой. Конечно, если считать, что нашей целью было как можно раньше закончить войну, независимо от того, какие при этом у нас оставались бы шансы вырвать победу политическими средствами, то тогда военные действия в Средиземноморье можно считать ненужными и необязательными, но с этой точкой зрения я не могу согласиться.

Очевидным результатом двухлетней битвы за Италию было то, что в конце концов по целому ряду причин фронт в этой стране рухнул, что привело к тяжелым потерям. Однако само по себе это не было катастрофой, поскольку кампания в Италии оказала положительное воздействие на общую военную ситуацию,

о чем свидетельствуют следующие позитивные моменты.

Итальянский театр военных действий сковал силы альянса, которые, будучи введенными в действие на основных, решающих направлениях, могли бы оказать мощное воздействие на развитие событий на Восточном или Западном фронте, что привело бы к тяжелым для Германии последствиям.

Сами размеры территории, которую нам пришлось оборонять, оказывали огромное воздействие на ход наземных, воздушных и морских операций. Если бы мы просто отдали противнику такое огромное пространство, нам, возможно, пришлось бы прямо или косвенно заплатить за это на других фронтах и в самой Германии гораздо большими людскими и материальными потерями, чем те, которые мы понесли на Итальянском театре военных действий. Благодаря же тому, что мы сопротивлялись противнику в Италии, весь юг Германии до самого конца войны был избавлен от ужасов и лишений, связанных с военными действиями.

После высадки войск альянса в Нормандии Итальянский театр военных действий перешел в разряд второстепенных по важности. Это стало очевидным, помимо прочего, когда с него сняли десять дивизий. С другой стороны, даже после этого мы продолжали сковывать силы противника – хотя и несколько изменившиеся по составу – точно так же, как и раньше, и тем самым блокировали его весьма значительные материальные ресурсы. Любой объективный историк придет к выводу, что то, что мы сумели так долго удерживать Итальянский фронт в условиях полного господства противника в воздухе, и нужно считать «максимально возможным результатом» – особенно с учетом того, что надежды перехватить стратегическую инициативу в то время уже стали для нас утопической мечтой и вернуть утраченную однажды территорию было невозможно. Единственное, что можно к этому добавить, – это то, что результаты, которых нам удалось добиться, возможно, были бы более впечатляющими, если бы в апреле 1945 года нам не мешали сражаться приказы из Берлина.

Глава 21.
Партизанская война в Италии

Первые организованные выступления партизан.

– Развертывание полномасштабной партизанской войны после июня 1944 года.

– Успехи партизан.

– Создание «Штаба антипартизанской войны».

– Некоторые аспекты международного права. – Эксцессы

Введение

Как уже, говорилось, Италия вступила в войну вопреки желанию Германии. Она попросила Германию о помощи на море, на суше и в воздухе. Эта помощь была предоставлена, и германские солдаты, моряки и летчики, проливая кровь, доблестно сражались за жизненно важные интересы их союзников в Африке, на Сицилии и в Южной Италии. Итальянские вооруженные силы, по численности значительно превосходившие наши, за редчайшим исключением, воевали с куда меньшим упорством и самопожертвованием, а временами и явно без особой охоты. Со всем этим нам приходилось мириться, поскольку они были нашими союзниками. Ситуация изменилась, когда после распада Оси Италия при полной поддержке альянса объявила «партизанскую войну». Эта война, как в самом ее начале, так и в ходе ее развития, противоречила международному праву и привела к тому, что германо-итальянское братство по оружию переросло в самую жестокую и непримиримую ненависть.

Развитие партизанской войны

Первые признаки создания ячеек сопротивления действиям германских вооруженных сил стали очевидными при правительстве Бадольо (оно находилось у власти с 25 июля по 8 сентября 1943 года). Вдохновителем этой деятельности следует считать полковника Монтесемоло, имевшего титул графа. Поскольку граф был помощником Бадольо, можно предположить, что партизанское движение возникло с согласия итальянского правительства в то самое время, когда Италия заявляла о своем намерении продолжать сражаться на стороне Германии.

После отступничества Италии в наших тылах возникла целая сеть шпионов и саботажников. Эти люди, помимо всего прочего, активно участвовали в организации побегов попавших в плен солдат и офицеров противника, которые, присоединившись к ушедшим в горы итальянским военнослужащим, в свою очередь, помогали создавать первые партизанские группы. В эти группы нередко попадали мошенники и негодяи, ставшие настоящим бичом для честных итальянцев. Осенью и зимой 1943 года отдельные и не слишком опасные отряды партизан, состоявшие в основном из беглых военнопленных, появились в тылах 10-й армии. Как правило, они пытались пробиться через линию фронта. Партизанские отряды начали причинять нам беспокойство в Апеннинах и по обе стороны от них с апреля 1944 года. Они проявляли наибольшую активность в районе Флоренции, где, в связи с тем что их деятельность мешала снабжению наших войск, потребовались военные контрмеры.

После того как в июне 1944 года пал Рим, они стми более агрессивными и фактически начали проявлять настойчивость, которой я от них не ожидал, так что это время можно считать временем начала полномасштабной партизанской войны. Активизация партизан была особенно заметной между фронтом и Апеннинами. Думаю, в этот период их численность выросла с нескольких тысяч до сотни тысяч или около того. Этот всплеск их активности был вызван подстрекательскими заявлениями Бадольо и Александера по радио и ожиданием того, что германские армии в Италии вот-вот будут уничтожены. С этого момента партизанская война стала реальной помехой для наших военных операций, и было жизненно необходимо эту помеху устранить.

После ряда спорадических стычек и перестрелок, которые дорого обошлись им самим, партизаны зимой 1944/45 года на некоторое время затаились. Это объяснялось целым рядом факторов, в том числе соглашениями о перемирии, затишьем на фронте, амнистиями и плохими погодными условиями. В это время их численность, скорее всего, упала до нескольких десятков тысяч.

Однако их временная пассивность не вызвала у германского командования никаких иллюзий. И действительно, когда в горах установилась более теплая погода, они проявили себя снова, причем их стало больше, чем когда бы то ни было раньше, – в марте-апреле 1945 года численность партизанских отрядов составляла порядка 200 000-300 000 человек.

Наиболее опасными, а также наиболее жестокими и безжалостными в своих методах были отряды, действовавшие в Истрии и на северо-востоке Ломбардии. Крупный очаг

сопротивления существовал в Гориции и в горных районах к северу от нее. Помимо совершения беспокоящих вылазок против наших войск, главной целью партизан было внести дезорганизацию в деятельность наших тыловых коммуникаций и нарушить снабжение на маршруте, ведущем через Виллач в Италию, а также сообщение с Югославией, налаженное через западные и северные районы страны. В горах к востоку от линии Фиуме – Триест – Гориций большинство населения сочувствовало партизанам.

Отряды действовали в основном каждый в своем районе, однако по мере того, как менялся характер битвы за Италию, в их акциях стали все более явственно просматриваться элементы организованного сопротивления.

Организация партизанского движения

В первые месяцы главной характерной чертой партизанского движения было отсутствие у него какого-либо официального руководства, вписывающегося в статью 1 Гаагской конвенции о наземных боевых действиях. Впрочем, позже, когда стали известны имена некоторых новых лидеров, положение в этом смысле несколько улучшилось.

С течением времени для германского командования становились все более очевидными следующие факты.

Высшие официальные руководители партизанского движения находились в штабах войск альянса; исходя из этого мы предположили, что существует некий совместный руководящий центр, в который входят как представители войск противника, так и итальянцы, причем главной приводной пружиной действий повстанцев являются офицеры разведки войск альянса, хотя за деятельностью последних все плотнее присматривали оперативные отделы штабов. Разведывательные и диверсионные группы партизан, зачастую состоявшие из криминальных элементов, контактировали с главным штабом войск альянса с помощью офицеров связи противника, которые также действовали отнюдь не автономно.

Наличие так называемых бригад было отмечено уже в апреле 1944 года, но это были скорее номинальные, чем реальные организации. Поводы говорить о наличии в зонах действия партизан более или менее дисциплинированных отрядов, имевших свое руководство, появились после осени 1944 года – например, в районе Алессандрии. Те отряды, костяк которых составляли бывшие военнослужащие, были организованы на

военный манер. Однако их численность и эффективность действий были невелики. Поначалу они обеспечивали себя всем необходимым за счет местного населения, причем не на добровольной основе, а личный состав пополняли за счет парашютистов, а также десантников, высаживавшихся с подводных лодок.

В основном партизанское движение было организовано следующим образом:

Группа 1 – «разведывательные подразделения» – профессионально хорошо подготовленные, они действовали очень небольшими группами. Их участники были связаны друг с другом клятвой и являлись храбрецами, которые рисковали жизнью. К ним не могло быть никаких претензий, кроме той, что они нарушали международное право. К этой же группе относились и диверсанты, однако они серьезно нарушали законы гуманности, и к тому же среди них было много преступных элементов.

Группа 2 – подонки, которые убивали и грабили всех подряд. Эти люди были национальным бедствием.

Группа 3 – собственно партизанские отряды. Со временем они стали все больше походить на военные подразделения. Эти отряды считали врагами всех немцев и фашистов и в большей или меньшей степени пользовались поддержкой местного населения, нередко пополняя за его счет свои ряды. В районах, где они действовали, существовали целые партизанские деревни и даже районы, в которых любой мужчина, любая женщина или ребенок были связаны с партизанами и являлись либо бойцами отряда, либо помощниками или сочувствующими. Что двигало этими людьми – искренние убеждения или мягкое принуждение, – для нас не имело значения. Когда от партизанской пули погибал немецкий солдат, у нас не было возможности разбираться в этих тонкостях. В то же время на территории Италии имелись районы, где налицо была лишь «угроза появления партизан», и даже совершенно «свободные от партизан» зоны.

В целом партизанские отряды представляли собой разномастное сборище военнослужащих альянса, итальянских и балканских солдат, немецких дезертиров и представителей местного гражданского населения – как мужчин, так и женщин, людей разного возраста, разных занятий, убеждений и моральных принципов. В результате можно смело сказать, что знаменем патриотизма зачастую прикрывалось удовлетворение самых низменных инстинктов.

Методы, применявшиеся партизанами

Партизанская война была грубым нарушением международного права и противоречила всем принципам ведения боевых действий.

Главной причиной этого было отсутствие в Италии настоящих лидеров и недостатки тех, которые имелись в наличии, – из-за этого создание какой-либо регулярной вооруженной организации и ее обучение оказались невозможными. Вместо этого южный темперамент итальянцев привел к напоминающим бунт хаотичным действиям, в которых патриотическая окраска сочеталась с всплеском самых низменных инстинктов, что зачастую не оставляло места для сожалений и угрызений совести. Партизаны небольшими группами или в одиночку действовали, не считаясь ни с кем и ни с чем. Они осуществляли свою подрывную работу везде – в горах, в долине реки По, в лесах и на дорогах, под покровом темноты и в тумане – и при этом всегда исподтишка. Большинство многочисленных актов саботажа и диверсий против военных объектов, складов, на железных и шоссейных дорогах, мостах и телеграфных линиях и не менее частые антигуманные действия по отношению к людям – дело их рук. Ежедневно они совершали нападения из засады, вешали, топили, сжигали, распинали свои жертвы, применяли все известные виды пыток, отравляли колодцы, нередко используя для совершения своих преступлений символику Красного Креста.

Их действия облегчались тем, что партизаны почти никогда не носили знаков различия, прятали оружие или, опять-таки в нарушение международного права, переодевались в форму германских войск или фашистов. Тем самым они освобождали себя от обязательств, налагаемых ношением униформы. Естественно, все это вызывало у нас раздражение. В районах действия партизан немецкий солдат невольно видел в любом местном жителе, одетом в гражданское платье, как мужского, так и женского пола, убийцу-фанатика и исходил из того, что в него в любой момент могут начать стрелять из любого дома. Все местное население так или иначе помогало партизанам и предупреждало их об опасности с помощью особой системы сигналов.

Партизанские отряды лишь в исключительных случаях принимали открытый бой. Обычно же они, совершив вылазку, растворялись среди мирного населения.

Когда же они все же вступали в боестолкновение, они окончательно отбрасывали всякую порядочность, особенно в отношении местных жителей, в результате чего нередко самые страшные потери приходились на долю гражданских лиц, не участвовавших в стычках, не говоря уже о фашистской милиции.

Учитывая, что германские войска были разбросаны на большой территории, мы не могли вести точный учет наших потерь. Когда человек исчезал, его имя просто заносили в список пропавших без вести. В период с июня по август 1944 года, по данным нашей разведки, мы потеряли 5000 человек убитыми, а еще 25 000-30 000 наших военнослужащих были ранены или похищены. Эти цифры кажутся мне очень высокими. Согласно моим оценкам, основывавшимся на устных докладах, более правдоподобными минимальными цифрами, характеризующими наши потери в течение упомянутых трех месяцев, являются такие: 5000 убитых и еще 7000-8000 убитых или похищенных; к этому следует также добавить такое же количество раненых. Во всяком случае, потери с германской стороны значительно превышали общие потери партизан.

Борьба с партизанами

Когда началась партизанская война, Италия в соответствии со статьей 42 Гаагской конвенции, подписанной как государствами Оси, так и странами альянса, превратилась в «оккупированную территорию». Таким образом, партизаны с самого начала находились вне международного права – к ним была неприменима статья 2 Гаагской конвенции, поскольку изложенные в ней условия не были выполнены.

Партизаны проводили свои операции, полностью игнорируя содержание статьи 1, что давало германскому командованию право принимать любые контрмеры, допускаемые Гаагской конвенцией или законами военного времени.

Изучение истории и мое личное знакомство с тем, что такое партизанская война, привели меня к выводу, что это некая дегенеративная форма ведения военных действий. Методы, которые в ней применяются, настолько многообразны, что рано или поздно они обязательно вступают в противоречие с писаными и неписаными нормами международного права и с почти математической неизбежностью втягивают обе стороны в совершение чудовищных преступлений.

Прекрасно осознавая все это, германские вооруженные силы воздерживались от партизанской войны. Единственное, пожалуй, исключение – заявление о создании «Верфольфа», сделанное в апреле 1945 года, но и этот факт представляет собой что угодно, но только не убедительный пример участия наших войск в партизанских акциях, поскольку данный шаг был предпринят по инициативе СС и партийных лидеров. В мирное время германские

вооруженные силы не обучались ведению контрпартизанских операций и потому оказались не готовы к отражению партизанской угрозы в Италии. Эта ситуация потребовала от меня решительного вмешательства – я должен был заставить армейских командиров уделять данной проблеме не меньше внимания, чем боевым действиям на фронте.

За пределами передовой проведение контрпартизанских операций до мая 1944 года было особой прерогативой рейхсфюрера СС, слово которого в районах, объявленных зонами действия партизан, было законом. Я, однако, пытался убедить руководство, что война с врагом и с партизанами – одно неделимое целое, и в конце концов, несмотря на сильное сопротивление СС, Верховное командование вермахта согласилось с моей точкой зрения. В результате с начала мая 1944 года я получил полномочия осуществлять борьбу с партизанами на Итальянском театре военных действий. В этом вопросе высший руководитель СС и полиции был лично подчинен мне и должен был выполнять мои директивы, хотя в других районах он мог проводить любые противопартизанские операции под свою ответственность. Это решение попахивало политической спекуляцией и с военной точки зрения было неудовлетворительным. Но оно было вполне осуществимо, поскольку в «Штабе антипартизанской войны» при штабе высшего руководителя СС и полиции был специально выделен человек для решения соответствующих проблем.

В зонах боевых действий и в районах, непосредственно примыкающих к ним, руководство противопартизан-скими операциями осуществлялось армейскими командирами.

«Противопартизанскими разведывательными операциями» в основном руководило командование группы армий, армейская разведка и СС; служба безопасности СС отвечала за осуществление соответствующих директив, а армейские штабы должны были ей содействовать. Точно так же было организовано сотрудничество службы безопасности СС с тайной полевой полицией. В принципе руководство той или иной противопартизанской операцией поручалось кому-то из старших офицеров, независимо от того, где он служил – в армии, в СС или в полиции, причем это никоим образом не снимало с него ответственности, связанной с его основной деятельностью.

В тыловых районах обычным стал следующий порядок: в тылах или прибрежных секторах корпусов и дивизий за антипартизанскую деятельность отвечали командующие корпусов или дивизий; они определяли свои зоны ответственности соответствии с местами дислокации подчиненных им войск. В

армейских тылах руководство операциями, направленными против партизан, осуществлялось через узлы связи командования, использовавшиеся как стационарные командные пункты.

Эта структура была удобной и хорошо работала – при условии, если она была достаточно гибкой. Для осуществления крупномасштабных акций против партизан, предпринимавшихся по просьбе группы армий, держались наготове особые части единого или смешанного состава, имевшие свое независимое командование. В таких случаях главным фактором успеха была не столько численность и ударная мощь войск, привлекавшихся к борьбе с партизанскими отрядами, сколько возможность выделить для этого особые части без ущерба для положения дел на передовой.

В то время как поначалу с противопартизанскими операциями успешно справлялись пехотные части, со временем с расширением и обострением конфликта с незаконными вооруженными формированиями стало все чаще требоваться применение артиллерии, минометов, танков, огнеметов и другой техники. Хорошо обученные и оснащенные военнослужащие, занимавшиеся борьбой с партизанами, были организованы в «карательные части и подразделения» и всегда готовы к немедленным контрмерам в нашем тылу; в то же время их можно было в случае необходимости использовать для защиты от воздушного десанта противника; кроме того, в случае, если бы противнику удалось прорвать наши боевые порядки на фронте, карательные части могли бы дополнительно усилить оборону в нашем тылу, защищая ущелья, места возможного проникновения в населенные пункты и системы укреплений.

Содержание германского руководства под названием «Партизанская война», опубликованного в 1942 году и базировавшегося на соответствующем опыте действий на русском фронте, так и не было доведено до войск, находившихся под моим командованием, поскольку оно вышло в свет в тот период, когда проблема партизан в зоне моей ответственности практически не существовала. Когда же партизанская война вступила в свою решающую фазу, наши штабы и войска уже испытывали такие физические и моральные нагрузки, что изучение подобных материалов было практически невозможным.

Поскольку партизаны действовали главным образом в тылу и части на передовой не всегда сразу ощущали на себе результаты их деятельности, наше командование не воспринимало эту проблему всерьез. Донесения о нападении на взводы, возвращающиеся с передовой в тыл или находящиеся в тыловых районах, поступали с таким опозданием, что не вызывали почти

никакой реакции. Эта пассивность, отсутствие у нас опыта противодействия нерегулярным вооруженным формированиям и, прежде всего, уверенность в том, что масштабы этой необычной войны будут расти, заставили меня отдать приказ о принятии всех доступных мер для того, чтобы остановить ее или хотя бы ограничить ее расширение. Этими мерами были: выявление ячеек сопротивления, а впоследствии и самих незаконных организаций, путем полицейского наблюдения; политическое умиротворение при содействии Ватикана и видных итальянских политических и религиозных деятелей, глав администрации и других влиятельных лиц; шаги, направленные на улучшение благосостояния населения; помилования; освобождение людей от военной и трудовой повинности и от вывоза в Германию; и, наконец, радиопропаганда. Кроме того, были предприняты попытки прекращения боевых действий, по крайней мере в отдельных районах и на какое-то время, – причем в ряде случаев эти попытки оказались успешными.

К июню 1944 года мне стало ясно, что партизаны могут создать серьезные помехи отходу моих войск; по этой причине я попытался наверстать упущенное, отдав приказ о том, что с партизанами следует воевать так же, как с войсками противника на фронте. Оружие, которое до этого применялось только в боевых действиях против сил альянса, в частности. танки, артиллерия и огнеметы, теперь должно было использоваться везде, где это могло помочь быстро ликвидировать возникшую угрозу.

Я надеялся, что за счет столь энергичных мер и использования регулярных войск нам удастся остановить развитие партизанской войны, которая превращалась в месть со стороны нерегулярных вооруженных формирований и, с моей точки зрения, могла лишь привести к хаосу. Такая война имеет свои особенности, к которым приходится приспосабливать законы обычной тактики. Рекогносцировке местности перед боем должно предшествовать постоянное и глубокое изучение противника. Войска не подходили для такой деятельности – ею занимались специально обученная служба безопасности и тайная полевая полиция. Успех любой операции определялся секретностью и внезапностью. Захват партизанского лагеря имел практическое значение только в том случае, если партизаны его обороняли. Постепенно стало правилом окружать районы действия партизан кордонами и либо полностью блокировать их, либо атаковать с помощью войск, развернутых на заградительном рубеже.

Возникшее у военнослужащих наших частей чувство неуверенности и ощущение того, что они в любой момент могут

быть атакованы, привели к выработке особой тактики защиты от нападений из засады. Вместо того чтобы дожидаться, пока в них начнут стрелять из какого-нибудь дома, наши солдаты стали нейтрализо-вывать возможных снайперов, заблаговременно открывая огонь по подозрительным строениям и ведя его до тех пор, пока противник не оказывался выведенным из строя. Это был единственный способ защититься от пули в спину. Особую важность приобрела для нас защита тыловых коммуникаций и обозов, а также безопасная перевозка раненых по дорогам и шоссе – нам необходимо было решить эти проблемы, чтобы избежать серьезных потерь.

Учитывая жестокость и антигуманный характер действий партизанских отрядов, в критический период я был вынужден отдать приказ о неограниченном применении против них любого оружия. Это было сделано для того, чтобы сократить те невероятно большие потери, которые мы несли из-за беспечности и совершенно неуместной мягкости, проявляемых нашими солдатами. Война против партизан неизбежно приводила к атрофии человеческих чувств, которая таила в себе большую опасность. Однако пытаться избежать ее было равносильно самоубийству.

Из принципа я воздержался от применения против партизан бомбардировочной авиации, которая, естественно, была бы наиболее эффективным средством борьбы с ними, – я не мог взять на себя ответственность за ущерб, который бомбардировки могли бы причинить мирным жителям в случае нанесения ударов по густонаселенным районам. Дальнейшие события показали, что подобная щепетильность весьма скупо вознаграждается благодарностью. В будущем такие соображения должны быть отброшены – если только партизанская война не будет повсеместно запрещена.

Особенности, характеризующие действия мятежников или партизанских отрядов, делают допустимыми с точки зрения международного права определенные меры, чуждые солдатам, воюющим на фронте. К сожалению, статьи Гаагской конвенции о наземной войне страдают известной неопределенностью на этот счет, существование которой частично компенсируется использованием туманного термина «обычаи войны». Вопросами, которые требуют прояснения, являются следующие: заложники и убийство заложников; ответные карательные меры, их характер, возможная степень суровости и ее зависимость от действий нерегулярных вооруженных формирований; коллективные меры и предварительные условия, необходимые для их применения; чрезвычайные декреты и юридическая процедура.

Должно быть ясно, что туманность международных правовых норм и имеющиеся в них лазейки в критические моменты приводят к неизбежным грубым ошибкам и ненужным жертвам с обеих сторон. Известно, что существуют различия в интерпретации тех или иных деяний между, к примеру, континентальным и англосаксонским правом. Поэтому формулирование соответствующих юридических норм антипартизанской деятельности таким образом, что ответственный военачальник не может применить их на практике, является не чем иным, как преступлением против духа закона. Многие из перечисленных выше действий, например ответные карательные меры, могут трактоваться по-разному, и потому решение об их применении должен принимать облеченный ответственностью командир после тщательного изучения конкретных обстоятельств дела.

Поскольку, в соответствии с германскими законами, отдавать приказ о применении карательных мер имели право только представители командного состава начиная от командира дивизии и выше, имевшие в своем распоряжении опытных советников, налицо были достаточно надежные гарантии против необоснованных репрессий. Однако факт остается фактом: солдат, которого только что пытались убить из-за угла и который ослеплен гневом, действует иначе, нежели педантичный прокурор или судья, которому на его скамье ничего не грозит.

Расширение партизанской войны и связанные с ней эксцессы

Ежедневно поступавшие в органы армейской разведки донесения, сведения которых регулярно наносились на карту, свидетельствовали о неуклонном расширении зоны деятельности партизан и об их активизации. Они проводили по пять-шесть вылазок в день. В то время как диверсии, совершаемые на железных дорогах и на складах, уже стали обычным явлением, партизаны, помимо этого, прибегали к внезапным нападениям, места проведения и периодичность которых все время менялись в зависимости от ситуации на фронте.

По мере того как численность партизан росла, увеличивалось и количество «партизаноопасных» или «контролируемых партизанами» районов. Однако реальная угроза исходила из них только в тех случаях, когда деятельность нерегулярных вооруженных формирований напрямую увязывалась с событиями, происходившими на передовой.

После окончания войны германских солдат упрекали в

большом количестве эксцессов и проявлений жестокости; множество подобных случаев стало объектом судебных разбирательств, которые почти всегда заканчивались тем, что обвиняемым выносился смертный приговор. Разумеется, после приведения этих приговоров в исполнение некому было пролить свет на этот весьма непростой вопрос!

Даже если сделать скидку на присущую итальянцам склонность к преувеличению и на то давление, которое все еще оказывают на общественное мнение лица, участвовавшие в детельности партизанских отрядов, где доминировали коммунисты, следует признать, что германской стороной также совершались чудовищные вещи. Но факт остается фактом: лишь в очень немногих, можно сказать, исключительных случаях были представлены убедительные доказательства вины немецких солдат. Вину за эксцессы и варварские действия, имевшие место в Италии, следует поровну распределить между партизанами, фашистскими организациями и группами немецких дезертиров, и лишь незначительная ее часть – если таковая вообще есть – может быть возложена на регулярные части германских войск. По всей вероятности, значительная часть случаев проявления чрезмерной жестокости произошла по вине отставших от своих подразделений военнослужащих, которые превысили допустимый предел самообороны.

Наталкивает на размышления тот факт, что только в нескольких случаях сведения о безобразиях такого рода – кажется, таковых было всего три или пять – доводились до меня по официальным каналам, а истории о преступлениях против гражданского населения, которые рассказывал мне Муссолини, после того как по моему настоянию их расследовала германская сторона, оказывались либо ложью, либо преувеличением. Частично это можно объяснить различиями в процедуре, обусловливавшими разную трактовку статей соответствующей конвенции (например, тех, в которых говорилось о применении репрессий, их допустимой жесткости и методах). Зачастую рассказы очевидцев противоречили друг другу, и немецких солдат признавали виновными только потому, что данные под присягой показания свидетелей, выступавших от имени германской стороны, заведомо признавались недостойными доверия, в то время как добытые не вполне законными методами показания свидетелей противоположной стороны просто принимались на веру.

На это можно возразить, что многие инциденты, связанные с проявлениями жестокости и варварства, вообще оставались вне поля зрения общественности, а немалое их количество

искажалось или даже просто замалчивалось. Поскольку на войне возможно все, не исключено, что в отдельных случаях это могло иметь место. Но поскольку мной была создана особая служба для отслеживания подобных инцидентов и оповещения о них, которая не допускала подобной практики, я должен заявить, что считаю какие-либо обобщения на этот счет неуместными. Упомянутая служба располагала информацией, предоставляемой германским частям и штабам итальянскими властями и церковью, а также опиралась на сведения, добытые мной самим в ходе неожиданных визитов в германские и итальянские части, штабы и на склады, не говоря уже об информации от моего «специального представителя» генерала Хартмана. Помимо всего прочего, за всем бдительно следили полевая и военная полиция, а также тайная полевая полиция.

Я считаю, что нигде больше не предпринималось таких мер, направленных на поддержание дисциплины и защиту мирного населения, как в Италии. В рамках моих полномочий я лично весьма жестко реагировал на малейшие признаки аморальности и коррупции, которые могли подорвать дисциплину, негативно сказаться на нашей репутации или дружественных отношениях с партнерами по Оси, а тем более причинить ущерб местному населению. Благодаря этому мне удалось за весьма короткое время решительно остановить процесс деморализации, явно охвативший 14-ю армию.

Если, несмотря на все вышеизложенное, во время или после войны даже правительства стран, подписавших Гаагскую конвенцию, официально признали вооруженных смутьянов патриотами и героями, то это означает не что иное, как неуважение по отношению к заключенным договорам и соглашениям и подрыв самих основ права.

Часть третья. Безоговорочная капитуляция. Я предстаю перед судом

Глава 22.
Командующий Западным фронтом

23.02.1945 года. Американское наступление на Рур.

– Потеря левого берега Рейна.

– 7.03.1945 года. Захват американцами неповрежденного моста через Рейн в районе Ремагена.

– 10.03.1945 года. Кессельринг – командующий Западным фронтом.

– Март 1945 года. Американцы создают плацдарм в районе Ремагена.

– 22.03.1945 года. Американцы форсируют Рейн в районе Оппенгейма.

– 23.03.1945 года. Британо-американское наступление в низовьях Рейна, форсирование Рейна в районе Везеля.

– 28 и 29.03.1945 года. Падение Мангейма, Висбадена и Франкфурта-на-Майне.

– 1-18.04.1945 года. Окружение и капитуляция группы армий В в Рурском котле.

– 4.04.1945 года. Падение Касселя.

– 11.04.1945 года. Падение Вюрцбурга.

– 16-20.04.1945 года. Бои за Нюрнберг.

– 18.04.1945 года. Падение Магдебурга

Мое назначение

8 марта 1945 года я получил приказ явиться к Гитлеру с докладом. Я спросил о причинах этого вызова и не получил ответа.

В ставку в Берлине я прибыл около полудня на следующий день. Там в присутствии Кейтеля и Йодля меня проинформировали о том, что мне предстоит сменить фон Рундштедта на западе. Когда я возразил, что нужен на Итальянском театре военных действий и еще не вполне оправился от травмы, полученной в результате аварии, и потому не приобрел мобильности, необходимой для выполнения столь важной миссии, мои возражения выслушали с пониманием, но в то же время выразили уверенность, что Гитлер не примет их во внимание.

Во время встречи с Гитлером, состоявшейся в тот же день, – вначале она проходила с глазу на глаз – прогноз Кейтеля и Йодля

подтвердился. После детального изложения общей ситуации фюрер сказал мне, что в связи с падением Ремагена возникла необходимость смены командования на западе. Не упрекая фон Рундштедта, он объяснил этот шаг тем, что только более молодой и активный военачальник, имеющий опыт боев с войсками западных держав и пользующийся доверием солдат на передовой, возможно, все же сумеет поправить положение. Он дал понять, что осознает все сложности, связанные с, так сказать, сменой лошадей на переправе, но сказал, что я должен взять на себя это нелегкое бремя, несмотря на мое пошатнувшееся здоровье. Гитлер был уверен, что я сделаю все, что было в человеческих силах.

Затем фюрер рассказал мне о положении на фронте. Здесь я изложу только суть сказанного им.

Решающим был Восточный фронт; катастрофа на русском фронте означала бы всеобщую катастрофу. Тем не менее, поскольку там были сконцентрированы все наши силы, Гитлер был уверен, что этого не произойдет. Фюрер ожидал, что русские предпримут решительное наступление на Берлин.

Он сказал мне, что группа армий «Центр» под командованием Шернера в последнее время прекрасно сражалась в Чехословакии и Силезии и что она в состоянии отразить любое наступление противника, если выделить ей подкрепление и наладить ее снабжение всем необходимым. Слева от нее твердо удерживала позиции 9-я армия под командованием Бюссе. Гитлер считал, что главный удар противника будет направлен против нее. По этой причине она в первую очередь получала подкрепления, снабжалась техникой и боеприпасами и именно на ее участке наиболее активно проводились фортификационные работы.

Замечания Гитлера по поводу группы армий Шерне-ра относились и к группе армий «Юг» под командованием Рендулича, располагавшейся справа от нее. Однако, хотя существовала вероятность того, что левому флангу Рендулича придется участвовать в решающих боях, фюрер придерживался той точки зрения, что на правом фланге возможно лишь вспомогательное наступление противника.

Участок фронта 9-й армии под командованием Бюссе был хорошо укомплектован пехотными, танковыми и противотанковыми частями, не говоря уже об армейской и зенитной артиллерии, части которой, руководимые лучшими командирами, занимали глубоко эшелонированные позиции; у нас были хорошие позиции, усиленные разного рода препятствиями, в том числе водными рубежами, проходившими как по переднему краю, так и в тылу; Берлин был прикрыт

сплошными круговыми оборонительными рубежами и заранее подготовленными позициями на случай отхода.

По мнению Гитлера, русские никогда не смогли бы прорвать эту йборону. Он сам убедил себя в ее надежности; кроме «того, он много консультировался по этому вопросу с артиллерийским командованием и остался этими консультациями вполне удовлетворен.

Группа армий Хайнриха, занимавшая позиции слева от 9-й армии, по мнению Гитлера, нуждалась в подкреплениях, однако на этом направлении он предвидел лишь вспомогательные удары со стороны противника.

Позиции, которые занимала юго-восточная группа армий под командованием Лера, с точки зрения фюрера, имели лишь весьма ограниченное значение. То, как войска Лера сражались до этого, вызывало у Гитлера веру в то, что они и дальше смогут сдерживать противника во взаимодействии с юго-западной группой армий и фон Витингофом. Фюрер надеялся, что последний будет действовать столь же удачно, как и некогда под моим началом. Точно так же Гитлер не испытывал никакого беспокойства по поводу Курляндии или Норвегии.

На Западном фронте уже не один месяц шли жестокие бои, но при этом американцы, британцы и французы также понесли тяжелые потери. Гитлер считал, что, укрепив русский фронт, мы сможем перебрасывать подкрепления и на наиболее важные участки на западе. Даже фюрер не мог добыть для фронта свежие дивизии, но до тех пор, пока существовала ротация войск, всегда можно было найти возможность заменить наиболее измотанные части, действующие на Западном фронте. Противник не мог обойти естественные препятствия, за которыми располагались наши войска, твердо намеренные удержать занимаемые рубежи. Нашим слабым местом был Ремаген. Нужно было срочно поправить сложившуюся там ситуацию. Гитлер был уверен, что это можно сделать.

На данном этапе войны, по мнению фюрера, нашей главной и единственной задачей было выиграть время и дождаться того момента, когда мы сможем задействовать 12-ю армию, а также начать широкое применение наших новых истребителей и другого нового оружия.

Фюрер считал, что значительная доля вины за наши предыдущие поражения лежит на люфтваффе; однако теперь он лично взял на себя техническое руководство военно-воздушными силами и гарантировал успех.

По словам Гитлера, в скором времени командующий военно-морскими силами адмирал Дениц должен был добиться больших

успехов благодаря применению новых подводных лодок и тем самым значительно облегчить общую ситуацию.

Фюрер очень высоко отзывался о сверхчеловеческих усилиях, предпринимаемых населением Германии, и о его терпении.

Производство оружия было сосредоточено в руках Сора из министерства вооружений. Гитлер безоговорочно верил в то, что последнему удастся удовлетворить основные потребности-наших войск, действующих на фронте. В то же время фюрер считал, что необходимо некоторое перераспределение военной продукции в пользу новых частей, которые, по его словам, должны были стать лучшими частями вермахта за все время войны. Он взял на себя личную ответственность за то, чтобы эти части возглавили первоклассные командиры. Таким образом, мы опять-таки сражались за то, чтобы выиграть время!

Гитлер говорил несколько часов, демонстрируя при этом удивительную ясность мыслей и поразительную осведомленность о самого разного рода деталях. После того как он закончил, Кейтель и Йодль более подробно обсудили со мной ряд моментов. Их ответы на мои вопросы сделали мое понимание общей обстановки более четким, но не привнесли в него существенных изменений.

Моя задача была ясной: держаться! Я испытывал беспокойство – помимо прочего, еще и -потому, что мне предстояло в течение какого-то периода командовать Западным фронтом «анонимно» (руководство сочло, что будет полезно, если мое имя еще некоторое время будет звучать в Италии).

Ночью с 9 на 10 марта 1945 года я выехал в штаб командующего Западныдгфронтом в Зигенберге, где начальник штаба Вестфаль, который был моим начальником штаба в Италии, ознакомил меня со своим видением ситуации.

Главной особенностью положения на фронте было огромное превосходство противника в живой силе и технике на земле и его абсолютное господство в воздухе.

Нашим пятидесяти пяти ослабленным, неполного состава дивизиям, не получающим пополнения и лишенным нормального снабжения, противостояли восемьдесят пять полностью укомплектованных американских, британских и французских дивизий. Численный состав наших пехотных дивизий упал до среднего уровня в 5000 военнослужащих вместо положенных 12 000. Численный состав наших немногочисленных танковых дивизий колебался между 10 000 и 11 000 военнослужащих. В целом это означало в лучшем случае сотню военнослужащих на каждый километр фронта. О том, чтобы вывести с передовой в тыл хотя бы некоторые части и создать небольшой резерв, а также

укомплектовать личным составом многочисленные долговременные огневые точки Западной стены, не могло быть и речи. События на русском фронте развивались так, что Рундштедту пришлось передать туда десять танковых дивизий, шесть почти полностью укомплектованных пехотных дивизий, десять артиллерийских корпусов и целый ряд других частей и соединений. Ему, правда, была обещана компенсация, но пока ее не было и в помине. Вестфаль сообщил мне, что, судя по данным докладов и его собственным личным наблюдениям, боевой дух наших войск в целом все еще оставался высоким. Наши солдаты, разумеется, устали от войны и беспокоились за свои семьи, оставшиеся дома, но по-прежнему выполняли свой долг. Они понимали, как важно удержать фронт и не допустить того, чтобы нашим войскам, сражавшимся с русскими, был нанесен удар с тыла. Вестфаль считал, что не ошибается, говоря, что каждый солдат на Западном фронте осознает необходимость внести свою лепту в спасение территории нашей страны и немцев, живущих в восточных провинциях Германии, от русских. Это и понимание того, что альтернативой является безоговорочная капитуляция, были тем скрепляющим раствором, который все еще не позволял нашей обороне развалиться.

Вечером во время телефонного разговора со ставкой Верховного командования вермахта я без всяких колебаний изложил свои впечатления от увиденного. При ближайшем рассмотрении положение показалось мне гораздо более серьезным, чем мне его обрисовали. Я сказал, что в связи с этим мои требования должны быть выполнены в максимально возможном объеме.

Днем 10 марта я подробно проконсультировался с генералом Шмидтом, командующим люфтваффе на Западном фронте, о положении дел с нашей авиацией. Его командование, как пояснил мне Шмидт, не подчинялось командующему Западным фронтом, хотя хорошо взаимодействовало с дислоцировавшимися на этом фронте войсками. Интересы сугубо военной обороны Германии и защиты ее от ударов с воздуха подчас не совпадали. Воздушное командование рейха, действиями которого руководил изобретательный Стумпф, не всегда учитывало интересы армии. Надо было сделать очень многое, а возможностей для этого было очень мало. Дополнительными проблемами были господство в воздухе авиации противника, обилие слабых мест в работе наземных служб люфтваффе, трудности технического и летного характера, связанные с применением новых самолетов «штралер», непредсказуемость весенних перемен погоды в долине Рейна, нехватка горючего и запчастей, недостаточная

мобильность зенитных батарей и низкий уровень подготовки их личного состава.

Я порекомендовал Шмидту обратить особое внимание на два момента: концентрацию сил в тех местах, где она была особенно необходима (в тот момент таким местом был район Ремагена), и активизацию усилий люфтваффе и военно-морских сил, направленных на уничтожение моста в районе Ремагена и – в случае их появления – всех вспомогательных понтонных переправ.

Утром 11 марта я побывал в группе армий В, где в присутствии ее командующего фельдмаршала Моделя провел совещание с генералом фон Зангеном, командующим 15-й армией, и командирами входящих в ее состав частей и соединений. По их оценкам, через Рейн переправились части и подразделения двух американских пехотных дивизий и одняй бронетанковой дивизии с приданной ей артиллерией. Это было сделано в месте, где мы не могли собрать силы, способные противостоять действиям упомянутой группировки противника. Кроме всего прочего, у нашей обороны в районе плацдарма противника были слабые фланги. Мало того, возникли сложности с подвозом боеприпасов. Всерьез рассчитывать на ликвидацию вражеского плацдарма можно было только при том условии, что будет ускорена переброска в его район подкреплений и подкрепления эти по численности будут больше, чем планировалось первоначально, а также при условии урегулирования проблем со снабжением.

Положение в тылу было далеко не утешительным, и потому ситуация в целом вызывала у меня опасения.

Ближе к вечеру того же дня я побывал в группе армий Н, дислоцированной в низовьях Рейна, где переговорил с Бласковицем в боевом штабе Парашютно-десантной армии. Из нашего разговора я понял, что эта группа армий совершенно уверена в себе, и единственным, в чем она нуждалась, были еще хотя бы восемь – десять дней на переоснащение, подготовку позиций, подвоз боеприпасов и снаряжения и отдых. Личному составу группы армий была по душе задача по обороне Рейна. В Голландии действовала 25-я армия под командованием Блюментритта. Она была ослабленной, и ее сил и средств было недостаточно для выполнения поставленных перед нею задач; лучшие части армии были задействованы в операциях на левом фланге, где Парашютно-десантная армия Шлемма заняла позиции до Рура и должна была принять на себя всю тяжесть боев на наиболее важных участках. Войска, дислоцированные между Липпе и Руром, были слабее, но, на мой взгляд, могли удержать занимаемые позиции (к сожалению, эта оценка оказалась

слишком оптимистичной). Наиболее боеспособные части и подразделения находились в резерве.

Все, что я услышал, произвело на меня хорошее впечатление. Вспоминая, как успешно действовала Парашютно-десантная армия к западу от Реймса, я почувствовал, что мне не следует беспокоиться за исход предстоящих боев на правом фланге.

Только 13 марта я смог посетить Рейнское пфальцграфство, чтобы побывать в группе армий О, на правом фланге которой располагались боевые порядки 7-й армии, а на левом – 1-й. Командование обеих армий считало положение опасным, но не безнадежным при условии, что на их участок будут подтянуты свежие резервы. 7-я армия занималась сооружением Мозельской оборонительной линий; на ее левом фланге наши части вели жестокие бои, проходящие с переменным успехом.

К ночи 13 марта у меня сформировалось собственное впечатление о ситуации. К сожалению, из-за нехватки времени, большой длины фронта и травм, которые все еще мешали мне свободно перемещаться, я не смог побывать в частях на передовой и получить информацию из первых рук. Если бы у меня была возможность это сделать, я смог бы более точно оценить Сложившееся положение и, весьма вероятно, принял бы другое решение.

Моя оценка ситуации свелась к следующему.

Налицо была значительная концентрация сил противника в районе Ремагена, перед боевыми порядками 1-й армии по обе стороны от Саарбрюккена.

Имелись признаки того, что американская 3-я армия концентрирует свои силы и средства на участке фронта, расположенном на правом фланге нашей 7-й армии, а также на участке Парашютно-десантной армии.

Противник раз за разом наносил мощные удары по правому флангу нашей 1-й армии к югу от Трира. При этом он явно пренебрегал участками фронта, расположенными в Голландии, на Рейне ниже Рура и в верхнем течении Рейна.

Войска альянса были сгруппированы таким образом, что угадать их намерения было трудно. Они могли планировать:

1. Воспользоваться своим неожиданно легким успехом в районе Ремагена, чтобы рассечь надвое германский Западный фронт и, пройдя кратчайшим путем, соединиться с войсками русских или – этот вариант был менее вероятным – ограничить свои усилия по продвижению на восток и атаковать Рур с юга или

с юго-востока.

2. Провести наступление с целью окружения нашего последнего бастиона к западут от Рейна – Саарского пфальцграфства, чтобы затем уничтожить группу армий С и, форсировав Рейн, обеспечить себе плацдарм для проведения операций против Южной Германии.

3. Британские войска могли попытаться предпринять наступление с целью форсировать Рейн на участке фронта, обороняемом Парашютно-десантной армией, и создать плацдарм, дающий им стратегическую возможность для действий в трех направлениях.

Между тем противник постоянно предпринимал попытки расширить важный плацдарм в районе Ремагена, хотя ему все еще не удалось прочно на нем закрепиться.

Противник все время атаковал боевые порядки группы армий С, в особенности 1-й армии; положение на участке фронта 7-й армии все еще оставалось неясным; тем не менее, по ряду признаков можно было сказать, что войска альянса готовят наступление на участках обеих армий. С другой стороны, ожидавшееся нами наступление на боевые порядки группы армий Н задерживалось.

Противник превосходил нас в живой силе и технике, а его авиация господствовала в небе над полем боя. После очень упорных и кровопролитных боев наши войска были оттеснены на оборонительные позиции у реки и ко все еще нетронутым частям Западной стены; только часть их удалось перегруппировать и обеспечить новым оружием и боеприпасами. Необходимые резервы либо еще не были сформированы, либо занимали тактически неверные позиции.

Самая большая опасность состояла в том, что Ремаген требовал все большего числа подкреплений и перемалывал почти все резервы, оружие, боеприпасы и технику, предоставляемые в распоряжение командующего Западным фронтом, притягивая их, словно магнит, и справа, и слева. Это затрудняло, а то и вовсе делало невозможными перегруппировку, отдых и пополнение частей других групп армий. Фактически, когда передовые части противника стали форсировать Рейн, контрмеры, придпринимавшиеся с тем, чтобы помешать им это сделать, были недостаточно жесткими и энергичными для того, чтобы обеспечить нам быстрое и сравнительное легкое восстановление линии фронта в ее прежней конфигурации. В результате теперь судьба всего фронта на Рейне зависела от того, удастся ли нам уничтожить захваченный войсками альянса плацдарм или хотя бы не допустить использования его противником для развития

наступления.

Наш собственный плацдарм в Рейнском пфальцграфстве был настоящим подарком для противника – он облегчал ему наступление с целью охвата наших войск, которое вот-вот должно было начаться. В то же время Мозель, за которым располагалась благоприятная для наступательных действий местность, был достаточно серьезным препятствием; Западную стену и район, примыкающий к ней на участке 1-й армии, тоже невозможно было преодолеть с ходу, да и Западное пфальцграфство, на территории которого имелось множество естественных препятствий, сулило атакующей стороне огромные сложности, а нам – неплохие возможности для мобильной обороны. Все зависело от того, удастся ли нам в нужный момент перебросить подкрепления в нужное место. Надо сказать, что дефицит транспорта и нехватка в составе наших резервов моторизованных войск делали эту задачу весьма трудной. В распоряжении люфтваффе имелись значительные силы зенитной артиллерии. Тяжелые потери среди зенитчиков удалось частично компенсировать за счет импровизированного превращения батарей, занимавших оборудованные огневые позиции, в мобильные. В этом отношении можно было сделать гораздо больше. Собственно говоря, необходимо было сделать гораздо больше, поскольку, кроме зениток, у нас не было дальнобойных орудий, и потому они могли оказать нам существенную помощь. Лучше снабжаемые боеприпасами, чем армейская артиллерия, зенитки могли стать становым хребтом наших боевых порядков.

Правда, это означало бы, что мы намеренно ослабили бы нашу и без того слабую противовоздушную оборону. Но наша зенитная артиллерия в любом случае была неспособна создать эффективную защиту от вражеской авиации. Кроме того, противник гдеренес основную тяжесть своих ударов с воздуха с городов и промышленных центров на зону боевых действий и крупных передвижений войск. Взвесив все за и против, я решил отдать предпочтение фронту и тыловым коммуникациям.

Наши летчики делали все возможное, но они не могли добиться даже морального превосходства над противником. Они утратили боевой дух; их деморализовали удары противника по нашим аэродромам и неблагоприятные погодные условия. Не исключено, что еще можно было что-то сделать для восстановления былой гибкости наземных служб, заставить снова засверкать потускневшую славу люфтваффе… Или было уже слишком поздно?

Дела с тыловым обеспечением были плохи, а в некоторых районах положение можно было назвать критическим. У войск

отсутствовала уверенность в своевременном прибытии железнодорожных составов, с помощью которых осуществлялся подвоз боеприпасов и всего необходимого, и к тому же неизбежно стали возникать ошибки в распределении военного имущества. Железнодорожное полотно во многих местах было повреждено, и его дальнейшее разрушение могло вообще лишить нас возможности использовать поезда в качестве транспорта. Более того, за линией фронта, в наших тылах появились опасные симптомы, дававшие повод для серьезного беспокойства. Большое количество «пропавших без вести» было тревожным свидетельством того, что в наших рядах началось разложение. Настроения среди гражданского населения в некоторых районах, в особенности в Рейнском и Саарском пфальцграфствах, подтверждали эту тенденцию. Даже в среде военных, в офицерской среде, можно было услышать разговоры на политические темы, подрывающие нашу обороноспособность и питающие пораженческие настроения у нижестоящих чинов.

Однако смысл моих приказов был совершенно однозначным: «Держаться!»

После трех с лишним лет непрерывного отступления даже Гитлер уже не ожидал, что нам удастся переломить ситуацию на Рейне. Он приказал сократить длину линии фронта, надеясь, что характер местности компенсирует нашу слабость, которая была очевидна даже для него. Мы старались выиграть время, чтобы дать «созреть» ситуации на русском фронте, получить возможность бросить в бой новые дивизии и пустить в ход новое оружие. Что касается Саарского пфальцграфства, то, поскольку там располагалось большое количество предприятий военной индустрии, его значение для нас было очевидно: после потери Силезии удержание Рура и Саара стало важнейшим условием продолжения нами войны.

Ведение боев, сдерживающих продвижение противника, в глубине территории Германии было одним способом, позволяющим выиграть время. Другим могла бы стать эвакуация промышленных предприятий, но в сложившейся ситуации о ней нечего было и думать.

Ключом к обороне Рейна был Ремаген. Если бы противнику удалось расширить плацдарм в районе Ремаге-на, всякая надежда предотвратить прорыв была бы утрачена. Если бы войска альянса сумели прорвать наши боевые порядки на том участке, где располагался плацдарм, противник бросил бы в бой свои мобильные части, чтобы расширить брешь, и тогда, в каком бы направлении он ни двинулся, ему удалось бы смять нашу оборону по крайней мере между Руром и Ланом, а может быть, и до

самого Майна. Таким образом, нам было необходимо не выпустить вражеские войска с плацдарма. Несмотря на то что это было связано с неимоверными трудностями, я считал, что мы в состоянии по крайней мере оттянуть момент прорыва.

Во многих отношениях положение в Рейнском пфальцграфстве было еще хуже. Командование группы армий B было убеждено, что задача поставлена ему правильно. Что же касается командования группы армий O, то, как мне кажется, там не было единого мнения по поводу того, как именно надо действовать. Большинство офицеров – открыто или в приватных беседах – обсуждали идею вывода войск из Саарского пфальцграфства. Решающее значение имела дата начала противником наступления с целью взятия наших сил в клещи. При наличии резерва времени мы еще могли бы, сманеврировав, вывести наши дивизии из-под удара и завершить укрепление тылов 7-й армии и правого фланга 1-й армии. Тем самым мы существенно усилили бы наши боевые порядки и лишили бы противника возможности одержать легкую победу.

В этих условиях я, в отличие от командования группы армий O, не считал, что мобильность может стать для нас панацеей. Собственно говоря, группа армий C сама не имела в своем распоряжении достаточно моторизованных сил (точнее, почти совсем их не имела), в то время как противник располагал полным господством в воздухе, а в узком тыловом районе царила неразбериха, мешавшая действовать быстро. Я уже понимал, что произойдет. Мне было ясно, что противник дойдет до Рейна с очень малыми потерями и немедленно начнет его форсировать, в то время как наши войска, если они вообще смогут вернуться, будут просто уничтожены артиллерийским огнем и ударами с воздуха.

Я считал, что наш плацдарм в Саарском пфальцграфстве с чисто военной точки зрения не имеет решающего значения. Однако, будучи солдатом, я был вынужден уважать взгляды Верховного командования вермахта, которое руководствовалось своими соображениями. С другой стороны, даже если невозможно было удержать пфальцграфство, в любом случае наступление противника через Рейн можно было сдержать умелыми действиями на крайне неблагоприятной для атакующей стороны местности. Не было никакого сомнения в том, что группа армий H должна сражаться, чтобы удержать свой участок Рейна.

Следовательно, нам было нужно:

– удержать наши позиции в Рейнском и Саарском пфальцграфствах;

– уничтожить или сузить плацдарм противника в районе

Ремагена.

Снова в ставке фюрера

15 марта я снова обсудил положение дел с Гитлером. Непосредственным поводом для нашей встречи послужили неблагоприятные события в Саарском пфальцграфстве.

В целом Гитлер согласился с моими предложениями. Он санкционировал отход войск от Западной стены на правом фланге 1-й армии и отвод всех наших сил на этом фланге на промежуточные позиции. Он понял сложность ситуации в районе Ремагена, но хотел, чтобы мы предприняли еще более настойчивые усилия, направленные на сужение плацдарма противника. В этой связи фюрер упомянул о важности Рура и Саара, а также промышленного района между Рейном и Майном.

Он сказал мне, что к нам срочно перебрасывается дивизия полного состава из Дании, но других подкреплений не обещал, чтобы не подвергать опасности срыва свою программу формирования новых дивизий и, соответственно, планы продолжения войны. С другой стороны, мы могли рассчитывать на скорую смену войск, находящихся на передовой, свежими, а также на улучшение снабжения – особенно это касалось танковых частей. Авиации в ближайшее время не могли быть предоставлены подкрепления, хотя Гитлер предпринял меры, направленные на активизацию производства истребителей.

Когда ночью с 15 на 16 марта я ехал обратно на фронт, мне казалось, что Гитлер упрямо верил в то, что мы можем нанести поражение русским на востоке и что все то, что происходило на западе, его не только не удивляло, но и не особенно беспокоило. Фюрер считал само собой разумеющимся, что, консолидировав русский фронт, он сможет, используя высвободившиеся части и соединения, а также вновь сформированные дивизии, решить все проблемы на западе. Он был не менее твердо убежден и в том, что его приказы об улучшении снабжения и тылового обеспечения войск будут неукоснительно выполнены.

На самом деле все обстояло совсем иначе.

Дивизия из Дании была не вполне боеспособна и к тому же прибыла так поздно, что о том, чтобы использовать ее в районе Ремагена, не могло быть и речи. Она не преодолела еще и половины пути, когда пришлось принимать решение о ее срочной переброске на участок 11-й армии, которая попала в трудное положение в районе Касселя. Хотя мне то и дело докладывали о прибытии подкреплений, а также грузов оружия, боеприпасов и

военного снаряжения, и то и другое поступало весьма небольшими порциями.)

У меня не было времени доискиваться до причин этой проблемы и выяснять, кто в этом виноват – квартирмей-стерская служба, руководитель службы комплектования личного состава частей и подразделений и его подчиненные, министерство вооружений, железнодорожное начальство или сами группы армий.

Потеря Пфальцграфства

Мне удалось добиться от Гитлера одной важной уступки – он согласился на отвод правого фланга 1-й армии от Западного вала. Поэтому я передал моему начальнику штаба соответствующий приказ еще до того, как покинул ставку фюрера. Я вернулся на фронт в ночь с 16 на 17 марта. Сложная ситуация, складывавшаяся на участке фронта 7-й армии, заставила меня немедленно отправиться в ее штаб. Перед 7-й армией я ставил только одну задачу: прикрыть северный фланг 1-й армии. Группа армий С должна была сама координировать маневры войск, действовавших на стыке 7-й и 1-й армий, и частей, располагавшихся на правом фланге 7-й. Это требовало энергичного тактического контроля непосредственно вблизи линии фронта – руководствоваться стратегическими соображениями было бесполезно, поскольку общий вывод войск из пфальцграфства не был начат вовремя. Еще не все было потеряно, поскольку последствия прорыва в районе Крейцнаха можно было ликвидировать путем проведения контратаки при поддержке сильной группировки танков. Однако по многим причинам достигнутый нами успех оказался более чем скромным и обеспечил нам лишь очень короткую передышку.

19 марта 1945 года ситуация в пфальцграфстве и в районе Ремагена приобрела недопустимую остроту. Правый фланг 7-й армии был смят; наступление противника в направлении Оппенгейма, если бы оно было поддержано одновременным танковым ударом в обход Крейцнаха в направлении Вормса – Людвигсгафена, могло поставить под угрозу всю группу армий С. Вдобавок ко всему противник прорвал наши боевые порядки на стыке двух армий в центре пфальцграфства, зашел нашим войскам во фланг и частично окружил их. Было очевидно, что удержать пфальцграфство нам не удастся. О «свободе действий» больше нечего было и думать.

Я придавал такое большое значение быстро меняющейся

ситуации в этом районе, что между 16-17 марта и 21-22 марта побывал в пфальцграфстве четыре раза. Очень многое зависело от действий 7-й армии; ее солдаты и офицеры должны были знать, что судьба 1-й армии находится в их руках и что им следует маневрировать таким образом, чтобы учитывать ее интересы. Перед ними стояла трудная задача. С чисто тактической точки зрения 1-я армия была даже в еще более тяжелом положении; для нее все зависело от того, удастся ли нам удержать левый ключевой фланг, проходящий вдоль Рейна; войска, действовавшие там, должны были четко скоординировать свои перемещения с темпом отхода 1-й армии в центр. Важное значение имел лесной массив, находившийся в центральной части пфальцграфства, – для того чтобы иметь возможность осуществлять дальнейшие маневры, нам необходимо было, чтобы он находился в наших руках.

Пока я проводил в своем штабе совещание с. министром Шпеером и Рехлингом, которое пришлось прервать на короткое время из-за воздушного налета противника, пришло донесение, в котором говорилось о том, что американские танки дошли до Кайзерслаутер-на. Я невольно порадовался, что даже слабые контрмеры, предпринятые нами на правом фланге 7-й армии, все же замедлили темп наступления противника. Я убедил себя в консолидации наших рейнских плацдармов в районе Шпейера и Гермершайна, которые были сильно укреплены зенитными орудиями. Благодаря этому начиная с 16 марта я по ночам мог наблюдать, как тыловые части наших армий беспрерывно переправляются обратно через Рейн. Наши военно-воздушные силы получили приказ, не считаясь с потерями, остановить любой удар противника с севера вдоль Рейна в направлении Шпейера, если бы он был нанесен. Я вздохнул с облегчением, когда понял, что выполнять его нет необходимости.

В последние дни окончательного отвода войск с левого берега Рейна командованию армейских корпусов и дивизионным командирам была предоставлена возможностьˆ действовать в соответствии с собственной инициативой. ˆ Благодаря их энергии были преодолены бесчисленные трудности: транспортные пробки, налеты авиации противника на забитые войсками дороги, движение по узким улочкам деревень и поселков, усталость лошадей, поломки автомобилей и другой техники, выход из строя средств связи. Главная заслуга в этом принадлежала штабу 1-й армии, который с 21 марта взял на себя командование всеми войсками, находившимися на территории Рейнского пфальцграфства, пока группа армий О и 7-я армия занимались созданием оборонительных порядков на восточном берегу Рейна.

После того как 21 марта наши войска были выведены из Людвигсгафена, у нас осталось только три плацдарма – в Шпейере, Гермершайне и Максау, – через которые был возможен отход остатков наших частей. 23 марта я получил возможность отдать приказ и об их эвакуации, которая была завершена 24-25 марта.

Противник учел в своих действиях особенности конфигурации выступа, который представляло собой Саарское пфальцграфство. Он решил начать наступление как можно раньше, но не смог взять наши войска в клещи. Танковые атаки противника были смелыми, а на правом фланге 7-й армии подчас даже рискованными. Эти атаки, однако, были спорадическими – командование противника явно отказалось от использования ступенчатой тактики наступления, характерной для его действий в Италии. Бросалось в глаза, с одной стороны, весьма умелое руководство этими атаками, а с другой – дерзкое применение танков в местности, явно неподходящей для крупномасштабных танковых операций. В свете моего опыта действий в сходной местности в Италии я не рассчитывал, что американские бронетанковые части смогут добиться быстрого успеха – даже при том, что германские войска были измотаны и не всегда способны оказывать упорное сопротивление. Тем не менее, я был удивлен тем обстоятельством, что, прорывая нашу оборону, американские танки, располагая поддержкой с воздуха, не использовали открывавшуюся в результате возможность отрезать группу армий С от мостов через Рейн и таким образом сделать первый шаг к ее уничтожению. То, что группа армий переправилась обратно через Рейн хотя и изрядно потрепанной, но тем не менее располагающей еще значительными силами и средствами и способной создать новый рубеж обороны за рекой, – результат этой ошибки командования войск альянса.

В том, что мы не смогли удержать пфальцграфство, львиная доля заслуг принадлежит авиации альянса.

Причины внезапного обрушения нашей обороны, которого после моих бесед с дивизионными командирами и командующими армиями у меня не было оснований ожидать, я попытаюсь объяснить ниже.

Наши войска на протяжении многих месяцев почти непрерывно вели бои. Им все время приказывали во что бы то ни стало стоять насмерть, и это привело к тому, что они понесли невосполнимые потери в живой силе и технике, причем погибли лучшие люди. Вдобавок ко всему директивы Гитлера подчас носили противоречивый характер, что красноречиво говорило о его незнании реальной обстановки на фронте. Соответственно,

нужно было их корректировать или дожидаться других, более соответствующих ситуации приказов, а на это уходило время. Боем нельзя руководить, сидя в кабинете. Нужно отдать должное доблести и боевой выучке наших солдат, но тяжелые оборонительные бои последних месяцев оказались более сильным физическим и моральным испытанием, чем то, на которое я настраивал их во время первых бесед с ними. Быстрое ухудшение положения и большая ширина фронта не позволили мне побывать во всех частях, находящихся на передовой. Если бы я знал реальную ситуацию, сложившуюся на левом фланге 7-й и на правом фланге 1-й армии, я бы, наверное, проявил большую настойчивость, требуя от Гитлера, чтобы он изменил поставленную передо мной задачу, хотя это в любом случае не могло оказать существенного влияния на исход. Нам остро не хватало горючего и бое-, припасов, да и получали мы их весьма нерегулярно. Их не хватало ни для скоротечного боестолкновения, ни для решительного боя. Американское наступление началось так скоро, что мы не успели завершить перегруппировку наших резервов.

Разрешение отвести войска от Западного вала, которое я вырвал у Гитлера ночью с 15 на 16 марта, пришло слишком поздно. Получи я его на день раньше – и разгром в лесном массиве в центре пфальцграфства был бы не столь сокрушительным.

Наши летчики были бессильны, не помогла нам и плохая погода в долине Рейна. При этом военно-воздушные силы противника господствовали в воздухе, а наши линии связи в пфальцграфстве, и без того не слишком надежные, оказались серьезно поврежденными в результате бомбардировок.

И все же, несмотря на всю тяжесть ситуации, наши потрепанные, но сохранившие верность присяге и непоколебимый боевой дух дивизии дали противнику настоящий бой.

Последствия этого события

Противник переправляется через Рейн в районе Оппенгейма.

Я откладывал вывод наших частей с левого берега Рейна до последнего момента, для того чтобы основная часть войск на правом берегу могла хоть немного отдохнуть. На участках, где шли самые тяжелые бои, к примеру на левом фланге группы армий С, противник в течение пары недель не наносил удары по другому берегу реки и не пытался переправиться через нее. На правом фланге ситуация складывалась иначе – дивизии Паттона

форсировали Рейн почти сразу же после того, как нанесли поражение германскому арьергарду на западном берегу.

Командующий 7-й армией, руководивший войсками на правом берегу, был знаком с моими оценками обстановки и предупрежден о возможной попытке частей альянса переправиться через реку. Тем сильнее было мое удивление, когда мне доложили, что ночью с 22 на 23 марта американцы почти без боя переправились через Рейн в районе Оппенгейма. Стратегически это давало им шанс нанести удар через тылы 1-й армии, часть войск которой все еще вела бои западнее реки, и получить возможность развернуть дальнейшие действия во Франкфуртском бассейне. Поскольку противник не предпринял никаких мер для подготовки к отражению немедленной контратаки, мы могли, пока он еще не закрепился на занятых позициях, попробовать имеющимися у нас силами отбросить его обратно за Рейн. Для этого была введена в бой отборная дивизия, в поддержку которой выделили штурмовые орудия и другую артиллерию. Однако для решения задачи нужны были более серьезные силы. В итоге операция не достигла своей цели. Это произошло отнюдь не по вине доблестного командира, стоявшего во главе контратакующих войск, полковника Рунге, который был убит в бою. Для меня это была большая потеря.

Теперь у нас больше не оставалось надежды сдержать продвижение вперед американских 3-й и 45-й дивизий, а также частей и соединений, следовавших за ними. Местность была слишком неблагоприятной, а наши войска – слишком ослабленными из-за чрезмерной усталости от боев и недостатка тяжелого вооружения. Тем временем, однако, 7-я армия стала действовать несколько энергичнее, а 1-я армия, сумев быстро сконцентрировать свои силы, создала оборонительный рубеж. Это не давало нам возможности оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление, но могло помочь выиграть время, чтобы завершить выполнение плана операций на русском фронте.

24 марта 1945 года намерения противника все еще были неясными. В любом случае для нас было важно удержать рубеж реки Майн. Несмотря на благоприятный характер местности, перед группой армий О стояла чрезвычайно трудная задача. Армии не хватало мобильных дивизий, противотанковых орудий и дальнобойной артиллерии. Ее немного отдохнувшие пехотные дивизии не могли в полной мере удовлетворить нужду в специально обученных войсках и оружии, необходимых для ведения особой, маневренной войны, так называемой «вязкой обороны».

Казалось, что Оппенгейм станет могилой для группы армий О

точно так же, как Ремаген стал могилой для группы армий В. Выступ, сформировавшийся в районе Оппенгейма, вскоре также превратился в брешь, поглощавшую все силы и средства, перебрасываемые с других участков фронта, и все подкрепления, которые можно было наскрести в тылу. В Германии, конечно, мы сражались на своей, хорошо знакомой территории, но слишком мало было сделано для того, чтобы укрепить наши позиции в фортификационном отношении. Разумеется, в Германии у нас тоже полностью отсутствовала поддержка с воздуха, а наши силы противовоздушной обороны были очень незначительными.

Даже самый лучший генерал не сможет воевать, не имея для этого сил и средств. Причины, по которым германские военно-воздушные силы оказались полностью обескровленными и потерпели крах, мало кому известны. Нам не хватало всех типов бомбардировщиков. Производство истребителей к тому времени было практически прекращено из-за проникновения противника в промышленные районы и выхода из строя наших железных дорог. По своим техническим характеристикам наши истребители превосходили истребители противника, да и уровень подготовки наших пилотов был соответствующим. Но эти суперсовременные самолеты имели свои серьезные недостатки: им нужны были длинные и идеально ровные взлетно-посадочные полосы, у них была короткая продолжительность полета и высокий процент аварий. С учетом того, что воздушное пространство контролировалось противником, во время взлета и посадки нашим машинам требовалось специальное прикрытие, обеспечить которое не всегда представлялось возможным. Неблагоприятные погодные условия, особенно в марте-апреле 1945 года в долине Рейна, затрудняли и без того рискованные полеты.

На этот раз по предложению командующих группами армий я рассмотрел вопрос об отводе назад всех войск, занимавших позиции у Рейна. Однако в конце концов я принял решение не делать этого, поскольку в данном случае отступление наверняка превратилось бы в бегство. Наши войска смертельно устали и почти потеряли способность быстро перемещаться, их боевой дух порядком упал; все еще плохо организованные части, дислоцировавшиеся в наших тылах, при отступлении могли создать нам серьезные помехи. При этом противник превосходил нас во всем, особенно в мобильности и во всем, что касалось действий авиации. Было ясно, что, если продвижение его войск вперед не приостановить, они обязательно догонят наши отступающие части. Отход в таких условиях был бы самоцелью, а не средством для достижения основной цели – выиграть время. Каждый лишний день, который нам удалось бы продержаться на

Рейне, оказывал бы положительное воздействие на обстановку на фронте в целом.

Решающий удар был нанесен противником между Идштейном и Ашаффенбургом 27-29 марта. Перед 7-й армией, действовавшей под руководством своего нового энергичного командующего, фон Обстфельдера, теперь стояла сложная задача – задержать продвижение американской 3-й армии в центральные районы Германии и американской 7-й армии – в южные районы страны. Совершенно непонятные действия одной из наших танковых дивизий осложнили нам блокирование дорог, по которым американцы рвались вперед через Гессен в Хершфельд и через Гельнхаузен в Фульду. Но хуже всего было то, что наша группа армий В, силы которой сгруппировались на ее правом фланге, полностью утратила контроль над событиями на своем левом фланге. Это создало весьма неприятную ситуацию, которую удалось урегулировать лишь после того, как я отправил в опасную зону заместителя начальника штаба 12-го армейского корпуса генерала Остер-кампа, чтобы тот разобрался во всем на месте. В конце марта 7-я армия расположила свои не слишком четкие боевые порядки таким образом, чтобы прикрыть участок от Хершфельда до Фульды и Шпессартские горы на юге.

1-й армии пришлось приспосабливать свои маневры к движению 7-й армии и дальше растянуться вправо. Однако 30 марта она была оттеснена назад на линию Мильтен-берг – Эбербах – Гейдельберг, что создало угрозу консолидации жизненно важной «Тауберской линии».

Развертывание войск противника с плацдармов в Оппенгейме и в Мангейме веером с юга на восток и затем на северо-восток нарушало принцип концентрации сил, и то, что их действия все же оказались успешными, может служить красноречивым свидетельством снижения боевого потенциала германских войск.

Прорыв войск Альянса с плацдарма в районе Ремагена

Как я и опасался, положение группы армий В тем временем также чрезвычайно осложнилось. Как и в случае с группой армий С, роковым оказался период с 18 по 20 марта. К сожалению, в эти дни мы с фельдмаршалом Моделем могли общаться только по телефону. Но я знал Моделя как военачальника, обладавшего большим опытом, и он, с моей точки зрения, имел право действовать по своему усмотрению, не дожидаясь моих советов.

Поначалу американцы атаковали в северном и

северовосточном направлениях, но затем, захватив господствующие высоты, они несколько сместили направление своего удара к востоку, что явно свидетельствовало об их намерении форсировать прорыв фронта. Затем фронт их наступления расширился к юго-востоку, и в конце концов их войска двинулись к югу, в направлении расположенных там городов и примыкающих к ним холмов.

Было понятно, что при столь быстром расширении вражеского плацдарма всех германских подкреплений, которые медленно стягивались в этот район, могло хватить лишь на то, чтобы ликвидировать локальные про рывы и проводить короткие контратаки, но никак не для создания линии обороны, способной сдержать противника. Верховное командование не могло предоставить в наше распоряжение ни одной дивизии; у меня не было никаких резервов, которые я мог бы немедленно задействовать. Последний, пожалуй, шанс остановить противника был упущен 13 марта. К 16 марта противник достиг шоссе, а еще через два дня пересек его и двинулся дальше вперед широким фронтом. К 20 марта наш фронт был прорван на большом участке. В тот же день войска противника вышли к реке Вид.

Модель предполагал, что главный удар войск альянса будет направлен на север. Неоднократные предупреждения с моей стороны о необходимости перехватить неминуемую попытку прорыва в восточном направлении не дали никакого видимого эффекта. Личная встреча с Мо-делем в боевом штабе группы армий помогла кое-как примирить наши взгляды на обстановку, но не привела к осуществлению каких-либо решительных действий. Можно найти много аргументов в защиту оперативных замыслов Моделя, но результат их осуществления оказался катастрофическим. В наших боевых порядках образовалась брешь, которая, постепенно расширяясь, достигла Сига на севере и Дана на юге. Ее невозможно было закрыть, даже прибегая к самым невероятным тактическим импровизациям, особенно если учесть то обстоятельство, что противник угрожал оборонительному рубежу между Ланом и Майном с обоих флангов. Когда я понял, что этому участку не уделяется достаточного внимания, и узнал, что передовые части группы армий оттягиваются к северу в направлении Сига, а дислоцированный на этом фланге корпус отходит назад – а это было начало окончательного распада нашей обороны, – мне стало физически плохо.

Рур был загадкой для любой армии, осуществляющей наступательные действия. Его возможности с точки зрения организации обороны практически не поддавались учету. На севере он был защищен каналом Дортмунд – Эмс, на юге рекой

Сиг, представлявшей собой весьма сложное препятствие даже для превосходящих сил противника – переправившись через эту водную преграду, войска альянса оказались бы в центре индустриального района, предоставляющего широкие возможности для использования элемента внезапности. Таким образом, на данном этапе Рур сам мог защитить себя. Уверенность в этом лежала в основе моего стремления как можно быстрее обеспечить подкреплениями 15-ю армию, действовавшую в районе Ремагена. Тут, однако, меня подвела уверенность в энергичности Моделя, которая вошла в поговорку. Даже сейчас тогдашние действия группы армий В мне совершенно непонятны.

В первые несколько дней после потери моста в районе Ремагена, то есть до 25 марта, вое, что требовалось от наших войск, – это обычная оборона и контратаки с целью вернуть отданную противнику территорию. В период с 25 по 26 марта нам пришлось применить другие тактические методы. С этого момента дивизии американской бронетехники стали использовать прорыв для быстрого продвижения вперед. В результате с каждым днем пехотные дивизии американцев все больше отставали и им становилось все труднее взаимодействовать с танками.

Наши контрмеры должны были учитывать особенности действий противника.

На первом этапе можно было добиться успеха, только бросив в бой крупные боеспособные соединения. Но, поскольку сделать это было невозможно, этот шанс был упущен. На втором этапе наступление противника заставило нас полностью изменить нашу тактику. Возникла необходимость отказаться от нашего стратегического плана и попробовать остановить натиск войск противника, применяя хитрость и импровизацию, а также прибегнуть к блокированию дорог на пути одиночных танковых колонн и уничтожению их фланговым огнем из всех видов противотанкового оружия. Нам следовало руководствоваться одним постулатом: наши войска не должны были отклоняться к северу или выходить из соприкосновения с противником на левом фланге, но отходить при этом должны были на восток, что диктовалось характером местности.

Я неоднократно говорил об этом с Моделем; в последний раз это произошло 26 или 27 марта в его боевом штабе – это была моя последняя попытка убедить его в необходимости радикально изменить нашу стратегию. Он согласился с моими взглядами, но ничего не предпринял – вероятно, все зашло слишком далеко и было уже поздно стягивать войска в кулак; не исключено также, что невозможно было сконцентрировать тяжелые вооружения на

наиболее опасных направлениях. Зная Моделя, я склонен предполагать, что дело обстояло именно так. Таким образом, в конце марта наши виды на будущее можно было охарактеризовать как отнюдь не утешительные: на участках, не имевших решающего значения и не испытывавших давления противника, наши позиции были достаточно сильны, в то время как на самых важных участках наши боевые порядки, наоборот, были слишком слабыми, командование запаздывало с отдачей приказов, а войска – с их выполнением.

Чтобы избежать окружения Рура, группа армий В в конце марта решила выйти из непосредственного соприкосновения с противником и нанести по его позициям удар, направленный к югу. Однако этот замысел был уже невыполнимым. Войска альянса на правом берегу Рейна были уже слишком сильны, поэтому попытки осуществить прорыв на юг или рассечь боевые порядки противника на данном участке фронта на всю глубину вряд ли могли оказаться успешными. Только попытка прорваться в восточном направлении имела реальные шансы на успех. Были предприняты первые, шаги по подготовке этой операции.

Продолжая придерживаться своей предвзятой идеи, Модель перебросил свой боевой штаб в Ольпе, в Рурскую область, то есть на самый край правого фланга, и в результате окончательно утратил контакт с командирами частей и соединений, действовавших в центре и на левом фланге. Это грозило весьма тяжелыми последствиями. Сейчас, вспоминая о тех днях, я считаю, что все сложилось бы по-другому, если бы Модель, даже продолжая заблуждаться, расположил свой штаб хотя бы на центральном участке фронта своей группы армий. Тогда гибельная идея «Рурской крепости» наверняка вообще не возникла бы. Зная Моделя, я уверен, что он стянул бы дивизии из Рурской области в кулак и, используя их, создал бы прочный фронт несколько дальше. в тылу. В любом случае, окажись командование группы армий в центре, оно не зависло бы в воздухе. Мне постоянно приходилось вмешиваться и вносить коррективы, пока, подключив 28 марта на севере 7-ю армию и задействовав 2 апреля 11-ю армию, нам не удалось хотя бы частично восстановить условия для организованных оперативных действий. Однако при этом наши резервы оказались полностью истощенными.

Исходя из удивительно быстрого продвижения американских войск с плацдарма в районе Ремагена и из направления этого продвижения (с юго-востока на север), я пришел к выводу, что противник вряд ли будет переправляться через Рейн между Кобленцем и Бинге-ном – тем более что местность в указанном

районе этому отнюдь не благоприятствовала. К тому же по сравнению с другими опасными участками наша оборона в этом секторе была весьма прочна. Ощущая нужду в сильных резервах, которые можно было бы бросить в бой в решающий момент, 19 марта я отдал приказ 6-й горнострелковой дивизии выдвинуться в район предполагаемых боевых действий, указав ей в качестве промежуточного сборного пункта Висбаден. Я намеревался отправить ее в 7-ю армию. Вскоре после этого противник переправился через Рейн между Кобленцем и Санкт-Гоарсхаузеном и создал на берегу несколько небольших плацдармов.

26 марта положение на обоих берегах Рейна после нескольких кризисных дней складывалось следующим образом (я начинаю слева).

Американские передовые танковые части подходили к Майну в районе Франкфурта, Ханау и Ашаффенбурга.

Сильная танковая группировка противника двигалась к Лимбургу с севера.

89-й армейский корпус с большим трудом предотвратил прорыв противника между Бергнассау и Наштат-теном.

6-я горнострелковая дивизия подходила к Лимбургу, чтобы прикрыть сектор Лана.

Часть, состоящая из курсантов военного училища, выйдя из Ветцлара, шла в Идштейн, чтобы оборонять шоссе и дороги, ведущие во Франкфурт. 11-я танковая дивизия получила приказ передислоцироваться в район Франкфурта, двигаясь между Ланом и Майном.

Командование 12-го армейского корпуса тянуло новую коммутируемую линию связи между Бодхаймом и Зигенбергом.

Все, что можно было сделать при явном недостатке сил и средств для того, чтобы отвести главную угрозу, существовавшую в зоне действий группы армий В, было сделано. Было ли этого достаточно? Уже тогда передо мной встал очень непростой вопрос: оставаться на позициях или выйти из соприкосновения с противником? Снизу постоянно шли просьбы о предоставлении отдельным частям и соединениям свободы действий (тщательно все обдумав, я счел это невозможным), сверху раздавались однообразные приказы держаться как можно дольше. Мое собственное мнение состояло в том, что если у нас и была хоть какая-то возможность держаться, то это можно было попытаться сделать, заняв позиции за такими серьезными водными преградами, как реки Майн и Лан, – только там можно было держать оборону с хоть какими-то шансами на успех. Там в нашем распоряжении было бы большое количество зенитной

артиллерии самых разных калибров, которая стала стержнем нашей обороны. Если бы я принял решение об отступлении, мы просто потеряли бы эту зенитную артиллерию, не обладавшую достаточной мобильностью, и нам пришлось бы вести бой на открытой местности или у подножия гор, например горной цепи Таунус. А для этого, как я знал по опыту, нужны были значительные силы и средства. В ситуации, которая существовала на тот момент, наши измотанные части, передвигавшиеся в пешем порядке, были бы перехвачены моторизованными войсками противника, окружены-и разгромлены.

Дальнейшие события напоминали прорыв дамбы.

27 марта противник пробился за Лан в районе Дица, и 6-я горнострелковая дивизия была оттеснена обратно к горному хребту Таунус. 85-й армейский корпус был выбит из Ханау из-за того, что мост либо не был должным образом взорван, либо не охранялся. По той же причине противнику удалось прорвать нашу оборону на Майне южнее Ашаффенбурга.

28 марта оборона Идштейна и слабые боевые порядки 89-го армейского корпуса были смяты, и противник взял Франкфурт. Американская танковая группировка предприняла рейд в направлении Хаммельбурга.

Таким образом, наша оборона в нижнем течении Майна оказалась разрушенной. В результате быстрого и весьма напористого наступления, осуществлявшегося при очень слабом сопротивлении со стороны наших войск, противник, отчасти благодаря сопутствовавшей ему удаче, получил опору для дальнейших крупномасштабных операций.

Я довольно подробно описал предшествовавшие этому бои, чтобы показать степень моего участия в происходивших событиях. Именно по причине того, что это участие было весьма активным – а отчасти и в целях поддержания боевого духа наших войск – я так долго (до позднего вечера 27 марта) оставался в. моем боевом штабе в районе Зигенберга – Адлерхорста. 28 марта я прибыл на мой новый командный пункт – он располагался в поезде, стоявшем в железнодорожном тоннеле к востоку от Фульды.

С самых первых дней мы были вынуждены отказаться от жесткой оборонительной схемы в пользу некоего подобия мобильной обороны. Однако войска альянса не извлекли максимальных выгод из своего положения, несмотря на несогласованность наших действий, на нехватку у германских войск сил и средств, особенно боеприпасов, а также на трудности,

которые мы испытывали в связи с полным господством противника в воздухе. Из этого мы сделали вывод, что противник бережет себя. Я не решился строить предположения о том, с чем это было связано – с принципом «войны с минимальными потерями» или с тем, что близкое завершение войны оказывало влияние на боевой дух солдат противника. «Экономить силы» и «сражаться в полную силу» – вещи вполне совместимые.

Битва развивалась таким образом, что я так до конца и не понял стратегическую цель переправы через Рейн к югу от Дана, поскольку в результате выхода танков противника за линию Лимбург – Идштейн она потеряла смысл.

«Рурская крепость»

Называя боевую задачу группы армий В, состоявшую в том, чтобы соединиться с силами 11-й армии на востоке, «попыткой вырваться», я не случайно использую именно эти слова. Так оно и было, потому что эйфория прошла, мобильные силы в мешке и за его пределами были весьма незначительными, а 12-я армия, которая находилась в процессе формирования в районе Магдебурга, к востоку от Эльбы, могла быть брошена в бой не раньше чем через три недели. Положение осложнялось еще и тем, что войска, действовавшие на левом фланге группы армий Н, были оттеснены обратно в Рурскую область, что давало правому флангу группировки Монтгомери свободу действий против левого фланга сил, которым предстояло прорываться на свободу. Тем не менее, попытку прорыва следовало предпринять, поскольку в марте мы несколько раз уже упускали более благоприятные случаи для этого (впрочем, не исключено, что воспользоваться ими у нас просто не было возможности). Но этот шанс был последним.

Однако вышло так, что наши попытки сконцентрировать силы и мои приказы на этот счет оказались бесполезными. Когда утром 1 апреля я вернулся в мой боевой штаб в Рейнхардсбрунне, в Тюрингском лесу, мой начальник штаба доложил мне, что от фюрера только что получен приказ, в соответствии с которым попытки вырваться из Рурского мешка следовало прекратить, а группа армий В должна была занять оборону и защищать Рур как «крепость». При этом она переводилась в непосредственное подчинение Верховного командования.

Я был просто поражен этим решением хставки. Оно расстроило все наши планы. Видимо, Верховное командование вермахта сочло, что дальнейшие попытки прорыва из окружения

обречены на неудачу и что, находясь в мешке, окруженная группа армий сможет сковать достаточное количество сил противника, чтобы предотвратить мощный удар в восточном направлении. Возможно, в ставке также решили, что пребывание в Рурской области поможет группе армий прокормить личный состав, армий В, командование группы армий Н передислоцировало свой штаб к северу, вместо того чтобы расположить его поближе к флангу, над которым нависла основная угроза, и показать тем самым нашим солдатам, что многое, а может быть, и все зависит от того, смогут ли они устоять.

Вместо этого командование группы армий Н в тот момент, когда только на ее левом фланге еще оставалось нечто такое, что можно было назвать линией фронта, решило отправить мне и в ставку совершенно излишний доклад об обстановке. Этот доклад, посланный в ставку фактически через мою голову, не дал мне возможности изложить высшему руководству мое мнение – прежде чем я успел это сделать, Верховное командование ознакомилось с упомянутым докладом и приняло соответствующее решение. Кроме того, этот доклад настолько разозлил Гитлера, что я потерял всякую надежду на то, что мне удастся оказывать решающее влияние на ход событий. Любой генерал должен знать, как правильно с психологической точки зрения обращаться к начальству. Однако упомянутый доклад – идеальный пример того, как проще и быстрее всего можно было разгневать Адольфа Гитлера. В нем сравнительно мало говорилось о поражении самой группы армий Н и его причинах. В основном он касался затруднительного положения, в котором оказалась группа армий В, причем авторы доклада использовали этот факт в качестве аргумента для того, чтобы обосновать необходимость отступления войск, находившихся под их командованием.

Независимо от того, верным или неверным был этот доклад с точки зрения стратегии, психологически было грубой ошибкой указывать вышестоящему командованию на то, что оно не в состоянии разобраться в оперативной обстановке. Гитлер воспринял доклад как проявление «недопустимого высокомерия». Я считаю, что имею право на подобную критику в адрес авторов документа, потому что в свое время Гитлер лишил меня свободы действий как командующего фронтом во время Итальянской кампании. Но тогда все было совершенно иначе. В данном же случае мне было абсолютно ясно, какое решение в конечном итоге примет фюрер. Будучи убежденным в том, что Рур в тот момент не являлся целью американцев, а также в том, что британская 2-я и американская 9-я армии будут продолжать

действовать в северо-восточном и восточном направлении, то есть обойдут Рур стороной, я был совершенно ошеломлен отводом с передовой 47-го танкового корпуса. Направлять подкрепления в Рурскую область в сложившейся ситуации было ошибкой. Если бы фронт оказался прорванным, это стало бы больше чем ошибкой.

Контрудары, которые я приказал нанести по южному флангу передовых частей наступающего противника, оказались безрезультатными, так что, лично побывав в районе боевых действий в период между 28 и 30 марта, я снова изложил свою оценку обстановки и свои взгляды по поводу того, как в сложившейся ситуации следует действовать. Тем самым я хотел предотвратить смену командования группы армий Н, которую я предвидел.

В противоположность положению на левом фланге, на правом фланге и в центре Парашютно-десантный корпус сражался весьма изобретательно и, уклоняясь от ударов противника в северном направлении, сумел удержать фронт на участке от Арнгема до Рейна. Там он соединился с 471-й дивизией, солдаты которой, быстро накопив боевой опыт, доблестно выполнили стоявшую перед ними задачу, которая состояла в том, чтобы перекрыть доступ к Тевтобургскому лесу.

Взбешенный пессимистической оценкой ситуации в докладе группы армий Н, Гитлер еще больше настроился против Бласковица из-за его отказа выполнить отданный в конце марта «приказ фюрера» (который мне тоже показался неосуществимым) атаковать силы противника, одновременно наступающие на Мюнстер с севера и с юга, и закрыть брешь в нашей обороне. Фюрер ясно продемонстрировал свое недовольство, направив в помощь Бласковицу Штудента.

Перед Монтгомери стояла очень сложная задача; его армиям, понесшим большие потери в предыдущих сражениях западнее Рейна, предстояло преодолеть весьма серьезное естественное препятствие, за которым его ждали дивизии с богатыми боевыми традициями, к тому же имевшие возможность отдохнуть в течение десяти дней и располагавшие соответствующими резервами. В то же время техническая подготовка к осуществлению наступательной операции была проведена противником образцово – сосредоточение сил и средств соответствовало масштабам предстоящего сражения и ресурсам, которыми располагали войска альянса.

В верховьях Рейна оборону держала 19-я армия под командованием генерала Бранденбургера.

Мы больше не опасались, что противник нанесет удар через территорию Швейцарии. Было совершенно ясно, что его главный

удар нацелен в другую сторону. 19-я армия не могла допустить, чтобы все большее количество ее сил и средств отвлекалось на ее Западный фронт, который был достаточно прочным по естественным причинам; Рейн представлял собой серьезное препятствие не столько из-за его ширины, сколько из-за быстроты течения. Правда, укрепления вдоль реки были старыми и к тому же неумело построенными. Гитлер понимал это, и потому мы смогли завершить переброску основных сил к горному массиву Черный Лес. Этот горный массив с оборонительными позициями, расположенными вдоль его гребня и на пиках, прикрывал южную часть Вюртемберга от удара с запада. Район Идштейна напротив Белфортской низины был укреплен еще в мирное время; даже при том, что тамошние фортификационные сооружения были старыми и частично разрушились, они все же еще вполне могли послужить, хотя в любом другом месте они были бы бесполезными. Опасность заключалась в том, что противник мог нанести удар с северо-востока и с севера в направлении Штутгарта или двинуться даже дальше на восток через Хайльбронн и Пфорцгейм, в обход Черного Леса. В случае, если бы противнику удалось выровнять выступ, образованный Саарским пфальцграфством, и переправиться через Рейн в районе Карлсруэ, эта опасность обострилась бы еще больше. Соответственно, в интересах 19-й армии и всего участка фронта в районе Черного Леса было предотвратить или хотя бы задержать подобное развитие событий. Следовательно, наиболее закаленные в боях дивизии можно и нужно было перебросить в район действий группы армий О для обороны Саарского пфальцграфства.

Однако эта переброска была завершена с задержкой. Две дивизии прибыли в зону действий группы армий С слишком поздно. Они вводились в бой опрометчиво и к тому же по частям, и успех, достигнутый ими, оказался гораздо менее значительным, чем следовало ожидать. Сложности с подкреплениями состояли в основном в том, что нам приходилось в спешном порядке собирать части и подразделения, находящиеся на отдыхе в тылу. У нас почти не осталось частей постоянного состава, и мы были вынуждены импровизировать, то и дело перетасовывая подразделения. Мы почти не располагали временем для формирования полноценных боевых частей и соединений. Тем не менее, вюртембергское ополчение, например, сражалось гораздо лучше, чем я ожидал. Мы мало что могли сделать для ликвидации дефицита подразделений связи, и это очень затрудняло наши действия. В рамках имеющихся возможностей 19-я армия сделала все необходимое для подготовки к обороне и

внимательно наблюдала за положением на флангах. Она получила передышку до начала апреля.

Взгляд в прошлое и виды на будущее

Меня назначили командующим Западным фронтом в один из самых тяжелых, кризисных моментов в Западной кампании. После того как я составил представление об общей ситуации, я почувствовал себя словно пианист, которого просят исполнить перед большой аудиторией сонату Бетховена на старом, расшатанном и расстроенном инструменте. Во многих отношениях условия, в которые я был поставлен, противоречили всем моим принципам, но события развивались так быстро, что у меня не было возможности существенно на них повлиять.

Мои должность и звание были слишком высокими, чтобы я уклонялся от ответственности, ложившейся на меня как на главнокомандующего Западного фронта. Поэтому я готов отвечать за все то, что делалось в соответствии с моими указаниями. Поскольку я не мог примирить с моей совестью и моими взглядами идеи и приказы Гитлера, мне ничего не оставалось, кроме как по-своему интерпретировать и корректировать их. Это часто случалось в описываемый мною в данный момент период, как, впрочем, и раньше. Альтернативой было поделиться своими сомнениями с Гитлером. Но если бы в ходе соответствующего разговора ему не удалось развеять мои сомнения, а мне – заставить его изменить свою точку зрения, мне пришлось бы попросить, чтобы меня освободили от должности командующего фронтом. Я понимал, что все это очень непросто. За первые шесть недель пребывания в должности командующего Западным фронтом я четырежды встречался с Гитлером, честно излагал ему свои взгляды на обстановку и видел, что он ценит мою откровенность. Я был до мозга костей военным человеком и знал, что не могу отказаться разделить мнение руководства или не выполнить приказ, для которого наверняка имелись серьезные основания, только потому, что я с ними не согласен. Я также считал, что следует забыть о многих разногласиях, возникших во время последнего и наиболее острого кризиса в ходе войны. Сам я всегда старался сделать так, чтобы моим подчиненным были понятны мои приказы, и подробно разъяснял их.

В условиях, в которые я оказался поставлен, я ощущал полную растерянность. У разных командиров разные методы, говорил я себе, и каждый из них по-своему прав. Мой предшественник, фон Рундштедт, вполне обоснованно считал

себя наследником традиций Верховного командования, существовавшего в годы Первой мировой войны. Масштабы театра военных действий, уровень ответственности и система управления войсками были теми же. Держа руку на пульсе событий, он отдавал приказы, находясь в штабе, почти никогда не бывая на передовой и лишь в очень редких случаях пользуясь телефоном. Практически все контакты с его подчиненными и вышестоящим командованием находились в руках его начальника штаба и штабных офицеров. Такая система имела неоспоримые преимущества: главнокомандующего никто не беспокоил, не отвлекал от дела, на него не влияли впечатления от пребывания на фронте. Он был неким подобием верховного жреца, к которому остальные относились с изрядной долей благоговейного трепета. Хотя я придерживался иных взглядов, я вполне мог понять взгляды фон Рундштедта, хотя и не мог убедить его принять мои. Обстоятельства и условия, в которых нам приходилось действовать на шестом году войны, слишком сильно отличались от нормальных условий, существовавших в первые годы. Из-за слабости дисциплины на всех уровнях требовался личный контакт между командующими и войсками; нельзя было больше пренебрегать таким фактором, как непосредственное персональное влияние и убеждение, особенно с учетом того, что по очень многим вопросам отсутствовало согласие. Эта система создавала массу неудобств для обеих сторон, но ее преимущества перевешивали недостатки. Командующий получал возможность заглянуть в сердца людей и, так сказать, за кулисы.

Убежденный в том, что место командующего там, где та или иная из его частей потерпела неудачу и где возникла опасная ситуация, я расположил свой штаб неподалеку от линии фронта и часто менял его местонахождение – но не тогда, когда меня пытался вынудить к этому противник. Я не мог желать для себя лучшего начальника штаба, чем Вестфаль, с которым я отлично работал в Италии. Он знал мои идиосинкразии, а я – его.

Под началом командующего Западным фронтом находились три группы армий. Я сам слишком долго командовал группой армий, чтобы не знать, какая это большая ответственность. Командующие группами армий имели полное право настаивать на независимости своих действий в выделенных, для их войск секторах местности и в рамках поставленных перед ними боевых задач. Я также имел твердое намерение уважать это их право, хотя на практике возникавшие нештатные ситуации часто заставляли меня вмешиваться. Мне это было не по дˆше: хотя я начинал службу в армии и когда-то был офицером главного штаба сухопутных войск, я, тем не менее, все же считал себя

выходцем из люфтваффе и потому испытывал в случаях подобного вмешательства угрызения совести.

Командующие группами армий были участниками Первой мировой войны, заслуженными офицерами Генерального штаба, военачальниками, обладавшими огромным опытом.

Среди дивизионных командиров попадались разные люди; на многих из них последние месяцы наложили свой отпечаток. В нормальных условиях некоторым из них пришлось бы многое в себе изменить, поскольку они не всегда были готовы сражаться в сложных условиях, характерных для весны 1945 года. В те времена, когда численность германской армии была ограничена 100 000 военнослужащих, генеральских кадров было слишком мало. Впоследствии же наши вооруженные силы очень быстро разрослись, а потери в последние пять лет войны были слишком большими. Все это сделало невозможным тщательный отбор кадров и отсеивание не вполне компетентных людей. Приходилось воевать, используя те кадры, которыми мы реально располагали. В то же время это приводило к тому, что вышестоящее командование было вынуждено чаще вмешиваться в действия подчиненных ему командующих крупными соединениями.

Со временем в германских вооруженных силах сложилась практика отправки в отставку представителей высшего командного состава. Я принципиально не одобрял ее. Из-за нее многие поистине выдающиеся военачальники были раньше времени списаны со счетов – а нам очень не хватало их в последние годы войны. В то же время те, кого в самом деле следовало отправить в отставку, подчас задерживались на военной службе по той причине, что не было возможности заменить их квалифицированными генералами. Я прибегал к столь крайним мерам только в тех случаях, когда командир терял веру в возможность выполнения поставленной перед ним задачи и когда его настроение подрывало боевой дух солдат.

Еще одной трудностью было то, что руководство групп армий и даже более мелких соединений могло напрямую выходить на Верховное командование и Гитлера. Практика отправки Верховному командованию оперативных докладов «снизу», возможно, удовлетворяла любопытство и успокаивала нервы представителей ставки, но она совершенно расстраивала систему штабной субординации.

В конце марта стало ясно, что большая часть моей миссии осталась невыполненной. Несмотря на большие жертвы с нашей стороны, мы потеряли Саарское пфальцграфство, противнику удалось осуществить прорыв с плацдармов в районе Ремагена и

Оппенгейма, которые послужили войскам мьянса опорой для дальнейших наступательных операций. Таковой стали даже низовья Рейна, через который противнику удалось переправиться в удивительно короткий срок. Стратегический замысел противника был ясен: с помощью своих основных сил он был намерен рассечь территорию Германии на две части – северную и южную – и соединиться с войсками русских; британские войска должны были захватить расположенные на нашем правом фланге порты на Северном море; и, наконец, американо-французская группировка, действовавшая на южном направлении, должна была оккупировать юг Германии.

Как же такое стало возможным? Несомненно, германские части, будь они нормально укомплектованными и располагай они соответствующим вооружением и техникой, все еще были вполне способны решать боевые задачи. Не подлежит сомнению и то, что если бы каждая группа армий имела в своем составе несколько танковых или панцер-гренадерских дивизий и если бы мы могли хотя бы приблизительно сравняться с противником по числу боевых самолетов, то определенная «автономность» действий была бы возможна. Тот факт, что группа армий Н, имевшая в резерве танковые дивизии, тем не менее потерпела поражение, сам по себе не отменяет спор по поводу допустимости такой «автономности», но он подтверждает правильность моей точки зрения, состоящей в том, что «автономность» действий не могла решить проблему. Руководствуясь этим убеждением, я отказывался прислушиваться к постоянным требованиям командующих группами армий предоставить им свободу действий; они отражали не реальность, а воспоминания о более счастливых временах, которые канули в прошлое и на смену которым пришли нехватка горючего и прочих совершенно обязательных вещей и необходимость воевать, используя плохо обученные части. Не могу, однако, отрицать, что упрямое отстаивание многими военачальниками идеи автономии вызывало у меня беспокойство и фактически привело к возникновению определенного кризиса доверия между подчиненными мне командирами и мной. То, что после пяти лет войны у подчиненных мне генералов могли возникнуть собственные идеи по поводу того, как нужно действовать, было вполне понятно и даже естественно. Понятно было и то, что вопросы политики и экономики, а также военные проблемы должны обсуждаться. Но нельзя было позволять, чтобы споры на эти темы доминировали над всем остальным. В сложной ситуации настоящий солдат обязан отбросить все сомнения, перестать заниматься разрушающим и разъедающим все и вся

критиканством и явить своим подчиненным такой пример доблести, который заставит их не раздумывая следовать за ним и безоговорочно выполнять все его приказы. Даже в описываемые мной тяжелые времена мне доводилось встречать много офицеров, которые буквально излучали силу и готовность к таким действиям.

Мой многолетний опыт ведения боевых действий против противника, обладающего значительным численным перевесом, заставил меня твердо запомнить усвоенный еще в годы Первой мировой войны урок. Он состоял в том, что, где бы ни происходило дело – на побережье или во внутренних районах, локальные оборонительные действия с целью удержания основной линии фронта, на которых настаивал Гитлер, никогда не дают ожидаемых результатов в условиях, когда противник ведет комбинированное наступление на суше, на море и в воздухе. С учетом нашей слабости на земле и в воздухе у нас не было выбора. Для нас единственным возможным тактическим вариантом – была маневренная война с целью удержания намеченных рубежей в конкретных, заранее намеченных районах.

Предварительные переговоры в берлинской ставке зарядили меня определенным оптимизмом. Однако после первых же визитов на передовую он испарился. Конечно, тогда я не думал, что мы так быстро потеряем Саарское пфальцграфство и низовья Рейна. Я считал, что наше сопротивление на одних участках и уклонение от столкновения с противником на других приведет к некоторому затишью в ходе боев и что противник хотя бы на время приостановит свое наступление, выйдя на линию, проходящую вдоль рек Везер – Верра – Майн – Альтмюхль – Лех. А уж тогда делом Верховного командования было воспользоваться сложившейся ситуацией. Я же в этом случае считал бы свою миссию как командующего Западным фронтом завершенной.

Разногласия между Верховным командованием вермахта и командованием сухопутных сил, существовавшие уже много лет, в то время становились все более и более очевидными. Неистребимое недоверие между ставкой и армейским руководством оказывало парализующее, а во многих случаях разрушительное действие на наши войска. Следствием этого было то, что армейское командование считало, что его не понимают и подрезают ему крылья. Тот факт, что Гитлер объяснял наши поражения упрямством и своенравием командования сухопутных войск, а также его частое вмешательство в действия армейского генералитета даже по самым незначительным тактическим поводам вызывали насмешки и рассматривались как попытки

введения кабинетного стиля руководства; стратегические приказы фюрера и его попытки предвидения расценивались как дилетантские. Подобная скрытая враждебность была могилой для всех проявлений инициативы, наносила ущерб единству нашего командования и приводила к бесполезной трате времени и сил.

Невероятно тяжелые потери последних шести месяцев боев, постоянное отступление и поражения – все это крайне измотало наших солдат и офицеров, и в этом тоже таилась опасность. Многие офицеры находились на грани нервного истощения, у других появились проблемы со здоровьем, третьи были просто некомпетентными. Плюс ко всему у нас ощущался явный дефицит младшего офицерского состава. Нам вообще не хватало людей, а подкрепления прибывали на фронт плохо обученными, без боевого опыта, небольшими порциями и к тому же почти всегда с опозданием. Соответственно, толку от них было ммо. Прочно спаянными и боеспособными были только те части, во главе которых стояли умные командиры, имеющие в своем распоряжении опытных младших офицеров и здоровое ядро опытных солдат.

Наличие в тылу слишком большого числа отставших от своих подразделений военнослужащих говорило о том, что таких частей осталось не так много. Эти отставшие также представляли собой определенную угрозу, так как способствовали распространению инфекций и создавали помехи движению транспорта; в то же время они могли быть источником пополнения боевых частей. Многие из них в самом деле отстали от своих во время боя либо возвращались к месту прохождения службы из госпиталей или учебных батальонов. Эти люди подчас действительно не могли разыскать свою часть. Другие (таких было большинство) просто пытались уклониться от отправки на фронт и делали все, чтобы оставаться как можно дальше от передовой. Встревоженный своими первыми впечатлениями о положении в тылу, я принял ряд решительных мер. Были созданы заградительные рубежи для отлова дезертиров. Однако в них все же оставались значительные лазейки, а потому в дополнение к ним был сформирован так называемый Полевой заградительный отряд. Заградительные рубежи поначалу отстояли далеко друг от друга. Однако в конце марта, после прорыва противником нашей обороны, они почти вплотную приблизились к линии фронта и стали постепенно отодвигаться назад вместе с ней. Для того чтобы предупредить участников кордонов об изменениях в обстановке, требовалось время, да и разыскать сами кордоны военной полиции было не так уж легко; положение еще больше усугублялось из-за проблем со связью. Единственным возможным решением проблемы было

передать всю эту деятельность под контроль генерала Шпейделя, командира Полевого заградительного отряда, который в прошлом, когда я занимал должность командующего 1-м и 2-м воздушным флотом, был у меня начальником штаба. Он отнес кордоны подальше в тыл. Благодаря этому пропускные пункты получили возможность дольше оставаться на одном месте и стали работать более эффективно. На участках, где противнику удавалось прорвать нашу оборону, кордоны и пропускные пункты заменялись офицерскими патрулями.

От военно-воздушных сил, которые в течение нескольких лет явно приходили в упадок, нельзя было требовать, чтобы они в полном объеме выполняли свои функции. Мне, человеку, который сам вышел из люфтваффе, было особенно тяжело видеть явную неэффективность нашей авиации – тем более что я больше ничем не мог поправить положение. Постоянная критика в адрес люфтваффе со стороны сухопутных сил, представители которых утверждали, будто от ВВС нет никакого толку, была неоправданной, хотя более энергичное руководство нашей авиацией могло бы принести более приемлемые результаты. Задача командования ВВС состояла в том, чтобы концентрировать всю ударную мощь авиации на наиболее важном для нас в тот или иной момент участке. Но оно, увы, утратило былую гибкость. Возможно, следовало бы не разбивать всю авиацию на три дивизии ВВС, а объединить ее в одно легко управляемое компактное соединение и бросать его в бой там, где это было наиболее необходимо. Объединение боевых частей ВВС с так называемой внутренней дивизией истребительной авиации было верным решением – нам нужно было иметь под рукой мощную военно-воздушную группировку. Но задачи, которые ставились перед нашими истребителями, были слишком многочисленными и разноплановыми. Что касается зенитной артиллерии, то даже при том, что Зенитно-артиллерийский корпус под командованием Богача, Пикерта и Шильфарта творил чудеса, все более частое использование его для нужд наземной обороны снижало его способность к отражению атак с воздуха.

В сравнительно спокойный период войны нацистская партия проявляла большую активность, во многих случаях даже чрезмерную; она развилась из политической организации в некий «контролирующий» орган. Из-за того что партийный аппарат разросся до огромных размеров, многие из представителей его высшего звена занимали позиции и должности, не соответствующие уровню их подготовки и особенностям характера. Активный, деятельный характер, присущий почти всем немцам, проявлялся в стремлении партийных руководителей

вмешиваться буквально во все. Их поощрял в этом Борман, возглавлявший партийную канцелярию; он изо всех сил старался доказать Гитлеру необходимость существования «контролирующего органа». Необходима была большая твердость, чтобы противостоять этому давлению сверху. Были люди, в основном представители молодого поколения, которым это удавалось. В целом же, шпионя за населением и военными и докладывая обо всем Гитлеру, партия отбила у вооруженных сил желание сотрудничать с ней. Со временем ее деятельность привела к возникновению недопустимых трений и разногласий и стала вызывать возмущение офицеров и солдат.

У гауляйтеров, являвшихся «партийными уполномоченными по вопросам обороны», были свои задачи в военной области, и потому они сотрудничали с командованием военных округов. Они также имели право участвовать в решении административных и экономических вопросов. Однако свары и антагонизм, возникавшие в результате их деятельности, сводили на нет все достигнутые ими положительные результаты.

Будучи командующим Западным фронтом, я мог поддерживать необходимый близкий контакт с многочисленными гауляйтерами лишь на партийных мероприятиях самого высокого ранга. Это делало невозможным быстрые действия. Поэтому к моему штабу был прикомандирован крупный партийный функционер, обладающий большими полномочиями. Это было хорошо и удобно до тех пор, пока на этот пост не был назначен фанатичный партиец, который начал вставлять мне палки в колеса, мешая моей работе. Шпион в моем штабе был мне ни к чему. Впрочем, мне удалось без особого труда избавиться от него.

С другой стороны, сотрудничество со специальным представителем министерства пропаганды было весьма полезным во всех смыслах; помимо всего прочего, он информировал меня о том, как идет зондирование почвы по поводу возможного заключения мира, и о перспективах переговоров о перемирии.

Во время моего длительного пребывания в Берлине, когда я служил в армии и в люфтваффе, я познакомился практически со всеми влиятельными людьми. Это значительно облегчило мою работу. Я могу без всякого преувеличения сказать, что благодаря рейхсмаршалу Герману Герингу мы, фельдмаршалы люфтваффе, находились на привилегированном положении.

Поскольку в период создания люфтваффе Геринг замыкал все внешние контакты на себя, мы редко напрямую общались с Гитлером и потому более тесно контактировали с руководством Верховного командования вермахта. Такая ситуация сохранялась и во время первых военных кампаний. Средиземноморский и

Западный театры военных действий считались «театрами военных действий Верховного командования вермахта», и все, что там происходило, не касалось высшего руководства сухопутных войск.

Когда я занимал должность командующего Южным фронтом, а в конце войны – командующего Западным фронтом, мне приходилось работать почти исключительно с Гитлером и Верховным командованием вермахта. К концу 1944 года, после неоднократных перемен мнения фюрера обо мне, я завоевал неограниченное доверие Гитлера, которое конечно же и стало причиной моего перевода на Западный фронт. В Италии мне приходилось отстаивать-свое право на свободу действий, и в конце концов я ее получил; на Западном фронте эту свободу неизбежно ограничивала ситуация на востоке. Между 20 марта и 12 апреля я четырежды встречался с Гитлером, и он демонстрировал понимание моих тревог и забот. Несмотря на наши серьезные поражения, он ни разу не упрекнул меня, потому что понимал, что ситуация на западе была слишком тяжелой, чтобы ее можно было быстро поправить.

Гитлер принимал меня в любое время, даже ночью, выслушивал, не перебивая, все то, что я хотел ему сказать, с пониманием относился ко всем тем проблемам, на которые я указывал, и почти всегда принимал решение, выдержанное именно в предлагаемом мной ключе. Он проявлял большую гибкость мышления, что очень сильно контрастировало с его физическим состоянием. Он стал менее многословным, чем раньше, и всегда демонстрировал по отношению ко мне удивительную доброту и предупредительность. Дважды он предоставлял в мое распоряжение свой автомобиль и своего личного шофера, чтобы я мог поскорее вернуться в мой штаб, и при этом тщательно инструктировал водителя, внушая ему, что он должен проявлять максимальную осторожность. Для меня переход от обычной корректности и вежливости, к которым я привык, к таким проявлениям заботы был загадочным явлением, поскольку мои отношения с Гитлером всегда были сугубо официальными. Я был невольным свидетелем того, как все больше расширялась пропасть между ним и генералами вермахта.

Гитлер никогда не требовал от меня ничего, что было бы неприемлемо для меня как для офицера, а я никогда не просил его о личных одолжениях. Я могу объяснить его очевидное доверие ко мне тем, что ему было известно, что я не держу камня за пазухой и в течение многих лет все свое время посвящал выполнению моего долга.

Патологическая недоверчивость Гитлера, которая постепенно распространилась практически на всех окружающих его людей,

привела к тому, что в конце концов он стал заниматься всеми государственными делами сам. Кроме того, он неудачно подбирал своих приближенных. И то и другое негативно сказалось на ходе войны.

Во время нашей последней встречи, которая произошла 12 апреля 1945 года, Гитлер все еще был настроен оптимистически. Мне трудно определить степень его искренности в тот момент. Оглядываясь назад, я склонен думать, что им полностью завладела навязчивая идея о некоем чудесном спасении, за которую он цеплялся, словно утопающий за соломинку. На мой взгляд, он верил в победу на Восточном фронте, в новоиспеченную 12-ю армию, во всевозможное новое оружие и, возможно, даже в то, что противостоящая нам коалиция вот-вот распадется.

Все эти надежды были иллюзорными; после того как русские начали решающее наступление, Гитлер практически превратился в затворника, почти перестав общаться со своими приближенными и все больше погружаясь в придуманный им нереальный мир.

Ответственным за положение дел на театрах военных действий Верховного командования вермахта был генерал Йодль, работать с которым было одно удовольствие. Хитроумный, обладающий большими способностями стратег и тактик, он как нельзя лучше подходил к своей должности благодаря прежде всего своему спокойствию, уравновешенности и неутомимой работоспособности, хотя при этом, пожалуй, ему не хватало оперативного опыта. Он находился в чрезвычайно сложном положении, поскольку влиять на Гитлера было очень сложно, а представить ему согласованные предложения было невозможно по причине противоречий, существовавших между Верховным командованием вермахта и Высшим командованием сухопутных войск. Те, кто пытается огульно осуждать Йодля, не знают, сколь многого ему удалось добиться благодаря своей гибкости и дипломатичности. Его критикам следовало бы сначала доказать, что они сами в аналогичных обстоятельствах действовали бы лучше. Будучи начальником оперативного отдела штаба вермахта, он находил в себе силы оставить узковедомственные позиции, хотя подчас при этом ему приходилось отстаивать те идеи и шаги, которые до этого он пытался отвергнуть или скорректировать. Коллеги Йодля, в частности фон Бутлар, были хорошо обученными, объективными офицерами и действовали в полном соответствии с идеями Йодля. Мы с Йодлем редко расходились во мнениях при оценке обстановки или выработке мер, которые необходимо было принять. Мой штаб и я всегда

могли рассчитывать на его поддержку.

С фельдмаршалом Кейтелем мне меньше доводилось общаться. Его указания по поводу формирования новых частей или ротации войск базировались на приказах фюрера, по поводу которых можно было спорить, но которые нельзя было изменить. Так, Гитлер был убежден, что для продолжения войны жизненно необходимо создавать новые, свежие дивизии, а для этого нужно было выделять личный состав, технику и снаряжение. Я, как и многие другие генералы, придерживался противоположной точки зрения, считая, что создание новых частей и соединений приводит к неоправданному расходованию имеющихся ресурсов и что в последней фазе войны нужны тактические победы, а не новые дивизии.

Окружение группы армий В в Рурском мешке решило судьбу центральной части Германии.

Намерения альянса были очевидными, и, как бы мы ни пытались им помешать, у противника было все необходимое для их осуществления. Для нас вопрос о местах концентрации сил противника больше не был загадкой, но в целом утратил свое былое значение, поскольку в нашем распоряжении не было мобильных частей и авиации, способных нанести эффективный удар по районам сосредоточения вражеских войск. Я называю этот период «временем импровизации», когда главным фактором стал боевой дух солдат и офицеров.

То, что планомерная оборона центральной части Германии – района, ширина которого составляла приблизительно 240 километров, – силами разрозненных отрядов невозможна, было совершенно очевидно. Перед разбросанными на этой территории частями наших войск, соответственно, ставилась задача задержать продвижение противника до подхода мощной, хорошо организованной группировки. Ею могла быть только 12-я армия, сформированная в конце марта. Только ее участие в боях могло стать определенной гарантией того, что события на западе не повлияют на происходящее на русском фронте и что нам удастся предотвратить рассечение Германии пополам.

12-я армия, таким образом, представляла собой важнейший фактор, способный серьезно повлиять на развитие событий на Западном фронте, – как бы ни повернулось дело, она могла быть использована в Гарцских горах для решения любых задач. Следовательно, Гарц и примыкающую к нему зону следовало держать свободными. По крайней мере, наши войска были по-прежнему измотанными, и нам не следовало раньше времени вводить их в бой, пытаясь вырваться из горного района. Кроме того, Гарц давал неплохие возможности для маскировки.

Директивы Верховного командования вермахта совпадали с моими взглядами. В то время я не рассмат-ривм вопрос о том, как наши действия повлияют на исход войны, – это было бы непродуктивно. Все, что я пытался сделать, – это затянуть боевые действия перед Гарцем на как можно больший срок и дождаться момента, когда ситуация на русском фронте окончательно прояснится. В начале апреля я указал на необходимость усиления нашей группировки в Гарце, а также на то, что 12-й армии следует держать открытыми коммуникационные линии между Гарцем и Эльбой. В результате в район Гарца была послана так называемая Потсдамская дивизия. Кроме того, 16 апреля боевая группа 39-го танкового корпуса, пытаясь прийти на выручку нашей группировке в районе Гарца, предприняла запоздалую атаку из района Ульцена, однако глубина района, примыкающего к Гарцу, обрекла ее на неудачу, поскольку атака проводилась без какой-либо поддержки. Наступление же 12-й армии, которое должно было начаться одновременно с ней с плацдарма в районе Дессау, так и не началось.

Было ясно, что наступление противника можно задер-, жать только на труднопроходимой местности между Тев-тобургским лесом и Шпессартскими горами, а также в районе между Гарцскими горами и Тюрингским лесом. Если бы противнику удалось выйти на открытую местность по любую сторону от Гарцских гор, все было бы кончено.. Создание оборонительных рубежей на Саале и на Эльбе, несомненно, было возможным, но обе эти реки протекали слишком близко к Восточному фронту. Таким образом, моя миссия, состоявшая в том, чтобы оставить свободными тылы русского фронта, создать базу для 12-й армии к западу от Эльбы и вывести из окружения группу армий В, стала невыполнимой. Таким образом, измотанные германские войска были вынуждены отойти к Гарцским горам в надежде, что там они смогут закрепиться даже при том, что им придется обороняться малыми силами. Кроме того, ими был получен приказ удержать Гарц, который должен был стать базой для 12-й армии, и Тюрингский лес, являвшийся важным промышленным районом. Между тем моя робкая надежда на то, что мощная американская группировка позволит нашим малочисленным и измотанным частям заманить себя в горы, исполнилась. В обычных условиях опасно проводить важную операцию, находясь между двумя горными цепями, отстоящими друг от друга на 80-100 километров, или имея горы хотя бы с одной стороны от себя. Однако, поскольку противнику было известно о том, что наши войска в центральной части Западного фронта малочисленны, наш план не был слишком уж рискованным,

особенно если учесть, что, имея мобильные разведывательные подразделения и обладая господством в воздухе, противник был в состоянии без труда ликвидировать любую угрозу своим флангам. Между тем, реализуя наш план, 7-я и 11-я армии оттянули на себя значительные силы американцев и приостановили продвижение противника, дав 12-й армии возможность окончательно сформироваться. Возможно, противника задержали еще и другие факторы – например, политические договоренности внутри антигитлеровской коалиции, трудности со снабжением, а также некоторая опаска, с которой альянс относился к германским частям, рассеянным по району. Так или иначе, факт остается фактом: войска альянса не сумели до конца использовать имевшиеся у них возможности, благодаря чему наши армии на русском фронте могли вести битву, в которой решался исход войны, не беспокоясь о том, что с тыла им могут угрожать войска западных союзников России.

В начале апреля мой командный пункт находился в районе, где разворачивались основные боевые действия, и в то же время сравнительно недалеко от Берлина. Несмотря на его весьма выгодное расположение, связь с флангами становилась все хуже, а в штабы групп армий мне приходилось добираться все более кружным путем, причем состояние дорог все время ухудшалось. После того как группа армий В практически перестала существовать, а центр Германии оказался рассеченным на две части, в результате чего над нами нависли две угрозы, не связанные непосредственно между собой, необходимость в существовании единого командования отпала. Соответствующие изменения были произведены приказом фюрера от 6 апреля. Был назначен командующий северо-западным районом, южная граница которого проходила по линии Хамелин – Брунсвик – Магдебург. Район к югу от этой линии остался под моим командованием.

В первые дни апреля я был также проинформирован о плане, который должен был вступить в силу в случае, если бы стало невозможным руководить тремя театрами военных действий – Северо-Западным, Южным и Восточным – из центральной части Германии. В соответствии с этим планом я и небольшая группа представителей Верховного командования вермахта во главе с генералом Винтером должны были взять на себя коман-, дование германскими войсками во всем южном регионе, включая Италию, Югославию и южную часть русского фронта, вместе выполняя функцию командующего Южным фронтом с неограниченными полномочиями. На севере ту же миссию должны были в случае необходимости выполнить адмирал Дениц и оперативный отдел

штаба вермахта. Вопрос о роли Гитлера остался открытым. Самое интересное в этой рокировке было то, что командование передавалось двум солдатам, в то время как Геринг, которого считали преемником Гитлера, и партия оказались исключенными из этого процесса.

8 апреля Верховное командование вермахта объявило Гарцские горы крепостью и возложило их оборону на 11-ю армию. 7-я армия вела бои на своем правом фланге силами частей, наспех сколоченных из гарнизонов Готы, Эрфурта и Веймара; корпус, действовавший на левом фланге, все время смещался к юго-востоку, прижимаясь к правому флангу 1-й армии. В результате необходимых изменений в системе секторов ответственности мы выровняли линию фронта перед последней фазой сражения: боевые порядки 7-й армии, находившейся в центральной части Германии, были обращены на запад, а 1-й и 19-й армий, дислоцированных в Южной Германии, – на северо-запад и запад.

12 апреля, когда головные танки противника вышли к Магдебургу, а бои в Тюрингском лесу близились к концу, войска, державшие оборону в Гарцских горах, все еще сражались – боевые действия в том районе закончились лишь 20 апреля, когда 11-я армия попала в плен. Тем временем в центральной части этого участка фронта 12-я армия вела бои на Эльбе от Магдебурга до Риса, борясь за обладание этим сектором реки. В конце этого периода вдоль Эльбы и Мюльде возник новый фронт, а брешь, пробитая в наших боевых порядках в середине марта на Рейне, была закрыта на Эльбе. Но этот фронт тоже был обречен, поскольку противник нанес удар одновременно с двух сторон – с запада и с востока – и его войска соединились на территории Германии.

Глава 23.

21.04.1945 года. Обрушение германского фронта в Италии.

– 25.04.1945 года. Американские и русские войска соединяются в районе Торгау и на Эльбе.

– 28.04.1945 года. Полномочные представители группы армий С подписывают перемирие в Казерте.

– 28.04.1945 года. Расстрел Муссолини.

– 30.04.1945 года. Падение Мюнхена.

– 30.04.1945 года. Гитлер совершает самоубийство в Берлине.

– Рейхспрезидент – адмирал Дениц.

– 2.05.1945 года. Капитуляция группы армий С вступает в силу.

– 4.05.1945 года. В районе Мюнхена сдается группа армий С.

– 5.05.1945 года. Капитулирует командование Северо-Западного фронта.

– 7.05.1945 года. Капитуляция командования Южного фронта (Кессельринг). – 7.05.1945 года. В Реймсе подписываются условия капитуляции Германии.

– 9.05.1945 года. Ратификация акта о капитуляции

В Южной Германии

Будучи убежден в том, что последняя фаза войны будет проходить в центральных районах Германии, я вполне осознанно перестал уделять внимание положению на флангах и сконцентрировал его на событиях, происходящих в центре. Если бы войска русских и их западных союзников соединились на Эльбе или в Берлине, обстановка на флангах, будь она даже самой благоприятной, перестала бы иметь какое-либо значение. С этого момента единственным оправданием, продолжения военных действий могло быть только одно: необходимость выиграть время для того, чтобы германские дивизии, участвовавшие в боях на Восточном фронте, могли прорваться в британскую и американскую зоны.

Как я уже объяснил, на ситуацию в центральной части Германии могла оказать влияние только недавно созданная 12-я армия. В течение длительного времени я не получал информации о реальном положении дел с этим призрачным соединением, о котором ходило столько разговоров. По мере ухудшения ситуации на фронтах Гитлер в наших беседах и телефонных

разговорах все время пытался убедить меня в том, что эта армия – деш ех тасЫпа (бог из машины. – Примеч. пер.). О том же, хотя куда менее восторженно, говорили в оперативном отделе штаба Верховного командования вермахта. Но как только я понял, что это чудо-соединение, судя уже по тому, в какой стадии находился процесс его формирования, просто не могло быть вовремя введено в бой для того, чтобы поправить положение хотя бы в одной только Центральной Германии, я счел своим долгом сконцентрировать все мое внимание на опасной обстановке на юге и 10 апреля перенес мой штаб в Верхнее пфальцграфство.

В конце марта на юге Германии после форсирования американцами Рейна в районе Оппенгейма и последующих их действий против правого фланга группы армий С перед противником открылась прямая -дорога на северо-восток в направлении Гессена и Хершфельда, на восток в направлении Вюрцбурга и на юго-восток, через слабо защищенную равнину в направлении Нюрнберга.

Далее к югу американские войска дошли до долины Рейна южнее и юго-восточнее Мангейма и Гейдельбер-га. В конце марта после переправы через Рейн между Шпейером и Гермершайном 3-й алжирской и 2-й марокканской дивизий французские войска изменили направление удара и двинулись из Южного пфальцграфства к северу. Упомянутые дивизии продвигались на юго-восток, осуществляя непосредственную поддержку американских войск с фланга и проводя зачистку долины Рейна, чтобы облегчить переход реки 9-й колониальной дивизии и французской 5-й бронетанковой дивизии.

Основной замысел противника стал ясен уже 26 марта. Не оставалось никаких сомнений в том, что его стратегической целью на юге было раскрыть эту зону с севера. Этот план имел следующие преимущества.

Противник мог осуществить массовую переправу через Рейн в местности, уже взятой под контроль войсками альянса.

План давал противнику возможность избежать необходимости наступать в горных районах и в местности с большим количеством водных преград, неся большие потери.

Левый фланг американской 7-й армии, действовавшей на юге Германии, оставался в контакте – пусть и не слишком прочном – с американской 3-й армией, наступавшей левее.

Разумеется, то, что нам удалось разгадать планы противника, не могло компенсировать нам недостаток стратегических возможностей с нашей стороны. В то время в южной зоне находилась панцер-гренадерская дивизия (17-я дивизия СС), которая недавно была пополнена и теперь должна была доказать

свою доблесть. Но силами одной этой резервной дивизии невозможно было закрыть район шириной около 300 километров. Что же касается пехотных дивизий, то они были явно недоукомплектованными, а многочисленные наспех сформированные для «латания дыр» части, укомплектованные военнослужащими караульных батмьонов, ополченцами и курсантами военных училищ, совершенно не годились для использования их в оперативных целях. Единственным плюсом, которым располагало германское командование в этом районе, был характер местности. Но даже при этом наши оборонительные действия вблизи реки (Майн) и в горах (Оденвальд) были не слишком удачными, поскольку часть войск, которые должны были в них участвовать, противник перехватил еще на марше и уничтожил. Следовательно, мы должны были действовать таким образом: вовремя занимать позицию, затем как можно дольше удерживать ее и, наконец, улучив удобный момент, отходить на следующий рубеж обороны. Это означмо, что мы должны не только маневрировать, но и давать бой противнику там, где характер местности позволял занять выгодную позицию. Как минимум, левый фланг 1-й армии и 19-я армия находились на позициях, где вполне можно было держать оборону. Так, 19-я армия была сосредоточена в весьма выгодном месте в северной части Черного Леса. Туда нужно было каким-то образом перебросить все имевшиеся силы и средства, даже за счет ослабления позиций в западной части Черного Леса. Однако нельзя было игнорировать тот факт, что противника, воодушевленного победами, невозможно было остановить или даже задержать на какое-то время, уступая ему в численности, обу-ченности, вооружении и технике.

Чтобы наш план постепенного отхода имел хотя бы скромные шансы на успех, нами были предприняты попытки дополнительно усилить оборонительные рубежи фортификационными методами, а также с помощью привлечения артиллерии и тяжелого вооружения. Однако именно с артиллерией и тяжелым вооружением дела у нас обстояли хуже всего.

Без чрезмерного погружения в подробности происходившего я постараюсь обозначить наиболее, с моей точки зрения, важные тактические фазы боевых действий в тот период, а также их критические точки.

Прорыв противника на участке между расположенным в излучине Майна Мильтенбергом и Эбербахом, случившийся одновременно с захватом войсками альянса мостов через Майн в районе Ашаффенбурга, обозначил начало двух важных военных операций. Он открыл противнику дорогу на Вюрцбург (1-7

апреля) и оттуда в Бамберг (15 апреля) и Нюрнберг, а также позволил ему пройти к Нюрнбергу, обойдя Мергентайм (16-20 апреля).

Противник не изменил своей тактики; он ввел в прорыв по всей его ширине танковые дивизии, которые, с поразительной быстротой сконцентрировав свои силы, ринулись вперед, после чего следом за ними двинулась пехота. Быстрота продвижения вперед танков противника на этом этапе была просто исключительной.

Перебросив дивизии с левого фланга 1-й армии в район прорыва, командование группы армий О и 1-й армии продемонстрировало удивительную гибкость. Однако дивизии прибыли на место слишком поздно, не успев прикрыть даже линию Таубер – Ягст, а без их поддержки не удалось остановить даже авангард противника.

Прорыв противником «Тауберской линии» в конечном итоге открыл ему дорогу на восток и северо-восток, в направлении Вюрцбурга и Швайнфурта. Многочисленные попытки не дать американской 12-й бронетанковой дивизии переправиться через Майн в районе Оксенфур-та оказались безрезультатными. Предпринятый нашими войсками 28 марта отход с оборонительных рубежей на правом фланге на линию Унтер-Виттигаузен – Грюнс-фельд – Лауда – Мергентайм с фронтом, обращенным на север, был сомнительным тактическим маневром, не вполне выгодным в сложившихся обстоятельствах. Отход на новом Западно-Восточном фронте лишь еще больше расширил брешь, возникшую в результате неудачных действий 82-го армейского корпуса, привел к окончательному разделению боевых порядков 1-й и 7-й армий и расчистил путь американской 7-й армии для захода во фланг наших войск в районе Бамберга – Нюрнберга.

Эти события также обеспокоили Верховное командование вермахта, которое 3 апреля приказало генералу Шульцу, новому командующему группой армий О, собрать сильную ударную группировку под командованием генерала Толсдорфа позади правого фланга 1-й армии. Эта ударная группировка должна была броском в северном направлении отрезать группировку противника, наступающую на Вюрцбург, и соединиться с частями 82-го армейского корпуса. Этот приказ был невыполним, и я отменил его, что впоследствии было одобрено Верховным командованием вермахта. Данный пример, как и случай с группой армий Н (я имею в виду приказ о наступлении, отданный Штуденту), показывает, что карты и донесения никогда не заменят личного наблюдения.

Быстрое продвижение на Майне, с нашей точки зрения, должно было побудить американскую 12-ю группу армий изменить направление удара 11-й и 14-й бронетанковых дивизий, ведущих бои западнее и южнее Тю-рингского леса, сместив его к юго-востоку, чтобы прикрыть и укрепить американский левый фланг, который фактически повис в воздухе.

На нашем левом фланге 1-я армия и дивизии 13-го и 80-го армейских корпусов, отступая под напором противника, были вынуждены отойти к Ягсту и линии Не-кар – Энц, а 10 апреля – к Кохеру; это позволило нашим войскам соединиться. Когда они вышли на указанную линию, наступило затишье – правда, на очень короткое время. 10 апреля 1-я армия стояла на линии Прикенш-тадт – Уффенгейм – Нидерштеттен – Ингельфинген – Ко-хер, причем ее правый фланг располагался приблизительно в районе западной опушки Штайгерского леса. Переброска трех дивизий с левого фланга 1-й армии и правого фланга 19-й в район Нюрнберга, которому угрожал противник, ослабила стратегически важную линию Некар – Энц и приобретший к этому времени не меньшее значение рубеж в районе Кохера; правда, нашим войскам при оборудовании своих позиций удалось так удачно использовать особенности местности, что можно было не опасаться, что в ближайшее время противнику удастся создать опасную ситуацию на этом направлении. Жаль только, что три дивизии, снятые с этих участков, с опозданием прибыли к новому месту развертывания, в результате чего эффект от их использования оказался меньше, чем можно было ожидать с учетом их силы и боеготовности.

Необходимость этих перестановок была подчеркнута развитием событий на правом фланге армии. Измотанные дивизии 82-го армейского корпуса были неспособны сдержать преследовавшие их американские дивизии, действовавшие на фланге американских 7-й и 3-й армий; в то же время-36-я дивизия, укомплектованная ополченцами, и 416-я пехотная дивизия оказались разрезанными на части в районе Бамберга. 15 апреля войска противника миновали Бамберг и Бейрет, и перед ними открылась дорога на юг.

Западнее нам удалось сманеврировать более удачно – фронт не развалился. 14-15 апреля мы дали противнику бой за Айш – Нюрнберг продолжал притягивать силы американской 7-й армии, словно магнит.

Все эти события наверняка привели бы к катастрофе, если бы в самый последний момент в наше распоряжение не поступили 2-я горностелковая дивизия 13-го армейского корпуса СС и 17-я панцер-гренадерская дивизия СС. Одновременно мне удалось

задействовать очень сильно потрепанные 36-ю дивизию, состоящую из ополченцев, и 416-ю пехотную дивизию (они отступали через Бамберг), а также несколько учебных и вспомогательных подразделений, которым в спешном порядке было выдано оружие. Все они 16-17 апреля смогли создать локальный оборонительный заслон к югу от шоссе. К сожалению, один из полков 17-й дивизии СС пришлось выделить для обороны Нюрнберга, в результате чего между боевыми порядками 82-го армейского корпуса и 13-го корпуса СС на какое-то время возникла брешь, через которую, как назло, успела проскользнуть американская дивизия. У нас не было сил и средств для того, чтобы прикрыть обнаженный фланг – Франконс-кую Швейцарию и Верхнее пфальцграфство до Нааба, – если не считать боевую группу, находящуюся в постоянном военном лагере в районе Графенвюра. Эта боевая группа (танки и пехота на грузовиках) была брошена в бой на фланге 14-й американской бронетанковой дивизии, наступающей от Бейрета на Нюрнберг. Я лично наблюдал за атакой наших танков и пехоты. Она дала мизерные результаты не только потому, что наши войска были малочисленными. Главными причинами были отсутствие боевого опыта, недостаточно высокий уровень выучки и поспешность в действиях. Таким образом, помимо бреши в Верхнем пфальцграфстве, тянувшейся до самого Нааба, 18 и 19 апреля у нас были весьма слабые позиции на линии, проходившей севернее Амберга через Швабах, Ансбах и Халл в направлении Лауффена.

Создав эту линию, 1-я армия еще раз доказала свою высокую боевую выучку. Ни ее командование, ни войска нельзя винить в том, что 14 и 15 апреля противнику удалось продинуться вперед и, переправившись через Некар, создать на его берегу плацдарм по обе стороны от Хайльбронна. Линия Некар – Энц с выступом от Хайльбронна до Пфорцгейма прикрывала проход между Оденвальдом и Черным Лесом. Если бы противник прорвал оборонительный рубеж в районе Некара, перед ним открылась бы местность к северу от Швабского Альба, идеальная для применения танков. Наступление же через Энц угрожало бы Штутгарту и району, расположенному к югу от города между Черным Лесом и Альбом, а также самой реке.

Уже в конце марта было очевидно, что южная граница зоны действий американской группы армий вряд ли опустится южнее линии Людвигсгафен – Хайльбронн. Это означало, что Баден и Вюртемберг включены в зону действий французских войск.

13 апреля французы начали наступление из района Карлсруэ на наши позиции, расположенные в северной части Черного Леса.

Это привело к тому, что к 18 апреля им удалось глубоко вклиниться в нашу оборону, двигаясь на Вильдбад и Херренальб, а также частично окружить Пфорцгейм. Даже на тех участках, где наши оборонительные рубежи были достаточно плотными, наши войска были уже не в состоянии держаться. Следовательно, любой «маневр» в борьбе с таким мобильным противником, как тот, с которым мы имели дело, был обречен на неудачу. Стало очевидно, что 19-я армия была больше не в состоянии сдерживать противника. Если даже хорошо укомплектованные и вооруженные 80-й и 64-й корпуса, занимавшие удобные позиции на местности, благоприятной для оборонительных действий, продемонстрировали неспособность к сопротивлению, то чего же можно было ожидать от наспех сформированных батальонов, вынужденных действовать изолированно? На открытых участках местности вся тактика сводилась к тому, что наши части просто обращались в бегство, пытаясь спастись. Однако противник двигался еще быстрее. Хотя 19-я армия попыталась собрать в кулак свои силы, пытаясь восстановить свой боевой потенциал, она не смогла остановить противника, устремившегося вперед восточнее Пфорцгейма.

Продвижение американских и французских дивизий со стороны Пфорцгейма, в результате которого к 20-21 апреля они приблизились к Штутгарту, было подкреплено броском американских войск на восток в обход города. В итоге 1-я и 14-я армии оказались разъединенными. 80-й армейский корпус попал в отчаянное положение. А когда 22 апреля французская бронетанковая дивизия двинулась в направлении Виллингена, части 64-го армейского корпуса и 18-й корпус СС также оказались под угрозой. Битва за Вюртемберг была проиграна в первые же дни, когда стало ясно, что нам не удастся удержать рубеж между Энцем и Черным Лесом.

24 апреля поредевшие части 19-й армии стояли на Дунае и Иллере и отступали к Кемптену.

Эти поражения не только сказались на общей обстановке, но и надломили боевой дух солдат и офицеров, сражавшихся на юге Германии.

На правом фланге нашей 1-й армии головные дивизии американской 3-й армии вырвались на открытую местность к востоку от Франконской Швейцарии, создали угрозу Вейдену (24 апреля) и Ноймаркту, а затем в течение нескольких дней при содействии американской 11-й бронетанковой дивизии заняли Черный Лес. За период с 26 апреля до 3 мая они продвинулись до Регена, Цвизеля и Шама. Оборонительные рубежи генерала Визенбергера в районе Нааба были смяты или оттеснены назад.

Дивизии 82-го армейского корпуса также были либо смяты, либо оттеснены назад и в конце концов соединились с курсантами Армейского инженерного училища на Регенсбургском плацдарме к северу от Дуная и с дивизией СС «Нибелунги» на другом берегу реки.

Их судьбу разделил 13-й корпус СС. Его боевые порядки также были прорваны в нескольких местах, но при этом его части не потеряли контакта друг с другом. В итоге 13-й корпус СС сумел создать четыре плацдарма между Инголыптадтом и Донаувюртом, пробиться обратно за Дунай и создать новую линию обороны.

Решающее наступление против 13-го армейского корпуса на левом фланге 1-й армии противник начал 19 апреля; его войска прорвали фронт в нескольких местах между Кральсхаймом и Бакнангом и открыли американским дивизиям путь на Дунай между Диллингеном и Ульмом. Тем не менее, отдельным группировкам германских войск удалось создать крупный плацдарм западнее Диллингена, с которого они 24 апреля отошли обратно за Дунай, получив возможность возобновить оборонительные действия в районе, простиравшемся от западных окраин Диллингена до самого Ульма. Но внезапный бросок противника к Диллингену и одновременный выход двух или трех американских дивизий к Ульму и за него решили судьбу доблестных солдат, входивших в состав упомянутых группировок.

Однако успехи русских, сумевших 20 апреля форсировать Одер на большом участке фронта, затмили все вышеизложенные события. Реакцией на сложившуюся в результате ситуацию было создание 24 апреля оперативного штаба Верховного командования вермахта для Южной Германии под руководством генерала Винтера. Соответственно, я как командующим Южным фронтом имел право привлекать сотрудников этого штаба к планированию дальнейших действий.

Противник действовал в той же манере, что и в предыдущие недели. Даже при том, что в последнюю декаду апреля американские бронетанковые дивизии отбросили осторожность и провели глубокие рейды в Богемский лес, вдоль Дуная и в направлении озера Констанс, командование противника постаралось перебросить дивизии второго эшелона вперед, чтобы не допустить слишком большого разрыва между первым и вторым эшелонами и избежать локальных встречных ударов. И надо сказать, что эти усилия дали определенный результат. Как и в Африке, а также в Италии, французские дивизии продемонстрировали свое умение вести боевые действия в горах. Германское командование было уже не в состоянии оказать им

достойное сопротивление.

Учитывая явную слабость германских войск, их недостаточную обученность, оснащенность и мобильность, можно сказать, что противник, развернув преследование наших частей и немедленно проникнув в разрыв между 7-й и 1-й армиями, возможно, одержал бы победу раньше. Идея бросить в прорыв американскую 10-ю бронетанковую дивизию представляла собой весьма тонкий тактический ход. Если бы ее удалось реализовать, это могло бы иметь катастрофические последствия для 1-й армии. В броске американской 12-й бронетанковой дивизии на Диллинген чувствовался настоящий боевой порыв, который – к моему удивлению – угас после того, как противник оставил позади Дунай.

Бои за города

2 апреля Гитлер отдал приказ об обороне всех городов. Вне всякого сомнения, фюрер в глубине души верил, что каждый немец согласится с его взглядами на этот счет и скорее предпочтет пожертвовать жизнью, нежели станет ожидать решения своей судьбы. При том что это само по себе было иллюзией, упомянутый приказ в любом случае был сомнительным в военном смысле и по крайней мере частично невыполнимым. Главная проблема с военной точки зрения состояла в том, чтобы затупить острие удара противника и таким образом задержать его наступление. Для этого нужны были регулярные войска – ополченцам эта задача была не под силу. Для обороны любого города необходимы большой тактический опыт, выучка и боевая дисциплина, а также удобная местность, не позволяющая противнику зайти во фланг. Такая местность существовала в предместьях лишь небольшого количества городов, и уже по одной только этой причине приказ фюрера нуждался в умелой интерпретации. Именно исходя из вышеизложенных принципов, мы действовали в ходе всей Западной кампании – в соответствии с моими приказами мы сражались не в городах, а за городами, причем выбирали место для ведения боевых действий, исходя из характера местности, имеющихся сил и средств и состояния войск. Оборона Людвигсгафена, Касселя, Айзенаха, Швайнфур-та, Нюрнберга и Мюнхена говорит сама за себя.

На бои за Вюрцбург повлиял упомянутый приказ фюрера, полученный непосредственно перед их началом. Неоправданный с военной точки зрения, он был инспирирован гауляйтером.

Оборона Швайнфурта, за которой я наблюдал весьма пристально, осуществлялась вдали от города. Наш оборонительный заслон имел круговую форму, что стало возможным благодаря наличию у нас большого числа зенитных батарей. Когда кольцо обороны было прорвано, наши боевые действия, равно как и работу городских шарикоподшипниковых заводов, пришлось автоматически прекратить.

Если бы приказы были выполнены, битва за Нюрнберг также происходила бы за пределами города и в его предместьях. Но, поскольку Нюрнберг был городом, где проводились священные «партийные фестивали», гау-ляйтер не подчинился моим приказам, продолжил бой, когда его пора было прекратить, и в результате сам погиб. Фактически Нюрнберг сковал больше сил противника, чем можно было ожидать и чем это было необходимо. Я сам был в Нюрнберге 16 апреля, направляясь в штабы 1-й армии и группы армий О. Как раз во время моего пребывания там по Нюрнбергу был нанесен бомбовый удар, и я своими глазами видел, какой ущерб был причинен городу. Такой же ущерб могли вызвать уличные бои, трагические и совершенно ненужные.

Я дважды категорически запрещал оборону Мюнхена, «столицы нацистского движения», хотя местный гауляй-тер всячески пытался мне ее навязать.

Даже если тактическая ситуация требовала упорной обороны того или иного города, эта оборона никогда не доходила до крайностей в духе упомянутого приказа Гитлера. Я не знаю ни одного такого случая.

Подрыв мостов

Ремаген, Ханау и Ашаффенбург были убедительными примерами того, что может произойти, если вовремя не подорвать мосты. Однако ни эти уроки, ни неоднократные строжайшие указания Гитлера на этот счет не возымели эффекта. Хотя фронт в районе Дуная был стабилизирован, мост в районе Диллингена, несмотря на специальные предупреждения, 23 апреля оказался в руках американской 12-й бронетанковой дивизии. Та же история произошла и в других местах. Эти примеры вопиющей халатности наглядно продемонстрировали непригодность к военной службе значительного числа призванных в последний период людей, когда мы в этом смысле, что называется, наскребали по сусекам последнее. Их некомпетентность выражалась и в неумении отличить важное от

не важного и проявилась, наряду со всем прочим, в том, что время от времени эти люди начинали взрывать все мосты подряд. 7-му военному округу и другим административным центрам просто необходимо было сохранить значительное количество мостов, имевших важное экономическое значение, хотя, разумеется, они имели определенную ценность и с военной точки зрения. В подобных случаях я запрещал подрыв и возлагал на нижестоящих командиров ответственность за принятие иных мер безопасности. Ведь, в конце концов, имелось много других, зачастую более эффективных способов обеспечить безопасность, чем применение взрывчатки.

Альпийская крепость

Когда где-то в районе 20 апреля в мой штаб, располагавшийся в Мотценхофене, к северу от Мюнхена, пришел приказ об обороне Альпийской крепости, я задумался, пытаясь ясно понять, что это повлечет за собой. Об Альпийской крепости написано очень много, и в основном это чушь.

Южная граница Баварских Альп, тянувшаяся к Швейцарии, была укреплена еще в то время, когда я находился в Италии, и фортификационные работы там все еще продолжались. В том районе были дислоцированы войска безопасности СС – моторизованная пехота – под командованием гауляйтера Хофера. На севере и северо-востоке укрепления отсутствовали, и к 20 апреля работы по их сооружению начаты не были. Не было там и войск постоянной дислокации.

Батальонам под командованием генерала Фейерштай-на, которые в последние дни апреля были переброшены на север командованием Юго-Западного фронта, предстояло выполнить некие боевые задачи в пределах территории Германии (так тогда сообщалось, хотя это было заведомо неверно). События последних месяцев войны привели к тому, что в районе так называемого Альпийского редута скопилось много тыловых частей и подразделений, штабных работников и прочего военного люда из самых разных мест. Налицо была явная нехватка продовольствия, однако в условиях, существовавших в апреле 1945 года, об эвакуации нечего было и думать.

Для обороны Альпийской крепости требовались горнострелковые войска, которых в том районе совсем не осталось. Мобилизационная служба могла предоставить лишь пушечное мясо. Когда в начале мая Рендулич с группой армий «Юг» хотел отойти в Альпы и драться там уже до конца,

потребовалось немало времени, чтобы убедить его в том, что этот план невыполним.

Завоз в Альпы продовольствия и снаряжения собирались поручить генералу СС Полю, но, хотя он должен был находиться где-то в Южной Германии, разыскать его не удалось. И в итоге, как всегда, когда дело касалось службы снабжения или ВВС, ничего так и не было сделано.

С чисто военной точки зрения Альпийская крепость могла представлять определенную ценность, но не сама по себе, а лишь в том случае, если бы войска разных родов, обороняя ее, могли не только сковать значительные силы противника за счет крупных вылазок и ударов с воздуха, но и нанести этим силам серьезное поражение. Но это было невозможно, и, соответственно, все остальное было не более чем фантазией.

Обстановка в середине апреля 1945 года

Центр германского Западного фронта напоминал пестрое лоскутное одеяло. Тем не менее именно это определяло нашу дальнейшую стратегию. Противник приближался к Эльбе. Наша 12-я армия начала подавать первые признаки, жизни и вела бои с целью уничтожения или полного блокирования американских плацдармов на берегу реки, подготавливая почву для соединения с 15-м армейским корпусом на линии Эльба – Мюльде. Две фланговые группы армий, теснимые противником к северу и югу, были не в состоянии консолидировать фронт. На юге Германии наши войска упорно сражались в центре, стараясь сохранить конфигурацию линии фронта, но были не в состоянии предотвратить заход противника во фланг. Командование Северо-Западным фронтом находилось в нелегком положении в Голландии и сражалось на узком пятачке, стараясь удержать под своим контролем побережье Северного моря с его крупными портами.

На востоке русские 16 апреля начали свое решающее наступление, которое через четыре дня привело к их прорыву в район Берлина.

Целью американских 1-й и 3-й армий, которые, простояв на месте первую декаду апреля, снова начали быстро продвигаться вперед, явно был захват Саксонии. Вероятность их выхода к Эльбе на широком участке фронта, учитывая, что 1-я армия уже пыталась это сделать, с каждым днем росла. Но Эльба, помимо прочего, могла стать четкой демаркационной линией, полезным и, возможно, даже желательным барьером, способным

предотвратить смешение русских войск с американскими. Американская 3-я армия не обладала достаточными силами и средствами для того, чтобы, двинувшись к югу, пройти в Чехословакию через Эрцгебирге. В любом случае попытка сделать это привела бы к разделению армии на две части, что внесло бы несогласованность в ее действия. Соответственно, перед германской 7-й армией, находившейся в том районе, на тот момент не стояло серьезных задач. Это означало, что если и можно было откуда-то перебрасывать силы на более важные участки фронта, то именно отсюда.

Чехословакия была загадкой. С политической точки зрения представлялось вполне возможным, что американцы сохранят чехословацко-германскую границу в качестве рубежа, ограничивающего сферу интересов русских. Впрочем, на этот вопрос могло ответить только будущее. Однако, так или иначе, Саксония и приграничные провинции Чехословакии должны были приобрести большое значение как база для группы армий «Центр» под командованием фельдмаршала Шернера. Соответственно, вполне естественным было передать 7-ю армию под командование Шернера.

Очень тревожная ситуация сложилась в северо-восточной части Баварии. Наступление на Бейрет, предпринятое противником в середине апреля, говорило о том, что он твердо намерен максимально использовать те разрывы в наших боевых порядках, которые имелись к югу от Фихтельских гор. Американская 12-я группа армий, таким образом, могла войти в Баварию силами тех дивизий, в которых она больше не испытывала острой необходимости, и при содействии американской 7-й армии, нанеся быстрый фланговый удар, расправиться с остатками германской 1-й армии.

С другой стороны, если бы противник сосредоточил свои основные усилия в направлении Регенсбурга и Пас-сау, то этот участок приобрел бы решающее значение, так как обстановка на нем могла повлиять на положение наших групп армий, действующих на южном фланге русского фронта.

С самого начала наша 12-я армия оказалась в очень невыгодном положении. Отдав две дивизии – «Клаузевиц» и «Шлагетер» – в распоряжение командующего Северо-Западным фронтом, а дивизию «Потсдам» в распоряжение командующего Западным фронтом (это было необходимо, поскольку армия не могла заниматься решением изначально поставленных перед ней задач западнее Эльбы), 12-я армия утратила треть своей ударной мощи. Ее первые боевые задачи по противодействию американцам были определены с предельной ясностью. Вопрос

состоял в том, смогут ли ее необстрелянные дивизии оправдать возлагавшиеся на них ожидания. Если бы, будучи брошенными в бой, они понесли тяжелые потери, обороняя Эльбу и Мюльде, они, по всей вероятности, оказались бы слишком ослабленными и не могли впоследствии быть использованы для сдерживания наступления русских. События, происходившие на Восточном фронте, влияли на целый комплекс важных, хотя и не поддающихся точному учету обстоятельств и факторов.

Вот, к лримеру, еще один вопрос, которым мы вынуждены были задаваться: продолжат ли американцы наступать, дойдя до Эльбы? Ответить на него было трудно еще и потому, что американцы действовали на разных направлениях к северу и к югу от Магдебурга. Даже если бы мы сочли вероятным, что на Эльбе они остановятся, мы все равно не могли бы быть в этом твердо уверены. Мы надеялись, что прежде, чем вступить в бои с русскими, 12-я армия обезопасит свои тылы, отбив захваченные американцами плацдармы. Командующий армией знал, что он не может решать одновременно две эти задачи; если бы обстановка на востоке стала критической, ему оставалось бы только одно – бросить все свои силы и средства против русских.

До 20 апреля основная задача всех войск, действовавших на Западном фронте, состояла в том, чтобы прикрывать тылы Восточного фронта, где мы готовились к решающей битве с русскими, на успешный исход которой очень надеялось Верховное командование вермахта. После 20 апреля весь Западный фронт сражался, заботясь только об одном: как дать войскам, действующим на Восточном фронте, отойти в британскую и американскую зоны.

Я не мог разделить веру Верховного командования в то, что западные союзники России, осознавая угрозу коммунизма, продвинутся вперед и создадут фронт, направленный против советских войск, хотя генерал СС Вольф, ведя переговоры в Швейцарии, с которыми ассоциировалось мое имя, и предлагая американцам заключить перемирие, понимал, что Рузвельт был убежден в двуличности политики Советов. Высказывалось также мнение, что война с западными союзниками России должна быть закончена немедленно, прежде чем русские успеют разыграть свои козыри. Хотя против этой точки зрения можно было бы привести много возражений, лично меня беспокоило только одно соображение психологического характера – как должна была капитуляция всех германских войск на западе сказаться на тех, что все еще вел последний, решающий бой на русском фронте? Они почувствовали бы себя преданными и брошенными на произвол безжалостной судьбы, просто разом отданными в руки

русских. Нашим священным долгом было не допустить этого. На вопрос, как это сделать, ответить было сложно, но мы должны были попытаться добиться по крайней мере одного: дать войскам, сражающимся на Восточном фронте, время прорваться обратно в зоны, оккупированные американцами и англичанами, как бы ни было трудно определить, где, собственно, начинаются эти зоны. Дальнейшие события показали, что эта идея была правильной. Ничто не может изменить этот факт – даже то, что многие командиры западных союзников России поставили внутрикоалиционные соглашения выше требований гуманности и не позволяли германским солдатам пересечь демаркационную линию, а то и передавали их русским уже после того, как они ее пересекли.

Ключевые участки в центре Западного фронта – Гарцские горы и Тюрингский лес – на которых можно было сковать весьма значительные силы противника на продолжительное время, были заняты вражескими войсками в середине апреля. Быстрое развитие событий в центральной части Германии сделало невозможным контрнаступление только что созданной 12-й армии из Гарцских гор или с плато, расположенного к северу от них. В это время Западный и Восточный фронты проходили так близко, что влияли друг на друга. Это ставило перед германским командованием почти неразрешимые проблемы и приводило к серьезным трениям внутри него. Территория, с которой на фронты должно было поступать все необходимое, сжалась и стала слишком тесной, в особенности коридор вдоль Эльбы, идущий от Магдебурга и расширяющийся к Дрездену, и район сосредоточения в зоне от Большого Берлина до Эльбы севернее Тангер-мюнде.

Поскольку американская 3-я армия отклонилась к юго-востоку, выход передовых отрядов американцев, действовавших к северу и к югу от Дуная, в зону действия группы армий «Центр» под командованием Рендулича с неизбежными печальными последствиями для последней был всего лишь вопросом времени. Я планировал нанести удар с фланга по армии Паттона, когда она ринется на юг, но две германские танковые дизивии (2-я и 11-я), которые должны были осуществить этот замысел, слишком медленно шли через Богемию. Последующие приказы блокировать при поддержке группы армий «Юг» продвижение американской 3-й армии на южной опушке Богемского леса оказались невыполнимыми.

С конца марта по конец апреля дивизионные боевые группы, начавшие отходить к востоку после поражения на Рейне и Майне, прошли свыше 400 километров. Они шли форсированным

маршем, отрывались от противника, сражались; противник догонял их, окружал; они прорывались сквозь кольцо окружения, неся потери, и, совершенно измотанные, перегруппировывались, снова дрались и снова шли. Они продемонстрировали невероятную стойкость и выносливость, которые не шли ни в какое сравнение с тем, чего они достигли или могли достичь.

Развитие ситуации на севере не заслуживает детального рассмотрения, поскольку с 6 апреля группа армий Н была непосредственно подчинена Верховному командованию вермахта. Улучшение обстановки, которого ждал Гитлер, так и не наступило. Недовольный действиями Бласковица, фюрер в надежде заставить тамошнее командование пробудиться от спячки (на самом деле никакой спячки не было и в помине) решил заменить его на Штудента. Но как раз в тот момент, когда шло обсуждение этого вопроса, Йодль сказал ему: «Вы можете послать туда дюжину Штудентов, мой фюрер, но это не изменит ситуацию». То же самое думали и все мы.

Буш, командующий Северо-Западным фронтом, капитулировал 5 мая, а на следующий день то же самое сделал Бласковиц в Голландии.

Окончание боев в Южной Германии, Австрии и Чехословакии

Ближе к концу апреля русские прорвали фронт и нацелились на Берлин. Пока шла подготовка к решающей битве войны, британские и американские войска в Южной Германии вели себя на удивление пассивно. Впечатление было такое, будто они прекратили боевые действия.

В любом случае, наше сопротивление в Южной Германии слабело. 19-я армия была разбита. Ее остатки стояли на Дунае и на Иллере. Противник переправился через Дунай в двух местах и нанес удар по левому флангу 1-й армии из района Ульма. 80-му корпусу, находившемуся на этом фланге, грозило окружение и уничтожение. Немногочисленные силы американцев стояли на бывшей австрийской границе. Их попытки пройти вдоль северного берега Дуная через Богемский лес в Чехословакию явно преследовали лишь одну цель – обезопасить фланги.

Командование Юго-Западного фронта (группа армий С, Италия) понесло такие тяжелые потери в боях к югу от По, что отход его войск был затруднен, а позиции в хорошо укрепленных Южных Альпах ослаблены.

Командование Юго-Восточного фронта (Балканы) вело тяжелые бои в условиях нарастания угрозы его право-цу флангу,

причем отступление группы армий С в Италии лишь усугубляло ее.

В боях на территории Австрии наступило затишье (группа армий «Юг» под командованием Рендулича), причем там в тылах имелись существенные резервы.

Группа армий «Центр» (Шернер) в Чехословакии была серьезно задействована на правом фланге.

Единственным крупным соединением германских войск, все еще не понесшим потерь, была новоиспеченная 12-я армия, но, отдав часть своих дивизий Северному и Северо-Западному фронтам и находясь под одновременной угрозой с двух сторон, она была слишком слаба, чтобы спорить с судьбой.

Тем не менее, наши армии на востоке, включая командование Юго-Восточного фронта и 12-ю армию, все же сохранили достаточно много сил и средств, и потому в ближайшее время о них можно было не беспокоиться. В то же время наши войска в Италии л Баварии, а также 7-я армия находились на грани полного краха.

Имелись ли в этих обстоятельствах какие-либо оправдания для продолжения войны?

Поскольку все имевшиеся в нашем распоряжении дивизии оказались зажатыми на тесном пространстве, они были в большей степени, чем когда бы то ни было, обречены на общую судьбу. Что бы они ни предприняли – продолжили бы сопротивление, чтобы как-то помочь соседним частям, или потащили бы соседа вместе с собой в пропасть, выхода не было. Например, обрушение нашего фронта в Южной Германии должно было подвергнуть огромной опасности наши группировки в Альпах – Юго-Восточных, Юго-Западных и Южных. Если бы войска в Италии были уничтожены, это означало бы гибель для наших частей в Баварии и немедленное усиление угрозы Балканам.

В соответствии с законами психологии боя, когда все, кто участвует в боевых действиях, связаны общей судьбой, колебания в состоянии боевого духа частей, действующих на одном из участков фронта, начинают распространяться со скоростью лесного пожара. Еще более серьезные последствия могут иметь односторонние действия, предпринятые без учета положения других частей. Элементарный товарищеский долг не позволял любому честному солдату сложить оружие, когда его товарищи все еще продолжали свой последний бой. В условиях, когда от стойкости одного человека зависело решение вопроса о жизни или смерти его товарищей, военнослужащий и помыслить не мог о том, чтобы сдаться.

Я все время напряженно думал об этом. Теперь мы сражались

не для того, чтобы отвоевать выгодные условия мира. Мы, руководствуясь исключительно чувством долга, теперь боролись за то, чтобы наши братья по оружию не попали в руки русских. Все остальное больше не имело значения. По этой, и только по этой причине мы должны были драться до конца.

В последние годы войны меня все чаще занимал вопрос о том, до какой стадии ее продолжение можно считать оправданным. Способность командира влиять на боевой дух своих подчиненных во многом зависела от его позиции по этой проблеме. После Сталинграда и захвата противником порта Тунис победа стала невозможной. Рассуждения о том, было ли успешное вторжение противника в Нормандии окончательным решением нашей судьбы, казались мне неуместными в обстановке, когда крах нашей обороны на Западном фронте убил последнюю надежду на возникновение тупиковой, патовой ситуации, а мы оказались в отчаянном положении.

Именно по этой причине начиная с осени 1944 года я поддерживал план генерала СС Вольфа, состоявший в установлении контакта с американцами в Швейцарии. Как солдат я убедил себя, что на данном этапе войны политические переговоры с противником были неизбежными и необходимыми. Западные участники альянса никогда не скрывали своего намерения разрушить Германию в политическом смысле, и прежде всего уничтожить национал-социализм и «милитаризм», к которым так или иначе имел отношение весь германский народ и все его руководители. Так утверждала пропаганда противника, не оставлявшая нам никакой надежды на национальное возрождение. На подобную решимость альянса покончить с нами, заключенную в формулу «безоговорочной капитуляции», мы могли ответить только одним: продать нашу шкуру как можно дороже, то есть сражаться как можно дольше и упорнее в надежде измотать противника и попытаться таким образом все же склонить его к переговорам. Однажды, в 1918 году, мы уже выбросили белый флаг и в результате были вынуждены принять безжалостный версальский диктат. Разумеется, никто из нас не хотел повторения этого.

Где-то в районе 20 апреля мне пришлось вплотную задуматься над этим вопросом. Ход оборонительных боев на Восточном и Западном фронтах не оправдал наших надежд. Берлин был в опасности. И все же я снова принял решение продолжать сражаться.

В последние два месяца приказы Гитлера содержали мольбы остановить наступление альянса или задержать его с целью выиграть время до того момента, когда на Восточном фронте мы

одержим победу на родной земле, в которую фюрер продолжал непоколебимо верить, и когда будет создана новая – «самая лучшая» – армия, которая восстановит баланс сил; и, наконец, до того момента, когда мы сможем в массовом порядке применить новое оружие, и прежде всего «Народный истребитель»{16}.

Однако, как установили американцы, тщательно подсчитав ущерб, нанесенный нашей военной промышленности, только радикальное усиление с нашей стороны мер противовоздушной обороны могло оказать серьезное влияние на исход событий, но и оно вряд ли изменило бы его. В этой ситуации к заключению мира на приемлемых условиях могли привести политические меры.

Немецкие солдаты, которые не знали страха до тех пор, пока в их руках было оружие, в буквальном смысле слова дрожали от одной мысли о том, что они могут попасть в плен к русским. Покинуть наших товарищей на востоке в этот тяжелый момент было немыслимо для любого командира, а особенно для меня, поскольку я отвечал за положение дел на русском фронте от Дрездена и южнее. Мы просто обязаны были сражаться, чтобы дать нашим войскам, действовавшим на востоке, отойти в британскую и американскую зоны.

Я в срочном порядке порекомендовал трем нашим группам армий на Восточном фронте, подчиненным мне, вступить в локальные переговоры с русскими, но все они отказались воспользоваться этим советом, считая это безнадежным делом. По той же причине на совещании в Граце, состоявшемся в начале мая, представители командования группы армий «Юг» заявили, что нам следует продолжать драться. Я запретил это, отдав войскам четкий приказ выйти из соприкосновения с противником и двигаться форсированным маршем в американскую оккупационную зону.

После смерти Гитлера командование вооруженными силами взял на себя адмирал Дениц. Он сразу же определил курс, которым мы должны были следовать. Дениц стремился как можно скорее заключить мир, но при этом не допустить, чтобы наши солдаты, воюющие на Восточном фронте, попали в руки русских. Соответственно, моя совесть была спокойна.

Сразу же после принятия на себя командования на Южном театре военных действий, которое последовало за капитуляцией 3 мая командования Юго-Западного фронта, я отправил Эйзенхауэру послание, в котором предложил ему капитуляцию всех германских войск, противостоящих американцам, и таким образом от имени адмирала Деница подготовил почву для полной капитуляции германских вооруженных сил. Оглядываясь назад, я

по-прежнему считаю, что у меня как у солдата не было иного выбора.

Практическим результатом этого было то, что многие сотни тысяч германских солдат только из состава групп армий Лера, Рендулича и Шернера избежали попадания в лапы к русским и были освобождены почти сразу же после заключения перемирия. Если бы американцы повели себя иначе, количество этих солдат могло бы исчисляться миллионами. Ни один человек из тех, кому довелось видеть немецких военнопленных, вернувшихся из России, или говорить с ними, не станет сомневаться в том, что мы поступили правильно.

Если бы в результате своеволия какого-либо генерала германскому Высшему командованию пришлось преждевременно согласиться на капитуляцию, то есть тогда, когда еще сохранялась хоть какая-то надежда на улучшение положения, хотя бы с чисто политической точки зрения, или существовала возможность предотвращения трагедии хотя бы для части германского народа, этот генерал был бы признан предателем и осужден приговором самой истории. Примеры Петена и Вейгана говорят сами за себя.

Даже в тот период у меня не было иллюзий относительно того, что чем раньше мы сдадимся, тем более выгодными для нас будут условия капитуляции. С учетом итогов конференций в Ялте и Потсдаме, а также последующих событий никто не решился бы утверждать подобное. Следует лишь сказать пару слов о тех частях и подразделениях, которые сражались на изолированных участках фронта и сдавались противнику, ничего не выигрывая при этом ни для себя, ни для всех немецких солдат. Возможно, командиры этих частей и подразделений и выгадали лично для себя какие-то преимущества, но рано или поздно мировое общественное мнение осудило или еще осудит их как оппортунистов.

Альпийский горный массив (я имею в виду именно горный массив, а не мифическую Альпийскую крепость) на описываемом этапе войны служил сборным пунктом для групп армий, действовавших на Юго-Западном и Юго-Восточном фронтах, отдельных частей с Южного фронта и группы армий О. Этот горный район невозможно было удерживать в Течение длительного времени, но все же можно было делать это достаточно долго для того, чтобы дать возможность группам армий на Восточном фронте уйти от русских. Темп их отступления диктовался положением тех частей, которые располагались ближе всего к передовой.

Отход основных сил группы армий Е, дислоцировавшейся на

Балканах, через узкую горловину требовал времени и мог стать вообще невозможным в случае возникновения неблагоприятной обстановки на правом фланге и появления бреши из-за отступления группы армий С в Италии. Таким образом, надо было усилить с помощью подкреплений правый фланг группы армий Е и скоординировать ее действия с действиями группы армий С. Еще более важным с точки зрения положения на Балканах было то, как будет действовать группа армий «Юг» в Австрии; преждевременное отступление, особенно на правом фланге этой группы армий, блокировало бы группу армий Е, которой в этом случае осталось бы лишь полагаться на милость Тито.

Проникновение фронта группы армий «Центр» в Чехословакию в сочетании с возможностью возникновения угрозы окружения с севера могло осложнить отступление. Следовательно, там тоже прежде всего нужно было укрепить наиболее опасные направления всеми имевшимися резервами. По действиям американской 3-й армии в отношении нашей 7-й армии можно было сделать вывод, что Чехословакия не является зоной интересов американцев, а это означало, что можно было не тревожиться по поводу возможности операций против группы армий «Центр», которые представляли бы серьезную угрозу.

На юге Баварии противнику удалось в кратчайшие сроки сделать то, что мне казалось крайне»маловероятным, – практически без усилий пройти наиболее сильные участки нашей обороны. Теперь вопрос состоял в том, удастся ли нам удержать подходы к Альпам в секторе от Рютте до Брегенса. Благодаря исключительно благоприятному характеру местности эта задача казалась вполне выполнимой. Неплохо также было бы выяснить, двинутся ли в сторону Альп следом за остатками 19-й армии все французские силы или только колониальные дивизии, специально обученные ведению боевых действий в горах. И еще – будут ли они преследовать наши войска в горах или остановятся у их северного подножия? Была ли эффективной наша пропаганда по поводу Альпийской крепости? Возможность нанести удар по тылам группы армий С в Италии могла заставить противника поддаться искушению и сделать рывок в Альпы.

Как в итоге оказалось, французы все-таки пошли в Альпы и сделали бросок на север с целью окружить наши войска. 27 апреля они уже достигли северного подножия гор и к 30 апреля пробились в Альпы на широком участке. После того как противник овладел ущельями Цирл и Ферн, я дал согласие на капитуляцию 19-й армии. В этот период в Альпийском районе произошли некоторые крайне неприятные инциденты. Поведение гауляйтера Хофера было трудно понять, и при этом он так рьяно

вмешивался в процесс руководства боевыми действиями, что мне фактически пришлось передать в части приказ о том, что указания гауляйтера Инсбрука, касающиеся военных вопросов, не должны выполняться. Впрочем, в других вопросах он тоже темнил. Неприятным результатом всего этого стало то, что мы то и дело ограничивались полумерами, пытались реализовать принятые решения, не рассчитав силы, что приказы либо вообще не выполнялись, либо выполнялись самым нелепым образом. Все это привело к потерям, которых можно было избежать и которые мы понесли из-за чужого двуличия или прямого предательства.

Даже в эти последние дни войны 1 -я армия продолжала демонстрировать образцовую стойкость. Разумеется, и у нее случались неудачи, как, например, в районе Диллин-гена и Вассербурга – Мюльдорфа. Однако надо особо отметить командование и офицерский состав армии за их изобретательность, а солдат – за то, что они умело уходили от попыток противника окружить их. Я мог бы привести много примеров, но упомяну лишь генерала Риттера фон Хена, который с горсткой людей выстоял под атаками противника с севера и с юга, а затем и с запада и своей доблестью показал, что германские войска способны сохранять высокий боевой дух даже в совершенно безнадежных ситуациях. Далее к востоку американцы дошли до Ишля и Халлейна, а 7 мая действовавшие там германские войска сдались.

В Австрии, где 7-я армия действовала совместно с группой армий «Юг» под командованием Рендулича, наши войска могли достичь большего. Но происходившие там события все еще слишком близки к нам по времени, чтобы мы могли высказывать свои суждения на этот счет. В начале мая я проводил в Цельтвеге и Граце совещания с командным составом войск, сражавшихся на востоке. На совещаниях также присутствовал Винтер, мой начальник штаба, который очень помогал мне в те тревожные дни. Мое общее впечатление об обстановке в трех группах армий – «Юго-восток» (Лер), «Юг» (Рен-дулич) и «Центр» (Шернер) – оказалось неожиданно хорошим. Ни одна из групп армий не подвергалась непосредственной угрозе, действия противника против группы армий «Юг» в целом зашли в тупик. В то же время общая ситуация по вполне понятным причинам казалась мне удручающей. С другой стороны, оказалось, что в нашем распоряжении больше резервов, чем я ожидал, и что по своим боевым возможностям они сильнее, чем я рассчитывал. У нас не было проблем со снаряжением и снабжением, которые были куда лучше, чем на Западном фронте. На второй день я отдал войскам приказ как можно быстрее отойти в западную зону; к сожалению,

выполнение этого приказа было осложнено тем, что накануне ночью противнику сдался штаб группы армий «Юг». (Печальной новостью стали также захват партизанами Тито командующего группой армий «Юго-восток» Лера и последующее вынесение ему смертного приговора.) Основная масса войск группы армий «Юг» и значительная часть группы армий «Юго-восток» все же смогли вплотную приблизиться к границе американской зоны, а затем, после моего спешного представления американцам, пересечь ее.

Силам группы армий «Центр» повезло меньше. Несанкционированные действия отдельных командиров частей 7-й армии сделали почти невозможным выполнение приказов Шернера. Было очень жаль, что группа армий продолжала сражаться уже после того, когда в силу вступил акт о полной и безоговорочной капитуляции.

Я получаю неограниченные полномочия

Фактически моя деятельность в новом качестве началась 24 апреля, с созданием южного штаба Верховного командования вермахта, хотя официальный приказ был получен мной только в начале мая. Развитие событий требовало именно такого решения, причем в личном плане было несущественно, на кого падет выбор. О существовании соответствующего плана предоставления мне неограниченных полномочий я узнал еще в середине апреля; поэтому, когда, несмотря на мое представление, он не был осуществлен до конца месяца, я, не имея возможности нанести визит Деницу лично по причине моего временного остутствия, послал к адмиралу доктора Хейлера из министерства экономики и через него потребовал немедленно легализовать мое положение. Мое требование было удовлетворено.

После перевода моего штаба в Баварию мои обязанности командующего, до этого момента носившие сугубо военный характер, существенно расширились в связи с необходимостью решения целого ряда политических вопросов. После того как юг страны был отрезан от севера, этих вопросов стало значительно больше. Это объясняется тем, что каждый правительственный департамент был представлен на юге министром или государственным секретарем, которые (так же как рейхсляйте-ры и гауляйтеры, в том числе из Чешского протектората) пытались установить контакт с высшим представителем военного командования, в одиночку ничего не решавшим.

Было важно скоординировать действия командования вооруженных сил и деятельность гауляйтеров, а также

организовать охрану общественного порядка на период времени между капитуляцией и заключением мира.

Даже среди гауляйтеров не было единства: одни хотели немедленно закончить войну, другие – сражаться до последнего человека. Например, гауляйтеры Аугсбурга и Зальцбурга относились к первой категории, а Мюнхена и Нюрнберга – ко второй. На совещании, проходившем 3 мая в представительстве южного штаба Верховного командования вермахта в Кенигзее, участвовавшие в нем гауляйтеры отказались признать очевидное и заявили, что мы должны либо продолжать драться, либо, по крайней мере, все бразды правления должны быть переданы национал-социалистической партии, поскольку в противном случае обеспечить порядок не удастся. На случай, если я откажусь отдать соответствующий приказ, они вознамерились немедленно самолетом отправить к Дени-цу своего представителя, дабы тот объяснил адмиралу, что это требование гауляйтеров не подлежит обсуждению. Я был вынужден произнести длинную тираду, чтобы хоть немного приоткрыть им глаза и заставить считаться с фактами. Они должны понять, внушал я, что наши противники воевали с нами в течение пяти лет для того, чтобы сокрушить национал-социализм, и теперь, одержав победу, ни за что не согласятся оставить партию у руля. Мне стало ясно, что партия готовила свои кадры исключительно для деятельности внутри страны и совершенно не заботилась об обучении их основам внешней политики.

Чтобы приспособиться к периоду, следовавшему за капитуляцией, нужно было начать все заново и полностью исключить любую возможность партизанской войны. Эта цель была достигнута. Те немногие военнослужащие, кто укрылся в горах и избежал пленения, не в счет. Они не имели никакого отношения к так называемым «добровольцам».

Необходимо было создать временную администрацию из людей, которые не были политиками и которых нельзя было заподозрить в причастности к нацистской партии. Эта администрация должна была действовать до того момента, когда бразды правления перейдут в руки оккупационных властей. Данная идея в целом была принята и, несмотря на недостаток времени, частично реализована. Так, были созданы местные добровольные отряды самообороны для предотвращения мародерства в период «анархии»; впоследствии им на смену пришла местная полиция, созданная по приказу оккупационных властей. Кроме того, необходимо было предпринять своевременные шаги для снабжения населения и вооруженных сил продовольствием до той поры, когда оккупационные власти

возьмут ответственность за это на себя. Обеспечение войск продуктами питания представляло собой проблему только в тех случаях, когда имел место внезапный наплыв военнослужащих с Восточного фронта в разоренные войной или малодоступные районы.

Чтобы избежать грабежей, гражданскому населению были розданы излишки военного имущества с резервных складов.

Государственный секретарь доктор Хейлер организовал весьма эффективную систему бесперебойного снабжения людей питанием и разработал меры, направленные на поощрение оптовой и розничной торговли. Для осуществления последних требовалась лишь санкция оккупационных властей – ожидалось, что она будет получена после совещания с генералом Эйзенхауэром. Однако это совещание, на котором требовалось обсудить и ряд других вопросов, так и не состоялось.

Я предложил генералу Деверсу не распускать всевозможные технические войска, а, усилив их специалистами, использовать по оговоренной с американцами схеме и под их контролем для срочного ремонта мостов (а в некоторых особых случаях и для строительства новых), восстановления наиболее важных железных дорог и подвижного состава и, наконец, для налаживания нормальной работы телефонной сети. Мы также подготовились к тому, чтобы в случае необходимости быстро создать трудовые отряды и собрать лошадей для организации работ в разоренных сельскохозяйственных районах.

Американская группа армий объявила о том, что в целом согласна с этими предложениями; после этого командующий Западным фронтом подготовил соответствующие инструкции; таким образом, для того, чтобы приступить к перечисленным неотложным работам, нужно было только одно – одобрение американского Генерального штаба. Однако его-то мы и не получили!

Приведу всего лишь один пример: в конце мая 15 000 военных связистов были готовы в любой момент начать ремонт телеграфной и телефонной сети. Я убежден, что если бы Моргентау не повлиял на американские военные умы, то к концу 1945 года система связи и коммуникации, да и экономика Германии в целом были бы в состоянии, которое вполне позволяло бы восстановить их своими силами, благодаря чему американцы могли бы избежать значительной части последующих расходов.

Проблемы лидерства в конце войны

Чтобы подробно изложить мою теорию идеальной системы командования и создания командных структур всех трех видов вооруженных сил на конкретных театрах военных действий, нужно слишком много времени. Тем не менее, я все же хочу обозначить один или два ее момента, которые могут заинтересовать многих.

Понять Гитлера, создавшего систему, при которой разные организации работали параллельно, то есть в одной и той же сфере, но независимо друг от друга, можно, лишь попытавшись поставить себя на его место – на место никому не доверявшего диктатора. Наличие такой системы самым пагубным образом сказывалось на процессе руководства боевыми действиями и вообще на ходе войны. Главными минусами такой системы были взаимное недоверие между армией и СС, между администрацией и партией и т. д., отсутствие единых приоритетов, четкого разделения сфер ответственности и т. п.

Во время войны, требующей единоначалия и эффективного управления экономикой, наличие таких излишеств, как партийные структуры, рано или поздно неизбежно должно было оказать свое негативное воздействие на ход событий. Если бы кто-то захотел подорвать структуры вооруженных сил страны, лучшего способа сделать это, чем использовать систему организации или, вернее, дезорганизации, любовно отстроенную Гитлером, было просто не придумать.

Централизованный контроль за вновь создаваемыми военными структурами, безусловно, был необходим, поскольку с его помощью процессы комплектации и обучения частей и подразделений можно было скоррелиро-вать с тем потенциалом, которым мы располагали. Без тщательного и заблаговременного планирования соответствующих процессов также было не обойтись. Но нельзя было, руководя этими процессами, не иметь системы приоритетов (например, нельзя было не понимать, что оснащение на должном уровне военно-воздушных сил важнее, чем оснащение сухопутных войск) и руководствоваться исключительно сиюминутными соображениями. Было ошибкой «экономить» личный состав, технику и вооружение с целью формирования новых частей и соединений – изменения в обстановке приводили к тому, что введение в бой свежеиспеченных дивизий и армий теряло смысл. Между тем, если бы «сэкономленные» людские ресурсы, техника и вооружение были задействованы в нужный момент, это могло бы предотвратить обрушение фронта. Вновь созданные армии, с которыми Гитлер связывал такие большие надежды, имело смысл формировать только при том условии, что они были бы хорошо

обученными и обладали бы достаточными силами и средствами для оказания решающего влияния на ход кампании. В 1945 году выполнить это условие было уже невозможно. Я утверждаю, что бои на Рейне как сугубо наземные боевые действия могли бы закончиться иначе, если бы мы бросили в них все имевшиеся у нас людские ресурсы и технику на рубеже 1944-1945 годов или хотя бы в январе-феврале 1945 года. Все воинские формирования, которые поступили в распоряжение командующего Западным фронтом позднее, могли сражаться только при условии наличия в их составе частей и подразделений, успевших как следует понюхать пороху. Но говорить об этом было все равно что толковать с глухим.

Капитуляция

В конце марта генерал Реттингер, который был моим начальником штаба, когда я занимал должность командующего Юго-Западным фронтом, несколько раз звонил мне и просил приехать, чтобы обсудить сложившееся положение. Я не мог позволить себе отвлекаться на решение проблем групп армий, которые не были мне подчинены. Однако в апреле генерал Реттингер оказался в моем подчинении. Поэтому 27-28 апреля я отправился в Инсбрук, чтобы встретиться с ним там. Это позволяло мне сэкономить время, поскольку Инсбрук был расположен на равном расстоянии от тех мест, где мы находились. Совещание проходило в доме гауляйтера в присутствии фон Витингофа и нашего посла в Италии доктора Рана. Генерал СС Вольф, который также должен был в нем участвовать, задержался где-то из-за действий партизан.

Гауляйтер произнес длинную вступительную речь, в которой говорил о политической ситуации, о своей недавней беседе с Гитлером и о безнадежном положении на Южном театре военных действий. Заканчивая свое выступление, он высказался в том плане, что, пока не поздно, мы должны изучить вопрос о капитуляции, но, разумеется, решение о сдаче следовало принять только в том случае, если продолжать вооруженную борьбу будет невозможно. Затем он ненадолго вышел из комнаты, а Ран и Витингоф заметили, что всего несколько дней тому назад гауляйтер пел совсем другую песню. Это заставило меня насторожиться.

Далее Витингоф доложил о военной обстановке, которая угрожающе ухудшилась и должна была привести к разгрому. Витингоф считал, что нужно обсудить вопрос о сдаче и принять

на этот счет четкое решение, так как время еще позволяло это сделать. Доктор Ран хранил молчание.

Поскольку я не знал, что попытки установить контакт с американцами уже приняли форму переговоров о сдаче, я принял решение исходя из чисто военных соображений. До сих пор жалею, что Вольф, чье имя – не знаю, хорошо это было или плохо, – у многих неизменно ассоциировалось со мной, не присутствовал на совещании: он наверняка просветил бы меня на этот счет{17}. Я же, не зная тонкостей ситуации, настаивал на том, что мы в наших действиях должны исходить из общей обстановки и, будучи солдатами, обязаны выполнять приказы. Следовательно, мы не могли капитулировать до того момента, пока у нас не появятся основания с чистой совестью сказать, что другого выхода нет. По моему мнению, мы также должны были учитывать возможные косвенные последствия своих действий: преждевременная капитуляция группы армий С сделала бы невозможным удержание группами армий «Юго-восток» и О их позиций севернее Альп. Кроме того, я считал, что мы не можем упускать из виду психологические последствия этого шага для солдат и офицеров, сражавшихся вокруг Берлина и в самой столице. Мы должны были отодвинуть на второй план наши собственные интересы, заявил я.

Кроме того, я выразил уверенность или, точнее, надежду, что в действительности ситуация на фронте, как это уже не раз случалось раньше, будет развиваться в более благоприятном направлении, чем мы предполагали.

Против моего решения продолжать сражаться никто не возражал, и у меня сложилось впечатление, что после моего выступления Витингоф почувствовал себя увереннее. Конечно, если бы мне было известно во всех подробностях о тех действиях, которые предпринимались с целью договориться о всеобщей капитуляции, я бы, возможно, действовал иначе. Правда, я был связан моральными обязательствами, которые диктовали мне, что любая договоренность должна быть выполнена. Короче говоря, не желая, чтобы меня сочли человеком, который машет кулаками после драки, я не стану сегодня рассуждать о том, как поступил бы тогда. Но наверное, я не выбрал бы тот путь, который позже показался командующему Юго-Западным фронтом правильным.

Здесь я должен добавить, что двое офицеров, выступавших в качестве эмиссаров командующего Юго-Западным фронтом и генерала СС Вольфа, уже посетили меня в моем штабе в Пуллахе, неподалеку. от Мюнхена. Предполагалось, что они посвятят меня во все секреты. Однако они были весьма немногословны и не сказали мне ничего такого, на что я мог бы опереться при

принятии серьезных и далеко идущих решений. Один из лидеров «Австрийского движения за свободу» даже не добрался до меня, а ограничился тем, что передал мне с одним из моих офицеров полное загадок послание.

События, происшедшие после полного недосказанно-стей совещания в Инсбруке, были весьма неприятными и фактически привели в замешательство обе стороны. Когда я в ночь с 1 на 2 мая вернулся на фронт, мой начальник штаба доложил мне, что генерал Шульц счел дальнейшее сопротивление его наголову разгромленных армий бесполезным и просит меня немедленно санкционировать заключение перемирия.

Санкцию я дал. На следующий день фон Витингоф передал сообщение об этом в войска Шульца, а я доложил о случившемся в Верховное командование вермахта, отправив туда донесение, в котором указал, что готов ответить за свое своеволие, заслуживающее наказания; коротко изложив последствия капитуляции командования Юго-Западного фронта, я потребовал санкции на капитуляцию групп армий E и C, которая вскоре была получена.

3 мая я поручил генералу Фортшу, командующему 1-й армией, провести переговоры. Он был политически подкован и обладал дипломатическими навыками, необходимыми для выполнения этой трудной задачи. В тот же день в моем штабе в Альме генерал получил подробные инструкции. Переговоры состоялись 4 мая в Зальцбурге; Фортш вернулся оттуда совершенно подавленным. Даже наши весьма робкие надежды не оправдались; весь переговорный процесс свелся к тому, что нам был отдан ряд приказов. Это была прямо-таки Касабланка! То же самое случилось и с командующим Юго-Западным фронтом, представители которого во время встречи со мной в ночь с 1 на 2 мая сказали мне, что их начальнику, скорее всего, будут сделаны особые уступки! В копии стенограммы переговоров о капитуляции, которую я затребовал, об этих уступках даже не упоминалось.

В эти же дни я впервые попробовал обратиться к Эйзенхауэру по вопросу о капитуляции моих войск, действующих против американцев. Эйзенхауэр ответил, что не станет вступать в переговоры, на которых речь не идет о полной капитуляции всех германских войск. После этого я обратился в Верховное командование вермахта с просьбой предпринять дальнейшие шаги, что и было немедленно сделано.

Безоговорочная капитуляция группы армий C вступила в силу 6 мая. Я заранее, еще 2 или 3 мая, объявил о предстоящей капитуляции, чтобы избежать дальнейшего продолжения боев и

ненужного кровопролития. Я поблагодарил войска и призвал их своим поведением поддержать высокую репутацию германских вооруженных сил. Тогда же и множество раз после этого я объяснил, что наше безукоризненное поведение было единственным средством сохранить уважение солдат противника и что оно окажет нам неоценимую помощь на предстоящих переговорах на более высоком уровне.

У меня сложилось впечатление (впоследствии американские командиры подтвердили, что оно было верным), что наши солдаты, у которых за плечами было почти шесть лет войны и которые попали в безнадежную ситуацию, все же вели себя достойно.

К 6 мая во всех Альпах не сдались только сотрудники моего штаба. Я решил перевести сокращенный штат штабных работников в бесхозный специальный поезд Гиммлера, стоявший на запасном пути в Саальфельдене, и снова вступил в контакт с американцами. Тем временем мой начальник штаба оставался на прежнем месте и занимался выработкой деталей капитуляции, руководствуясь при этом моими подробнейшими инструкциями на этот счет. Я посоветовал генералу СС Гауссеру, моему специальному представителю, проследить, чтобы сдача войск СС проходила в точном соответствии с моими директивами; коротко говоря, я предупредил его, что все должно пройти без глупостей вроде попыток в последний момент скрыться в горах. Гауссер, самый популярный и один из наиболее способных генермов СС, успешно выполнил все мои рекомендации, что, впрочем, не спасло проверенных в боях и дисциплинированных военнослужащих СС от особого, и не всегда гуманного, обращения.

Теперь у меня появилось время для того, чтобы поразмыслить о моем собственном будущем. Следовало ли мне освободить себя от неизбежных дальнейших тягот? Поскольку моя смерть лишь переложила бы их на чьи-то плечи, я решил этого не делать. После недолгого ожидания ко мне прибыл американский майор в сопровождении нескольких солдат. Их встретила моя охрана. Майор сообщил мне, что в течение нескольких ближайших дней ко мне приедет побеседовать генерал Тейлор, командир 101-й воздушно-десантной дивизии. Этот очень молодой, безоружный и вежливый офицер – между прочим, после войны он был американским комендантом в Берлине, а затем стал командующим американскими войсками в Корее (хотелось бы пожелать ему успеха на этом посту) – после того как детали разоружения и сдачи в плен моих штабных сотрудников были согласованы, предложил мне переехать с моим штабом в

Берхтесгаден, на Берхтесгаденер-Хоф. Мне позволили оставить у себя мое оружие, награды и маршальский жезл. В сопровождении генерала меня на автомобиле доставили в Берхтесгаден.

В Берхтесгадене лучшие комнаты в отеле были предоставлены моему сопровождающему и мне. Мне была предоставлена свобода передвижения, но пользоваться ею я мог только в компании некоего лейтенанта Брауна, приятного малого, который, кстати, родился в Мюнхене. То, что мне удалось посетить воевавшие на русском фронте группы армий в Цельтвеге и Граце практически без сопровождения американцев, с одной стороны, являлось одним из свидетельств образцового выполнения американским генералом своих обещаний, а с другой – свидетельствовало о том, что между Россией и ее западными союзниками существовала напряженность. Генерал Деверс, командующий американской группой армий, который в те дни приезжал ко мне с визитом, держался подчеркнуто холодно, хотя и оставался в рамках традиционной военной вежливости. Его отношение заставило меня более четко осознать мое новое положение.

В течение нескольких дней меня непрерывно интервьюировали репортеры английских и американских газет; этот процесс происходил без каких-либо инцидентов и, пожалуй, даже в атмосфере взаимопонимания. Так я познакомился с Куртом Рисом, который впоследствии особо ходатайствовал за меня. Снова и снова я просил дать мне возможность поговорить с генералом Эйзенхауэром с целью убедить его в необходимости провести ряд мер, полезных и для войск, и для мирного населения. Вместо этого 15 мая 1945 года меня перевезли в лагерь в Мондор-фе, неподалеку от Люксембурга. Перевозили меня через Аугсбург, где мне пришлось оставить свои награды и фельдмаршальский жезл. Могу добавить, что ни два моих начальника штаба (Винтер и Вестфаль), ни кто-либо еще из офицеров или солдат не подозревали, что мое путешествие закончится плохо. Все они хорошо меня знали, им была до мельчайших подробностей известна вся моя деятельность в годы войны, и потому никто из них и помыслить не мог, что меня подвергнут суду и приговорят к смертной казни. Они ровным счетом ничего не знали о том, что вместо того, чтобы отвезти меня к Эйзенхауэру, меня отправят в специальный лагерь. Почему было не сыграть в открытую?

В разные моменты вопрос о капитуляции так или иначе волновал каждого германского командира, хотя в первую очередь это политическая проблема, которой должно было заниматься правительство. Весной 1944 года без ведома Верховного

командования вермахта – хотя позже я доложил о своих действиях Гитлеру – я преодолел угрызения совести и вступил в контакт с американскими посредниками в Швейцарии через генерала СС Вольфа, поскольку считал, что война должна быть закончена путем переговоров на дипломатическом уровне. Я рассматривал этот шаг не как прелюдию к капитуляции войск в моей сфере ответственности, а как помощь правительству в налаживании переговорного процесса.

Во-вторых, капитуляция могла быть осуществлена с одобрения или по указанию правительства. Капитуляция группы армий О является прекрасным примером первого варианта, а всеобщая капитуляция германских вооруженных сил – второго.

Капитуляция армии как военного соединения может стать необходимой, если она потерпела поражение, если сопротивление стало бессмысленным и бесполезным и если выход ее из боя не нанесет непосредственного ущерба военным и политическим интересам страны. Однако не следует забывать и о том, что флирт с идеей о капитуляции ослабляет боевой дух и волю к победе. Примерами ситуаций, когда капитуляция являлась единственным средством прекратить кровопролитие и была неизбежной, даже несмотря на ее негативное влияние на общую ситуацию, можно считать случай с войсками в Тунисе и случай с группой армий В в Руре, хотя они и непохожи друг на друга.

Наконец, возможны случаи, когда военное командование может принять решение о капитуляции и взять на себя ответственность за него. Это бывает, когда продолжение боевых действий подчиненными им войсками не сковывает сил противника и является безнадежным по причине отсутствия надлежащих сил и средств, а также когда повлиять на исход войны становится уже невозможно. В любом из этих случаев вопрос о том, как капитуляция скажется на положении соседних частей и соединений и на обстановке в целом, должен изучаться тщательно и всесторонне.

Решения о капитуляции, спланированные заранее и реализованные внезапно, без учета положения соседних частей, свидетельствуют о безответственности тех, кто их принимает; хотя обычно для оправдания подобных решений ссылаются на политические предлоги, командиры, принимающие их, как правило, имеют весьма ограниченное представление об общей ситуации. Во Второй мировой войне такие примеры тоже были. В наш век техники случаи принятия столь серьезных решений без консультаций с вышестоящим руководством будут происходить все реже.

Обсуждение вопроса о капитуляции возвращает нас к

проблеме «политического солдата», для которого, повторяю, не было места в германских вооруженных силах. Продуктом обучения по генералу фон Зекту стал солдат, для которого «конституционная лояльность» важнее любой партийной агитации и вообще не имеет к ней никакого отношения.

Международный военный трибунал в Нюрнберге, тем не менее, приговаривал таких солдат к смертной казни и требовал от армии серьезного влияния на решение проблем внешней политики, а также отстранения от власти преступных элементов в сложных внутриполитических ситуациях и свержения правительств, проводящих преступную политику. Между двумя этими интерпретациями солдатского кодекса чести лежит непреодолимая пропасть.

В середине 1947 года я написал эссе, в котором подверг углубленному изучению вопрос о «политическом солдате», не замыкаясь на конкретной ситуации в Третьем рейхе. Ниже я привожу цитату из этого эссе:

«Я требую от каждого старшего офицера, занимающего высокую должность и обладающего значительными полномочиями, умения разбираться в политике, которое позволит ему глубоко и верно оценивать политические события в его стране и за ее пределами. Правильная оценка политических событий должна позволить этому офицеру выступить в роли квалифицированного советника главы государства, полностью сознающего лежащую на нем ответственность, способного предвидеть военные потребности государства и в то же время увязать их с политической ситуацией. Разумеется, это деликатное, но совершенно необходимое сотрудничество может приводить к серьезным внутренним конфликтам, а также к спорам на международной арене, в которых военный лидер должен принимать во внимание возможное влияние его воззрений на внешнеполитическую ситуацию.

Я, тем не менее, ни в коем случае не признаю «политического солдата», который реализует собственные политические установки, предпринимая действия в политической сфере, и тем самым неверно толкует истинное значение слова «солдат». Такие «политические солдаты» наделяют себя прерогативами, которые не потерпит ни один глава государства или правительства – за исключением тех случаев, когда он сам-желает сложить с себя полномочия. Даже сегодня, в 1947 году, подобные примеры можно найти во многих странах».

Когда я писал это, я хотел подчеркнуть как то, что офицер, тем более представитель высшего офицерского состава; стоит над партиями, так и то, что каждый солдат должен повиноваться

законному правительству и государству, существующему в предусмотренной конституцией форме. Он связан военной присягой, которая предполагает безоговорочное подчинение и в которой прямо говорится, что солдат должен повиноваться своим начальникам и законному правительству. Снятие этих обязательств означает поощрение государственного переворота, целью которого очень редко бывает то, что полезно для государства и для людей. В этом случае вооруженные силы, которые должны охранять и защищать государство, становятся его разрушителем. Немногочисленные обратные примеры ничего не доказывают, но свидетельствуют о том, что в редких случаях освобождение от присяги может быть вполне этичным для солдата с очень сильно развитым чувством ответственности. В этом случае солдат должен понимать, что он идет по узкой тропе между осанной и криками «Распните его!».

Еще один момент: существует внутреннее противоречие между политикой и военным делом. Только незаурядные личности могут сочетать одно с другим. В изречении, которое гласит, что солдат, интересующийся политикой, перестает быть хорошим солдатом, есть доля истины. Я из своего личного военного опыта знаю, что политические дискуссии в момент критического положения на поле боя могут оказать серьезное влияние на ход боевых действий. Лучшим решением данной проблемы, на мой взгляд, является разделение двух сфер. Однако факт остается фактом – войска настолько хороши, насколько хорош их командир. В наше время нужны офицеры, которые способны уловить взаимозависимость политики и военного дела и объяснить ее своим подчиненным. Только так человек может пройти путь от «штатского, интересующегося политикой» до «гражданского человека в военной форме», а затем и до «солдата, мыслящего по-государственному». Сложность этой задачи невозможно переоценить, потому что мы, немцы, в течение последних двух веков очень много воевали, но пренебрегали развитием политической культуры и в основном имели дело с крайне левыми и крайне правыми партиями и политиками, чье отношение к государству можно приблизительно охарактеризовать как фанатичное отрицание.

Следовательно, главным принципом остается воспитание в «гражданском человеке в военной форме» лояльного и патриотически настроенного солдата, твердо хранящего верность государству и конституции в соответствии с присягой.

Глава 24.
Моя жизнь в послевоенный период

«Пепельная клетка» в Мондорфе.
– Нюрнберг.
– Дахау.
– «Кенсингтонская клетка».
– Суд в Венеции в феврале – марте 1947 года.
– Ардеатинские катакомбы и репрессии.
– Меня приговаривают к смертной казни.
– Сохранение итальянских памятников и шедевров искусства.
– Тюрьма в Верле. – Заключение

Первые годы в заключении

Сегодня политикам удалось благодаря переговорам продвинуться вперед в деле превращения «безоговорочной капитуляции» в эффективный инструмент. У меня и в мыслях нет пытаться воскресить в памяти период после капитуляции Германии со всеми его болезненными моментами. Я придерживаюсь той точки зрения, что мы в нашей старушке Европе, в которой становится все теснее, должны научиться понимать друг друга, найти путь к объединенному Старому Свету, в котором исчезнут искусственные государственные границы, являющиеся атрибутом прошлого. Я всегда верил в идею Бриана. Если у меня и были какие-то сомнения в необходимости нового порядка в Европе, то они исчезли, когда я стал летчиком. Когда, стартовав с аэродрома в Берлине, уже через час полета ты вынужден сверяться с картой, чтобы случайно не пересечь границу Чехословакии, это происходит само собой. В начале 1948 года я объяснил одному офицеру американской службы розыска и возвращения культурных и исторических ценностей и произведений искусства: «Если я сделал выбор в пользу Запада и в своей ограниченной сфере деятельности борюсь за осуществление идеи Европейской федерации, а заодно и помогаю вашей службе, то это немало-для человека, считающего, что британский трибунал несправедливо приговорил его к смертной казни».

Как это ни трудно для отдельно взятых людей, мы должны научиться забывать. Однако многое из того, что произошло, включая целый ряд неоднозначных событий, необходимо

обсудить – не для того, чтобы выдвигать взаимные обвинения, а для того, чтобы извлечь уроки из наших ошибок в целях недопущения их в будущем.

После войны жизнь моя была несладкой – в ней чередой сменялись всевозможные тюрьмы и лагеря западных государств, воевавших против Германии. В «Пепельной клетке» – какое выразительное название! – в Мондорфе в 1945 году мне доводилось встречать бывших крупных деятелей Германского государства, вооруженных сил и национал-социалистической партии – таких, например, как граф Шверин-Крозиг, рейхсминистр финансов. Смею надеяться, что мне удалось внести успокоение в их души и поспособствовать их сближению. Офицеры и унтер-офицеры, охранявшие нас, были симпатичными людьми – в отличие от коменданта лагеря полковника Эндрюса. Возможно, именно поэтому он был назначен комендантом тюрьмы Международного военного трибунала в Нюрнберге. Всем нам без исключения казалось, что этот американский офицер ни во что не ставит идею взаимного признания законов и обычаев разными нациями. Более молодые американские офицеры считали, что меня не следует содержать в лагере в Мондорфе, и, проявляя доброту, которую я не мог не оценить по достоинству, пытались добиться моего перевода в другой лагерь, который меньше походил бы на могильный склеп. То, что их усилия не увенчались успехом, не меняет моего мнения об этих офицерах, которые не были подвержены психозу ненависти.

В Оберурселе со мной обращались хорошо. Однако там мне пришлось на несколько дней погрузиться в злокозненную атмосферу барака для подследственных. То, что я там увидел, произвело на меня неприятное впечатление. Я пришел к выводу (которому впоследствии нашлись и другие подтверждения), что работа в разведке может так преобразить человека, что, общаясь с ним, невозможно подавить неприязнь, которая может перерасти в страх. Эта работа оставляет на человеке неизгладимый след. Возможно, все было бы иначе, если бы в эту деятельность не было вовлечено так много немцев-эмигрантов. Трудно ожидать объективности и гуманности от людей, которые в результате трагических событий были вынуждены покинуть свою страну. Нюрнберг… Тот, кому довелось побывать там в качестве подследственного, никогда этого не забудет. Пять месяцев одиночного заключения без каких-либо послаблений – с 23 декабря 1945 года! Находясь в таких условиях, на прогулке или в церкви невольно чувствуешь себя словно прокаженный. И плюс ко всему – многочасовые перекрестные допросы в качестве свидетеля по делу Геринга (юристы, глядя на меня, говорили: «Ну вот,

наконец-то для разнообразия нам дали возможность поговорить с классическим свидетелем!»). В моей памяти запечатлелись два эпизода моего выступления в качестве свидетеля. Я давал подробные объяснения, доказывая законность воздушных бомбардировок в первые дни Польской кампании – опираясь на Гаагскую конвенцию о наземных боевых действиях, наше министерство ВВС выработало соответствующие инструкции по применению военно-воздушных сил. Обвинитель, сэр Дэвид Максвелл Файф, завершил свой перекрестный допрос следующим замечанием: «Итак, в нарушение международного права вы допустили нанесение авиаударов по таким-то и таким-то польским городам? »

В зале суда повисла мертвая тишина. «Я дал мои показания как германский офицер, имеющий за плечами более сорока лет службы, как германский фельдмаршал, да еще под присягой! – громко ответил я. – Если к моим словам относятся столь неуважительно, я отказываюсь от дальнейшей дачи показаний».

Возникшую удивленную паузу прервал голос обвинителя: «Я вовсе не хотел вас обидеть».

Позже доктор Латернсер, защитник, захотел прояснить что-то по поводу партизан в Италии. Русский обвинитель, Руденко, мгновенно вскочил на ноги. «Мне кажется, – заявил он, – что данный свидетель меньше всего подходит для того, чтобы говорить на эту тему». (А я мог сказать об этом так много!) И это Руденко, о карьере которого я был достаточно хорошо информирован! Я пожалел о том, что трибунал не имеет столь же обширных персональных сведений. Так или иначе, после длительных дискуссий вне зала суда эта тема была закрыта.

За Нюрнбергом последовал Дахау. Моих товарищей, которых перевозили вместе со мной, предупредили, чтобы они со мной не разговаривали; аналогичное предупреждение было сделано мне. В итоге, когда мы прибыли в Дахау и оказались в «блокгаузе», мне просто пришлось разговаривать с моими сокамерниками, втиснутыми вместе со мной в крохотное помещение, – фельдмаршалами фон Браухичем и Мильхом, государственным секретарем Боле, послом фон Баргеном и войсковым командиром из младшего офицерского состава. Нашим надзирателем был цыган, который проявил чрезвычайный интерес к моим часам. В блокгаузе я восстановил умение осуществлять активную мыслительную работу, стоя при этом совершенно неподвижно.

Когда из-за нашего плохого физического состояния нас перевели в барак и мы получили разрешение свободно передвигаться в пределах огороженной территории, нас несколько приободрил интерес к нашей судьбе, проявленный

заключенными, ранее служившими в СС.

После Дахау был снова Нюрнберг, а затем Лангвассер, где, после короткой встречи с многими находившимися там моими товарищами, меня перевели в забранную толстыми решетками тюремную камеру, в которой я находился вместе со Скорцени. Мое пребывание там имело то неоспоримое преимущество, что в камере мне было достаточно удобно, я получал лучшую американскую еду, а охранники были вполне любезными. Однако вскоре меня перевели в другую камеру, где за мной даже в самые интимные моменты наблюдали три человека – двое с автоматами и один с фонарем. Моя жизнь то и дело радикально менялась. Еще через два дня меня вместе с фельдмаршалами Листом и фон Вайхсом и каким-то младшим офицером посадили в роскошный автомобиль и отвезли в Аллендорф, в расположение американской службы розыска и возвращения культурных и исторических ценностей и произведений искусства. Нас сопровождали офицер и некий джентльмен, любезность которого заставила нас прийти к выводу, что мы находимся с обществе людей нашего круга. Офицеры службы розыска и возвращения культурных и исторических ценностей и произведений искусства, которой руководил блестящий полковник Поттер, пошли на большие хлопоты, чтобы облегчить тяготы нашей арестантской жизни. В Аллендорфе я начал уговаривать многих генералов и офицеров Генерального штаба принять участие в сборе материалов по истории войны. В качестве главного аргумента я указывал на то, что это был наш единственный шанс отдать должное нашим солдатам и в то же время оказать влияние на западных историков в интересах достоверности изложения событий (написание наших воспоминаний было второстепенной целью моих уговоров). Главная трудность, стоявшая перед нами, заключалась в нехватке документальных материалов. Тем не менее, наша работа, на мой взгляд, была полезным вкладом в историческое описание периода войны. Я не могу назвать всех офицеров американской службы розыска и возвращения культурных и исторических ценностей и произведений искусства, которых мне хотелось бы поблагодарить от нашего имени и от имени наших семей за их понимание нашего положения, – их было слишком много. Почти все они без исключения были и поныне остаются послами доброй воли и дружбы.

Осенью 1946 года я провел месяц в Лондоне, в хорошо известной «Кенсингтонской клетке», где властвовал полковник Скотланд. Существуют разные мнения об этом пенитенциарном учреждении, но со мной лично обращались исключительно деликатно. Мои почти ежедневные встречи с полковником

Скотландом сблизили нас и помогли мне оценить его честность и прямоту. (Фактически он предпринял целый ряд шагов, добиваясь моего освобождения.) Когда однажды вечером какой-то надутый надзиратель повел себя оскорбительно в отношении меня, я сообщил об этом полковнику, и после этого даже упомянутый унтер-офицер не допускал со своей стороны никаких нарушений заведенного порядка.

Кстати, мне хотелось бы вкратце привести содержание одной беседы с допрашивавшим меня в тот период офицером «еврейского происхождения. Темой беседы был рост во всем мире антисемитизма, скрытые проявления которого тогда можно было заметить и у многих представителей населения западных государств.

«Вы не поняли, в чем состоит особенность нынешнего времени, – сказал я ему. – Вполне возможно, что вы упускаете уникальную возможность создания для еврейского народа некоего фундамента, который позволит ему занять несокрушимые позиции в мире. У вас есть полное право требовать наказания для тех, кто совершал преступления против евреев, а также возмещения нанесенного ими ущерба. Все немцы, граждане всех стран поймут справедливость этих требований, и к вам потечет помощь со всего мира. Но нельзя в своих действиях руководствоваться жаждой мести – это может иметь фатальные последствия, потому что чревато совершением новых несправедливостей и преступлений».

Мои слова явно произвели впечатление на собеседника:

«Да, – ответил он, – но вы слишком многого требуете от евреев».

«Знаю, – согласился я. – Но разве достижение всеобщего мира не стоит того?»

Преимущество нашего положения в Аллендорфе состояло в том, что нам почти без ограничений позволяли принимать посетителей. Благодаря этому мы смогли отпраздновать Рождество и встретить Новый, 1947 год вместе со своими семьями. Эти посещения имели очень большое значение для наших жен – именно они дали им силы ждать нас в последующие годы.

17 января 1947 года меня через Зальцбург перевезли в Римини, где должен был начаться суд надо мной. Поттер и еще один полковник сопроводили меня до Франкфурта, где передали меня с рук на руки двум очень приятным английским офицерам. Приведу лишь один пример, по которому вполне можно судить, какие путаница и неразбериха царили везде в то время: в Зальцбурге мои сопровождающие и я в течение суток находились

в гостях у одного американца, который проживал в Швейцарии. Ночевали мы на койках, установленных в помещении, которое раньше было конюшней. В Римини нас встретила внушительная группа офицеров. Я с радостью убедился, что в среде военных чувство товарищества не имеет отношения к государственным границам и продолжает существовать даже между победителями и побежденными.

Я всегда радуюсь, когда вижу, что военные зачастую являются лучшими дипломатами и более тонкими политиками, чем те, кто занимается этим профессионально. По иронии судьбы именно военных, которых нередко боятся, на которых клевещут и над которыми насмехаются во всем мире, в трудные моменты возносят на руководящие посты и осыпают почестями. Для того чтобы заметить эту тенденцию, достаточно взглянуть хотя бы на Америку (Маршалл, Эйзенхауэр, Макартур). Не означает ли это, что к военным следует относиться с меньшей враждебностью и предубеждением?

Суд надо мной

Когда в шесть часов утра меня увозили в Венецию, на станцию Венеция-Местре, заключенные, которые все без исключения поддерживали меня, собрались, чтобы меня проводить. Это было очень трогательно. Я пообещал твердо защищать их честь и честь Германии. Поскольку мой адвокат задерживался в связи с некоторыми накладками (в которых, кстати, немцы были нисколько не виноваты), обвинитель хотел открыть заседание без него или возложить обязанности защитника на одного из военных судей, вызванного в качестве свидетеля обвинения. И снова английский офицер вмешался и сказал обвинителю: «Нельзя допускать, чтобы этот судебный процесс с самого начала был превращен в фарс».

Суду надо мной предшествовали процессы над фон Макензеном и Мельцером, состоявшиеся в Риме в ноябре 1946 года. Их обоих, как и меня, обвинили в расстреле 335 итальянцев в Ардеатинских катакомбах неподалеку от Рима 24 марта 1944 года. 30 ноября 1946 года оба были приговорены к смертной казни. Я давал показания на этих процессах от имени своих подчиненных – но в обоих случаях это не помогло.

Суд надо мной в Венеции, в районе Венеция-Местре, продолжался более трех месяцев, с февраля по май 1947 года. Я находился в состоянии огромного напряжения – большего даже, чем в течение тех шести дней, когда я выступал в качестве

свидетеля на процессах в Риме. По окончании процесса, в тот день, когда был оглашен мой смертный приговор, один английский офицер после долгой беседы со мной сказал: «Фельдмаршал, вы не представляете, насколько вы завоевали уважение всех британских офицеров во время этого суда, а в особенности сегодня». Из этого можно сделать вывод, что я держался хорошо. Я ответил: «Майор, если бы я вел себя хоть немного иначе, я был бы недостоин носить звание германского фельдмаршала».

За исключением военного прокурора, весь состав военного трибунала был другим, нежели во время процессов в Риме. Прокурор, единственный юрист, обязанностью которого было консультировать военных судей, не имевших юридического опыта, выполнял ту же функцию на всех других крупных процессах, которые, почти все без исключения, закончились вынесением смертных приговоров. Хотя он любил заканчивать свою заключительную речь словами «Я пребывал в сомнениях», я могу совершенно определенно сказать, что никаких сомнений он не испытывал – его явная предубежденность не давала ему такой возможности. Одна швейцарская газета в то время написала о нем, что он «второй и самый лучший обвинитель».

Состав суда не соответствовал международным нормам. Кроме одного генерала (Хаквел-Смит), в него входили четверо британских полковников. В ходе второй части процесса председателю, судя по всему, понравилась его роль темпераментного обвинителя; когда мне задавали вопросы, он относился к моим ответам без должного внимания. Полковник Скотланд, выражая свое мнение о процессе, высказался в том смысле, что все здравомыслящие люди в Великобритании и в Германии должны вынести свой собственный приговор по итогам двух последних судов, которые можно назвать худшими из всех, когда-либо созывавшихся по приказу его величества…

А теперь перейду к юридической стороне дела. Предъявленное мне обвинительное заключение включало в себя два пункта. По первому пункту меня обвиняли в соучастии в убийстве 335 итальянцев, о чем я уже упоминал; по второму – в том, что два моих приказа, адресованных подчиненным мне войскам, стали причиной убийств мирных граждан в ходе карательных акций, предпринятых в нарушение законов и обычаев наземной войны. В обвинении утверждалось, что результатом этих приказов стала гибель 1087 итальянцев. К тексту обвинительного заключения, короткому и весьма зловещему, прилагались данные под присягой показания свидетелей – и больше ничего.

Подводя итог процесса, военный прокурор посоветовал судьям оправдать меня при условии, что они согласны с тем, что ответственность за все репрессии и карательные акции была переложена с вооруженных сил на СД (службу безопасности СС). Это, как мне кажется, сыграло ключевую роль в решении по первому пункту. Из текста приговора – «Виновен. Смерть через расстрел» – я делаю вывод, что суд счел приведенный выше тезис недоказанным. Тем не менее, мой начальник штаба, офицеры оперативного отдела и разведки – как впоследствии подтвердил чиновник, который вел официальную ежедневную летопись войны с германской стороны, – под присягой показали, что в соответствии с ясным и совершенно определенным приказом Гитлера все карательные акции были возложены на СД (в ходе процесса это подтвердил даже руководитель СД).

Почему же тогда, невзирая на эти показания, меня признали виновным? Остается предположить, что данные под присягой свидетельские показания моих офицеров были признаны недостойными доверия. Это было совершенно непонятно. В конце концов я сказал самому себе, что, по-видимому, все объяснется разницей в интерпретации понятия «присяга». Со временем я стал все больше склоняться к мысли, что в судебной практике, характерной для западных государств альянса, процедура приведения к присяге служит не средством получения правдивых показаний, а инструментом давления, который используется для того, чтобы выжать как можно больше показаний, не слишком заботясь об их правдивости.

В соответствии с международно признанным принципом, действующим, в частности, и в британских судах и заключающимся в том, что сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого, у меня были все основания предполагать, что суд сочтет обвинения сомнительными. Мне казалось крайне маловероятным, что меня могут признать виновным.

Из хода судебного разбирательства можно сделать вывод (никто даже не пытался обосновать приговор), что адресованное суду замечание военного прокурора по поводу ответственности за репрессии было учтено и что репрессии были признаны законными. Кроме того, суд должен был признать доказанным, что фон Макензен и я не разрешали применять массовые репрессии под свою ответственность (приказ Гитлера нас от этой ответственности освободил), а, наоборот, пытались добиться эффекта устрашения, казнив тех, кто подлежал смертной казни в соответствии с нормами международного права. Подобную попытку намеренно ослушаться приказов Гитлера суд должен был расценить по крайней мере как искреннее стремление проявить

гуманность.

Указ Гитлера предусматривал казнь десяти заложников за каждого убитого германского военнослужащего и назначал исполнителем репрессий СД. Тем самым с вооруженных сил снималась всякая ответственность, относящаяся к этой области. Судя по всему, суд не пришел к единому мнению по поводу осуществления карательных акций в упомянутых масштабах и пропорциях, но, проигнорировав наши усилия, предпринятые с целью их сокращения, так или иначе счел эти масштабы и пропорции превышающими допустимые. Это тем более удивительно, что, как хорошо известно и доказано, командиры войск альянса прибегали к еще более суровым карательным акциям в ситуациях, когда, как в случае с Римом, никакой критической с военной точки зрения или экстренной обстановки не существовало. Я воздержусь от высказывания своего мнения по поводу того, были ли оправданными масштабы и пропорции репрессий, применявшиеся командирами войск противника, поскольку принято считать, что вопрос об этих репрессиях, который я подробно затрагивал в главе 21, является спорным. В любом случае, по прошествии ряда лет трудно высказывать суждения о событиях, имевших место в прошлом, и рассуждать о том, что было правильно, а что нет, не зная атмосферы, существовавшей в тот период, когда эти события происходили. Было бы неплохо, если бы судившие меня представители победившей стороны приняли это во внимание. Тот факт, что итальянский трибунал, то есть суд, сформированный из представителей нации, в наибольшей степени пострадавшей от упоминавшихся выше расстрелов, вынес оправдательный приговор по аналогичному делу в отношении Капплера, члена СД, вполне мог оказать влияние на британских судей. Я до сих пор считаю, что они пытались компенсировать то, что показалось им ошибкой правосудия.

Рассуждая обо всем этом, не следует забывать, что поводом для репрессий было уничтожение группы полицейских, пожилых, уважаемых тирольцев, выполнявших свой каждодневный долг по защите итальянского населения, и многочисленные расправы над местными жителями, спокойно занимавшимися своими делами. И то и другое было делом рук итальянских коммунистов, преследовавших свои подрывные цели под прикрытием патриотических лозунгов. Такое происходило и раньше. В связи с тем что подобные убийства случались и до этого, жители итальянской столицы были предупреждены посредством объявлений и при помощи церкви о последствиях, которые повлекут за собой новые террористические акты, – это тоже

следовало бы принять во внимание.

Один мой английский друг сказал мне, что, по мнению суда, я превысил свои полномочия, но это в любом случае не может иметь никакого отношения к случаю с расстрелом в катакомбах, поскольку я доказал суду, что вооруженные силы никоим образом не могли контролировать действия СД. Однако спорить по данному вопросу не имеет смысла.

Как я уже отмечал, мы с фон Макензеном сделали все, что могли, для предотвращения репрессий, но британский трибунал не принял это во внимание. С другой стороны, 5-й американский военный трибунал в Нюрнберге четко проявил в этом вопросе большее понимание и сформулировал свое отношение к нему таким образом:

«Для того чтобы избежать юридической и моральной ответственности за подобные акты, достаточно будет доказать, что во всех случаях, когда предоставлялась возможность проигнорировать подобные преступные приказы, они не выполнялись».

Фон Макензена, Мельцера и меня приговорили к смертной казни из-за того, что нам не удалось «спустить на тормозах» один из подобных приказов Гитлера, в чем нас никоим образом нельзя было винить, потому что в том, что касалось репрессий, мы были лишены каких-либо полномочий.

В этих обстоятельствах то, что суд опирался на сомнительное обвинительное заключение, лишь подчеркивает тот факт, что это был не судебный процесс, а пародия на правосудие.

Что касается пункта 2 обвинительного заключения, то в главе 21 я со всей возможной объективностью описал процессы формирования и роста итальянских партизанских отрядов, применявшиеся ими методы и т. п., а также характер контрмер с германской стороны, которые как нельзя лучше раскрывают мое принципиальное отношение ко всем вопросам, связанным с партизанской войной. В качестве дополнения приведу фразу из письма, написанного мной в конце 1945 года и адресованного де Гаспери, итальянскому премьер-министру. Ввиду того что я подвергся новым Ъ1 совершенно неоправданным нападкам, в упомянутом письме я обратился к нему с просьбой воспользоваться своим высоким положением и предать гласности правдивые факты:

«… Я сочувствую горю итальянских отцов и матерей в связи со смертью их сыновей. В знак уважения к их горю я склоняю голову перед ними и перед всеми теми, кто погиб за свою страну, не будучи орудием в руках чуждых ей коммунистических элементов. Но разве эти мужчины и женщины не верят в то, что

немецкие матери и отцы тоже испытывают боль, узнав о том, что их дети попали в засаду и были застрелены в спину или зверски замучены до смерти в плену? Разве они не понимают, что моим долгом было защищать от такой судьбы моих солдат?..» Основанием для пункта 2 обвинительного заключения были приказы, изданные мной 17 июня, 1 июля, 15 августа и 24 сентября 1944 года. Я говорю только о тех пунктах обвинительного заключения, которые присутствовали в заключительном выступлении обвинителя.

«Борьба против партизанских отрядов должна осуществляться всеми доступными средствами и с максимальной суровостью. Я окажу поддержку любому командиру, который в выборе этих средств и степени суровости выйдет за границы нашей обычной сдержанности» (из приказа от 17 июня).

В первом английском переводе вместо слова «средства» фигурировало слово «методы»; при таком варианте может показаться, что текст приказа свидетельствует о справедливости предъявленных мне обвинений. Интересно, что во время судебного процесса над генералом СС Симоном, проходившего в Падуе уже после суда надо мной, обвинитель, который на моем процессе выступал в роли помощника обвинителя, снова употребил слово «методы». Было ли правомерным использование этого неверного перевода?

«В данном случае действует старый принцип, в соответствии с которым совершить ошибку в выборе средств для достижения цели лучше, чем ничего не предпринять и проявить халатность. Партизанские отряды необходимо атаковать и уничтожать».

Эта выдержка является ясной директивой; она была адресована всем командирам вплоть до дивизионных, которым в особых случаях подчас приходилось издавать свои приказы, выдержанные в духе вышеупомянутого секретного документа. Целью моего приказа от 17 июня, как и последующих, было не допустить, чтобы боевые действия с обеих сторон превратились в хаос, и обязать командиров обратить внимание на проблему партизанской войны, которой многие не придавали значения; другими словами, я старался внушить своим подчиненным, что борьба с партизанами имеет не меньшее значение, чем боевые действия на фронте, и санкционировал применение всех мер, необходимых для того, чтобы с ней покончить.

Суд счел, что слова «я окажу поддержку любому командиру» и так далее могут быть истолкованы как намерение поддержать любые репрессии. Однако тот очевидный факт, что этот приказ не имеет никакого отношения к репрессиям как таковым, ясно указывает, что все обстояло иначе.

Мой приказ от 1 июля 1944 года, в отличие от приказа, изданного мной 17 июня, является чисто боевым; в то же время его пункты Ь и с содержат принципы применения репрессий – избежать рассмотрения этого вопроса было невозможно: «а) В моем обращении к итальянцам я объявил тотальную войну партизанам. Это заявление не должно остаться пустой угрозой. Я обязываю всех солдат и представителей военной полиции в случае необходимости применять самые суровые меры. За любым актом насилия со стороны партизанских отрядов должно немедленно следовать возмездие. b) В районах, где партизаны появляются в значительном количестве, определенный процент местных жителей мужского пола, который должен определяться особо, следует арестовывать и в случае совершения партизанами актов насилия расстреливать. с) Населенные пункты, в которых происходят нападения на наших солдат и т. п., должны сжигаться. Непосредственные участники и зачинщики этих нападений должны подвергаться публичной казни через повешение».

Этот приказ был моим ответом на переданный по радио призыв фельдмаршалов Бадольо и Александера убивать немцев и активизировать партизанскую войну. Я считаю, что обвинения, касающиеся пункта Ь, никогда не были бы выдвинуты против меня, если бы британские власти, которые составляли мое обвинительное заключение, были знакомы с содержанием статьи 358 (5 американских «Правил наземной войны». Вот что в ней сказано:

«Заложники, арестованные и удерживаемые с целью использования их в качестве средства для предотвращения незаконных действий со стороны вооруженных сил противника или населения, могут подвергаться наказаниям или смертной казни, если упомянутые незаконные действия все же совершаются».

Более того, американская правовая концепция позволяет даже казнить на месте – то есть без суда и следствия – партизан и мятежников. У меня, однако, не возникало необходимости использовать это право, поскольку не было ни одного доказанного случая, когда участников партизанских отрядов казнили бы после окончания боевых действий без предварительного вынесения приговора военным судом. То, что мои обвинители пытались доказать обратное исходя из моего приказа от 24 сентября (там сказано: «Далее я приказываю в будущем проводить заседания военных судов немедленно, прямо на месте…»), просто непостижимо, поскольку, как было указано во время процесса и подтверждено доказательствами, в приведенной фразе главными являются слова «немедленно,

прямо на месте». Они вовсе не означают, что военные суды сначала нужно было созывать, а уж потом ждать от них каких-то решений, – они всегда были, что называется, под рукой; эти слова скорее должны были напомнить солдатам, что существуют законные средства для наказания за нарушение международного права и что их только нужно умело применять. Если мои обвинители придерживались мнения, что мои приказы являлись подстрекательством к «террору по отношению к мирному населению Италии», то на это следует возразить, что «мирное население» или «женщины и дети» в моих приказах нигде не упоминаются и, следовательно, не имелись в виду. Все командующие армиями и группами армий и командиры дивизий, чье местонахождение было известно на момент начала моего процесса, сделали устные заявления под присягой или прислали письменные заявления о том, что они никогда не понимали моих приказов в том ключе, в каком трактовало их обвинение. Только один представитель командования, содержавшийся в Кенсингтонской тюрьме в Лондоне, под влиянием стресса, явлвшегося вполне естественным следствием пребывания в заключении, высказал критические замечания по поводу моих приказов; однако это было сделано не под присягой. Будучи вызванным в суд в качестве добровольного свидетеля, он после приведения его к присяге отказался от своих показаний. Однако трибунал решил не принимать это во внимание. Попробую дать более подробные разъяснения на этот счет.

В моем приказе говорилось: «Я окажу поддержку любому командиру, который в выборе этих средств и степени суровости выйдет за границы нашей обычной сдержанности».

Свидетель запомнил эту фразу так: «Я окажу поддержку любому командиру, который в выборе этих средств и степени суровости далеко выйдет за пределы санкционированных мер». Вторая формулировка может вызвать вполне обоснованные претензии, но в моем приказе ее не было. Даже если бы обвинение попыталось опереться на другие письменные и устные показания свидетелей, данные не под присягой, такие замечания упомянутого свидетеля, как «этот приказ подвергает войска большой опасности» или «приказы фельдмаршала дали войскам слишком большую свободу», не могут считаться подтверждением того, что с моей стороны имело место подстрекательство к террору по отношению к мирному населению. Кроме того, суду должно было быть известно из показаний начальника штаба, служившего под началом командующего армией, о котором идет речь, что никакой угрозы боевому духу наших войск в действительности не существовало.

Кажется немыслимым, что после того, как вопрос о показаниях этого представителя германского командования окончательно прояснился, суд все же решил опереться на письменное заявление, сделанное упомянутым свидетелем в Лондоне. И тем не менее это было именно так! Заключительная часть моего приказа от 1 июля звучит так: «Грабежи и мародерство в любой форме запрещены и будут сурово наказываться. Меры наказания должны быть жесткими, но справедливыми. Этого требует доброе имя немецкого солдата».

Этих слов, которые ясно раскрывают истинный дух моих приказов, вполне достаточно для того, чтобы опровергнуть приговор трибунала.

Мои приказы от 21 августа и 24 сентября могли убедить даже самых предвзятых судей в том, что ни о каком терроре речи не шло. Вот выдержка из приказа от 21 августа:

«За последние недели в ходе крупных операций против партизан произошли инциденты, которые наносят серьезный вред доброму имени немецкого солдата и дисциплине германских вооруженных сил и которые не имеют никакого отношения к осуществлению ответных мер против незаконных вооруженных формирований.

Поскольку борьба против партизанских отрядов должна проводиться с использованием самых суровых мер, в отдельных случаях при этом могут пострадать невинные люди. Если, однако, крупная противопартизанская операция в том или ином районе вместо восстановления порядка приведет лишь к еще более серьезным волнениям среди населения, а также создаст серьезные проблемы со снабжением продовольствием, в решении которых в конечном итоге приходится принимать участие германским вооруженным силам, то это будет свидетельством того, что операция была проведена неправильно и должна рассматриваться не иначе как грабеж.

Сам дуче в своем письме, адресованном доктору Рану, нашему послу, представляющему интересы Германии перед итальянским правительством, с горечью жаловался на то, каким образом проводились многие операции против партизанских отрядов, и на репрессивные меры, от которых в конечном итоге страдали не столько бандиты, сколько население.

Последствия подобных действий очень серьезно подорвали доверие к германским вооруженным силам, тем самым увеличив число наших врагов и оказав помощь вражеской пропаганде».

А вот отрывок из моего приказа от 24 сентября 1944 года:

«Дуче снова передал мне письменные заявления о действиях военнослужащих наших частей, дислоцирующихся в Италии,

против населения; эти действия противоречат моей директиве от 21 августа 1944 года; эти действия являются возмутительными и способствуют переходу добропорядочных и энергичных представителей местного населения в лагерь нашего противника или партизан. Я больше не намерен смотреть сквозь пальцы на подобное поведение, прекрасно осознавая, что в результате подобных безобразий страдают невинные.

Жалобы дуче передаются на рассмотрение представителям высшего командования; генералу, в районе ответственности которого произошли упомянутые выше случаи, предложено расследовать наиболее вопиющие из них и доложить о результатах расследования мне, а также передать материалы расследования для принятия окончательного решения по ним командирам соответствующих частей. Эти офицеры также доложат мне о принятых мерах». В отношении этих приказов очень важным моментом является то, что официальные расследования, проведенные в то время, не подтвердили вины немецких солдат. Более того, я дал суду подтвержденные доказательствами показания о том, что я расследовал все сообщения о допущенных моими войсками нарушениях, и в случаях, когда эти сообщения подтверждались, отдавал распоряжения предать виновных суду. Если усматривать в приказе от 21 августа признание в подстрекательстве к террору, якобы присутствовавшем в приказах от 17 июня и 1 июля, то это означало бы, что я отдал преступные приказы только для того, чтобы другим своим приказом, изданным вскоре после этого, возложить всю ответственность за преступления, совершенные моими подчиненными, на них же. Это плохо вяжется с моей репутацией человека, проявляющего чрезмерную щепетильность и предпочитающего брать всю ответственность на себя. Кроме того, если все действительно обстояло именно так, мне вряд ли удалось бы остаться «популярным» командующим, которому его бывшие подчиненные остаются преданными даже сегодня. Факт состоит в том, что упомянутое обвинение никоим образом не было доказано. Даже по тем случаям, в отношении которых я признавал возможность нарушения моими войсками международного права, итальянский военный суд вынес оправдательный приговор.

Несколько слов о письменных показаниях под присягой. Они давались в отсутствие лица, облеченного полномочиями приведения свидетелей к присяге; к тому же все это происходило через несколько лет после событий, которые являлись объектом расследования; и, наконец, эти показания составлялись на основе заявлений многих людей, количество которых иной раз доходило

до сотни, причем на этих людей могли оказывать давление партизаны и коммунисты. Расследования, предпринятые на этот счет итальянцами, показали, что в большинстве случаев показания таких свидетелей были либо недостоверными, либо сильно преувеличенными; следовательно, эти показания нельзя было использовать как улики. Выяснилось, что нарушения, ставшие объектом расследования, частично были на совести фашистских организаций, таких, например, как «Бригата Нера» (Вгц»а1а Мега), либо итальянских уголовников, переодетых в германскую военную форму. Английский следователь подтвердил это в петиции, которую он представил в суд от моего имени и в которой, ввиду своей глубокой осведомленности о методах, применявшихся немцами во время войны в Италии, настаивал не только на освобождении фон Макен-сена, Мельцера и меня из тюрьмы, но и на нашем помиловании.

Необходимо также отметить, что все немецкие и итальянские свидетели, выступавшие в мою защиту, по всей видимости, были признаны «недостойными доверия», в то время как сказки свидетелей-итальянцев и письменные заявления британцев, на которые опиралось обвинение, – «достойными» такового. Нас, подсудимых, воспитанных в духе немецкой концепции правосудия, в очередной раз поразило то, что правило, в соответствии с которым сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого, не было соблюдено, в результате чего суд вынес приговор «смерть через расстрел».

Четверо моих адвокатов – доктор Латернсер, доктор Фрогвейн, доктор Шутце и профессор Швинге – до суда просто отказывались верить в возможность признания меня виновным. Позже, когда военный прокурор объявил, что я признан виновным по двум пунктам обвинительного заключения, они заверяли меня, что речь может идти лишь о весьма мягком наказании. Они твердо придерживались этой точки зрения, несмотря на то что я был уверен в обратном. Соответственно, когда меня по обоим пунктам приговорили к смертной казни, я утешал их, а не они меня. Такова правда, и я пишу об этом потому, что, на мой взгляд, мои воспоминания проливают свет на ход судебного процесса. Впрочем, исход всех судебных процессов, касающихся военных преступлений, говорит оˆтом, что нет смысла высказывать критические замечания по поводу процессуальных нарушений со стороны держав-победительниц.

Вечером того самого дня, когда был оглашен приговор, я написал следующее письмо:

«6 мая 1947 года. Фатальный день позади. Я предвидел такой исход – не потому, что считал свои действия незаконными, а

потому, что сомневался в способности людей руководствоваться чувством справедливости. Моя защита и многие другие считали такой приговор невозможным. По их мнению, меня должны были оправдать, даже если моя совесть была не совсем чиста. Но приговор мог быть только один – тот, который был оглашен. Потому что

1) суду надо мной предшествовал судебный процесс в Риме, и военный прокурор изо всех сил боролся за то, чтобы он был использован в качестве прецедента;

2) партизанская война, которая до сих пор прославляется и возвеличивается, не могла быть квалифицирована как преступная деятельность и войти в историю как таковая; и, наконец,

3) германскому офицерству, а вместе с ним и всем представителям военной профессии в Германии хотели нанести смертельный удар».

Сегодня западные государства закрывают глаза на тот факт, что тем самым они нанесли удар по собственному будущему. Я невольно вспоминаю разговор в Нюрнберге, в ходе которого мой хорошо информированный знакомый сказал мне: «Вас в любом случае так или иначе ликвидируют. Вы слишком заметная, слишком популярная фигура. Вам грозит опасность».

Это замечание открыло мне глаза на мою миссию, которая состоит в том, чтобы показать, что мы вели себя достойно. Мое личное поведение определялось моим именем, званием и тем уважением, с которым относился ко мне немецкий народ. Я старался соответствовать тем высоким требованиям, которые ко мне предъявлялись, и, с Божьей помощью, достойно снесу любую, даже самую тяжкую долю, которая мне выпадет. О себе я могу сказать, что в течение всей своей жизни я руководствовался лучшими побуждениями; и если мне не всегда удавалось достичь поставленных целей, пусть меня судят те, кто никогда не совершал ошибок. Человека, уважающего самого себя, не может смутить осуждение фарисеев. Моя жизнь была полной, потому что в ней было много работы, забот и ответственности. То, что она заканчивается страданиями, – не моя вина. Но если в нынешнем положении я все еще нужен моим товарищам, - если люди, пользующиеся всеобщим уважением, все еще рады возможности пообщаться со мной, то это говорит о многом. Если ко мне с уважением относятся даже мои бывшие враги, если при упоминании о вынесенном мне приговоре люди пораженно качают головой, это тоже много значит. Если итальянцы заявляют, что меня нужно было не предавать суду, а наградить четырьмя золотыми медалями, это свидетельствует о том, что они стараются подняться выше мстительного чувства, характерного

для сегодняшнего дня.

В 1950-м и 1951 годах баварский суд по делам денацификации, рассматривавший те же события и опиравшийся на те же материалы, что и суд в Венеции, вынес по моему делу приговор «непричастен». Хотя я, не говоря уже о британцах, усмотрел в этом нарушение принципа пе Ыз т Шет, я все же испытал чувство благодарности за подобную ясно выраженную критику в отношении вердикта, вынесенного трибуналом.

Я уже упоминал в этой главе о том, что трибунал должен был по крайней мере усомниться в обоснованности занятой им позиции. В соответствии с общепринятой международной практикой, он должен был подробно изучить мою деятельность в целом – по мнению моей защиты, уже одно это могло привести к вынесению мне оправдательного приговора. Так вот, я должен категорически заявить, что военный прокурор, который до этого тщательно фиксировал каждое слово, произносившееся в зале суда, со скучающим видом отложил свою авторучку, когда шел допрос свидетелей по вопросам, которым посвящен следующий раздел данной главы, и тем самым продемонстрировал явное отсутствие интереса к их показаниям.

Как ни тяжело мне привлекать всеобщее внимание к своим действиям, я уверен, что обязан вынести на всеобщий суд нечто, что уже стало историей. Сколько бы выдающихся людей ни оспаривало право называться первым из тех, кто стал предпринимать шаги, о которых я хочу поговорить, факт остается фактом: я, и только я был вынужден взять на себя ответственность за принятые мной весьма необычные решения. Я думаю, что будет правильным достаточно подробно осветить этот вопрос, потому что считаю, что Немецкий народ и другие народы западного мира должны знать: несмотря на все кровавые события, имевшие место во время Второй мировой войны, германские солдаты руководствовались гуманными, культурными и экономическими соображениями в такой степени, которая редко бывает возможной во время военных конфликтов подобного масштаба.

Меры по защите населения Италии и ее культурного наследия

Занимая должность командующего Южным фронтом, я не допустил планировавшейся эвакуации миллионного населения Рима. В отличие от войны 1914-1918 годов, в ходе которой население городов, вблизи которых проходила линия фронта, обычно эвакуировали на добровольной или принудительной

основе, население Рима, хотя линия фронта была всего в двадцати километрах от города, выросло почти в полтора раза. Эвакуация, даже если бы она ограничилась определенными категориями жителей столицы, учитывая стратегию авиации противника, дефицит транспорта и трудности с продовольствием, наверняка привела бы к гибели сотен тысяч людей.

По приказу Гиммлера еврейская община города подлежала депортации в неизвестном направлении. Я лично сделал выполнение этого приказа невозможным. То, что сегодня я все еще остаюсь пригвожденным к позорному столбу как обыкновенный убийца и преступник, свидетельствует о том, что римская еврейская община плохо разбирается в людях.

Мне также удалось предотвратить эвакуацию других густонаселенных городов и поселков с помощью мер, изложенных ниже.

Итальянская администрация, испытывавшая проблемы с транспортом и другие трудности, была не в состоянии прокормить население центральных районов страны. Даже помощь, оказывавшаяся ей германскими службами снабжения, не могла серьезно изменить ситуацию в лучшую сторону. Наша заслуга состоит в том, что мы сумели наладить четкое снабжение населения продуктами питания, помогали провизией со своих складов и транспортом (железнодорожными вагонами и грузовиками). Таким образом, мы помогали итальянцам, рискуя лишить наших солдат на фронте того немногого, что они имели. Кроме того, я приказал считать порт Сивитавеччия нейтральным, а также отдал приказ о том, чтобы Красному Кресту была предоставлена возможность использовать его для своих нужд. При всей ограниченности его ресурсов итальянцам оказывал помощь и Ватикан. Хотя каждый грузовик, передвигавшийся по дорогам между Северной Италией и Римом, имел ясные опознавательные знаки Красного Креста, сообщение между столицей и северными районами страны было весьма затруднено из-за налетов авиации противника.

Любой человек, который бывал в Риме во время войны, знает, как часто германские технические войска занимались ремонтом магистральных водопроводных артерий, поврежденных в результате вражеских бомбардировок. И каждый итальянец должен знать, что система водоснабжения и другие важные объекты городского хозяйства столицы даже после отхода германских войск остались нетронутыми, поскольку мы воздержались от подрыва мостов и других сооружений, рискуя оказаться в невыгодном с военной точки зрения положении.

Наконец, необходимо отметить, что потери от налетов

авиации противника на густонаселенные города и поселки были не слишком большими благодаря усилиям немецкой стороны, оказывавшей помощь итальянцам людьми, оружием и военным снаряжением.

С сентября 1943 года германская сторона начала принимать меры по защите церквей и итальянских объектов культуры. Эти меры осуществлялись ею практически без чьей-либо помощи, по просьбе деятелей местной церкви и итальянского министерства образования. Эта работа со временем приобрела такие масштабы, что при моем штабе пришлось создать специальный отдел по сохранению произведений искусства под руководством доктора Хагемана. Инструкции, касавшиеся мер по сохранению шедевров искусства, включали в себя столь разнообразные мероприятия, что большинство их приходилось согласовывать с оперативным отделом штаба на предмет их осуществимости.

Работы по вывозу культурных ценностей в безопасные места были разделены на несколько этапов. Их особенности зависели от характера местности и от того, насколько велика была угроза авианалетов противника. Однако даже при этом осуществление этих работ было связано с большими трудностями, и со временем нам пришлось использовать для их выполнения самые разные средства. Я ограничусь рассказом о том, что было сделано в этом отношении командованием Южного фронта.

Самой простой мерой было закрытие доступа к местам нахождения культурных ценностей в городах и в сельской местности путем установления соответствующих табличек с моей подписью. Я расписался на сотнях таких табличек и могу сказать, что мне ни разу не докладывали о случаях нарушения данного запрета. Произведения искусства, архивы и библиотеки вывозились из замков, церквей и прочих подобных сооружений туда, где им ничто не угрожало, – разумеется, когда для этого имелся транспорт. К примеру, всемирно известные шедевры искусства из монастыря в Монте-Кассино были вывезены в Орвьето танковой дивизией «Герман Геринг» и впоследствии по моему приказу переданы Ватикану для хранения в итальянской столице. О множестве других произведений искусства, спасенных непосредственно германскими войсками и переданных Ватикану, я уже не говорю.

Вторая задача состояла в том, чтобы вывезти сокровища флорентийского искусства на укромные виллы, разбросанные неподалеку от Флоренции, а оттуда, когда над ними вновь нависла угроза (достаточно вспомнить о случаях с монастырями Камальдоли и Сент-Эрено), в Южный Тироль. Вилла Медичи с ее ценнейшими работами флорентийских мастеров, расположенная

в Поджо-а-Кай-ано, неподалеку от Флоренции, была по моему приказу исключена из созданного в тех местах оборонительного района. Произведения искусства, временно складированные в Марцаботте, в конце концов были перевезены для хранения в Феррару. В итоге недостаток транспортных средств вынудил нас оставлять культурные ценности там, где они находились изначально, но в этих случаях их помещали в укрытия, надежно защищавшие их от бомбардировок. Это делалось во всех случаях, когда тот или иной город невозможно было объявить «открытым» или «санитарным». В эту категорию попала даже Верона – в силу того, что она, будучи крупным транспортным узлом, притягивала к себе авиацию противника.

Города, представлявшие интерес в культурном отношении и являвшиеся традиционными католическими центрами, исключались из зоны боевых действий как «санитарные». Противник уведомлялся об этом – обычно это делалось через Ватикан. Объявление города «санитарным» предусматривало вывод из него всех военных учреждений, за исключением тех, которые были связаны с медицинской службой. Так было сделано, к примеру, в Аньяни, Тиволи, Сиене (позже ее объявили «открытым» городом), Ассизи, куда были свезены наиболее ценные произведения искусства из Умбрии, а затем и в Мерано.

Существовали определенные трудности военного и дипломатического характера, мешавшие полному осуществлению режима открытых городов. Мы пытались ввести такой режим во многих местах, но не всегда наши усилия приводили к успеху. Иногда мы вынуждены были прибегать к таким методам, как объявление того или иного города «нейтральным» или «демилитаризованным». В обоих случаях это означало эвакуацию всех войск и военных учреждений, введение запрета на вход туда для всех военнослужащих, а также окружение города кордонами военной полиции, которая блокировала ведущие в него дороги и отправляла автомобильный транспорт в объезд. Само собой разумеется, что эти меры не всегда с одобрением воспринимались в войсках и нередко создавали основания для возникновения у командного состава серьезных опасений по поводу возможных военных последствий таких шагов. Ярким примером может служить Рим; Кавальеро и Бадольо уже объявили его открытым городом, а я подтвердил этот статус итальянской столицы как командующий Юго-Западным фронтом и твердо соблюдал условие, предусматривавшее полное отсутствие в нем каких-либо войск. Приказы, запрещавшие оборону средневековых городов, таких, как Орвьето, Перуджа, Урбино или Сиена, заставляли нас идти на дальнейшую демилитаризацию. Флоренция с ее

уникальными культурными сокровищами была объявлена открытым городом еще в феврале 1944 года. Я не мог удовлетворить просьбу представителей высшего духовенства отказаться от обороны этого города, поскольку противник ни за что не пошел бы на равноценные уступки военного характера, и потому дорога, шедшая через город, была блокирована путем подрыва целого ряда сооружений, среди которых, к сожалению, оказались и замечательные мосты через Арно.

Знаменитые культурные памятники Пизы были спасены от разрушения благодаря своевременному выводу оттуда наших войск.

Сан-Марино, как и Сиена, с тактической точки зрения представлял собой центральный пункт важной линии обороны. Тот факт, что, несмотря на это, я объявил его открытым городом, может служить примером моей уступчивости. В северной части Италии такие города, как Парма с ее замечательным театром, расположенным в Палаццо-делла-Пилотта, Реджо, Модена и Болонья, были «нейтрализованы» в июле 1944 года. В то время Болонья была ключевым пунктом нашей обороны. Петиции от местного мэра и архиепископа с просьбами объявить город «открытым» были благожелательно рассмотрены, после чего мы приняли целый ряд мер по обеспечению безопасности Болоньи. Фактически боев за исторический центр города не было, что следует поставить в заслугу генералу фон Зенгеру унд Эттерлину, командующему 14-м танковым корпусом. Равенна была объявлена демилитаризованной, и наши войска оставили ее без сопротивления. Венеция была выбрана в качестве сборного пункта, куда свозились произведения искусства из всей Восточной Италии. Несмотря на сопротивление представителей военно-морских сил, вопрос о ее сохранении был решен положительно.

Выведя все войска из Виченцы и пустив в обход нее весь транспорт, мы практически превратили ее в нейтральный город. Падуя также была полностью демилитаризована по просьбе местного епископа, что позволило сохранить часовню Джотто и многие другие здания, представляющие историческую и архитектурную ценность.

Точно так же благодаря моему личному приказу был спасен от разрушения монастырь в Сертоза-ди-Павиа к югу от Милана.

Думаю, что этих нескольких примеров деятельности командующего Юго-Западным фронтом достаточно для того, чтобы показать, что германские вооруженные силы делали все, что возможно, для защиты объектов итальянской древней культуры. Те, кто незнаком с Италией, вероятно, не смогут

представить подлинный масштаб наших усилий. Однако они смогут лучше оценить его, если сравнят перечисленные выше итальянские города, которым был нанесен либо небольшой, либо вообще никакого ущерба, и немецкие города, такие, как Вюрцбург, Нюрнберг, Фрайбург, Дрезден и многие другие. Это сравнение дает повод задуматься людям во многих странах.

Во время войны я получал множество благодарственных писем от представителей церкви и гражданских властей. Я хотел бы процитировал лишь одно из них, присланное мне архиепископом города Чьети:

«В течение восьми месяцев мы, жители Чьети, находились всего в семи километрах от линии фронта, на которой действовали германские войска. Все это время германские командиры не причиняли нам никаких неприятностей. Особенно это относится к фельдмаршалу Кессельрингу и подчиненным ему генералам. Наоборот, когда встал вопрос о спасении города Чьети и всего, что можно было спасти, они, и в особенности фельдмаршал Кессельринг, оказывали мне поддержку и помогали всеми возможными способами, насколько это позволяла ситуация на фронте…

Подводя итог, я должен со всей ответственностью заявить, не боясь при этом впасть в противоречие, что действия и поведение фельдмаршала Кессельринга заслуживают всяческого общественного одобрения. Такого же мнения придерживаются остальные священнослужители города и, насколько мне известно, все благонамеренные жители Чьети. Мы благодарим фельдмаршала Кессель-ринга за то, что посреди всеобщей разрухи наш город уцелел. Я приношу особую благодарность генералам Гюнте-ру, Бааде, Фюрштайну и Мельцеру за их добрые дела, сделанные по отношению к нашему городу под руководством фельдмаршала Кессельринга. Мы всегда будем славить их имена и имя фельдмаршала.

Дорогой доктор Латернсер (мой защитник на суде. – Примеч. авт.), написав это письмо, я выполнил долг своей совести как архиепископ и очень рад, что смог внести свою скромную лепту в доказательство невиновности фельдмаршала Кессельринга. Заканчивая это послание, я возношу молитвы Всевышнему, дабы он внес просветление в умы судей и они смогли вынести свой вердикт в соответствии со справедливостью».

После суда надо мной

Я ехал из Венеции в Вольфсберг, расположенный в Каринтии,

в том же поезде, что и офицеры, привлекавшиеся в качестве свидетелей по моему делу, но отдельно от них. Мои товарищи были очень подавленными. Британский комендант Вольфсберга, однако, проявил по отношению ко мне понимание и предупредительность; он обращался со мной, а также с фон Макензеном и Мельцером как с честными солдатами. Я благодарен ему, а также офицерам и унтер-офицерам лагеря – их доброе отношение сделало мое пребывание в «бункере» терпимым. Было лишь одно исключение – некий капитан американской армии. Это был беженец из Австрии, человек с каменным сердцем, полным ненависти и желания отомстить. Ему было все равно, кто перед ним – виновный или невиновный. Год спустя я узнал, что его постигло возмездие и он оказался там же, где и те несчастные, которых он всячески притеснял. Так или иначе, я всегда буду помнить немецкого капеллана Грубера, который был настоящим пастырем душ в самом лучшем смысле этого слова.

Вот моя беседа с одним лейтенантом, работавшим в администрации лагеря. Я: «Не понимаю, как Британия и Соединенные Штаты могут полностью разоружиться».

Он: «Экономические причины делают это неизбежным».

Я: «В таком случае, если им придется вооружаться вновь, чтобы предотвратить катастрофу – а я уверен, что так и случится, – то это будет невеселое пробуждение».

Он: «Да, это будет крайне неприятно».

Разве во имя блага всего мира этого нельзя было избежать? Я думаю, что сегодня любой государственный деятель должен ответить на этот вопрос положительно.

Вольфсберг был австрийским лагерем. Мы не чувствовали себя ни иностранцами, ни чужаками – скорее мы были центром ограниченного круга заключенных, которые умели разнообразить свою жизнь с помощью художественного творчества, лекций и работы. Вскоре после моего прибытия ко мне подошел бывший майор СС и сообщил, что все готово для моего побега. Я поблагодарил его, но твердо заявил, что никогда не дам моим врагам (я не мог относиться к членам приговорившего меня трибунала никак иначе) повод думать, что они обошлись со мной по справедливости; я скорее готов был отказаться от шанса вырваться на свободу, поскольку воспользоваться им означало бы признать свою вину.

4 июля смертные приговоры, вынесенные мне и моим товарищам, были заменены пожизненным заключением. И тогда, и раньше я говорил, что это лишь сделало наше наказание еще более суровым. Когда один английский полковник как-то спросил

меня, почему я так считаю, я ответил ему, что всему есть предел: для меня, германского фельдмаршала, убежденного в своей невиновности, расстрел был бы достойным концом, в то время как жизнь в тюрьме с преступниками – унижение и позор.

В октябре 1947 года фон Макензена, Мельцера и меня перевели из Вольфсберга в Верль. Это еще больше укрепило связывавшие нас товарищеские узы. У нас сложилось впечатление, что сопровождавшие нас офицеры конвоя своими подчеркнутыми проявлениями заботы старались продемонстрировать, что несогласны с приговором и с тем, как он исполняется, – видно, даже у них он не укладывался в голове. Когда за нами закрылись огромные ворота тюрьмы в Верле, мы испытали ощущение, сходное с физической болью, поскольку нас разом отрезали от всего остального мира. То, что для тюремного персонала мы ничем не отличались от профессиональных преступников, стало ясно уже в тот момент, когда нас отвели в кабинет заместителя начальника тюрьмы, который проинформировал нас о том, что нам позволены лишь те привилегии, которыми могло пользоваться уголовное отребье.

Время в тюрьме тянулось медленно. Скука и уныние, терзавшие меня до 1950 года, затем стали до некоторой степени компенсироваться более мягким обращением. Я пришел в большое замешательство, когда оказалось, что мы можем передавать наши просьбы германским, а в особенности баварским властям только с одобрения британских и американских контролирующих органов. Впрочем, последние со своей стороны делали максимум возможного в плане соблюдения и выполнения наших экономических прав и пожеланий – например, выплаты денежного пособия как военнопленным или компенсации как осужденным. Помимо подполковника Викерса, последнего начальника союзнической тюрьмы, доброта и любезность которого ограничивались лишь действовавшей системой запретов, мне хотелось бы вспомнить генерала Бишопа, чье вмешательство дало первый толчок к дальнейшему улучшению нашего положения. Из юристов я упомяну лишь одного – сэра Альфреда Брауна, старшего юридического советника британского верховного комиссара. Он великодушно помогал нам и, будучи ответственным юристом, явно испытывал внутренние терзания из-за того, что был вынужден представлять систему правосудия, которая в нашем случае показала себя не с лучшей стороны. Гораздо менее благоприятное впечатление произвел на меня некий заслуженный генерал, который, окинув беглым взглядом мою холодную, сырую и негостеприимную камеру, отпустил поразившее меня замечание: «Очень хорошо!»

Моя работа в тюрьме заключалась в склеивании бумажных мешков. По всеобщему признанию, для шестидесятипятилетнего фельдмаршала я неплохо справлялся с этим делом. Мои товарищи, в основном такие же «военные преступники», были хорошими людьми и облегчали мне работу и мою тюремную жизнь. Когда через несколько месяцев меня спросили, как мне нравится моя работа, я ответил: «Она совсем неплоха. Даже в самых смелых мечтах я никогда не представлял себе, что стану склейщиком бумажных мешков».

Следующий день был последним днем, когда я занимался ручным трудом. В дальнейшем я получил возможность взяться за изучение истории.

В одно прекрасное утро мы были уведомлены о том, что через полтора часа нас переведут в другой блок. Причину этого перевода нам не сообщили; мне она неизвестна до сих пор, но, скорее всего, тюремное начальство решило поместить нас под присмотр британцев, поскольку именно они стали нашими новыми сокамерниками. Это было плохое время. Любой, кто осмеливался заговорить с нами, подвергался остракизму. Даже священник беседовал с нами в присутствии надзирателя. Во время одного из посещений моя жена передала мне несколько пирожных и лепешек, поскольку тюремная пища испортила мне желудок. Она принесла крохотную передачу немецкому представителю тюремной администрации, тот передал ее британскому, а тот, в свою очередь, в тюремную комендатуру, откуда ее должны были передать мне. Все это увидел случайно оказавшийся в комендатуре репортер одной английской газеты. Он тут же состряпал насквозь лживую статейку и отправил ее в свою редакцию. В статейке говорилось о том, что к нам непрерывным потоком идут передачи и что мы пожираем продукты, предназначенные для британцев, и тем самым фактически объедаем их. (Из предназначенных для британцев продуктов мы видели – и не более того! – лишь ежедневные пайки, выдававшиеся нашим британским сокамерникам. Те по сравнению с нами прямо-таки пировали, поскольку нам приходилось довольствоваться тошнотворным и явно недостаточно питательным немецким супом.) В статье упоминались и другие излишества, якобы присущие нашей тюремной жизни. Результатом ее публикации стало то, что трех британских представителей тюремной администрации, в том числе начальника тюрьмы, перевели куда-то в другое место.

И все же мы пережили и эти трудные времена. Луч надежды блеснул для нас, когда нам разрешили посещать отдельный этаж в перестроенном тюремном крыле, на котором размещались

хорошо обставленные столовая и комната отдыха. Вклад простых немцев в это доброе дело показал, что мы способны на практике осуществлять христианские заповеди. Хочется особо поблагодарить фрау Вик, «верльского ангела», неутомимую женщину, являвшуюся вице-председателем вестфальского отделения Красного Креста.

С другой стороны, вопрос об изменении наших приговоров по-прежнему не рассматривался. Британские власти упрямо стояли на своем, не обращая внимания на накопление весьма убедительных улик, свидетельствовавших о нашей невиновности, а также дополнительных свидетельских показаний, которые не могли быть представлены суду во время процесса. Я просто не мог представить себе, что ответственные британские деятели были в состоянии поверить, будто суд над нами проходил с полным соблюдением законности – и это при том, что даже адресованное прессе открытое письмо Киркпатрика вызвало определенные сомнения. Заявления британского верховного комиссара полностью противоречили нашим сведениям по делам каждого из нас, которые считали субъективными, но которые были глубокими и всеобъемлющими. По упомянутым причинам я решил, предварительно заручившись согласием федерального канцлера, обратиться с петицией к спикеру палаты общин британского парламента и потребовать, чтобы дела, касающиеся военных преступлений, были расследованы, как в общем, так и в юридическом аспекте, смешанной парламентской комиссией непосредственно на месте, то есть в Верле. Приняв во внимание присущее независимым парламентариям чувство справедливости, я предположил, что такая комиссия может занять позицию, противоположную той, которую занял в свое время суд, принять во внимание многочисленные и разнообразные недочеты и пробелы в документах процесса и предложить какой-то выход из сложившегося положения. Однако мне запретили осуществлять это мое намерение. А жаль! {18} Я понимаю, что подчиненные должны выполнять распоряжения своих начальников, даже если они сомневаются в их правильности; мне не хочется поднимать вопрос о том, что после 1945 года многие из нас, немцев, были приговорены к смерти или к длительным срокам тюремного заключения именно за то, что мы выполняли приказы. И тем не менее, я никогда не мог понять причин, по которым власти отказывались пересмотреть наши дела – ведь справедливость должна торжествовать даже тогда, когда это не по вкусу общественному мнению.

Трудно также понять их попытки спрятаться за пакт четырех держав, поскольку он к тому времени уже потерял свою законную

силу, да и обстоятельства, ставшие причиной его заключения, изменились; в любом случае, пакт, который дезавуирован, не может рассматриваться как имеющий юридическую силу международно-правовой документ.

Когда в 1947 году меня приговорили к смерти, я решил, что у меня хватит мужества лицом к лицу встретить все то, что мне предстояло. Я прожил большую жизнь, и мне казалось, что мне не суждено открыть для себя ничего нового. Сегодня, через пять лет после этого, я должен признаться, что в моей жизни, внешне столь неприглядной и тяжелой, появились новые источники утешения. Я давно привык в конце дня размышлять над уроками, которые он мне преподал, но у меня никогда не было времени, чтобы посмотреть на себя самого, на все, что меня окружало, и на происходящие события как бы со стороны, попытаться заглянуть в будущее. И я решил попробовать быть объективным, отнестись к моим разочарованиям как к симптомам болезни века, справиться с ненавистью и желанием отомстить и постараться сделать так, чтобы на смену им пришло понимание. С учетом этого обстоятельства было вполне естественно, что именно я стал посредником между моими товарищами по несчастью и тюремной администрацией. Постепенно мои усилия были вознаграждены тем, что к нам стали относиться с большим сочувствием. В нас стали видеть людей и солдат, порожденная пропагандой ненависть стала исчезать. Нашлись люди, которые оказались достаточно великодушными для того, чтобы, несмотря на преобладающую вокруг нас атмосферу враждебности, заступаться за нас. Я уже говорил об этих людях, облегчивших условия нашего существования. Они сделали гораздо больше, чем те, что посвящали все свои усилия нашему «перевоспитанию». Сердце и душа в таких вещах значат гораздо больше, чем сомнительные эксперименты.

За время моего заключения произошло много такого, что могло показаться забавным для человека, прежде занимавшего высокое положение. Чем более удален человек от ежедневной суеты, богатой всевозможными событиями, тем легче ему проникать в самую суть происходящего. Я всего лишь произношу трюизм, когда говорю, что наши действия в войне можно назвать до некоторой степени успешными. Лидделл Харт подтверждает это. Однако я помню, как, в противоположность его мнению, в целом ряде высказываний и в статьях, написанных немцами, упоминалось о «гениальности», а выражаясь более прямо – об идиотизме германского командования. Если верить этим статьям и высказываниям, германский пехотинец был жалким, забитым существом, страдавшим от жестокого обращения со стороны

начальства и постоянно им запугиваемым. Будучи военным с более чем сорока годами службы за плечами и имея основания считать, что, несмотря на мою суровость и требовательность, я пользовался определенной популярностью у личного состава, должен заявить, что я не понимаю подобную журналистику. Я готов допустить, что были допущены ошибки. Но из того, что в первые годы войны мы в сжатые сроки победоносно завершали все кампании, можно сделать вывод, что нам противостояли еще большие невежды, командовавшие войсками альянса. Еще более удивительным для любого здравомыслящего человека являются раздающиеся подчас заявления о том, что наше военное образование и обучение были совершенно негодными и что мы должны пересмотреть все наши военные концепции и взгляды в соответствии с демократическими принципами – теми, например, на которых строится армия США. Подобные вещи недоступны моему пониманию.

Мне выпала честь командовать многими лучшими германскими дивизиями, и я знаю, что победы германского оружия были бы невозможны, если бы не настоящее боевое товарищество, существовавшее между солдатами и офицерами. Мне доставляло огромное удовольствие видеть проявления этого товарищества во время моих инспекционных поездок на передовую. Предметом моей особой гордости является образцовое поведение немецких солдат в 1945 году, в период капитуляции наших войск. Действия наших военнослужащих в то время были настоящим триумфом дисциплины, военной выучки и гармоничных отношений между командирами и личным составом частей и подразделений. Есть много вещей, которые мы можем изменить; мы умеем приспосабливаться к требованиям прогресса и усваивать ценные уроки нового. Но мы должны сохранять наш национальный характер и с уважением относиться к нашим традициям. В противном случае мы можем превратиться в народ без корней.

Решение написать эту книгу было для меня нелегким. Но в конце концов я все же принял его, чтобы внести свой вклад в дело правдивого освещения довольно большого периода истории Германии и возведения нерукотворного памятника нашим замечательным солдатам, а также надеясь помочь миру увидеть лицо войны во всей его мрачной целостности. Молодым людям я хотел бы сказать, что смысл жизни состоит в том, чтобы стараться поступать правильно и справедливо, и что никто в этом мире не совершенен. Древняя пословица «errare humanus est» (человеку свойственно ошибаться. – Примеч. пер.) звучит как обращенный к людям призыв действовать по своему усмотрению и как

предупреждение, смысл которого сводится к тому, что не следует торопиться судить других.

Примечания

{1} Фуллер в своей книге «Вторая мировая война» пишет, что успех кампании определяли не количественные характеристики, а быстрота действий авиации и танков, которые осуществляли операции как единое целое, поддерживая друг друга.

{2} В численном отношении между сухопутными силами противоборствующих сторон было примерное равенство – около пятидесяти германских дивизий противостояли приблизительно сорока польским дивизиям и десяти кавалерийским бригадам. Германские войска были лучше вооружены и обучены – тем более, что поляки не успели завершить мобилизацию.

{3} Немецкое название г Щецина в Польше. (Примеч. ред.)

{4} Согласно докладу 9-й авиагруппы, к 31 июля общее водоизмещение потопленных ею кораблей и судов противника составило 950 000 тонн.

{5} Эти данные взяты из книги Баумбаха «Zu Spat». Плоец в своей «Истории Второй мировой войны» (Билефельд, 1951 год) оценивает численность 2-го и 3-го воздушного командования в 1361 бомбардировщик и 1308 истребителей. Вероятно, последняя цифра включает в себя 400 недопоставленных истребителей, о которых сказано выше.

{6} Черчилль таким образом выражает точку зрения англичан на этот счет: «Немецкие транспортные самолеты, помеченные красным крестом, начали появляться над проливом в июле и августе всякий раз, когда возникал воздушный бой. Мы не признавали их средством спасения пилотов противника, самолеты которых оказывались сбитыми в ходе боестолкновений, поскольку спасенные летчики могли снова сесть за штурвал и бомбить наше гражданское население. Мы сами спасали их во всех случаях, когда это было возможно, и превращали в военнопленных. Однако все немецкие воздушные кареты „скорой помощи“ наши истребители в соответствии с совершенно определенным приказом, одобренным военным правительством, вынуждали совершить посадку либо сбивали».

Можно спорить по поводу справедливости и допустимости упомянутого приказа; однако у любого, кто, подобно мне, видел, как «харрикейны» в нарушение международного права то и дело атакуют немецкие санитарные самолеты и экипажи, оказавшиеся в воде, может быть только одно мнение на этот счет.

{7} Проведем краткое сравнение численности немецких и британских ВВС. Я вынужден опираться на цифры, приводимые Черчиллем, поскольку у меня нет доступа к немецким

документам. Опыт показывает, что количество реально используемых в боевых операциях самолетов на 30 процентов меньше их общей численности; это необходимо иметь в виду. Черчилль в своей книге «Их звездный час», в главе XVI и приложениях С-2, 3 и 4, утверждает, что в боевых действиях в период с 10 июля по 31 октября в среднем принимало участие:

a) у Германии истребители

«Ме-109» 850, «Ме-110» 350 – всего 1200 минус 30% – 840 истребителей бомбардировщики «штукас» 346 другие 1015 всего – 1361 минус 30% – 950 бомбардировщиков (прибл.)

b) у Англии истребители «харрикейны» и «спитфайры» 608 минус 30% – 430 истребителей (прибл.)

Эта цифра не включает в себя ночных истребителей «блейхейм» и «дефайант», которые в дневное время использовались лишь в ограниченных масштабах. бомбардировщики 510 минус 30% – 360 бомбардировщиков (прибл.)

Добавлю, что в случае вторжения в воздух были бы подняты все пригодные для этого немецкие самолеты, что означало бы значительное увеличение боевой мощи. Однако сравнение численного состава, приведенное выше, наводит на размышления: 840 немецких истребителей против 430 английских; 950 бомбардировщиков у Германии против 360 у Англии.

{8} Фантастическая идея использования Египта в качестве базы для вторжения в Россию через Кавказ, если она и обдумывалась когда-либо всерьез в ставке Верховного главнокомандования (в чем я сомневаюсь), так и осталась умозрительной и весьма путаной теорией. Реализация любого подобного плана потребовала бы охраны наших тыловых коммуникаций, а следовательно – оккупации Мальты.

{9} Эта отличная дивизия быстро и с большим успехом прошла курс обучения под руководством нашего энергичного генерала парашютно-десантных войск Рамке.

{10} «28 августа одиночный „мэриленд“, совершавший разведывательный полет, обнаружил к западу от Крита группу судов, сопровождаемых большим количеством эсминцев. Незадолго до наступления темноты группа „веллингтонов“ и „либерейторов“, несущих на борту бомбовый груз, а некоторые из „веллингтонов“ – торпеды, была поднята в воздух с заданием уничтожить конвой. Первым успеха добился бомбардировщик. Севернее Дерны он атаковал танкер, который взорвался. Один этот взрыв лишил немецкие танки возможности проехать несколько миль по пустыне. Эсминцы принялись сновать вокруг судов, ставя дымовую завесу. В воздух была поднята вторая

группа „веллингтонов“ с бомбами и торпедами на борту, чтобы атаковать еще один оставшийся на плаву танкер и грузовые суда. Бомбардировщику удалось поразить одно из них, и оно взорвалось с такой силой, что самолет тряхнуло. Один из „веллингтонов“, вооруженных торпедами, обнаружил, что второй танкер вез высококачественный авиационный бензин для „мессершмиттов“. (Выдержка из «R. A. F. Middle East (H.M. Stationery Office, 1945). – Примеч. издателя.)

{11} Шейдеман, провожая меня к Роммелю, сказал мне, что приказ об отступлении был отдан из-за ошибочного сообщения воздушной разведки; ему пришлось выслушать самые горькие упреки. Он также сообщил мне, что на рассвете сам поднимался в воздух и, лично осмотрев местность, подтвердил данные воздушной разведки предыдущего дня, согласно которым ни в оазисе Сива, ни в низине Каттара войск противника не было. По всей видимости, Роммель стал жертвой недостоверной информации итальянцев. С помощью этих сведений мне хотелось бы внести коррективы в утверждения, содержащиеся в книге «Война без ненависти».

{12} Мне доводилось читать, что Роммель помимо этого отправил в ставку фюрера своего личного представителя – доктора Берндта.

{13} Панцер-гренадерскими называли пехотные дивизии, усиленные бронетехникой. (Примеч. пер.)

{14} Приведу красноречивый пример того, как строилась при Гитлере работа разных ведомств: только после окончания войны я узнал, что в разведывательной службе в Риме работали агенты Гиммлера. Их информация не доводилась до меня или посла, а ложилась на стол непосредственно Гиммлеру и Гитлеру.

{15} I. Перечень и дислокация германских частей и соединений на 8.09.1943 года

А) Командование Южного фронта (фельдмаршал Кесселъринг):

1. 10-я армия, состоящая из 14-го танкового корпуса (входившая в его состав 16-я танковая дивизия частично участвовала в боях, а частично находилась в резерве или сменяла на позициях итальянские войска) и танковой дивизии «Герман Геринг» (одна часть ее личного состава находилась на отдыхе, другая участвовала в боевых действиях).

76-й танковый корпус, задействованный в боях против британской 8-й армии в Калабрии. Состоял из 29-й танковой дивизии (переброшенной с Сицилии и нуждавшейся в отдыхе), 26-й танковой дивизии и 1-й парашютно-десантной дивизии в Апулии. Третья часть личного состава двух последних

соединений находилась в резерве в тылу фронта в районе Салерно.

2. 11-й зенитный корпус, находившийся в районе Рима. В его состав входили 3-я панцер-гренадерская дивизия (озеро Больсена, Леггорн и южнее) и 2-я парашютно-десантная дивизия, дислоцировавшаяся к югу от Рима.

3. 90-я панцер-гренадерская дивизия и инженерно-саперная бригада на Сардинии.

4. Бригада СС «Рейхсфюрер» на Корсике.

5. 2-й воздушный флот, располагавший сильными военно-воздушными и зенитными частями, размещался на Апеннинском полуострове, на Сардинии и на Корсике.

6. Военно-морское командование, располагавшее легкими надводными кораблями в Тирренском море.

B) Группа армий B (фельдмаршал Роммелъ):

1. 87-й армейский корпус, включавший в себя 76-ю, 94-ю и 305-ю пехотные и 24-ю танковую дивизии.

2. 51-й горнострелковый корпус, включавший в себя танковую дивизию СС «Адольф Гитлер», 65-ю пехотную дивизию, 44-ю пехотную дивизию и горнострелковую бригаду Доэля.

3. Корпус Виттгофта, состоявший из 71-й пехотной дивизии и отдельных частей и подразделений.

II. Германской сухопутной группировке, дислоцировавшейся в Южной Италии, в том числе в Риме, и состоявшей из восьми дивизий, противостояли десять дивизий и несколько бригад противника, а также две воздушно-десантные дивизии и пять итальянских – всего семнадцать дивизий.

III. С немецкой стороны в Южной Италии сражались восемь дивизий. В Северной Италии находились еще восемь с половиной дивизий, которые не принимали участия в решающих боях. Двух из. них было бы достаточно, чтобы не дать противнику высадиться в Салерно.

{16} «Народным истребителем» называли «Хейнкель-162» – скоростной реактивный самолет, который, как надеялся Гитлер, будучи запущенным в массовое производство, мог бы производиться с минимальными затратами. Этими истребителями фюрер намеревался буквально затопить небо. (Примеч. пер.)

{17} Я не информировал о переговорах с американцами никого из моих офицеров, даже начальника штаба, не желая их компрометировать.

{18} 15 июля 1952 года фельдмаршал Кессельринг был освобожден под честное слово и прооперирован профессором Бюркле де ла Кампом. 24 октября он был помилован и

освобожден окончательно.